БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Гр. АДАМОВ

ТАЙНА ДВУХ ОКЕАНОВ

Тайна двух океанов

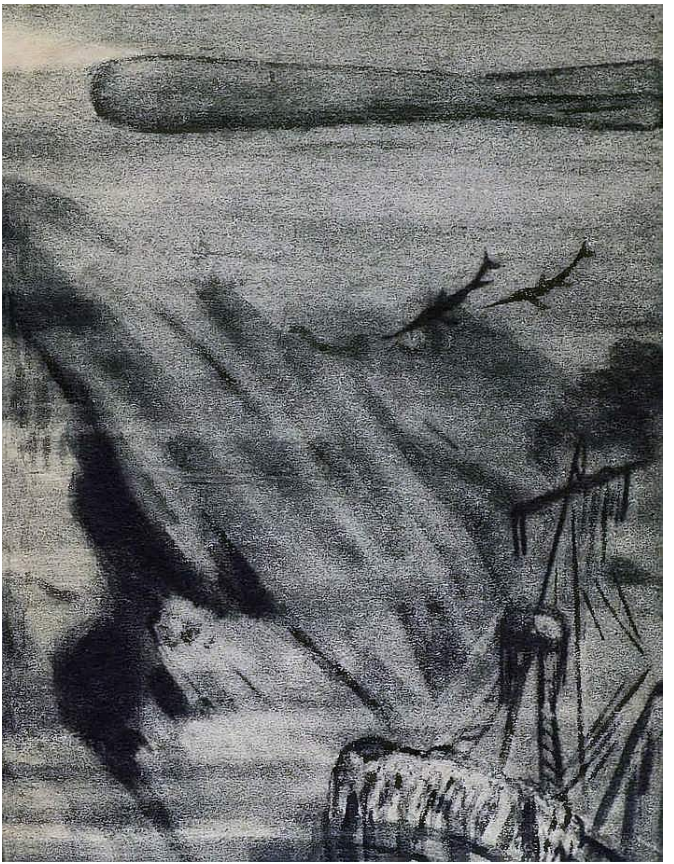
Григорий Борисович Адамов

Аннотация
Григорий Адамов. ТАЙНА ДВУХ ОКЕАНОВ
Часть первая. НЕОБЫЧАЙНЫЙ КОРАБЛЬ
Глава I. Прерванный разговор
Глава II. Подводные встречи
Глава III. После сражения
Глава IV. Гибель «Диогена»
Глава V. Перемена маршрута
Глава VI. Среди друзей
Глава VII. Подводная лодка «Пионер»
Глава VIII. Клочок бумаги
Глава IX. В чаще водорослей
Глава X. Испанская каравелла
Глава XI. Погоня
Глава XII. На спине кашалота
Глава XIII. Бомбардировка глубин
Часть вторая. ТАЙНЫ ОКЕАНА
Глава I. Экскурсия
Глава II. Неожиданное нападение
Глава III. Погребенные в иле
Глава IV. Две раскрытые тайны
Глава V. Лорд в опасности

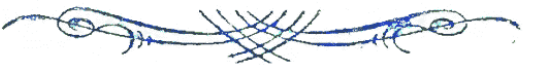
Глава VI. Битва в пещере
Глава VII. Ложь
Глава VIII. Страдания профессора Лордкипанидзе
Глава IX. Атака магнитных торпед
Глава X. Два разговора
Глава XI. У Огненной Земли
Глава XII. Последнее усилие Скворешни
Глава XIII. Скромные расчеты
Часть третья. РОДИНА ЗОВЕТ
Глава I. В ледяном плену
Глава II. Поиски выхода
Глава III. Пушка и накал
Глава IV. Сквозь скалу и лед
Глава V. Южный тропик
Глава VI. На борту крейсера
Глава VII. После взрыва
Глава VIII. У подножия острова
Глава IX. Тайна острова Рапа-Нуи
Глава X. Экспедиция за электротоком
Глава XI. Решительный бой
Глава XII. «Человек за бортом!»
Глава XIII. К родным берегам

Аннотация

Рисунки *В. Ермолова*.



БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ



МОСКВА 1941 ЛЕНИНГРАД

Гр. АДАМОВ

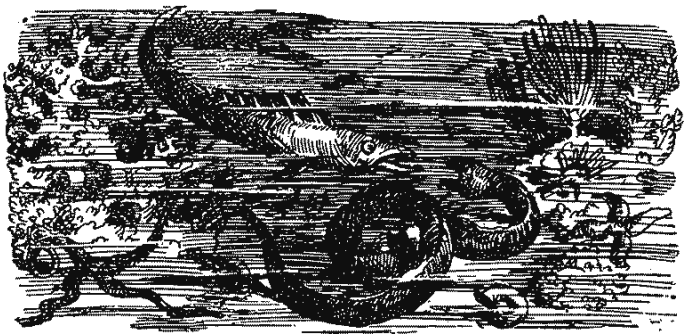
ТАЙНА ДВУХ ОКЕАНОВ

Второе издание

Рисунки
В. ЕРМОЛОВА

ЦК ВЛКСМ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Григорий Адамов
ТАЙНА ДВУХ ОКЕАНОВ



Часть первая
НЕОБЫЧАЙНЫЙ КОРАБЛЬ
Глава I
Прерванный разговор

До рассвета оставалось уже немного. Из комнаты на четырнадцатом этаже, сквозь щелку между плотными портьерами, во влажную темноту двора пробивалась слабая, едва заметная полоска света.

Маленькая настольная лампа под низким черным абажуром бросала яркий конус света на небольшой участок географической карты, разложенной на столе. Все кругом терялось в густом сумраке.

Два человека склонились над картой. Их лица были неразличимы, в полумраке мерцали лишь глаза: одни — узкие, косо поставленные, тусклые, равнодушные; другие — большие, горящие, глубоко запавшие в черноту глазниц. Смутными контурами проступали фигуры этих людей.

Сидевший у стола, небольшого роста, коренастый и сильный, с выправкой военного, поднял голову и, не снимая пальца с точки в центре Атлантического океана, спросил:

— Точные координаты Саргассовой станции неизвестны?

— Нет, капитан.

— Я вас неоднократно просил, Крок, не называть меня так.

Крок выпрямился. Он был очень высокого роста, широкий в кости, с длинными руками.

— Простите, Матвей Петрович, — проговорил он глухим голосом. — Я все забываю об этом.

— Ваша забывчивость может нам когда-нибудь очень дорого обойтись. Если вы для меня Крок, и только Крок, то и я для вас — запомните раз и навсегда! — всего лишь якут, инженер, Матвей Петрович Ивашев.

Матвей Петрович говорил очень правильным русским языком, с твердыми, ясными окончаниями слов, с той правильностью, которая легче всего выдает иностранца.

— Слушаю, Матвей Петрович. Больше этого не будет. — Слегка поклонившись, Крок продолжал: — Повторяю, координаты пока мне неизвестны. Я их узнаю лишь на месте. Думаю, что станция будет где-то здесь, в этом районе.

Он положил в ярко освещенный круг на карте широкую руку с длинными сильными пальцами и остро очиненным карандашом обвел

небольшое пространство к востоку от Багамских островов.

— Ну, этого, конечно, мало. Как только точные координаты станут вам известны, сообщите их «Леди Макбет». Она укажет вам, когда следует пустить пояса. Ваши позывные — ИНА2, позывные «Леди Макбет» — ЭЦИТ.

— Слушаю, Матвей Петрович. Ей известно, что гидроплан должен будет взять меня?

— Конечно… (Кроку почудилась на лице Матвея Петровича тень любезной улыбки.) Мы не допустим, чтобы Анна Николаевна выплакала прелестные глазки по своему жениху.

Крок сдержанно поклонился, помолчал, потом нерешительно проговорил:

— Я хотел бы, Матвей Петрович, еще раз повторить наши условия; я обязан сообщить вам координаты первой длительной остановки — и больше ничего. Вы, со своей стороны, должны были добиться немедленного освобождения Анны Николаевны. Надеюсь, что теперь, после того как я согласился на эти условия, она свободна?

— Я уверен в этом… Как только мы с вами договорились, я немедленно послал радиограмму. Что же касается наших условий, то мы ждем от вас только сообщения координат длительных

остановок по всему пути следования судна.

Крок вздрогнул и торопливо, с тревогой в голосе сказал:

— Как? По всему пути следования? Но ведь речь шла только о первой станции! И после первого же моего сообщения меня должен был взять гидроплан с «Леди Макбет». Я не понимаю, Матвей Петрович… Вы ставите теперь новые условия. Мы об этом не говорили.

— Ну, Крок, разве это так уж важно? Главный штаб внес это незначительное изменение, предусматривая различные случайности, которые могут помешать нам использовать ваше первое сообщение. Стоит ли из-за этого спорить? Единственным неприятным последствием для вас может явиться лишь отсрочка на несколько дней перехода на наше судно.

— Нет, нет, Матвей Петрович! — взволнованно возразил Крок. — Выходит, что я должен систематически информировать вас. Это не то… Это слишком…

— Какая разница, дорогой Крок? — пренебрежительно усмехнулся Матвей Петрович. — Один раз или два-три раза. По существу, это ведь одно и то же. Впрочем, если это вас не устраивает, у меня есть еще время сообщить главному штабу

о вашем отказе. Анна Николаевна, вероятно, с горьким недоумением примет свое возвращение в только что оставленную ею неуютную обстановку…

Большими шагами Крок несколько раз прошелся по комнате, нервно потирая рукой бритый подбородок. Наконец он остановился у стола и хрипло сказал:

— Матвей Петрович, я не возражаю. Но я хочу быть уверенным. Вы должны мне дать слово дворянина… слово самурая, что с этого момента Анна Николаевна совершенно исключается из игры и что при всех обстоятельствах я буду снят с судна до его прибытия в конечный пункт.

— Крок! Вы можете не сомневаться, что ваши желания будут исполнены в точности. Даю вам слово! Кстати, Крок, когда вы должны закончить свой рейс? Вы понимаете, насколько нам необходимо это знать в связи с вашим вторым требованием?

Крок молчал, опустив голову. Полоска света упала на его высокий лоб; мелкие капельки пота сверкали на нем. Крок достал платок и вытер пот, тяжело дыша и продолжая молчать.

— Ну? — настаивал Матвей Петрович, не дождавшись ответа. — Чего вы стесняетесь? Как

мы сможем подготовить ваш переход на наш корабль, не зная сколько времени в нашем распоряжении?

— Я не знаю, — глухо ответил Крок, не поднимая головы и опускаясь на стул по другую сторону стола.

— Этого не может быть! — резко возразил Матвей Петрович, ударив ладонью по карте. — Вы требуете от меня обязательств, не давая мне возможности выполнить их! Это нелогично. И, наконец, какая разница между информацией о координатах и информацией о сроке прибытия? Почему вы первую можете давать, а от второй отказываетесь? Типичная противоречивость широкой славянской души.

Матвей Петрович с досадой откинулся на спинку стула, перекинул ногу на ногу и забарабанил пальцами по столу.

— Перестаньте жеманничать и ломаться, Крок! — решительно продолжал он после минутного молчания. — Я должен знать срок. Если вы не скажете, то наше соглашение аннулируется. И не только соглашение. Мы больше не будем заинтересованы в вашем благополучии. Не забывайте, что все ваши расписки старик Абросимов передал в наше распоряжение. И ваша записка ко мне

тоже в надежной сохранности… Ну! — досадливо и с нетерпением закончил Матвей Петрович. — Срок! Срок! Стоит ли ссориться друзьям из-за такого пустяка!

Крок порывисто встал со стула, быстро прошелся два раза по комнате и, резко остановившись у стола, запинаясь, произнес:

— Хорошо… Но я не уверен… Я слышал, что срок назначен на двадцать третье августа…

Словно от удара электрического тока, Матвей Петрович привскочил и тут же медленно опустился на стул. Коричнево-желтое лицо его окаменело, глаза спрятались под опущенными раскосыми веками.

— Вот как! — пробормотал он, видимо с трудом подавляя волнение. — Двадцать третье августа? Это… это очень интересно…

Помолчав, он продолжал уже спокойнее:

— Теперь все ясно, любезный Крок. Конечно, до двадцать третьего августа мы успеем снять вас с судна. «Леди Макбет» или другой наш корабль даст вам своевременно знать об этом… — И, словно забыв о присутствии Крока, устремив глаза в пространство, он медленно и задумчиво повторил: — Двадцать третьего августа… Что это? Случайность?… Или им стало известно?…

Наконец Матвей Петрович встряхнулся, взял карандаш и, поиграв им, переменил разговор:

— Что вы думаете, Крок, делать, когда приедете к нам? Ведь вы будете богатым человеком… — И, сдержанно улыбнувшись, добавил: — Обладателем прекрасной жены… и не менее почтенного тестя.

— Не знаю еще, Матвей Петрович, — глухо и неохотно ответил Крок. — Может быть, уеду в Америку. Меня неоднократно приглашали туда на работу.

— О Крок! — обиженно сказал Матвей Петрович. — Если вы намерены продолжать работать, неужели вы думаете, что вас, талантливого инженера, специалиста по реактивным двигателям, недостаточно оценят в моей стране? Я надеюсь, когда вы поживете у нас, вы перемените свое мнение и свои намерения… Ну-с, а теперь вернемся к делу. — Матвей Петрович наклонился над картой и продолжал: — В следующем, самом удобном пункте — Гибралтаре — вас будет поджидать…

Внезапно, не закончив фразы, он поднял голову и прислушался. Встревоженный Крок повернул лицо к дверям и замер на месте. В наступившей мертвой тишине донеслись отдаленные, чуть слышные шорох и движение. Матвей Петрович

мягко, неслышно, как кошка, вскочил со стула.

— Внимание! — прошептал он. — Все документы и бумаги о походе — на стол!

Он выхватил из бокового кармана несколько тонких бумажек с рядами цифр, чертежами, рисунками и швырнул все это на стол. Потом, бросившись в один из углов комнаты, быстро, но тихо выдвинул из высокой шифоньерки ящик, сгреб в горсть все его содержимое и тоже бросил на стол.

Крок в это время дрожащими руками шарил в своих карманах, доставая оттуда бумажки. Его движения совсем не были похожи на быстрые, четкие, уверенные движения Матвея Петровича. Крок беспорядочно хлопал себя по карманам, хватал со стола то одну, то другую бумагу, пробегал ее глазами, совал обратно в карман и через мгновение вновь выхватывал оттуда, чтобы опять положить на стол.

— Вы уверены, что это… что это… к нам? — спросил он глухим, прерывающимся шепотом.

— Да! — коротко бросил Матвей Петрович и, нагнувшись, вытащил из-под кровати большой эмалированный таз.

В передней послышался короткий звонок. Крок пошатнулся и оперся рукой о стул. Даже сквозь

полумрак комнаты можно было различить, как побледнело его лицо.

— Бросайте все эти бумаги в таз! — приказал Матвей Петрович.

Крок почувствовал, что его руки сразу сделались вялыми и непослушными. Он захватил бумаги со стола и побежал с ними к тазу. Несколько бумажек, трепеща и колыхаясь, упали на пол.

— Вы с ума сошли! — прошипел Матвей Петрович, подбирая бумажки. — Вы нас погубите!

Раздался второй, длительный и резкий, звонок.

— Подожгите бумаги и скорее надевайте плащ! Матвей Петрович, обнаруживая неожиданную силу, начал придвигать к дверям тяжелый книжный шкаф. Из передней послышался гулкий удар, другой, и потом треск дерева. Спички ломались, вспыхивали и тухли в дрожащих руках Крока.

— Проклятие! — выругался Матвей Петрович. — Вы всегда будете таким трусом? Давайте спички! Наденьте плащ — и в окно! Живо!

Шкаф уже стоял у дверей, когда передняя наполнилась сдержанным шумом и топотом ног. Послышался повелительный голос:

— Ивашев, откройте! Мы знаем, что вы здесь!

В углу комнаты вспыхнуло яркое пламя и на

мгновение осветило сутуловатую фигуру Крока, закутанную в черный широкий и длинный, до пят, плащ, и плотную, коренастую фигуру Матвея Петровича.

Матвей Петрович одним прыжком очутился у стола, потушил лампу и толкнул Крока к окну.

— Ваша жизнь теперь дороже моей, — прошептал он, вкладывая ему в руку шнур с петлей. — С вашей жизнью связан успех всего дела, победа или поражение моей родины. Спасайтесь! Я их задержу здесь, сколько смогу, и последую за вами. Прыгайте и сейчас же дерните за петлю!

Он раздвинул тяжелые портьеры и открыл окно. В лицо пахнуло влажной свежестью, мелкие брызги покрыли подоконник. Вдали, из черноты ночи, сквозь дождь и водяную пыль, пробивались редкие, окруженные оранжевым ореолом огни окраинных улиц Ленинграда.

Дверь, удерживаемая тяжелым шкафом, уже трещала под натиском.

Крок стоял на подоконнике, переминаясь с ноги на ногу и судорожно вцепившись одной рукой в раму окна. Под ним чернела пропасть в четырнадцать этажей.

— Да прыгайте же, черт вас возьми! — почти задохнувшись от ярости, прорычал Матвей Пет-

рович и, рванув Крока за руку, изо всей силы толкнул его во тьму.

Со сдавленным криком Крок полетел вниз, и сейчас же что-то хлопнуло, как пробка, вылетающая из бутылки с шампанским.

Матвей Петрович выглянул из окна, прислушался, кивнул головой и резко повернулся к дверям. В слабом свете замирающего бумажного костра он заметил, как шкаф угрожающе качнулся под напором из передней. Поворошив на бегу бумажную кучку в тазу, Матвей Петрович кинулся к баррикаде.

В то же мгновение мощный удар сорвал двери с петель и опрокинул высокий, тяжелый шкаф. Грохот, треск, звон разбитых стекол заполнили комнату. Через сорванные двери по упавшему шкафу вбежали люди. Вспыхнувшие лампы осветили рассыпанные по полу книги и осколки стекла, среди которых неподвижно лежал на полу, наполовину придавленный шкафом, Матвей Петрович. Кровь из разбитой головы залила его лицо, руки были раскинуты.

— Ерофеев и Петров, освободите раненого! — послышалась команда. — Максимов! Вызвать медкарету! Коваленко, ко мне! Помогите тушить огонь! Сорвите портьеру!

Молодой командир, со знаками различия лейтенанта государственной безопасности, подбежал к тазу. Выхватив из рук Коваленко портьеру, он набросил ее на горевшие бумаги.

— Придержите портьеру, пока совсем не потух-

нет, — обратился он к своему помощнику. — Не прижимайте бумаг, чтобы не испортить золу…

Лейтенант повернулся к раненому, который лежал уже на широком кожаном диване. Ерофеев и Петров смывали кровь с его головы. Через минуту послышался легкий стон. Матвей Петрович открыл глаза, и первое, что он увидел, был молодой командир, склонившийся над ним и пристально всматривавшийся в его лицо.

— Здравствуйте, капитан Маэда… Как вы себя чувствуете? Матвей Петрович приподнял голову, быстро оглядел комнату и, закрыв глаза, откинулся на подушку.

— Я протестую… против этого дикого нападения… Требую немедленно доставить меня в консульство, — проговорил он слабым голосом.

— Квартира советского подданного инженера Ивашева, насколько мне известно, не пользуется правами экстерриториальности, — улыбнувшись, ответил лейтенант. — Вам следовало открыть двери и назвать себя, капитан. Может быть, мы сумели бы тогда сделать церемонию нашего знакомства менее болезненной.

Матвей Петрович ничего не ответил и продолжал неподвижно лежать с закрытыми глазами.

— Кажется, потерял сознание, — заметил Ерo-

феев. В комнату вошел Максимов.

— Медкарета через десять минут прибудет, товарищ лейтенант, — доложил он.

— Отлично! Они его приведут в чувство, а пока сделайте ему первую перевязку. Потом займитесь обыском в этой комнате. Ерофеев, Петров и Коваленко — в остальных. Сергеев останется со мной. Все найденные бумаги — сюда, на стол. Делать все максимально внимательно и быстро!

Он повернулся к углу. Укрытый портьерой таз совершенно перестал дымить. Глаза лейтенанта внезапно остановились на шевелившихся от ветра портьерах другого окна. Он быстро бросился туда:

— Сергеев, это вы раскрыли окно?

— Нет, товарищ лейтенант. Оно, вероятно, было и раньше раскрыто.

Подбежав к окну, лейтенант резким движением раздвинул портьеры и выглянул наружу. Внизу, в плотной черноте, не видно было земли.

Лейтенант захлопнул окно:

— Сергеев, лампу сюда!

Под ярким светом настольной лампы лейтенант через сильную лупу сантиметр за сантиметром внимательно изучал подоконник.

— Здесь кто-то стоял… совсем недавно… Дождь

даже не успел смыть следа, — тихо проговорил лейтенант.

Перочинным ножом он осторожно снял с подоконника крохотную лепешку, черную и тонкую, не больше десятикопеечной монеты, и переложил ее на ладонь.

— Табак… зола… земля… — Понюхав и секунду подумав, добавил: — Из окурка, приставшего к каблуку или подошве.

— Ясно, товарищ лейтенант, — сказал Сергеев, светя лампой: — кто-то тут определенно стоял.

— Да, но кто именно? — задумчиво спросил лейтенант. Он опять стал осматривать подоконник через лупу.

— Здесь стоял человек… — все с большим убеждением и пристально всматриваясь в подоконник, тихо говорил лейтенант, — здесь стоял человек очень высокого роста, с очень большими ногами… Но кто же он? И куда девался? Неужели по веревке спустился с четырнадцатого этажа? Это немыслимо!

Лейтенант опять раскрыл окно и через лупу начал рассматривать наружный карниз. Никаких следов, царапин, повреждений на нем не было.

— Сергеев, спуститесь с Максимовым и осмотрите двор внизу, под этим окном.

Лейтенант вынул записную книжку, вырвал листок, завернул в него тонкую спрессованную лепешку из земли и табака и положил пакетик в книжку. Покончив с этим, лейтенант принялся за таз. Сняв портьеру, он увидел под ней груду полуобгоревших бумаг, записок, книжек, фотоснимков. Лейтенант осторожно вынимал все уцелевшие пепельные листочки и, внимательно просматривая их, раскладывал на столе, на географической карте. Кружок, очерченный карандашом восточнее Багамских островов в Саргассовом море, привлек его внимание. Задумавшись на минуту, он взял один из полуобгоревших листков. На нем видны были обрывки записей географических широт и долгот — градусы, минуты, секунды. Лейтенант углубился в изучение листка. Внезапно он уронил его на стол, резко повернулся и вскочил. В следующее мгновение два тела, свившись в клубок, покатились на пол. Возле них, коротко звякнув, упал финский нож.

Еще через минуту капитан Маэда лежал со стянутыми за спиной руками.

Лейтенант позвал Ерофеева. Вдвоем они перенесли капитана на диван. Возможно, что на этот раз японец действительно потерял сознание.

Вернулись Сергеев и Максимов. Они принесли большой черный плащ, застегнутый на многочисленные пуговицы. Множество тонких упругих и длинных — от воротника до низа — прутьев образовывало как бы внутренний каркас огромного зонтика. К нижним концам этих прутьев были прикреплены крепкие шелковые шнуры, которые сходились на внутреннем кольце, сделанном из широкого шелкового пояса.

— Где вы это нашли? — спросил лейтенант, с недоумением рассматривая странную находку.

— Как раз под этим окном, товарищ лейтенант, — ответил Сергеев. — Оно висело на дереве. Запуталось в ветвях.

— Теперь все понятно, — сказал лейтенант. — Это портативный парашют. С его помощью скрылся из этой комнаты второй — может быть, самый опасный преступник.

С улицы донесся громкий вой сирены: пришла медкарета. Капитана Маэду в сопровождении Ерофеева и Коваленко отправили в тюремную больницу.

Лейтенант и оставшиеся бойцы продолжали тщательный обыск.

Глава II
Подводные встречи

Бой подходил к концу.

Каракатица теряла силы. Уцепившись двумя руками за тонкий выступ скалы, она пыталась остальными восемью обвить скользкое, змеиное тело мурены. Обычно серая с зелеными полосками и пятнами окраска каракатицы, так хорошо скрывавшая ее на фоне покрытой водорослями скалы, теперь, в разгар битвы, непрерывно менялась от ярости и страха, и по телу пробегала дымка всех оттенков. Кольцо упругой кожи у основания рук растянулось, и из него выглядывал темно-бурый попугайный клюв — большой, твердый, острый, способный прокусить до мозга голову даже крупной рыбы. Два больших круглых глаза сверкали то розовым, то голубым, то серебристо-зеленым огнем. Как всегда на охоте за рыбами, каракатица пыталась подтянуть врага своими хватательными руками, усеянными бесчисленными присосками, к челюстям, чтобы прокусить ему череп. Но враг этот — большая, двухметровая мурена — был слишком велик, ловок и силен. Ярко-желтая передняя часть ры-

бы, толстая и круглая, мелькала в неуловимо быстрых движениях. Бесчисленные острые зубы рвали тело головоногого то с одной, то с другой стороны.

Старая, опытная каракатица, великан среди подобных ей, с честью выходившая до сих пор из многих сражений, впервые встретилась с таким неотразимым нападением. Она истощила уже почти весь запас чернильной жидкости, которой окрашивала вокруг себя воду до черноты. Она уже потеряла правый плавник и две руки, начисто отрезанные острыми зубами мурены. В этот критический момент она попробовала применить свое старое, испытанное средство в борьбе с длинномордыми рыбами. Взмахнув, как бичами, одновременно всеми шестью свободными руками, четырьмя короткими она обвила тело мурены, а две хватательные попыталась захлестнуть вокруг ее пасти. Но одна рука попала в пасть мурены и через мгновение бессильно повисла, извиваясь, как червяк. Другой рукой ей все же удалось сильно сжать страшные челюсти врага. Мурена яростно билась в этой петле. Ее длинное цилиндрическое тело свивалось в кольцо, потом разворачивалось, и темный хвост с ужасной силой бил по каракатице, прильнувшей

к скале. Понадобилось всего три таких удара, чтобы оглушенная каракатица ослабила петлю на пасти мурены. Еще несколько ударов — и пасть открылась, затем сомкнулась: длинная рука отделилась от головы и, свертываясь и развертываясь, медленно пошла ко дну.

Каракатица отцепилась от скалы и, окутав себя чернильным облаком, попробовала спастись бегством. Это ей, однако, не удалось. Вероятно, слишком мало чернильной жидкости оставалось уже у нее в кармане, и облако поэтому получилось очень прозрачным.

Через минуту, когда оно растаяло, можно было видеть торопливое и яростное пиршество мурены.

Вдали, в зеленовато-синем сумраке, мелькнуло темное, длинное и гибкое, как хлыст, тело с острой щучьей головой. Широкая пасть была полна крючковатых зубов, на конце челюсти торчали два громадных, похожих на клыки зуба. Сверкнуло серебристое брюхо.

Мурена заметила опасность лишь в последний момент. Едва успела она поднять кверху голову с раскрытой пастью, как ее толстая круглая шея почти скрылась в широкой пасти пришельца. Барракуда — страшилище антильских вод, — словно молния, поразила мурену.

Извиваясь и свиваясь, как две стальные пружины, огромные рыбы клубком вращались, почти касаясь дна, вздымая тучи песка и ила. Во все стороны летели поднятые мощными струями воды шоколадные голотурии, похожие на огурцы

с высокими мясистыми пупырышками; черные морские ежи, круглые, как хлебы, с растопыренными во все стороны длинными острыми иглами; желтые, зеленые, ярко-красные морские звезды, пятилучевые и многолучевые; офиуры с длинными, тонкими, как плети, лучами; разноцветные, покрытые слизью губки, «гигантские мокрицы», по двадцать-тридцать сантиметров в длину. Расползались задом наперед раки; торопливо, бочком, убегали крабы на высоких, как ходули, ножках, высоко неся свои толстые, мощные клешни. Рыбы разноцветным дождем летели подальше от этого страшного места.

Барракуда не выпускала мурену из своих как будто окаменевших челюстей. Она все глубже погружала свои ужасные зубы в тело жертвы. Наконец, с силой встряхнув мурену, она вырвала из ее толстой шеи огромный кусок мяса и мгновенно проглотила его. С глубокой раной, оставляя за собой широкую, расползающуюся полосу крови, мурена бросилась в бегство. Но с неуловимой стремительностью барракуда настигла и яростно принялась рвать и терзать свою добычу.

* * *

Павлик шел вслед за зоологом, поднимаясь

по крутому склону подводной горы. Ему все мерещились длинные, острые зубы барракуды, ее широкая пасть, ее неподвижные круглые глаза, полные, казалось, холодной ярости. Он боязливо оглядывался по сторонам.

Его мягкие волосы, обычно гладко причесанные, с ровным боковым пробором, сейчас немного растрепались и слиплись от испарины. Большие серые глаза сделались круглыми. Тонкое, с острым подбородком лицо было бледно. Мелькавшие повсюду тени пугали его. Сгущенный зеленоватый сумрак расселин, гротов, провалов в нагромождении скал, колеблющиеся гирлянды водорослей, заросли морских лилий — все грозило неожиданным, страшным, беспощадным. Он едва волочил ноги. Его шаги поднимали со дна легкими серебристыми облачками белый коралловый песок. Он наступал на голотурии, мирно глотавшие ил, на морские звезды, медленно ползавшие по дну, на мраморно-белые мешковидные асцидии, лопавшиеся под его тяжелыми подошвами, на известковые трубочки червей, высунувших кверху свои перистые жабры с тончайшим ветвистым узором кровеносной системы…

— Ну вот, — сказал выступавший впереди зоо-

лог, — карьера мурены кончилась в два счета. Из зубов барракуды редко кому удается спастись.

— А нам она… ничего не могла бы сделать, Арсен Давидович… если бы мы не спрятались в расселину? — слегка заикаясь, спросил Павлик.

Зоолог усмехнулся и по привычке поднял руку, чтобы погладить свою великолепную ассирийскую бороду, но рука прошлась только по гладкой металлической груди скафандра.

— Против наших скафандров бессильны зубы не только барракуды, но даже владыки подводных глубин — кашалота, — ответил он. — И я затащил тебя в расселину не потому, что боялся: мне просто не хотелось мешать актерам на сцене. Но и самому Скворешне я не советовал бы встретиться во время купания, в одних трусах, с барракудой. Это, пожалуй, самая страшная рыба, самый дерзкий хищник антильских вод.

Зоолог вдруг остановился, опустился на колени и, пристально всматриваясь во что-то на дне, позвал:

— Павлик! Замечательное зрелище! Иди сюда скорее, бичо!

Голос его в крохотном радиоприемнике, спрятанном в шлеме Павлика, звучал весело и возбужденно. Сквозь прозрачный шлем Павлику

видна была большая бритая голова в таком же шлеме, крупный нос, мохнатые черные брови и иссиня-черная блестящая борода, терявшаяся за воротником скафандра. Спереди каждого шлема сверкал серебром рефлектора небольшой, но мощный, как маленькое солнце, круглый выпуклый фонарь. Металлический, цвета вороненой стали, скафандр на спине и груди раздувался, делая маленького зоолога похожим на фантастического горбатого карлика. В этих горбах у него и у Павлика заключались небольшие, но огромной емкости электрические аккумуляторы, механизмы для движения, запасы кислорода. На гибком металлическом поясе висели кортик, еще один маленький переносный фонарь, топорик на длинной рукоятке, круглый сверток и что-то вроде длинного, плоского патронташа. Справа у пояса висел квадратный плоский ящичек с ручкой и коротким дулом, как у браунинга. К ручке ящичка тянулся из спинного горба гибкий резиновый шнур. На левой руке в металлическую манжету скафандра под прозрачными кружочками были вделаны три самых необходимых для подводных путешествий прибора — часы, компас и глубомер. Павлика поражала больше всего неожиданная гибкость этой металлической

одежды. И теперь, когда зоолог без напряжения, легко и свободно нагнулся, стал на колени, поднял руку и поманил ею Павлика, мальчик не смог удержаться, чтобы не потрогать металлическими пальцами свою металлическую грудь. Это было чудесно и восхитительно, это вызывало чувство безопасности и спокойствия. «Даже зубы кашалота бессильны против наших скафандров», — повторил он слова зоолога и, уже совсем повеселевший, торопливо подошел к нему, слегка напрягаясь, чтобы преодолеть сопротивление воды.

Не спуская глаз с какого-то яркого пятна, медленно двигавшегося по дну, зоолог вытянул руку:

— Тихонько, Павлик! Не спугни их! Нагнись и смотри.

— Рак, Арсен Давидович! — сказал Павлик, присмотревшись. — Но почему он наполовину спрятался в какую-то раковину? И что это за цветок он несет на себе?

Несмотря на шестидесятиметровую глубину, Павлик прекрасно видел, что делается на дне и чем занят этот странный рак.

День над поверхностью океана, очевидно, был яркий, безоблачный. Время близилось к полу-

дню. Тропическое солнце уже высоко поднялось. Его лучи с каждым часом пронизывали чистую прозрачную воду все более вертикально и потому меньше отражались ею и глубже проникали в нее. Белоснежный коралловый песок, устилавший дно, как прекрасный рефлектор возвращал воде доходивший до него солнечный свет.

— Этот цветок живой, — сказал зоолог. — Актиния — животное. Она — хищник, самый настоящий, отъявленный хищник. А под нею в раковине действительно рак, но не обычный, а рак-отшельник. Смотри, он совсем вылез из раковины. Видишь: скорлупа, как твердый панцирь, покрывает лишь его грудь, голову и клешни. Вся остальная часть его тела мягкая и совершенно беззащитная. Поэтому рак всегда старается найти подходящую раковину какого-нибудь моллюска, чтобы спрятать в ней свое длинное голое брюшко. Он всюду таскает ее за собой, как домик, а при малейшей опасности скрывается в ней целиком.

— Смотрите, смотрите! — закричал Павлик. — Рак вылезает из своего домика! Какой он смешной! Одна клешня огромная, а другая маленькая!

Павлик залился веселым смехом. Зоолог тоже рассмеялся.

— Какая она красивая, эта актиния! — продол-

жал восхищаться Павлик. — Она похожа на астру. Правда, Арсен Давидович? Только лепестки гораздо длиннее, извилистее и совсем фиолетовые… таких астр не бывает.

— Правда, правда, бичо. Только это не лепестки, а щупальца. Живые, подвижные. Видишь, как они колышутся вокруг рта актинии, на вершине ее ствола? Да ты посмотри кругом: их тут масса, этих актиний, и самых разнообразных.

Павлик поднял голову. Действительно, все скалы и обломки камней были усеяны этими яркими, пышными подводными цветами. Высокие, до тридцати — сорока сантиметров, и низкие, почти плоские, то с длинными, развевающимися, как распущенные волосы, то с короткими, как будто подстриженными, щупальцами, красные, зеленые, пурпурные, фиолетовые, желтые, со всеми оттенками и переходами этих красок, — они представляли живой, неправдоподобно яркий для человеческого глаза цветник.

Кругом шныряли или медлительно и важно плыли рыбы необыкновенных, самых фантастических и неожиданных форм. Несколько небольших губанов на всем ходу внезапно, как по сигналу, остановились над прозрачным шлемом зоолога. Красноватые бока рыб по всей длине, от

вытянутой головы до широкого закругленного хвоста, были расписаны густо-синими полосами, длинный спинной плавник с острыми, колючими лучами пестрел разнообразными красками. Чуть пошевеливая хвостом и плавниками, медлительно раскрывая и закрывая свои толстые, как будто припухшие губы, губаны словно о чем-то посоветовались, потом опустились ниже и повисли неподвижно со всех сторон вокруг шлема зоолога. Казалось, они внимательно рассматривали и изучали сквозь шлем это странное, необычное в подводном мире существо, лениво обмениваясь мнениями по поводу него.

Павлик не знал, на что раньше смотреть, чем больше восхищаться. Он сделал невольное движение руками. В один миг губаны разлетелись и затерялись в небольшой стайке своих родственников, которые усердно отдирали ракушки от соседней скалы и задумчиво перетирали их своими тупыми, плоскими зубами.

Медленно проплыла прозрачная, как будто вылитая из чистейшего стекла, розовато-фиолетовая медуза. Ее студенистое колокольчатое тело по нижнему краю было окаймлено нежной бахромой, а из середины его спускались, развеваясь, как пучок разноцветных шнурков, длинные

щупальца. Медуза плавно неслась, непрерывно сжимая и раздувая края своего колокола.

Возле одного из этих нежных созданий мелькнула маленькая серебристая рыбка, и вмиг картина изменилась.

Щупальца прилипли к спине рыбки, рыбка замерла, словно парализованная; стрекательные нити, выброшенные из щупалец, вонзились в ее тело, впущенный яд моментально оглушил ее. Щупальца сжались, подтянулись под колокол, ко рту медузы, и в следующее мгновение Павлик увидел уже сквозь ее прозрачное тело темные очертания перевариваемой рыбки; целиком она не поместилась в желудке медузы, и хвост торчал еще через рот наружу.

— Бичо, смотри, что делает рак-отшельник!

Павлик оглянулся. Рак совсем вылез из своей завитой, как рожок, раковины. Сгибая и разгибая голое розовое брюшко, он подполз к другой такой же раковине, но побольше, сунул в нее клешню и вытащил несколько песчинок.

— Что он делает? — спросил Павлик.

— Сам поймешь сейчас, бичо. Мне тоже в первый раз удается видеть эту операцию не на картинках, а в натуре, собственными глазами.

Рак-отшельник вновь исследовал клешней

внутренность раковины и, видимо, остался доволен. Вполз брюшком вперед в раковину и посидел в ней немного, устраиваясь там. Потом он вылез и подполз к прежнему своему жилищу. Красавица актиния, с невысоким цилиндрическим стволом, окрашенным в темно-красный цвет с чернильными полосами и пятнами, стояла свежая, роскошная, то сжимаясь, то разжимаясь и далеко распустив вокруг себя свои длинные фиолетовые, с фиолетово-красными концами щупальца. Щупальца играли, шевелились, извиваясь, окружая вершину ствола букетом гибких цветистых змеек. Две маленькие рыбки, не то в веселой игре, не то в погоне друг за другом, мелькнули серебристыми каплями, задев щупальца актинии. В одно мгновение обе рыбки оказались опутанными клубком щупалец — беспомощные, не в силах даже шевельнуть хвостом. В следующий момент клубок с добычей исчез в широко раскрывшемся на вершине ствола, в центре венца щупалец, ротовом отверстии. Еще момент — и над актинией вновь распустился очаровательный цветок с красивыми, нежными, слабыми на вид лепестками.

Пораженный этой невиданной охотой и коварством, прикрытым красотой и изяществом,

Павлик с разгоревшимися глазами машинально повторял:

— Вот здорово! Какая красивая злючка! Какая злючка красивая!

Зоолог сделал попытку пожать металлическими плечами:

— Не злая, бичо, и не добрая. Она просто живет и борется за жизнь. А к капусте и к кондитерскому печенью ее никто не приучал.

В это время к актинии подполз рак и, приподнявшись, начал ощупывать края ее плоской круглой подошвы, которой актиния прикрепилась к раковине. Потом он ловко и с большим знанием дела, при помощи своих острых ножек, начал отделять подошву актинии от раковины. Он немало потрудился, прежде чем актиния, которая никак не протестовала против действий своего сожителя, очутилась в его обеих клешнях, высоко приподнятая над дном. Рак медленно полз к новому жилищу, бережно неся свою красавицу. Приблизившись к раковине, он поставил на нее актинию, крепко придавил ее подошву к изогнутой поверхности и долго придерживал ее клешнями в таком положении. Павлик следил за этим переездом на новую квартиру — затаив дыхание, боясь пошевельнуться. Минут через

десять, когда рак отнял клешни, великолепная актиния прочно стояла на новом месте во всей красе, распустив вокруг себя свои гибкие, нежные щупальца.

* * *

Становилось все светлее. Прямые лучи солнца легко пронизывали воды Саргассова моря, прозрачнейшего во всем Мировом океане. Подъем шел довольно круто, но хорошо отрегулированные воздушные мешки делали почти нечувствительным вес скафандров и людей. Воздуха в мешках оставалось как раз столько, чтобы было достаточно упора для ходьбы по дну и для преодоления сопротивления воды. Двигаться было легко, не утомительно.

— Что же это такое, Арсен Давидович? — спросил Павлик зоолога, как только, оставив рака-отшельника с его актинией справлять новоселье, они двинулись дальше вверх по склону подводной горы. — Зачем этому раку его актиния? Неужели он так любит цветы?

Зоолог взял Павлика под руку и пошел рядом с ним.

— Дело не в цветах, Павлик. — Это симбиоз. Сим-би-оз… Совместная жизнь животных или

растений, принадлежащих иногда к совершенно различным классам. Целью симбиоза часто является защита, помощь при добывании пищи и разные другие услуги — следовательно, сотрудничество в борьбе за существование. Каждый из них помогает другому некоторыми своими способностями, которых этот другой лишен.

— Чем же помогает актинии рак? Она ведь и сама умеет так ловко охотиться.

— Это верно. Но актиния почти не способна самостоятельно передвигаться. Между тем, чтобы лучше питаться, надо двигаться и искать пищу. Невыгодно всегда оставаться на месте и ждать, когда добыча сама к тебе придет. На спине же рака, постоянно находящегося в движении, актиния идет навстречу добыче, активно ищет ее.

— Оседлала, значит, рака и разъезжает себе! Хитро придумала!

— Не так хитро, как это тебе кажется, бичо. Ты ведь видел: не она цеплялась за рака, а тот сам, чуть не силой, перетащил ее на свой новый домик. Активной стороной является здесь рак. Он ищет себе актинию, иногда даже двух-трех. Он вступает в бой с другими раками, чтобы добыть себе подругу.

— Какую же пользу она приносит своему ко-

ню?

— Во-первых, она его укрывает собой от врагов. У рака их немало. А если на нем не одна, а две-три сожительницы, то его под ними почти совсем не видно и он может считать себя в достаточной безопасности. Кроме того, если бы даже какая-нибудь небольшая рыба, любительница раков, заметила его под актиниями и, по неопытности, захотела его добыть, то она немедленно познакомилась бы со стрекательными нитями, которые актиния выбрасывает из своего тела и щупалец. И рыба эта получила бы довольно чувствительный ожог, который может оглушить и парализовать небольшое животное и причинить боль даже крупному. Во-вторых, у актинии, разъезжающей на раке, охота большей частью настолько удачна, что и ему почти всегда перепадает кое-что со стола его подруги. А когда рак набредет на какую-нибудь добычу — труп рыбы или другого животного, — то нередко и он угощает свою наездницу.

— А правда, Арсен Давидович, как это у них здорово получается! Настоящие товарищи! У всех животных только борьба и война, и только у рака с актинией — дружба.

— Да нет же, Павлик! Симбиоз совсем уж не так

редко встречается в животном и растительном мире. Я мог бы привести тебе много примеров, иногда просто неожиданных и удивительных…

Внезапно зоолог остановился, выпустил руку Павлика и, отбежав в сторону, поднял что-то со дна. Павлик увидел, что ученый рассматривает большую черную, замысловато завитую раковину, засунув металлический палец меж ее створок.

— Какая тяжелая… — бормотал зоолог. — Словно кусочек железа… Как странно…

— Что это, Арсен Давидович?

— Павлик! — воскликнул вдруг зоолог, с усилием раскрывая створки и пристально разглядывая заключенное между ними студенистое тело. — Павлик, это новый вид класса пластинчатожаберных. Совершенно неизвестный в науке.

Нет, Павлик! — Он задыхался от восторга. — Это не новый вид, нет-нет! Павлик, душа моя! Это новый класс! Да, да! Новый класс! У этого пластинчатожаберного есть голова! Ты понимаешь? Это уже не Lammelibranchiata. Это теперь будет новый класс: Lammelibranchiata cephala Lordkipanidze.

Зоолог уже успел сделать здесь, на дне Саргассова моря, немало таких открытий, которые могли

взволновать и гораздо менее впечатлительного ученого, но до сих пор он не мог еще привыкнуть к сюрпризам, которыми так щедро дарил его океан. Однако, дав свое имя новому классу мягкотелых, он сейчас же начал с недоумением осматривать дно вокруг себя.

— Что же это значит? Положительно странно… — бормотал он. — Очень странно… Куда же они девались?

Ничего не понимая, Павлик машинально кружил вместе с зоологом среди множества раковин, иглокожих, асцидий, усеявших грунт, то шаря глазами по дну, то недоумевающе взглядывая на своего ученого друга. Наконец он спросил:

— Да что вы ищете, Арсен Давидович? Мы здесь скоро передавим все придонное население.

— Как! — выпрямился зоолог во весь свои небольшой рост. — Неужели ты не обратил внимания? Ведь я не нахожу здесь больше ни одного экземпляра этого удивительного моллюска! Что я буду делать с единственным экземпляром, который я держу в руках? Кто мне поверит, что это законный представитель нового класса? К тому же он еще вялый, дохлый какой-то. И я предвижу, что все отнесутся к нему как к случайному уродству. Что же мне теперь делать? Продолжать

здесь поиски нельзя — мы опоздаем…

Зоолог сел на небольшую скалу и растерянно смотрел на свою драгоценную уникальную раковину. Павлик тоже был очень огорчен — не столько научно-методическими затруднениями, сколько убитым видом ученого, к которому он успел сильно привязаться.

— Знаете что, Арсен Давидович? — воскликнул он вдруг. — Давайте заметим это место, а потом, освободившись, вернемся сюда со Скворешней, Маратом, Цоем и будем искать организованно. Право!

— Великолепно! — воспрянул духом зоолог. — Ты совершенно прав. Мы еще поищем! И тому, кто найдет второй экземпляр этого моллюска, я подарю все, что он пожелает. А теперь — за работу! Воздвигнем памятник месту сему. А моллюска этого спрячь в сумку — моя уже переполнена. Когда вернемся домой, дадим его Цою для описания и анализа.

Нагромоздив высокую кучу камней и заметив окружающие ее скалы, они двинулись дальше. Зоолог задумчиво проговорил:

— Как много нового и необычного! Как много неожиданного приходится мне встречать здесь, в этих недоступных людям глубинах! Ты должен

быть благодарен своей судьбе, Павлик, которая дала тебе возможность участвовать в этой первой в истории научной глубоководной экспедиции. С помощью этих чудесных скафандров и ты вместе с нами ознакомишься со всеми тайнами, скрытыми в неизвестных глубинах океана. Я помню, когда советские летчики и полярники впервые сели на Северный полюс, наши ребята горько жаловались, что вот, мол, для них уже не осталось на карте земного шара никаких «белых пятен», что все уже стало известно и им, советским ребятам, открывать ничего не придется. А о таком гигантском, можно сказать — сплошном «белом пятне», как глубины Мирового океана, забыли! Об океане, который занимает почти три четверти земной поверхности! О его таинственных, полных чудес глубинах — забыли! Но ненадолго… Нет, ненадолго! Мы первые ласточки здесь. За нами сюда пойдут теперь сотни и тысячи исследователей и опять первыми среди них будут наши, советские, потому что только в наших, советских скафандрах можно опускаться сюда и работать…

Несколько минут они шли молча среди снующих вокруг рыб, каждый задумавшись о чем-то своем. Наконец Павлик, подняв лицо, спросил:

— Арсен Давидович, вы это серьезно сказали?

Насчет кашалота. Неужели и он не смог бы раскусить наши скафандры? Вы, наверно, шутили?

— Нисколько не шутил, Павлик. Ведь в наших скафандрах мы можем опускаться на самые большие океанские глубины. На тысячу, пять тысяч, даже десять тысяч метров. А это будет посильнее и пострашнее, чем челюсти кашалота.

— Ну что вы, Арсен Давидович! Смеетесь? — недоверчиво посмотрел Павлик на зоолога. — Там же ведь только вода! Мягкая… А кашалот! Ого! Он так стиснет зубами! Вы же сами говорили мне, что зубы у него вот какие! — Павлик развел руки почти на полметра. — В такой пасти скафандр лопнет, как орех…

Зоолог искоса посмотрел на Павлика и усмехнулся:

— Ты руки не разводи, бичо, так далеко. Хватит и четверти метра. И то достаточно страшно. А вода… да, она мягкая… А знаешь ли ты, бичо, сколько весит кубический метр воды?

— Знаю, — уверенно ответил Павлик: — одну тонну.

— Ну вот. А столб воды высотой в десять метров над площадью в один квадратный метр весит десять тонн, или, как говорят, давление такого столба равно десяти тоннам, а над каждым квад-

ратным сантиметром — одному килограмму. Это давление равно давлению всего столба воздуха, или атмосферы, над площадью земной поверхности в один квадратный метр или квадратный сантиметр. Поэтому говорят еще, что давление десятиметрового столба воды равно давлению одной атмосферы.

— Да, я это знаю, Арсен Давидович. Это огромная тяжесть, но мы ее не чувствуем, потому что внутри нашего тела находится воздух под таким же давлением.

— Отлично. Тогда тебе нетрудно будет понять, что чем глубже мы опустимся под воду, тем больше она будет давить на нас. На глубине ста метров давление этой, как ты говоришь, мягкой воды будет равно ста тоннам на каждый квадратный метр площади, или десяти атмосферам. Поверхность человеческого тела в среднем равняется двадцати тысячам квадратных сантиметров, и давление воды на этой глубине на все тело человека достигает около двухсот тонн; на глубине пяти тысяч метров оно уже равно десяти тысячам тонн. Ты понимаешь? Это такое давление, под которым не только человек, но и железный пустотелый цилиндр сплющится. В нашем же скафандре человек останется цел и невредим.

— Значит, он из стали? — спросил Павлик.

— Если бы он был из стали, то нужно было бы сделать его из таких толстых пластин, что человек в таком тяжелом скафандре даже на глубине пятисот метров не мог бы шагу ступить по дну. В таких бронированных скафандрах водолазы до сих пор работают на глубинах до восьмисот метров и их передвигают по дну с места на место при помощи лебедок и на цепях. Да и работа там какая! Рукава и штаны толстые — ни согнуть, ни разогнуть руку или ногу. Из рукавов торчат клещи, ломик, топор, которыми управляет изнутри рука водолаза. Много ли так наработаешь?

Павлик опять, как раньше, легко поднял руку, потрогал металлические краги на ноге и весело сказал:

— А наши скафандры — просто прелесть! Легкие, удобные. А из чего же они сделаны? Не из стали, значит?

— Нет, не из стали, а из замечательно легкого сверхтвердого сплава, который недавно изобрели советские металлурги. Несмотря на то, что наши скафандры приготовлены из очень тонких листов этого сплава, они способны выдерживать колоссальное давление на глубинах до десяти тысяч метров. Этому, правда, помогает и очень

остроумный подвижной каркас скафандра, его, так сказать, скелет из того же материала. Кроме того, наши молодцы-металлурги придумали способ делать небольшие пластины из этого сплава гибкими. Такие пластины вставили в скафандр в местах сгибов на плечах, локтях, пояснице, коленях, ступнях, пальцах рук.

— И не только это, Арсен Давидович! — с восхищением в голосе сказал Павлик. — А как мы быстро носимся под водой! Как настоящие рыбы! Даже скорее — как птицы! И телефон, и свет, и оружие. И даже горячий шоколад! — Павлик счастливо рассмеялся. — Хотите закусить? Пожалуйста! Бульон, какао. Можете водичкой запить.

— Одним словом, каждый сам себе ресторан, — улыбнулся зоолог.

— Походный ресторан! Кафе на колесах, то есть на ногах. До чего додумались! Как же это все получается, Арсен Давидович?

— Очень просто, бичо. В заднем ранце, на спине, — несколько маленьких аккумуляторов с большим запасом электричества. Там же — патроны с запасом жидкого кислорода на сорок восемь часов; поглотители углекислоты, влаги и других вредных продуктов дыхания; крохотный, но мощный моторчик для винта, который дает

нам движение. А в переднем, нагрудном ранце — термосы с горячим бульоном или какао и с водой. От термосов идут ко рту резиновые трубки с твердыми наконечниками; рядом с термосами — небольшая радиотелефонная станция, при помощи которой можно связаться и разговаривать одновременно с несколькими другими такими же станциями на расстоянии до двухсот километров. В шлеме около ушей расположены наушники, а внизу, у подбородка — микрофон. На шлеме против лба водолаза — мощный электрический фонарь, луч которого прорезает воду на семьдесят пять метров вперед. И всеми этими приборами и механизмами ты управляешь с помощью разных кнопок, рычажков и маховичков, которые находятся на щитке управления в твоем патронташе на поясе… Но все это ты должен и без этой лекции знать, иначе ты не мог бы сейчас бродить со мной тут, под водой.

— Ну да! Я, конечно, уже знаю это. Я хотел только узнать, как все это действует. Как, например, собирается в аккумуляторах так много электричества? Как действуют наши боевые электрические перчатки? Чем стреляют наши ультразвуковые пистолеты?

— А! Вот тебе чего надо, бичо! Это вопросы по-

серьезнее, — ответил зоолог. — Но, к сожалению, их придется отложить. Видишь, мы уже у коралловых рифов. Скоро придем к Скворешне.

Впереди, сквозь стеклянную прозелень вод, начали проступать, как опушка леса, смутные очертания кустиков и мелких деревьев: низкорослых, безлистых, из одних стволов и ветвей, скрюченных и узловатых, то толстых, со вздутиями, точно кактусы, то тонких и прямых, как ивовые прутья.

— Впрочем, — продолжал зоолог, — очень возможно, что Скворешня уже кончил здесь работу и перешел на другое место. Надо узнать.

Он нажал едва заметный выступ на патронташе. Передняя стенка откинулась вниз и повисла на петлях, обнаружив внутри патронташа ряд кнопок с выпуклыми цифрами на них и рычажков над дужками с делениями.

На ходу зоолог сдвинул одну из кнопок немного вниз, закрепил ее на новом месте и нажал.

Зоолог прислушался и остановился. На лице его возрастало недоумение, смешанное с беспокойством.

— Настройся на Скворешню, — обратился он к Павлику. — Нажми кнопку номер двенадцать. Ничего не понимаю… Что там такое происходит?

Павлик поспешно открыл свой патронташ и настроил радиоприемник еще на одну станцию. Под его шлем ворвался свистящий шум прерывистого дыхания, перемешанного с потоком хриплых ругательств, криков, разговора из невозможной смеси украинских и русских слов:

— Отдай!.. Отдай, чертова скотина!.. А, трясця тебе... Советского добра захотела?... Меня не потягнешь... Нет, брат... Не выйдет!

Потом — как дровосек на рубке леса:

— Ах-х-х! Вот тебе! Ах-х-х! Потом отчаянный крик:

— Тпру-у-у! Стой! Стой! Куда понесла, гадюка! Зоолог не выдержал.

— Скворешня! Что случилось? — громко, с тревогой в голосе закричал он. — С кем вы деретесь?

— Лорд! — послышался в шлемах зоолога и Павлика задыхающийся голос. — Скорее ко мне!. А то эта тварь... шланг разорвет. Спешите, спешите!.. Ах-х-х! Ах-х-х! Вот живучая скотина!..

— Мы бежим! — закричал зоолог. — Держитесь! Он побежал вперед, к опушке коралловых зарослей.

— За мной, Павлик! Режь воду плечом! Плечом вперед! Не отставай! Винт не стоит запускать, уже недалеко.

Бежать было, однако, довольно трудно. Вода сопротивлялась, мягко пружинила. Все же через минуту зоолог и Павлик ворвались в чащу.

Как ни был Павлик озабочен и даже испуган, но на мгновение он застыл в немом восхищении. То, что издали, из зеленой густой тьмы, казалось похожим на голый скрюченный кустарник, вблизи, на свету, оказалось сказочно пышным садом. Все стволы и ветви без листьев были сплошь покрыты живыми цветами, звездочками с вытянутыми, как язычки, лепестками всех красок и тончайших оттенков — от нежно-розового до кроваво-красного, от прозрачно-голубого, как дымка, до эмалево-синего и от желто-оранжевого, как золото, до густозеленого, как изумруд. Это были кораллы — то маленькие, тоненькие, извивающиеся веточки, прилепившиеся на боках скалы, то обширные колонии из миллионов крошечных животных-цветков, покрывших своими тельцами мощные отмершие массы предшествующих поколений. И крупные пестрые чашечки цветов у подошвы этих колоний были тоже кораллы, и даже пестрый мох между ними состоял из миллионов и миллиардов крошечных живых цветков.

Сад жил и укрывал в себе — в своих расселинах, тоннелях, гротах, больших и крохотных пещерах,

в сплетениях своих стволов и ветвей — большую, яркую, кипучую жизнь. Тучи блестящих, словно отлитых из пестрого, разноцветного металла, рыб — от самых крохотных сардин до крупных, ярко раскрашенных рыб-попугаев — носились, словно тропические птицы, в коралловой чаще. Красивые прозрачные рачки лазили по веткам. Бесчисленные красные, желтые, оранжевые морские звезды медленно передвигались по дну, по скалам, по коралловым стволам, подтягиваясь своими ножками к ближайшим предметам.

Разноцветные офиуры, ближайшие родственники морских звезд с длинными, тонкими, гибкими, как плети, лучами почти кувыркались на коралловом мху, ища добычи. Черные морские ежи, с рассеянными по всему круглому телу голубыми пятнышками, целыми стадами ползали повсюду. Полчища самых разнообразных ракушек и морских улиток местами сплошь устилали дно и коралловый мох. Яркие пучочки и ажурные веточки жабер трубчатых червей выглядывали из их тонких трубочек. Мириады крохотных, окрашенных в яркие и блестящие цвета рачков, червяков, морских паучков, улиток ползали, прыгали, выбегали и вновь прятались в мельчайших щелях, ямках и трещинах, среди

цветистой роскоши этих каменных животных.

Застыв на месте, Павлик смотрел широко раскрытыми глазами на эту феерию, на эту бесшумную кипящую жизнь. Но совсем близко от него, при первом его грубом вторжении, вся эта жизнь мгновенно замерла, скрылась, исчезла. Закрылись коралловые цветы, втянулись внутрь их лепестки, попрятались в глубине чащи крохотные рыбки, червяки, паучки. Серая, бесцветная, мертвая пустыня окружала Павлика.

Он поднял голову и над собой, у отвесной скалы, увидел стаю крупных рыб. Это были скарусы — рыбы-попугаи. Красота и гармония их расцветки могли привести в восторг самого строгого ценителя живописи. Природа, казалось, использовала все цвета, все оттенки и переходы, какие только можно было найти на ее богатой, неисчерпаемой палитре красок, чтобы перед этими морскими попугаями потускнела красота самых ярких тропических птиц.

Рыбы-попугаи висели головами вниз, тихо шевеля серовато-фиолетовыми, в нежных красноватых пятнах хвостами, окаймленными белой полосой. Они старательно объедали маленькими толстогубыми ртами нежные коралловые веточки на скале. Порою одни из них с наполненным

ртом долго и рассеянно, как жвачку, прожевывали пищу. Немного выше Павлик заметил трех крупных рыб-попугаев, окруженных небольшой стайкой мелких сине-полосатых губанов. Павлик сразу не понял, что делают эти губаны вокруг смирно висевших в воде огромных по сравнению с ними скарусов. Ему показалось сначала, что губаны вцепились в них со всех сторон и хотят разорвать на части. Но, приглядевшись, Павлик неожиданно и громко рассмеялся.

— Парикмахерская! Рыбья парикмахерская! — закричал он, не в силах удержаться от смеха.

Округлые головы попугаев, их щеки и жаберные крышки с плотно сидящими крупными яйцевидными чешуями были покрыты слоем белой коралловой пыли. Казалось, что толстые расфранченные, разодетые в пух и прах баре отдали в распоряжение услужливых парикмахеров свои откормленные, густо напудренные морды. Губаны нежно и осторожно снимали эту коралловую пыль со щек и жабер попугаев, своих богатых родственников, и, очевидно, с наслаждением поедали ее.

В смех и возгласы Павлика, в непрекращающийся поток украинско-русской брани и возмущенных криков Скворешни под шлем Павлика

ворвался голос зоолога:

— Чему смеешься, бичо?

И через минуту молчания послышался его тревожный оклик:

— Павлик! Павлик! Где ты? Куда ты девался?

Павлик оглянулся. Он был один. Успокоенная его неподвижностью, вновь расцвела и закипела вокруг него жизнь. Сколько он простоял здесь, зачарованный и окаменевший в этом великолепном, непередаваемой красоты саду? Минуту или час? Где Арсен Давидович? Как найти его теперь в этой чаще? Как выбраться отсюда?

— Арсен Давидович! — дрожащим голосом послал он робкий призыв в зеленое безграничное пространство вокруг себя. — Арсен Давидович!

— Говори, Павлик! — послышался ответ. — Говори, говори! Я слушаю! Где ты? Отключи Скворешню. Он мешает.

— Я среди кораллов. Я отстал от вас, Арсен Давидович, только на минутку. Я не знаю, куда идти…

У него скривились губы, и он неожиданно всхлипнул. Впрочем, он сейчас же закашлялся, так что со стороны нельзя было точно разобраться в этих звуках.

— Бичо, ты не пугайся, стой хладнокровно, не сходи с места. Я недалеко: мы, наверно, только

минут пять как разошлись, не больше. Посмотри вокруг себя, Павлик. Я шел через кораллы напролом. Посмотри, не видно ли моих следов: сломанных веток, кустов… Осмотрись внимательнее, бичо.

— Да… нет… Арсен Давидович, — говорил Павлик, беспомощно оглядываясь вокруг. — Они все одинаковы, ветки и кусты. Они все как изломанные… ни… ничего не видно… Арсен… Арсен Давидович…

Последние слова Павлик произнес почти шепотом, прерывающимся голосом.

— Ну, и это не страшно, бичо. Ты только не пугайся. Стой на месте, никуда не ходи. Я сбегаю к Скворешне, помогу ему, а потом — к тебе. Через пятнадцать-двадцать минут я вернусь.

— Хорошо, Арсен Давидович…

— Стой неподвижно, никто тебя не тронет. На всякий случай надень перчатки.

У Павлика сжалось сердце от этих слов.

— Хорошо, Арсен Давидович… на… надену…

— Помни, как обращаться с ними. Включи ток. Лучше всего обнимай врага плотно, обеими руками, обеими ладонями, плотно… Я уже бегу к Скворешне, говорю с тобой на ходу и буду говорить, чтобы тебе не было страшно одному.

Если увидишь что-нибудь подозрительное, скажи мне.

Пока зоолог продолжал разговорами развлекать Павлика, мальчик снял сверток с пояса и с трудом, не сгибающимися от страха пальцами развернул его. В руках у него оказались две белые резиновые перчатки не совсем обычного вида: они состояли из трех пальцев — для большого, указательного и одного общего для трех остальных. На вздутой ладони была видна выпуклая металлическая пластинка, и широкие длинные раструбы должны были далеко заходить за кисти рук. Павлик натянул перчатки на руки и пристегнул раструбы особыми кнопками к рукавам скафандра.

«Обнимай врага обеими ладонями», — повторил он про себя.

Он оглянулся вокруг. Какие враги? Кто они? Это, должно быть, что-то ужасное… Барракуда… Акула… Кто еще тут бывает? Барракуда… Акула… Обнять акулу…

Почти не слушая зоолога, он с замирающим сердцем следил за каждой тенью, появлявшейся вдали, в зеленом сумраке.

Проплывали то в одиночку, то целыми стадами разноцветные, нежно пульсирующие медузы.

Мелькали рыбы, сверкая яркими красками. Проносились огромными стаями маленькие крылоногие моллюски с широкими плавниками и почти совершенно прозрачными, тонкими и нежными, как хрящ, раковинами. Креветки — изящные и тонкие морские рачки — стремительно охотились за ними и исчезали вместе с ними. Вдали мелькнула голубая искорка, скакнула вверх, упала вниз, встретилась с красной, синей, зеленой… Уже их сотни, тысячи, этих разноцветных, как драгоценные камни, скачущих вверх и вниз, во все стороны искорок. Вот уже все вокруг исполосовано, исчерчено миллионами и миллиардами сверкающих и горящих нитей и точек. Как будто густой дождь из крошечных пурпурных, сапфировых, изумрудных золотых искр вихрем носится кругом. Это был танец сафирин, крохотных рачков из отряда веслоногих.

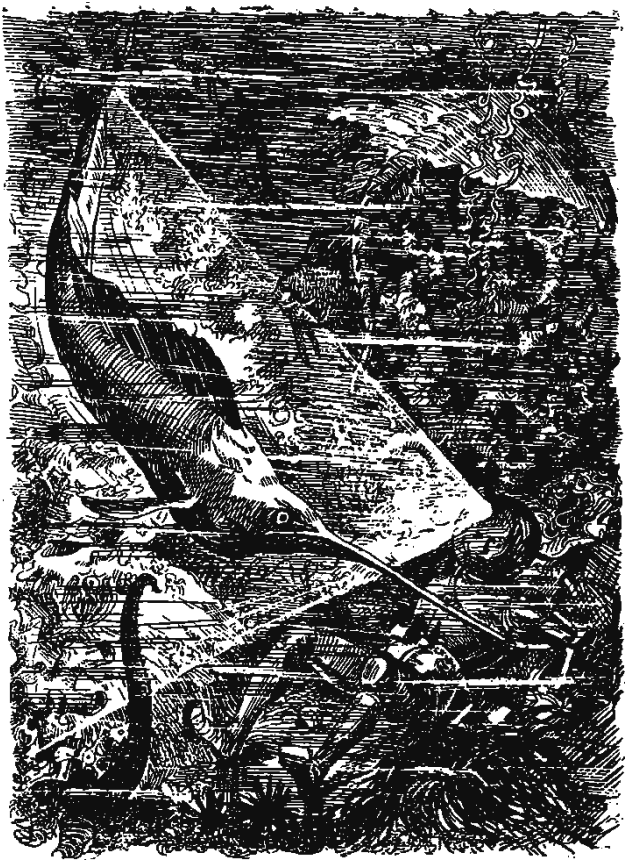
Раскрыв рот от восхищения, забыв и страх и одиночество. Павлик смотрел кругом, ослепленный чудесным зрелищем, машинально отвечая иногда на вопросы зоолога.

Внезапно из-под ног Павлика взвилось огромное четырехугольное существо, бархатисто-черное, плоское, как железный лист. В одном его углу видна была большая раскрытая пасть, над ней, на

бугорке, два сверкающих глаза. Два других угла волнообразно и быстро, как крылья, изгибались. С последнего угла свисал тонкий, как хлыст, хвост с торчащим кверху длинным острым шипом. Это был скат. Он на лету поймал проплывшую слишком близко от его убежища рыбу, проглотил ее и упал на дно. Там он быстро, в несколько приемов взметнул тучу песка, и, когда она осела, скат исчез под ним.

Павлик этого уже не видел. Появление двухметрового чудовища было так неожиданно, что, подняв руки, в смертельном испуге он кинулся в сторону, к высокой, как скала, отмершей колонне кораллов.

Едва лишь он успел отскочить, как что-то огромное, длинное, заостренное спереди взметнулось из-за большого соседнего куста и бросилось на него со стремительностью артиллерийского снаряда. Он почувствовал страшный удар в грудь, под его протянутой рукой пронеслась ужасная пасть, полная зубов, и огромные холодные глаза. Мелькнула мысль: «Обнять…»



Руки сомкнулись вокруг какого-то скользкого толстого бревна. Павлик почувствовал еще более сильный, потрясающий удар, затем все исчезло, провалилось во тьму…

Глава III
После сражения

— Швыдче, швыдче, товарищ Лорд! Я держу ее за хвост, чтоб ее черти взяли! Силы мои кончаются, будь она проклята!

— Скворешня! Что это такое?

Зоолог выбежал из чащи водорослей. Он увидел необычайную картину. На открытой поляне, в ярком зеленоватом свете, возле нескольких машин, работавших под прозрачными, как будто из стекла сделанными колпаками, стояла гигантская фигура человека в металлическом скафандре и огромном шлеме. Изогнувшись в виде огромного, мощного лука, он одной рукой держал петлю из толстого гибкого кабеля, соединявшего два колпака с работающими машинами. В петлю вцепилась зубами двухметровая акула, которую человек крепко держал рукой за толстую часть тела, у самого хвоста. Рыло акулы далеко выступало над широкой пастью, ее темно-серая жесткая

шкура была похожа на напильник, большие круглые глаза, тупые, бессмысленные, горели белесовато-розовым огнем бешенства. Зоолог сейчас же узнал сельдевую акулу, баснословная прожорливость которой приводила в изумление еще древних наблюдателей. Обычную пищу этой акулы составляют сельди, когда они тучами поднимаются из глубин и идут к берегам для нереста. Она преследует всех рыб, каких только в состоянии одолеть. Своей знаменитой родственнице, прославленной разбойнице морей и океанов — обыкновенной акуле, или мокою, — сельдевая акула уступает лишь по размерам и силе.

Акула, которую гигант с невероятным напряжением сил держал за хвост, извивалась, сгибалась и разгибалась, но не выпускала из пасти захваченного ею кабеля.

Ноги Скворешни по щиколотку ушли в песок. Красное от усилий лицо было покрыто потом. Акула с бешенством дергала кабель во все стороны, но не в состоянии была вырвать его из руки гиганта.

Выхватив из ножен кортик, зоолог бросился к акуле.

— Перчатки, перчатки, Лорд! — завопил Скворешня, мотаясь вслед за бешеными движениями

акулы. — Кортиком ничего не сделаете!

Зоолог остановился. В одно мгновение перчатки были натянуты на руки, кнопки застегнуты, и в следующий момент две ладони слегка сжали акулу с обоих боков. Акула вздрогнула, как от удара электрического тока, судорожно свилась почти в кольцо, с неимоверной силой распрямилась, отбросив Скворешню и зоолога, как котят, в разные стороны. Потом она разжала пасть и, вздрагивая, опустилась на дно.

Зоолог сейчас же вскочил на ноги, но Скворешня поднимался с грунта медленно, с усилием.

— Как это произошло, Скворешня?

— Фу-у-у… Дайте отдышаться… Если бы вы опоздали на две-три минуты, плохо было бы… машинам… Эта сумасшедшая рыбина с голоду приняла кабель за что-то съедобное и вцепилась в него. Понимаете, Арсен Давидович, что было бы с агрегатами, если бы она вырвала кабель из-под колпаков?! Давление ворвавшейся воды уничтожило бы эти нежные машины. Я сделал из кабеля петлю в том месте, где она его схватила, и пружинил, принимая на свою руку все удары акулы. Сначала я эту скаженную скотину бил по морде, по глазам; она только мотала головой, но кабель не выпускала и страшно дергала его,

работая хвостом. Тогда я поймал другой рукой хвост. Ну и силища!

— Почему же вы не пустили в ход свои перчатки?

— Да потому, что боялся выпустить из рук кабель. Черт ее знает, что она наделала бы в этот момент! А где же Павлик? Я слышал ваш разговор. Он где-то отстал от вас?

Зоолог забеспокоился.

— Ах, батюшки! — закричал он. — Я совсем забыл о нем. Павлик! Павлик! Что же ты молчишь? Павлик!..

Он с тревогой посмотрел на Скворешню!.

— Вы тоже не слышите ответа?

Гигант заволновался. Как всегда в такие минуты, Скворешня немедленно обращался к дикой смеси украинских и русских слов, которую он называл «ридной мовой». Многие обстоятельства приняли участие в формировании этой «мовы» и убеждении Скворешни в том, что это его родной язык: и Воронежский район, в одном из полуукраинских, полуобрусевших сел которого он родился, и воспитание в русской школе-десятилетке, и большая любовь к русской литературе, особенно к русским поэтам, которая жила в нем одновременно со страстной любовью к Шевчен-

ко, Коцюбинскому, и, наконец, служба во флоте — сначала в надводном, а потом, и до сих пор, в подводном.

— Ни, ничего не чую, — сказал он, громко сопя, и с нескрываемым раздражением добавил: — Де ж вы хлопчика загубылы, товарищ Лорд?

— Он отстал в коралловой чаще, когда я спешил к вам, Скворешня… Павлик! Павлик! Отвечай же!.. Он молчит… С ним что-то случилось, — сказал зоолог. — Бежим, Скворешня!

— Треба було до його вертаться, а не до мене бигты. Чорты б мене не схопылы, колы б ще десять хвылын лишку далы. Запускайте винт, а я зараз за вами.

Он открыл патронташ на поясе и нажал одну из многочисленных кнопок на длинном щитке управления. Послышался голос:

— Говорит старший лейтенант Богров. Что скажете, Скворешня?

Скворешня, по привычке, выпрямился, подтянулся и сказал:

— Спешу доложить: находящийся на борту корабля мальчик Павлик, направляясь вместе с товарищем Лордкипанидзе к месту работы на пункте номер шесть Коралловой отмели, отстал в пути от товарища Лордкипанидзе, затерялся

в коралловых зарослях и перестал отвечать на вызовы. Товарищ Лордкипанидзе, спешивший по моему вызову ко мне на помощь по случаю нападения на кабель и на меня акулы, сейчас находится здесь. Прошу разрешения отправиться на поиски мальчика, а также прислать мне смену на пункт.

— Хорошо, Скворешня, — послышался торопливый ответ. — Немедленно отправляйтесь на поиски. Смену пришлю, не дожидайтесь ее.

— Есть, товарищ старший лейтенант!

Он схватил лежавшую на грунте небольшую лопатку и быстро закидал кабель песком. В это время зоолог открыл щиток управления на поясе и нажал кнопку. Из нижней части горба на спине выдвинулся толстый стержень, раскрылся, как цветок, и превратился в небольшой винт. Одновременно развернулись металлические краги на ногах и превратились в плоскости горизонтального и вертикального рулей. Зоолог передвинул рычажок, винт быстро завертелся, и ученый, полулежа и сомкнув ноги, понесся вперед, рассекая шлемом воду и ступнями ног управляя рулями. Через минуту, как огромная торпеда, мимо него пронесся Скворешня. Как ни был озабочен и расстроен зоолог, он не мог удер-

жаться от невольного возгласа восхищения при виде стремительно несущейся вперед мощной фигуры Скворешни.

— Какое прекрасное изобретение Крепина! — прошептал он.

— Что вы сказали?

— Так, ничего… — смутился зоолог.

Ему казалось непростительным думать сейчас о чем-либо другом, кроме Павлика.

— Скорее, Лорд! Скорее!

Зоолог поравнялся со Скворешней. Передвинув еще на несколько делений рычажки и увеличив число оборотов винта, они уже в совершенно горизонтальном положении понеслись еще быстрее. Рыбы в испуге едва успевали бросаться в стороны от этих странных, необычайных для подводного мира существ. Небольшая каракатица на мгновение замешкалась и сейчас же расплющилась о плечо зоолога. Выпустив густое чернильное облако, распустив в предсмертной агонии свои десять рук, она опустилась на дно, кружась в образовавшемся позади зоолога водовороте. Несколько длинных, извивающихся угрей потоком воды были притянуты к скафандру Скворешни. Испуганно вертя змеиными головами с красноватыми глазками, они соскользнули

к его ногам и там были разрезаны на несколько частей острыми краями рулей. Мелькнула небольшая акула, бросилась было наперерез к этим необыкновенным существам, но сейчас же, изогнувшись дугой, взмыла вверх, к светлым водам поверхности.

Опустив на винты предохранительные решетки, зоолог и Скворешня, как два тяжелых снаряда, ворвались в заросли гигантских саргассовых водорослей, которые тянулись вверх, к поверхности. Неглубоко проникавшие в грунт корни водорослей, служившие не для питания растения, а только для его прикрепления ко дну, легко отрывались под напором их скафандров. Наполненные воздухом пузырьки, сидевшие, как виноградинки, на золотистых стволах и у основания листьев, непрерывно лопались, воздух из них вырывался, и вода, казалось, кипела на всем пути их стремительного бега.

Кончились водоросли. За открытой поляной начиналась коралловая чаща.

— Где же его тут искать? — обратился к зоологу Скворешня.

— С той стороны.

Умерив скорость, они сделали несколько зигзагов по окраине коралловых зарослей, напря-

женно всматриваясь в густое сплетение ярких, переполненных жизнью кустов и веток. Павлика не было видно. Они опустились ниже, пронеслись над чащей, почти задевая вершины, срывая со скал нежные цветущие коралловые веточки, пузырчатые гирлянды водорослей.

— Павлик! Павлик! Где ты?

— Отвечай, бичо! Мы здесь.

Вдруг Скворешня сделал резкий поворот вокруг самого себя, нырнул вниз головой к подножию высокой коралловой колонны и вскрикнул:

— Вот он! Лежит! Сюда, Лорд! Сюда! Какой ужас! Смотрите, с кем ему пришлось сражаться!

Пораженный зоолог несколько мгновений стоял неподвижно.

— Меч-рыба! — закричал он наконец, бросаясь на колени перед лежавшим на песке Павликом.

Огромная, не менее трех метров в длину, рыба со стройным и мощным телом, с высоким серповидным спинным плавником и таким же изящно вырезанным хвостом придавила Павлика всей тяжестью, наполовину закрыв его. Шероховатая кожа ее на спине была ярко окрашена в странную смесь красного и голубого цветов, но на всем остальном теле господствовал синий цвет самых разнообразных оттенков: брюхо было синевато-

белого цвета с красивым серебристым блеском, плавники — серо-синие, хвост — сине-черный и даже круглые крупные глаза — темно-синие.

У нее, как и у большинства рыб, — темные и светлые краски: при взгляде сверху трудно было различить темную спину, сливающуюся с цветом воды; при взгляде снизу в идущем сверху свете как бы растворялось светлое брюхо рыбы. Но самым замечательным у этой рыбы был меч — длинный, плоский, острый. Этот меч, который представлял не что иное, как продолжение верхней челюсти рыбы, тянулся не менее чем на семьдесят пять сантиметров впереди нее, являл собой грозное оружие. Меч огромной рыбы, сразивший Павлика, почти целиком ушел в скрытую водорослями расселину коралловой колонны, возвышавшейся над местом, где разыгралась эта подводная драма.

— Неужели она убила его? — проговорил дрожащим голосом зоолог, всматриваясь в бледное лицо Павлика, в его плотно закрытые глаза.

— Нет, он жив. Лорд! — твердым голосом сказал Скворешня, поднимаясь с колен. — Меч-рыба могла бы его убить, только разрушив скафандр. Этого, как видите, не случилось — скафандр совершенно цел. Хай живе наш хлопчик! Зато и

пришил же он ее! На месте! Як з пушки.

Руки Павлика с натянутыми на них перчатками были судорожно обвиты вокруг круглого тела рыбы, пониже ее спинного плавника.

Скворешня осторожно развел руки мальчика в стороны.

— Приподнимите рыбу, — сказал зоолог, — я вытащу из-под нее Павлика.

Это было быстро сделано. Зоолог со всех сторон внимательно обследовал скафандр мальчика и не нашел никаких повреждений. Лишь плоский, продолговатый ящичек, похожий на браунинг и висевший на правом боку, был сорван с пояса и держался на одном шнуре.

Зоолог еще раз пристально всмотрелся в бледное, безжизненное лицо Павлика и увидел, как тонкая, нежная кожа на его правом виске чуть заметно пульсировала.

— Он жив, Скворешня! Он жив!

— А я вам что сказал? — с радостной улыбкой ответил гигант, не сводя глаз с лица мальчика.

Зоолог быстро открыл щиток управления на поясе мальчика и нажал одну из кнопок.

— Небольшая добавочная порция кислорода, — проговорил он, — поможет ему скорее прийти в себя. Вот и щеки порозовели. Отлично!.. Пав-

лик! Павлик! Ты слышишь меня, бичо? Отвечай! Отвечай мне!

Глаза мальчика открылись. Одно мгновение он смотрел, ничего не понимая, на зоолога, потом внезапно страх перекосил его лицо, однако, увидев склонившегося над ним улыбающегося Скворешню, он сейчас же ответил ему слабой улыбкой.

— Ну вот все в порядке, — продолжал зоолог. — Теперь немножко какао из термоса, и будет совсем хорошо.

Он нажал в патронташе мальчика другую кнопку, и тотчас в шлеме Павлика из-под воротника поднялась черная изогнутая трубка и закругленным своим концом остановилась как раз у его губ.

— Выпей, выпей, бичо, — ласково говорил зоолог, — тебе станет лучше.

Павлик взял трубку в рот и несколько раз глотнул. Случайно взглянув при этом в сторону от себя, он вдруг увидел чудовищную тушу мечрыбы и, резко приподнявшись, застыл в ужасе. Скворешня рассмеялся и положил ему руку на плечо:

— Ты теперь, Павлик, герой! Смотри, какую ты рыбину один убил! Молодец, хлопчик!

— Я даже не успел ее рассмотреть, — с бледной улыбкой слабым голосом ответил Павлик. — Она так быстро бросилась на меня…

— Ну, теперь домой, скорей домой, Скворешня! — заторопил зоолог.

— Есть домой, товарищ Лорд! — весело откликнулся Скворешня.

Через минуту под спинными мешками зоолога и Скворешни уже вращались винты. На огромных руках гиганта, как в колыбели, уютно устроился Павлик. Стремительно рассекая воду, все трое понеслись над пологим спуском дна в темные глубины океана.

* * *

На глубине шестисот пятидесяти метров луч прожектора казался огромным ярко-голубым тоннелем, высверленным в плотной, непроницаемой бархатно-черной тьме. Его далекий конец ослепительно сиял, словно капля расплавленного металла, между тем как ближайший походил на широкий раструб, постепенно разъедаемый и поглощаемый тьмой.

Зоолог и Скворешня с Павликом на руках неслись на двух десятых полного хода вдоль светового тоннеля, держась несколько в стороне от

него. Слабый голубой отблеск ложился на их лица и металлические скафандры. В самом тоннеле, как на прозрачном серебристом экране, извивались силуэты рыб. Они внезапно возникали на нем, играли, как будто опьяненные потоками необычайного света, или подолгу, как зачарованные, неподвижно висели, потом исчезали столь же внезапно, как будто растаяв.

Зоолог отвернулся от луча прожектора, и ему показалось, что он видит со всех сторон вокруг себя странное, усеянное необычайными звездами черное небо, чуть светлевшее вверху, над спиной.

Эти звезды — голубые, красные, зеленые, серебристые — летали во всех направлениях, то вспыхивая, то потухая, то в одиночку, отдельными лампочками, то свиваясь в сверкающие кольца, сплетаясь в жемчужные диадемы, то распрямляясь в разноцветные мигающие гирлянды.

И в луче прожектора и в сияющих вокруг точках, пятнах и линиях зоолог узнавал или угадывал известных ему животных — случайную добычу глубоководных драг, тралов и сетей и редких гостей морских биологических и зоологических станций, лабораторий. Но чаще всего он становился в тупик, впервые наблюдая множество

странных созданий, никому еще не известных.

Сколько еще неожиданного таят в себе эти безграничные глубины океана! Что значат самые хитроумные способы лова для сильных, быстрых и ловких обитателей глубин! Кого приносят на поверхность эти жалкие орудия слепой охоты, кроме самых медлительных или самых небольших и слабых существ, населяющих эти таинственные, полные загадок толщи океана!

Все, с чем зоолог успел уже ознакомиться с помощью чудесного корабля за короткий срок работы, показало ему насколько ограниченны, скудны, случайны сведения, которыми располагала до сих пор наука о море, его жизни и о жизни в нем. Только теперь, с появлением этого корабля, океанография, физика и химия моря, его биология начнут выходить из состояния младенчества. Грудь зоолога расширялась от восторга при мысли, что именно он — первый, кто непосредственно изучает море и его жизнь в настоящей, естественной обстановке.

Огромная тень, напоминавшая силуэт гигантского кашалота, показалась во мраке, едва вырисовываясь на фоне слабого отраженного света, распространявшегося вокруг прожектора.

— Ну, вот мы и дома, — сказал через некоторое

время зоолог. — Вызываю подлодку.

Все расстояние, отделявшее место сражения Павлика с меч-рыбой от подводной лодки, эти десять километров, зоолог и Скворешня проделали всего лишь за десять минут.

Они приблизились к подлодке со стороны ее правого борта, из середины которого с убийственной силой бил луч прожектора мощностью в двенадцать миллиардов свечей. Световой тоннель был здесь как будто наполнен расплавленным ослепительной белизны металлом. Ни одно живое существо не могло выдержать яркости этого света на расстоянии до ста метров от прожектора. Те же, которые случайно попадали в его луч, моментально ослеплялись и, надолго парализованные, беспомощно падали на дно.

Обменявшись по радиотелефону несколькими словами с центральным постом подлодки, зоолог и Скворешня медленно подплыли под самый прожектор. От гофрированного борта подводного корабля отвалилась и горизонтально легла, держась на петлях, ровная металлическая площадка, открытая спереди и отгороженная перилами с боков. Одновременно позади площадки раздвинулся борт и открылась кубическая камера, наполненная зеленоватой водой и желтым

светом нескольких электрических ламп. Остановив и убрав винт, Скворешня первый ступил на площадку и, держа на руках Павлика, вошел в водяную камеру. Следом за ним вошел зоолог и нажал четырехугольную, сиявшую красным светом кнопку справа от выходного отверстия. Площадка поднялась и закрыла вход. Толстые металлические двери сдвинулись и прижались друг к другу краями с такой силой, что с трудом можно было различить линию их схождения. Вода начала быстро убывать. Обнажились металлические стены. У незаметного теперь выхода на наружной стене виднелся ряд кнопок с головками, сверкавшими разноцветными огнями. На противоположной стене было видно несколько вделанных в нее приборов с циферблатами, стрелками, градуированными стеклянными трубками.

Через десять — пятнадцать секунд на полу камеры не было и капли воды. Зоолог и Скворешня продолжали неподвижно стоять.

— Какое давление, Лорд? — нетерпеливо спросил Скворешня.

Зоолог подошел к приборам и посмотрел на одну из стрелок.

— Уже восемнадцать атмосфер, — ответил он.

— Сейчас давление воздуха сделается нормальным, и можно будет раздеться.

Переминаясь с ноги на ногу, он смотрел не отрываясь на приборы, потом открыл патронташ на поясе и нажал одну из кнопок. Тотчас же присосы, державшие шлем на воротнике скафандра, втянули в себя воздух, и зоолог быстро снял шлем с головы.

Вслед за тем он вынул из патронташа медную иглу на длинном тонком шнуре и, нажав крохотную кнопку на рукоятке иглы, провел ее острым концом по ложбинке на средней линии скафандра — сверху вниз, затем по обеим ногам до ступни и, наконец, кругом талии. Скафандр раскрылся по всем этим линиям, и зоолог начал постепенно освобождаться от отдельных частей своей металлической одежды. Ту же операцию проделал Скворешня над Павликом.

В это время во внутренней стене раздвинулись двери, и в камеру вбежал молодой сухощавый и смуглый моряк в белой форменке и черных брюках. Смоляно-черные волосы на его голове были гладко расчесаны, с ровным белым пробором на боку, но на темени вызывающе торчала непокорная жесткая прядь.

— Что с Павликом? — крикнул он, бросаясь к

Скворешне.

— Ничего, Марат Моисеевич, ничего! — весело отвечал Павлик, вырываясь из рук Скворешни и подбегая к молодому краснофлотцу.

— Ну-ну, ничего… — возразил зоолог. — Раздевай его скорей, Марат, и неси в госпитальный отсек, я сейчас же осмотрю его.

В камеру торопливо вошел молодой человек в белом кителе — коренастый, черноволосый, с темно-желтым монгольского типа лицом. Его узкие, косо поставленные глаза с тревогой осматривали раздевавшихся водолазов.

— Цой! Цой! — радостно встретил его Павлик, не давая ему вымолвить слова. — Я принес тебе интересного моллюска! Я здоров, и ничего особенного! Арсен Давидович говорит, что это новый моллюск. Только он больной какой-то. Арсен Давидович хочет, чтобы ты его исследовал.

— Батюшки! — рассмеялся Цой, показывая два ряда великолепных белых зубов. — Сразу с три короба наговорил! Значит, здоров! Ну, идем сначала в ремонт, герой!

Все пятеро вышли из камеры и очутились в мире сверкающего металла, необычных, молчаливо работающих машин и механизмов, тишины и безлюдья.

Глава IV
Гибель «Диогена»

Несмотря на чудовищной силы ураган, который несся из холодных областей Баффинова моря и Гренландии, на помощь «Диогену», первоклассному пароходу, совершавшему срочные рейсы между Шербургом и Нью-Йорком, по первому его сигналу о бедствии в течение двух-трех часов собрались десятки пароходов. Гигантские волны, достигавшие высоты тринадцати метров, сглаживались потоками нефти и разбивались подводными воздушными волноломами. Паровые, дизельные, электрические катера и глиссеры сновали взад и вперед, перевозя людей с гибнущего судна. Первые жертвы были доставлены на «Марию-Антуанетту», раньше всех появившуюся и приступившую к спасательным работам. Среди этих пострадавших находился советский гражданин Иван Федорович Буняк, тяжело раненный глыбой льда, сорвавшейся с айсберга. Буняк возвращался из Канады на родину после шестилетней работы на посту советского консула в Квебеке. В момент столкновения «Диогена»

с айсбергом он стоял со своим сыном у борта верхней, пятнадцатой, палубы и с ее двадцати-пятиметровой высоты, под мерное покачивание гиганта-парохода, спокойно любовался бессильным бешенством стихии. Айсберг вынырнул из предрассветной мглы совершенно неожиданно. В таких низких широтах ледяные горы никогда не наблюдались, и только семидневным постоянством урагана можно было объяснить появление айсберга на пути «Диогена».

СХЕМА МАРШРУТА
ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ „ПИОНЕР"
от Ленинграда до места гибели парохода „Диоген"

○ Место гибели „Диогена"

Масштаб по экватору
1000 0 1000 2000 3000 км

В эту ночь как раз испортился инфракрасный фотоаппарат с левого борта, и он не смог своевременно предупредить о приближении ледяной горы. Ураган был так силен, а масса айсберга столь велика, что удар по борту «Диогена» получился необычайно мощный. Весь левый борт парохода был исковеркан, продавлен, водонепроницаемые переборки смяты, а верхние палубы засыпаны и проломлены огромными глыбами льда.

Лежавшего без сознания Буняка команда передала на катер с «Марии-Антуанетты», и никто не заметил отсутствия мальчика, его сына. Айсберг, наделавший столько бед, величественно удалялся, слегка покачиваясь на бесновавшихся вокруг него громадных волнах, и никто не догадался посмотреть, что делается в его многочисленных впадинах, провалах, пещерах и гротах…

Когда работы по спасению пассажиров и команды закончились, раненые, в том числе и находившиеся без сознания, были опознаны. Перекличка, устроенная по радио между всеми спасенными, установила, что не хватает трех человек, среди них — Павла Буняка, четырнадцати лет, сына советского подданного Ивана Буняка. Решили, что все трое при столкновении упали в

море и погибли. Все же несколько быстроходных катеров обследовали в течение пятнадцати минут ближайшее пространство вокруг уходившего под воду «Диогена» и вернулись ни с чем.

Под грустный прощальный рев гудков своих многочисленных собратьев «Диоген» с потухшими котлами медленно погружался в темные глубины океана. Пароходы разошлись, развозя спасенных в разные порты европейского побережья.

* * *

Океан утихал. Длинные пологие валы вздымались и медленно катились вдаль. После жестокого урагана спрятавшаяся было в глубинах жизнь вновь закипала на поверхности. Все чаще и чаще из ультрамариновых волн выпархивали стайки летучих рыб. Расправив свои плавники, длинные и острые, словно ласточкины крылья, они проносились с сухим шуршаньем над валами и вновь скрывались в чистейшей лазури океанских вод.

Вслед за ними, как орудийные снаряды, взлетали в воздух зелено-красные бониты, великолепные золотые макрели, то эмалево-синие, то пурпурные, но все с золотисто-желтыми хвостами.

Огромные, двух- и трехметровые, тунцы в охотничьем азарте показывали время от времени над поверхностью вод свои жадно раскрытые круглые рты или мощные черно-синие спины. Охота разгоралась. Стаи летучих рыб непрерывно взлетали и падали. И ни охотников, ни дичь не смущали плававшие то тут, то там среди волн совсем необычные и странные для этих мест предметы: деревянные скамьи, легкие плетеные кресла, решетчатые ящики с капустой, с апельсинами, обломки досок, японская лакированная этажерка, белая, наполовину застекленная дверь, тюфяки с морской травой, спасательный круг, обрывки соломы — тревожные признаки бедствия, грустные, осиротевшие спутники человека.

Вот одна из дорад, больше метра в длину, после неудачного прыжка через клетку с мертвыми курами с громким плеском упала обратно в воду, но с быстротой молнии вновь устремилась за своей жертвой. Она все сильней и сильней разгонялась, скользя по поверхности, словно глиссер, и, когда летучка, теряя силы, спускалась по стометровой дуге своего полета, дорада одним ударом хвоста вдруг оторвалась от волны, взлетела на несколько метров вверх, наперерез летучке, и в одно мгновение намеченная жертва исчезла в

огромной круглой пасти.

Солнце бросало уже свои последние лучи на круглые гребни валов, когда к дорадам, бонитам, тунцам присоединилось стадо острорылых дельфинов. Жестокая игра жизни и смерти возобновилась с новой силой.

Эта полная движения и красок картина совсем не привлекала, однако, внимания трех человек, пытливо осматривавших все пространство вокруг, вплоть до далекого горизонта. Они стояли на овальной ровной площадке, огороженной легкими перилами, на вершине небольшого холма из гофрированного металла, окрашенного в сине-зеленый цвет. У переднего конца площадки, почти у самых перил, холм круто уходил вниз, в воду. Позади площадки на протяжении двух-трех десятков метров холм полого спускался к воде, как спина огромного кита, и сразу терялся в ее чистой, прозрачной синеве. На этой спине, словно отодвинутая на затылок шапка, помещался закругленный сверху горб из того же гофрированного металла. Сбегавшая волна порой обнажала еще на несколько метров пологую спину холма, показывая, что она тянется и дальше, под водой.

Холм покачивался на затихавшей мерной зыби, то показываясь на гребнях волн, то скрываясь в

провалах между ними. Люди стояли на площадке, как будто не ощущая качки.

Двое из этих людей, одетые в ослепительно белые с золотыми пуговицами кители, с золотыми шевронами на рукавах и «крабами» на фуражках, молча осматривали горизонт и гребни далеких валов, глядя в странные инструменты, похожие одновременно на бинокли и подзорные трубы.

Третий, широкоплечий гигант, ссутулившись, стоял у перил, позади начальства, в позе медведя, старающегося соблюдать дисциплину и почтительность. На нем были белоснежная форменка и фуражка-бескозырка. Длинные усы, обкуренные над губами, светлыми, белокурыми витками свисали ниже подбородка; маленькие глаза на широком, гладко выбритом курносом лице смотрели немного насмешливо, с добродушной хитрецой. И он не отрываясь, внимательно и зорко оглядывал поверхность океана, не обращая внимания на игру хищников со своими жертвами.

Солнце скрылось. Быстро, на глазах, сгущались сумерки, как будто снизу, из океана, поднимался гигантский, все более плотный, все гуще синеющий занавес.

Дорады, бониты, дельфины прекратили свои

прыжки. Однако охота, вероятно, еще продолжалась под поверхностью. Стайки летучих рыб по-прежнему, с легким потрескиванием расправляя плавники, взлетали, опускались и, чуть прикоснувшись к гребню волны, вновь поднимались над водой. То одна, то другая из них в быстро опускающейся темноте с громким хлопающим ударом падала на это странное судно, на его площадку, ударялась о его гофрированные бока и, оставляя на них кровь и серебристую чешую, падала в воду.

Высокий человек в белом кителе опустил наконец свой странный бинокль и махнул рукой.

— Ничего не видно, Лорд, — сказал он на чистейшем русском языке, вгоняя колена подзорной трубы в пространство между трубками бинокля. — Очевидно, мальчик в самом деле погиб. Мы напрасно лишь теряем время.

Несмотря на сгущавшиеся сумерки, было хорошо еще видно его лицо с золотым загаром, светлая острая бородка и начисто выбритая верхняя губа. Слегка изогнутый, с горбинкой нос из-за отсутствия усов казался крючковатым, как клюв хищной птицы. Глаза серые, немигающие, всегда полуприкрытые тонкими, с синевой веками, еще более усиливали это сходство.

Маленький плотный человек с большой головой и великолепной черной бородой, которой позавидовал бы любой древнеассирийский царь, посмотрел на говорившего.

— Все-таки нам следует убедиться в этом, капитан, — произнес он, также складывая свой зрительный прибор. — Тем более, что потерянное время наш «Пионер» легко наверстает. Ведь мы видели только два погружавшихся в глубины трупа. Где же третий?

— Не знаю. Лорд, не знаю. Может быть, он остался на «Диогене» и тот увлек его с собой. Мне очень жаль мальчика, но мы не можем больше оставаться здесь. Пойдемте, — предложил капитан и, повернувшись, медленно, словно нехотя, направился к открытому люку, видневшемуся у заднего конца площадки.

В этот момент гигант вздрогнул, выпрямился и, чуть наклонившись вперед, поднял предостерегающе руку.

Капитан и Лорд остановились. Гигант, как будто превратившись в статую, напряженно прислушивался.

Тихий плеск воды у гофрированных бортов судна лишь подчеркивал тишину над почти уснувшей поверхностью океана.

— В чем дело, Скворешня? — нетерпеливо прервал молчание капитан.

— Разве вы не слышали? — взволнованно прогудел гигант. — Там человек кричит…

— Что? — Капитан оглянулся и обвел взором темные засыпавшие волны. — Вам послышалось, Скворешня!

— Я вполне уверен, товарищ командир, — вытянулся во весь свой рост Скворешня. — Я слышал крик… Стоп! — прервал он самого себя и выбросил руку в том направлении, что и раньше, напряженно вглядываясь куда-то в темноту поверх головы капитана.

Издалека донесся долгий и слабый, как пение комара, звук.

— Крик! — прошептал Лорд. — Я слышу крик, капитан!

— Да-да! Но не там, где указывает Скворешня, а с правого борта.

— Нет, товарищ командир, я не ошибся, — почтительно возразил Скворешня. — Крик был прямо по носу.

— Прожектор бы зажечь… — нерешительно сказал Лорд.

— Ни в коем случае! — категорически возразил капитан и быстро подошел к перилам на перед-

нем конце площадки.

Их верхние прутья здесь утолщались и расширялись в виде овального щитка, усаженного кнопками, крохотными рычажками, небольшими штурвалами — все с разноцветно фосфоресцирующими в темноте цифрами и значками.

Капитан нажал одну из кнопок. Из правого, покатого борта судна вырвалось что-то темное, широкое и продолговатое, закругленное сверху и снизу. С тихим свистом и жужжанием оно взлетело, как торпеда, кверху и тут же скрылось в темноте. Одновременно посередине щитка на перилах засветился тусклым серебристым светом небольшой круглый экран.

— Инфракрасный разведчик! — радостно произнес Лорд и смолк, устремив глаза на экран.

Капитан также пристально смотрел на этот маленький серебристый круг, медленно поворачивая штурвал в четверть оборота направо и налево. На светлом фоне экрана мелькали какие-то расплывчатые тени: что-то похожее на ящик, потом что-то плоское, с четырехугольными пятнами, нечто вроде кресла, скамьи… Не было сомнения: все, что видели здесь люди на поверхности океана при свете заходящего солнца, все плававшие вокруг судна остатки и обломки

кораблекрушения — все теперь, в темноте, вновь появлялось одно за другим знакомыми, хотя и расплывчатыми тенями на этом матово-серебристом экране.

— Какое гениальное изобретение! — восторженно проговорил Лорд, не сводя глаз с экрана. — Я все никак не могу привыкнуть к этому чудесному разведчику. А вот и айсберг!

— Да, — произнес капитан, — но море вокруг него пустынно, и никаких обломков уже не видно на экране. Откуда же донесся к нам этот крик?

— Может быть, мы плохо рассмотрели обломки под разведчиком? — предположил Лорд.

— Вполне возможно, — согласился капитан. — Придется более густо прочесать этот сектор и держать снаряд поближе к воде.

Через десять минут инфракрасный разведчик, описывая густую сеть суживающихся зигзагов почти у самой поверхности воды, вернулся к площадке судна и, опять удаляясь, тем же путем пронесся над айсбергом. Все было напрасно. Нигде не удалось заметить и признака человека.

— Что же это значит? — в недоумении спросил Лорд. — Неужели мальчик послал нам свой последний призыв, а потом сорвался и пошел ко дну? Как это ужасно!

Внезапно из ночной тьмы опять донесся далекий и тонкий крик. Теперь он звучал с какой-то новой, полной отчаяния силой. Три человека на площадке на мгновение окаменели. Потом Скворешня воскликнул:

— Он на льдине! Он на льдине, товарищ командир!

— Но до айсберга, судя по ходу разведчика, больше трех километров, Скворешня. Мы не услышали бы крика на таком расстоянии, — возражал капитан.

— Не знаю. Я не могу объяснить, но он там, только там! Больше ему негде быть! — взволнованно говорил Скворешня.

— Хорошо, — сказал капитан, — я направляю снаряд к льдине.

В центре экрана опять появился айсберг. Огромная ледяная гора величественно поднималась из воды, тускло поблескивая многочисленными гранями. Она была изрыта гротами и провалами, украшена причудливыми пиками, колоннами, башенками. Послушный движению штурвала в руках, капитана, гигантский айсберг медленно поворачивался на экране то одной, то другой стороной. Экран отражал то грохот, то площадку, то темную впадину, тускло отсвечивающую ребра-

ми и плоскостями. Некоторые из них были густо усеяны темными и серыми пятнами, которые, как только к ним приближался глаз человека, начинали шевелиться, превращались в птиц, порой беспокойно взлетали и тотчас же садились на прежнее место.

— Наш разведчик разбудил этих чаек, фрегатов и глупышей, — заметил Лорд. — Может быть, его заметит мальчик, и это ободрит его… Вот он, вот он! — закричал он вдруг, склоняясь над экраном.

Капитан резко повернул маленький штурвал в обратную сторону, и айсберг вдруг метнулся на экране, наклонился, исчез, вновь появился и устойчиво встал. На одной из его площадок, почти над обрывом, перед широким, словно оркестровая раковина, входом в грот видно было небольшое темное и длинное пятно. Пятно это быстро, на глазах, росло, увеличивалось и через несколько секунд превратилось в небольшую фигуру человека, распростертого на площадке.

— Это он, товарищи, он! — взволнованно говорил Лорд.

— Даю одну десятую вперед, — послышался твердый и четкий голос капитана. — Вызвать глиссер! Приготовиться к спуску!

— Есть вызвать глиссер, приготовиться к спуску!

Скворешня повернулся к ближайшей толстой стойке перил и нажал кнопку на ней. На верхнем конце стойки откинулась крышка, и Скворешня достал из отверстия небольшой микрофон, за которым тянулся провод. Вполголоса он передал кому-то распоряжение, вставил микрофон на место и закрыл крышку.

Между тем капитан прикоснулся к одной из кнопок на переднем щитке и перевел по дужке на несколько делений вправо крайний рычажок.

Металлический холм вздрогнул и двинулся вперед все быстрей и быстрей. Вода с легким плеском огибала его широкий и круглый нос, скользила по многочисленным продольным ложбинкам на его боках и смыкалась позади.

Не сводя глаз с экрана, на котором застыло изображение айсберга с фигурой человека, капитан слегка повернул сверкавший белым светом штурвал. Судно послушно переменило курс на

несколько градусов к югу.

Из люка появились два человека в форменках и бескозырках. За ними показались два ящика: один — побольше, продолговатый и плоский, другой — поменьше, почти кубический. Люди стали неподвижно по сторонам люка, каждый со своим ящиком у ног. Из открывшейся возле люка щели поползла вниз, плотно прилегая к бокам судна, гибкая металлическая лестница и остановилась, как только ее нижняя перекладина погрузилась в воду.

В этот момент потянул легкий ветер, и неожиданный свет стал вдруг разливаться по поверхности океана. Он появлялся то тут, то там, то возникая из глубин, то опускаясь туда зеленовато-голубыми, синевато-зелеными светящимися туманностями из множества мелких нежных искорок. Они переливались красными оттенками, сливались в большие пятна, захватывали все большее и большее пространство, разгорались на мелкой ряби под ветерком, как масса пылающих шаров. И вдруг вся поверхность океана вспыхнула, как будто она покрылась слоем раскаленных добела железных опилок; в следующее мгновение она превратилась в расплавленное жидкое серебро с загорающимися в нем звез-

дочками, шарами, овалами из кроваво-красных рубинов, зеленых изумрудов, синих сапфиров. Стало светло, но все выглядело при этом странно, по-новому, неузнаваемо: свет лился отовсюду, со всех сторон, и теней не было.

— Пирозомы! — восторженно воскликнул Лорд. — Pyrozoma atlantica! Самое яркое из светящихся животных. Какое прекрасное зрелище!

Металлический холм несся вперед, взметая впереди себя и по сторонам волны холодного пламени. Внезапно у самого подножия холма из этого жидкого пламени взвилось длинное, гибкое тело, все как будто облитое серебристо-голубой парчой, изогнулось красивой дугой, нырнуло и скрылось. За первым сейчас же последовало второе, потом третье, четвертое, и через минуту стадо дельфинов в стремительном фантастическом танце окружило судно и следовало за ним не отставая.

Громкий возглас Скворешни оторвал Лорда от этой картины и вернул его к действительности:

— Человек на льдине!

На расстоянии двухсот метров от судна высился гигантский айсберг. Он поднимался, словно объятая пламенем гора, нестерпимо яркая, переливаясь всеми цветами радуги, как чудовищный

бриллиант, полный внутреннего огня. На ослепительно белой площадке айсберга под входной раковиной грота с большой отчетливостью виднелась неподвижная темная фигура человека.

Позади судна, на расстоянии нескольких десятков метров от площадки, под водой вдруг сильно забурлило, и судно почти тотчас же остановилось.

— Глиссер на воду! — скомандовал капитан.

Один из стоявших у люка людей поставил свой ящик на бок и нажал замок. Ящик раскрылся и через минуту превратился в небольшой резиновый глиссер на сложном каркасе из блестящих металлических прутьев, полос и пластинок. Из второго ящика тем временем был извлечен небольшой электромотор со складным винтом и прикреплен на корме глиссера.

Еще мгновение — и глиссер, соскользнув на пылающую воду, со Скворешней у руля и двумя его товарищами на борту, неслышно понесся к айсбергу, осыпанный белыми брызгами огня и каплями горящих самоцветов.

Издали доносился голос Скворешни, окликавший, что-то спрашивавший, ободрявший.

Обратно глиссер летел, словно на огненных крыльях. С выключенным мотором, он не успел

еще вплотную пристать к металлическому борту судна, как Скворешня взбежал на площадку, держа на руках маленькое человеческое тело с беспомощно свисающими головой и ногами.

— Хлопчик! Хлопчик! — кричал он возбужденным и радостным голосом. — Совсем еще мальчик!

— Жив? — бросился к перилам Лорд.

— В обмороке. Сначала стонал, потом затих.

— Скорее ко мне, в госпитальный отсек! — крикнул Лорд, бросаясь к люку и скрываясь в нем.

За ним исчез Скворешня со своей ношей.

Потом спустились люди со сложенными в ящики глиссером и двигателем; лесенка уползла в свою щель.

На площадке остался один капитан. Он нажал кнопку на щитке управления: перила разомкнулись и расчленились в нескольких узловых местах, горизонтальные прутья опустились и, прильнув к стойкам, скользнули вместе с ними внутрь холма. Капитан осмотрел площадку, оглядел пустынный океан и тоже спустился в люк.

Сейчас же после этого необыкновенный холм начал быстро погружаться и через несколько мгновений скрылся под водой. Набежавший вал, как огромный утюг, прошелся по тому месту, где

только что возвышался холм, словно уничтожая малейшие следы его на поверхности океана.

Глава V
Перемена маршрута

Подводная лодка была военным кораблем. Враги Советского Союза неоднократно пытались добыть чертежи таинственной подлодки, получить материалы и конструкторские расчеты. Вокруг завода, где шло ее строительство, день и ночь кружили шпионы; два ответственных работника завода, у которых они, очевидно, предполагали добыть на дому материалы о подлодке, были найдены убитыми; шпионов вылавливали, сажали в тюрьму, некоторых за убийство расстреляли. Но число их не уменьшалось, а дерзость, по мере приближения сроков окончания стройки, увеличивалась.

Однако все было безуспешно. Постройка подлодки под руководством ее конструктора Михаила Крепина была благополучно закончена. В глубокой тайне лодку спустили на воду, вооружили новыми, совершенно необычными орудиями защиты и нападения, испытали в мелководном Балтийском море и отправили в первое дальнее

плавание — во Владивосток.

Именно там через несколько месяцев, как об этом настойчиво говорили все ставшие известными Советскому правительству факты и материалы, собиралась разразиться давно подготовлявшаяся гроза. Старый враг, упорно и неутомимо добивавшийся господства на Азиатском континенте, не оставлял своих захватнических замыслов относительно Советского Приморья. Этот цветущий край разжигал его аппетиты. Императорская клика и военщина готовили удар против Советского Союза, надеясь на помощь с Запада. Они знали всю опасность, весь риск этой новой своей авантюры. Они знали мощь Советской страны, закованной в броню новейших достижений науки и техники, знали грозную силу ее армии и флота. Но жажда новых завоеваний, страх перед надвигающейся революцией в собственной стране и слепая ненависть к стране социализма гнали их в пропасть войны с могучей социалистической державой.

Спокойно и зорко партия и правительство Советского Союза наблюдали за своим соседом. Они знали, что двадцать четвертого августа, в день рождения императора, ожидалось принятие решений, от которых зависела мирная жизнь

миллионов трудящихся.

Именно накануне этого решающего дня, двадцать третьего августа, подлодка «Пионер» должна появиться у дальневосточных берегов Союза и показать агрессору, что советские границы неприступны. Неожиданное появление новой могущественной подлодки должно было в последний момент спутать карты имперского генерального штаба и разрушить все его планы.

Это первое в истории свободное плавание в недоступных до сих пор глубинах океанов должна была использовать и советская наука, первая в мире, должна была осветить все то таинственное, что скрывалось в этих глубинах и что возбуждало до сих пор нескончаемые споры среди ученых всех стран. С этой целью к подлодке прикомандировали группу научных работников во главе с известным советским зоологом Арсеном Лордкипанидзе. Они должны были по пути следования подлодки, начиная от Балтийского моря, через Атлантический океан, через Гибралтарский пролив, Средиземное море, Суэцкий канал, глубина которого была к этому времени доведена до тридцати метров, через Индийский океан, Китайское море и до Японского моря, тщательно изучить такие проблемы, как возникновение и прохожде-

ние течений на глубинах, фауна больших глубин, рельеф морского и океанического дна, физические и химические процессы в этих областях. И здесь, как всегда. Советская страна стремилась к тому, чтобы оборонные и хозяйственные средства служили одновременно и науке — для расширения власти человека над природой.

Подлодка шла к месту своего назначения, держась на глубине не менее двухсот метров, стараясь не появляться на поверхности. Ее поход должен был оставаться тайной для всего мира, тайной, скрытой и хранимой глубинами океанов, сквозь которые она прокладывала свой путь. Таковы были инструкции высшего морского командования, которыми руководствовался капитан Воронцов. Отступать от этих инструкций ему разрешалось по его усмотрению лишь в самых крайних случаях.

Поймав с гибнущего «Диогена» радиосигнал о бедствии, подлодка явилась к месту катастрофы одновременно с остальными спешившими туда судами, хотя ее отделяло от «Диогена» расстояние, в несколько раз большее. Держась на глубине около двухсот метров, следя за всеми радиопереговорами «Диогена» и его спасителей, подлодка проводила затем тонувшее судно до глубины

одного километра и видела, как скопившийся во многих его отсеках воздух под давлением воды в сто атмосфер разорвал судно на несколько частей, которые затем стремительно пошли ко дну.

Еще до переклички спасенных подлодка знала о гибели двух человек — одного матроса и одной женщины, упавших в море при столкновении судна с айсбергом. Их тела, медленно опускавшиеся на дно, подлодка видела, когда кружила в глубине вокруг «Диогена». Но трупа третьего пропавшего, советского мальчика Павла Буняка, подлодка, несмотря на тщательные и усердные поиски, найти не могла. После того как «Диоген» поглотили волны, инфракрасный разведчик подлодки, управляемый по радио, еще долго носился над поверхностью вод во всех направлениях и опускался на большие глубины, но не обнаружил трупа мальчика. Тогда старшина водолазов Андрей Скворешня заявил капитану Воронцову, командиру подлодки, что, по его твердому убеждению, мальчик или его труп находится, вероятнее всего, на одном из крупных обломков, плававших на месте крушения. Скворешню поддержали начальник научной части подлодки профессор Лордкипанидзе, старший лейтенант Богров и радист Плетнев.

Была ли судьба, жизнь или смерть советского мальчика тем «крайним случаем», который предусматривала инструкция высшего командования?

После короткого колебания боевой командир принял решение, которое подсказали ему советские чувства: горячая любовь к людям и постоянная забота о них. Однако, прежде чем нажать кнопку к подъему на пульте центрального поста управления, капитан Воронцов обеспечил безопасность корабля всеми имевшимися в его распоряжении мерами. Инфракрасный разведчик вновь вырвался из борта подлодки и начал кружить вокруг нее, поднимаясь по спирали к поверхности, выскакивал в воздух и непрерывно пересылал на экран центрального поста подлодки изображения всех встречающихся на его пути предметов — обломков крушения, рыб, водорослей и даже прозрачных медуз. Все говорило о полнейшей пустынности океана и неба, спокойствии и безопасности. И лишь тогда показался на поверхности океана «Пионер»…

Еще работали пневматические рычаги, вогнявшие нижнюю крышку люка в его гнездо, а подлодка, закончив спасение мальчика, уже стремительно погружалась в спокойные, безопасные

глубины, ложась на свой курс. В госпитальном отсеке над телом мертвенно-бледного безжизненного Павлика склонился зоолог и врач подлодки Арсен Давидович Лордкипанидзе.

Счастье Павлика заключалось в том, что старший радист Плетнев принял из Ленинграда и передал капитану Воронцову шифрованную радиограмму лишь через час после того, как подлодка сняла мальчика с айсберга. Именно этот час спас ему жизнь.

Радиограмма была от Главного штаба морских сил и содержала чрезвычайно важные сообщения.

> Органы Управления государственной безопасности установили, что одна иностранная держава, заинтересованная в ослаблении обороны наших дальневосточных берегов, неизвестным образом узнала маршрут «Пионера» и ее тайные агенты намереваются уничтожить подлодку во время ее остановки в Гибралтарском проливе или в другом удобном пункте ее маршрута. Поэтому Главный штаб предлагает капитану Воронцову идти во Владивосток, не останавлива-

ясь в Гибралтарском проливе, и не через Индийский океан, а вокруг мыса Горн и через Тихий океан, держаться в течение всего пути на больших глубинах, соблюдать полную секретность, ничем не обнаруживая себя. Это изменение маршрута должно повлечь за собой и перестройку плана научных работ экспедиции. Однако Главный штаб подтверждает, что при всех обстоятельствах срок прибытия подлодки во Владивосток остается неизменным — двадцать третье августа.

Не могло быть сомнения, что, если бы капитан Воронцов получил эту радиограмму немного раньше, он медленно удалился бы от места гибели «Диогена», возле которого собралось так много судов и где малейшая случайность могла обнаружить присутствие «Пионера». Нетрудно себе представить, какая участь ожидала бы Павлика в этом случае…

Командир подлодки стоял в коридоре и внимательно перечитывал листок бумаги с расшифрованной радиограммой. Радист Плетнев, маленький, сухой, с темным, сморщенным, как сушеная груша, лицом, стоял перед командиром. На левой руке у него не хватало двух пальцев

— память о длительной зимовке на одном из дальних островов Советской Арктики и о трагической встрече там с белой медведицей и двумя медвежатами — впрочем, более трагической для этой медвежьей семьи, чем для Плетнева.

Радист терпеливо ждал распоряжений командира. Стены коридора и выходящие в него с обеих сторон двери под мягким светом электрических ламп матово поблескивали лаком своей темно-красной полировки. Узорчатая каучуковая дорожка тянулась по полу. Из нескольких круглых люков, вырезанных в полу и огражденных легким полукругом перил, вырывались столбы яркого света и доносился тихий, шелестящий шум работавших машин.

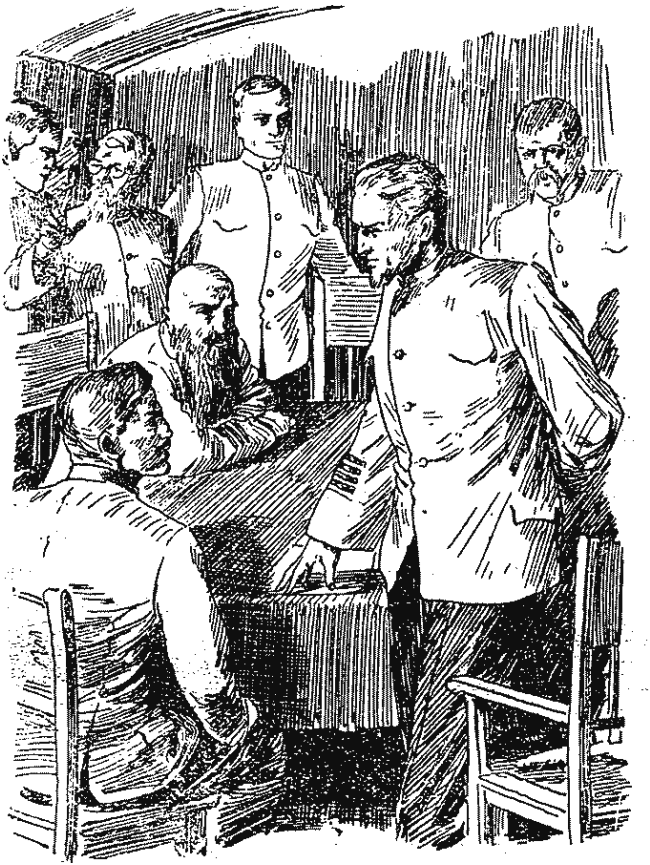
Командир повернул наконец к Плетневу озабоченное лицо:

— Распорядитесь, пожалуйста, немедленно созвать ко мне командный состав подлодки и пригласите начальника научной части. И сами, конечно, приходите.

— Есть, товарищ командир, созвать командный состав, начальника научной части и самому прийти!

Через несколько минут, вызванные условными сигналами из своих кают, диспетчерских, из раз-

ных отсеков подлодки, один за другим торопливо проходили в дверь командирской каюты первый помощник капитана старший лейтенант Богров, главный электрик военный инженер второго ранга Корнеев, начальник акустической части лейтенант Чижов, начальник научной части профессор Лордкипанидзе, комиссар Семин, старшина водолазов Скворешня и, наконец, Плетнев.



Каюта командира состояла из двух частей. Левая, отделенная портьерой, служила спальней. В правой части, более обширной, посередине находился большой рабочий стол. В углу на небольшом столике помещалось несколько главнейших навигационных приборов, автоматически показывавших то же самое, что и приборы в центральном посту управления. В другом углу — шкафчик автономной сети освещения. Тут же стояли шкафы, наполненные книгами. Стены были увешаны большими картами рельефов дна Атлантического, Тихого и Индийского океанов. На меньших картах были показаны горизонтальные и вертикальные разрезы океанов с линиями одинаковых температур, солености, плотности, карты вертикальных и горизонтальных течений, господствующих ветров.

Все уже уселись вокруг стола на легких удобных стульях, однако капитан, не приступая к делу, продолжал с нетерпением посматривать на дверь.

— Где же главный механик? — обратился он наконец к Плетневу.

— Сказал, что идет немедленно.

Дверь отодвинулась, и в каюту вошел, слегка согнувшись под входной аркой, высокий, широ-

кокостный, сутулый главный механик Горелов.

Его большая голова и длинное, худое, со впалыми щеками лицо были гладко выбриты. Это делало особенно заметными выступающие острые скулы и угловатые челюсти. Под густыми бровями глубоко запрятались черные сверкающие глаза. Большие уши, словно крылья летучей мыши, оттопыривались по сторонам длинного гладкого черепа.

— Прошу извинения, Николай Борисович, — проговорил он глухим голосом, пробираясь к свободному стулу у стены. — Меня задержали по дороге к вам.

Капитан кивнул головой.

— Так вот, товарищи, какое дело, — начал он, — я получил сейчас приказ Главного штаба. Согласно этому приказу, маршрут подлодки значительно меняется. Через Гибралтар она не пойдет.

Все молча и с удивлением смотрели на капитана.

— Не пойдем к Гибралтару? — удивленно спросил зоолог.

— Что такое? — с недоумением и некоторой растерянностью спросил Горелов.

Впрочем, уже в следующее мгновение он рав-

нодушно рассматривал ногти на своих длинных пальцах.

— Вы что-то хотели сказать, Федор Михайлович? — обратился к нему капитан.

— Ничего особенного, Николаи Борисович… я просто поражен этой неожиданностью.

— Да, конечно, — проговорил капитан и продолжал: — Дело, однако, не ограничивается переменой курса. Приказ требует соблюдения максимальной секретности похода. Поэтому предупреждаю вас, товарищи, что подлодка не только не будет заходить в какие-либо порты, но будет избегать всяких встреч с судами, приближения к берегам, подъемов на поверхность. Подлодка будет все время находиться в боевом подводном положении. В связи с этим я строго запрещаю какие бы то ни было действия, которые могут обнаружить подлодку. Глубина хода будет все время не меньше трехсот метров. В ночные часы запрещается пользоваться световыми прожекторами и открывать щиты иллюминаторов.

— А как же с научными работами? — с беспокойством спросил зоолог.

— Они не пострадают, Арсен Давидович. Наоборот, если хотите, можно увеличить число глубоководных станций и обследовать также

экваториальную и южную Атлантику, часть Антарктики, южную и тропическую части Тихого океана. От Гибралтарского пролива и Гвинейского залива придется отказаться.

— Значит, мы пойдем Магеллановым проливом? — спросил Горелов.

— Возможно, — ответил капитан. — В нашем распоряжении имеется, кроме того, и путь вокруг Африки. Некоторая разница в расстоянии не имеет значения.

Зоолог собрал бороду в кулак.

— Жаль, — вздохнул он. — Подводный Гибралтарский хребет, два встречных течения в проливе — верхнее из Атлантического океана и нижнее из Средиземного моря — очень важные темы в нашей океанографической программе. Впрочем, надеюсь, они с лихвой будут перекрыты проблемами новых областей. Я сейчас же приступлю, Николай Борисович, к составлению плана работ экспедиции по новому маршруту. Не откажите сообщить его мне.

И зоолог, вытащив из кармана блокнот и карандаш, приготовился записывать.

— Я вам потом передам его, Арсен Давидович, — ответил ему капитан после минутного колебания.

— Слушаю, — согласился ученый и тут же испуганно спросил: — Но первая-то наша станция, в Саргассовом море, остается в программе?

В каюте послышался легкий смех.

— О да! — усмехнулся капитан. — При любом маршруте «Пионера» ее не придется исключать.

Всем было известно нетерпение, с которым достойный зоолог ждал прибытия в это своеобразное, мало изученное, с почти неизвестной фауной море. С первых же дней похода зоолог не переставал вслух мечтать о той сладостной минуте, когда он сможет наконец дорваться до работы в прозрачнейших водах Саргассова моря, где должны были особенно развернуться зоологические и биологические исследования.

— Отлично! — удовлетворенно кивнул головой ученый. — Когда же мы прибудем туда, Николай Борисович?

— Часов через десять. Но надо не только прибыть туда — необходимо также отыскать подходящие места для ваших работ на разных глубинах, что-то вроде подводного плато или подводной горы. А это не так просто для Саргассова моря, которое на всех картах показано с огромными глубинами — больше шести тысяч метров… На этом, товарищи, мы закончим.

— Во всяком случае, завтра мы уже сможем приступить к работе, — потирая руки, говорил зоолог, направляясь к двери вместе с остальными участниками совещания.

* * *

К полуночи «Пионер» был уже в пределах Саргассова моря и перешел на зигзагообразный курс, доведя ход до десяти десятых.

Ультразвуковые прожекторы непрерывно посылали в центральный пост управления подлодки, на носовую полосу и купол экрана, изображения всего, что встречалось впереди нее в глубинах вод на расстоянии до двадцати километров; еще дальше с обоих бортов шныряли во всех направлениях вокруг подлодки инфракрасные разведчики и посылали на тот же экран свои донесения.

Саргассово море известно своей большой глубиной, и отыскать здесь базу для подводных научных работ во всех слоях, как вблизи поверхности, так и на больших глубинах, было очень трудно. Ни капитан, ни зоолог не ожидали встретить какое-нибудь большое подводное плато. Но они были уверены, что на обширном пространстве этого моря, лежащего как раз в

«полосе разлома земного шара», где в наиболее близкие к нам геологические эпохи происходили гигантские горообразовательные процессы, не прекратившиеся и в настоящее время, должны были находиться отдельные возвышенности вроде подводных гор, высоко поднимающихся над дном и сбоими вершинами приближающихся к поверхности моря.

В центральном посту подлодки утреннюю вахту нес лейтенант Кравцов. Стоя у щита управления, он часто посматривал на экран, на котором мелькали силуэты больших и малых рыб, скопления длинных водорослей, плавающих на поверхности этого моря.

Лейтенант был одет, как обычно, тщательно, даже щеголевато. Позолоченные пуговицы на белом кителе сияли; «краб» на фуражке сверкал, как начищенный; манжеты и воротничок были ослепительной белизны. Механическая прачечная на подлодке работала превосходно, но лейтенанта она, очевидно, не вполне удовлетворяла, и он придумал какое-то приспособление из плоской костяшки, которым наводил на воротничок и манжеты неподражаемый блеск.

Лейтенант перевел взгляд с экрана на приборы контрольного щита, висевшего на стене рядом

со щитом управления. В стекле одного из приборов отразилось на мгновение чисто выбритое скуластое лицо, с мягким, слегка приплюснутым носом, черными бачками, доходящими до середины ушей, и веселыми карими глазами под редкими бровями.

Все многочисленные приборы показывали нормальную работу механизмов и машин подлодки. Приближался полдень, и перо курсографа, отмечая извилистый путь «Пионера», успело прочертить на карте почти все Саргассово море по меридиану с севера на юг.

В углу, возле густого сплетения проводов, сходившихся у щита управления, тихо копошился Марат. Он внимательно исследовал один из проводов сигнализации и связи с камерой кормовой ультразвуковой пушки. Связь действовала слабо, с перебоями, и Птицын, младший акустик, работавший у этой пушки, требовал немедленного исправления. Целый час уже бился над этой работой Марат. Главный электрик подлодки, военный инженер второго ранга Корнеев, не раз уже вызывал его по телефону, торопил, наконец даже крикнул:

— Позор, товарищ Бронштейн! Такой пустяк оказывается для вас труднее проектов мирового

масштаба! Даю вам еще пятнадцать минут. Если вы не кончите за это время, то я… я передам работу Крамеру! Да-с! Имейте в виду! Стыдно!

Марат был уязвлен до глубины души. Действительно, стыдно. Особенно эта угроза насчет Крамера. И все это слышал лейтенант! Правда, он и виду не подал, что слышит, и деликатно молчит, как будто углубившись в созерцание экрана. Напрягая все свое внимание, Марат угрюмо с лупой у глаз принялся за осмотр и поиски сначала. И на первом метре от ввода… Нет, это было уже слишком! Это было совершенно непростительно! Марат в гневе даже хлопнул кулаком по лбу и вслух обозвал себя дураком: на первом же метре от ввода изоляция провода оказалась чуть-чуть, почти незаметно для глаза, повреждена, и провод своей оголенной точкой соприкасался с соседними металлическими приборами.

— Что с вами, Марат? — спросил лейтенант.

— Нашел! — радостно вспыхнув, ответил молодой электрик.

— Ага, поздравляю! Значит, Крамер останется с носом! — рассмеялся лейтенант.

Через две минуты все было в порядке. Птицын остался доволен, о чем и сообщил Марату по телефону. Марат сейчас же соединился с Корнеевым

и доложил ему об окончании работы.

— Очень хорошо, — послышался голос Корнеева. — Идите скорее обедать, а то опоздаете.

Едва лишь Марат, собрав свои инструменты и материалы, направился к двери, как послышался тихий удивленный возглас лейтенанта.

Марат посмотрел на экран. На его носовой полосе, прямо впереди подлодки, стремительно неслась к югу огромная темная тень кита. Его широкий хвостовой плавник быстро, с невероятной силой работал, то поджимаясь, то высоко вскидываясь кверху. Из могучей спины торчал толстый, глубоко вонзившийся гарпун, от которого к поверхности океана уходил натянутый, как струна, трос. Почти сейчас же за китом на куполе экрана появилось небольшое паровое судно, из трубы которого вырывались густые клубы дыма. Судно было в самом жалком положении. Оно быстро мчалось в том же направлении, что и кит. Нос судна был затоплен, корма вздернута кверху, фигуры людей метались по палубе с топорами в руках, видимо напрасно пытаясь пробраться на бак. Иногда нос приподнимался над поверхностью океана, и тогда широкие, мощные потоки воды скатывались с бака и на мгновение у самого форштевня показывались гарпунная пушка и

туго натянутый трос, уходивший в глубину моря, к киту. Но в следующее мгновение бак с пушкой вновь погружался в воду, и судно продолжало мчаться вслед за китом, зарывшись носом в волны.

— С ума сойти можно! — вскричал пораженный Марат. — Что тут делается?

— В чем дело? — спросил проходивший по коридору мимо приоткрытых дверей поста управления зоолог. — Можно войти?

— Входите, входите! — живо сказал лейтенант. — Интересное зрелище!

— А!.. — воскликнул зоолог, едва бросив взгляд на экран. — Действительно, редкое событие: кит увлекает за собой китобойное судно. Ох, черт возьми!

Кит сделал внезапно гигантский скачок кверху и сейчас же, казалось, с удвоенной силой и быстротой ринулся еще дальше в глубину. Несчастное судно, словно вырвавшись из мертвой хватки, вздыбилось, но в следующий же момент нырнуло носом настолько глубоко, что огромный вал воды, сметая все на пути, затопил почти половину палубы — до самого капитанского мостика.

Корма высоко задралась кверху, и на экране показался трепетный круг от бешено вертяще-

гося под нею винта. Один человек из команды был смыт волной, многие, не удержавшись на наклонной палубе, покатились по ней, хватаясь за все, что попадалось под руку.

— Судно на полном заднем ходу, — сказал лейтенант, — и никакого влияния на кита! Вот силища! Ведь машина способна, вероятно, развить не менее тысячи лошадиных сил! Это прекрасный, новейшей конструкции китобоец, примерно в триста регистровых тонн.

— Но они погибают! — вскричал Марат. — Они погибают, товарищ лейтенант! Неужели мы не можем им помочь?

— Капитан сейчас будет здесь, — ответил лейтенант. — Я уже вызвал его. Сам я не имею права…

— В чем дело? — прервал лейтенанта голос капитана. — А!.. Понимаю. Редкий случай. Положение китобойца угрожающее. Гм… Жаль… Дело может кончиться плохо для него. Они даже не могут обрубить трос.

Капитан помолчал, не сводя глаз с экрана. Из трубы гибнущего судна внезапно повалили густые клубы дыма, ветер сейчас же разнес их в клочья и развеял. Судно с безжизненной трубой рванулось вперед и понеслось с еще большей быстротой.

— Вода залила топки котлов! — сдержанно воскликнул лейтенант. — Теперь они совершенно беспомощны.

Капитан преобразился. Глаза загорелись решимостью.

— К носовой пушке! — скомандовал он. — Вызвать главного акустика!

Лейтенант нажал кнопку телефонного щитка возле овального голубовато-серебристого экрана. Розовый свет просветил экран, и на его поле появился сводчатый отсек, уставленный разнообразными ящиками, катушками, огромными стеклянными приборами, которые были густо перевиты проводами. Среди этой паутины и, казалось, хаотического нагромождения приборов в высоком кресле перед щитком, усеянным кнопками и рычажками, и серебряным экраном своего телевизора сидел главный акустик подлодки, толстый, румяный Чижов.

Капитан отдал команду в экран:

— Цель — органика! Бить по киту! Лишить движения!

— Есть цель — органика! Лишить движения! — послышался ответ акустика.

Повернувшись к зоологу, капитан вполголоса сказал:

— Пусть хоть добыча вознаградит этих людей за пережитый ими испуг. А добыча знатная! Посмотрите, какой гигант!

Кит вместе с судном был уже на расстоянии семи-восьми километров от подлодки. Размеры его были действительно поражающие. Он имел в длину не менее тридцати двух метров, его могучий хвостовой плавник, около восьми метров шириной, работал, словно чудовищная машина. Кит не проявлял и признаков усталости. С неослабевающей силой, упорно и стремительно несся он все дальше и дальше.

Подводный корабль, словно огромный орган, наполнился торжественным мощным гудением…

Прошло несколько секунд, и внезапно, словно наткнувшись на невидимое и непреодолимое препятствие, кит резко, на полном ходу, остановился. Сотрясаемый беспорядочными ударами хвоста и плавников, он бился, извивался в судорогах, раскрывал и закрывал гигантскую, похожую на пещеру пасть. Наконец последним могучим усилием он взметнул кверху свой огромный хвост, и, словно срезанный невидимой гигантской бритвой, хвост отлетел, уносимый, как парус, возникшим вокруг агонизирующего

животного подводным волнением.

Кит вздрогнул, замер и, перевернувшись морщинистым брюхом кверху, начал медленно всплывать.

Тотчас же нос китобойца в потоках сбегающей пенистой воды вырвался на поверхность океана и, мокрый, блестящий, как будто обмытый и успокоившийся, тихо двинулся по инерции вперед с бессильно свисающим вниз тросом гарпуна.

Словно не веря еще в свое спасение, размахивая руками, люди радостно и растерянно метались по палубе судна.

Подлодка быстро удалялась, держа курс на северо-запад.

В пятнадцать часов на экране «Пионера» показались очертания огромной подводной горы, которую он с таким упорством искал.

Глава VI
Среди друзей

Заботливый зоолог так старательно сделал Павлику перевязку на голове, больше всего пострадавшей при столкновении с меч-рыбой, что из-под бинтов виднелись только нос, рот, глаза и одно ухо.

— Ну вот, — погладил зоолог свою замечательную бороду, завязав последний узел на темени пациента. — Собственно, если делать все по правилам, то следовало бы тебя, бичо, положить здесь на койку денька на два. Разве тебе плохо было бы тут? Но ты не улежишь! — с огорчением добавил он.

Огорчение врача-зоолога было вполне понятно. Госпиталь подлодки, где происходил этот разговор, производил прекрасное впечатление идеальным порядком, обилием мягкого света и чистотой своих трех коек, сверкавших белизной белья. После спасения со льдины Павлик пролежал на койке этого госпиталя несколько суток и лишь сегодня утром, после двухдневной тренировки, покинул ее для своей первой небольшой прогулки под водой. Сейчас он не обнаруживал абсолютно никакого желания вернуться на койку. Робкая попытка зоолога уложить его встретила дружный протест Павлика и Марата, игравшего до этого момента роль ассистента в клинике.

— Да что вы, Арсен Давидович! — закричали они в один голос.

— Я совсем здоров и прекрасно себя чувствую, — добавил Павлик.

— Ну ладно, ладно! Иди обедать, потом непременно поспи. А после сна приходи ко мне в лабораторию, биологическую.

С тех пор как Павлик был спасен при столь трагических обстоятельствах, экипаж подлодки сосредоточил на нем весь запас нерастраченной отцовской любви, неутомимой жажды покровительства слабому, такой характерной для сильных, мужественных людей. Это было очень приятно, однако требовало проявления и ответных чувств. Но взрослых-то много — двадцать семь человек, — а Павлик один. Поэтому отблагодарить двадцать семь своих новых друзей Павлик мог только вниманием и интересом к тому, что они рассказывали. А так как все они были отчаянными энтузиастами своей чудесной подлодки, бесконечно влюбленными в нее и в свою работу на ней, то все разговоры в столовой, в красном уголке, в кают-компании, а с Павликом везде и всегда, где бы ни встречали его, сводились к подлодке, к ее замечательным качествам, к ее неизмеримому превосходству над другими подлодками, которые не имели здесь другого имени, кроме «лягушек».

Но если все на «Пионере» были энтузиастами, то Марат Моисеевич Бронштейн, электрик

второго разряда, двадцати лет от роду, которого, впрочем, никто иначе не звал, как просто Марат, непрерывно горел в незатухающем пламени любви к удивительной подлодке. Надо при этом отметить, что в постройке лодки он принимал участие, работая по телефонизации скафандров. Говорить о лодке было для него величайшим наслаждением. Не следует поэтому удивляться, что именно он раньше всех и горячее всех начал знакомить Павлика со всеми особенностями и достоинствами этого замечательного создания советской техники. Еще больше разгоралась у Марата охота к этому потому, что, как это ни странно для советского мальчика, Павлик почти ничего не знал об устройстве не только «Пионера», но и каких бы то ни было подлодок вообще.

Они вместе вышли из госпитального отсека в узкий коридор и, обойдя центральный пост, пошли мимо диспетчерских кают главного механика, главного электрика, начальника акустической части, потом мимо кают командного состава и команды. Стены коридора были отделаны дорогим лакированным деревом. По потолку проходили толстые и тонкие трубы, окрашенные в различные цвета. По полу, скрадывая шум шагов, тянулась каучуковая дорожка. Через каждые

пять метров коридор разделялся водонепроницаемой переборкой с небольшой дверью, а в полу время от времени встречались круглые люковые отверстия со спускающимися вниз металлическими лестницами. Через эти отверстия видны были внизу медь, стекло и сталь различных машин и приборов, заснувших в неподвижности или тихо жужжавших в деятельной работе под бдительным надзором контрольных аппаратов.

— Как в гостинице! Светло, чисто, красиво, — сказал Павлик Марату, тихонько проводя на ходу пальцем по лакированным стенкам коридора.

— Ты этого нигде, ни на одной подлодке не увидишь, только у нас, — с обычной гордостью за своего «Пионера» сказал Марат. — Здесь почти половина лодки отведена для жилья ее экипажа. На других подлодках каждый лишний кубометр отдается или нефти, чтобы можно было еще лишний километр проплыть, или торпедам, чтобы произвести еще один выстрел по врагу, или аккумуляторам, чтобы было немного больше электроэнергии для подводного плавания. О людях там приходится думать в последнюю очередь.

— А «Пионеру» разве не нужны ни нефть, ни электричество, ни торпеды?

— «Пионер» знает только одну энергию — электричество, и он его может добыть сколько угодно везде, в любом пункте океана. Обыкновенные «лягушки» в своих аккумуляторах могут запасти электроэнергии для плавания под водой только на двадцать-тридцать часов, а потом они должны всплывать на поверхность, открывать люки и запускать свои дизели. Дизели вращают винты и динамо-машины. Винты двигают подлодку, а динамо-машины вырабатывают электрическую энергию, которой опять заряжаются аккумуляторы для подводного плавания, — сказал Марат.

В самом конце коридора находилась столовая — большая каюта со сводчатым потолком, уставленная небольшими столиками и красивыми стульями вокруг них. Каждый столик стоял на одной толстой круглой тумбе и был накрыт скатертью с круглым вырезом в центре. В вырезах поблескивал черный лак, а кругом на скатертях были расставлены обеденные приборы, хлеб на тарелочках, поставцы. Каюта была залита мягким светом ламп из матовых полушарий, вделанных в потолок. Ее стены были украшены портретами руководителей партии и правительства, картинами с морскими пейзажами и сценами из жизни морского флота, статуэтками на полоч-

ках и постаментах, небольшими аквариумами с плавающими в них тропическими рыбками. К столу Павлика и Марата присел и Цой. Был час обеда, и в столовую входили все новые и новые люди. Каждый из них, заметив Павлика, окликал его, ласково заговаривая с ним и с беспокойством расспрашивая о его здоровье и самочувствии. Чуть не задевая головой за матовые полушария в потолке, к Павлику, Марату и Цою подошел Скворешня и занял место возле них. При его появлении с разных сторон посыпались шутки:

— Андрей, что это ты вздумал играть с акулой?

— Да нет же, он хотел ее притащить сюда и посадить в аквариум…

— И совсем не в аквариум, а он обещал своему колхозу прислать хоть какую-нибудь завалящую акулку для разводки в пруду…

— Андрей Васильевич, вы бы ее своими усами связали и приволокли…

— От скаженны!.. — добродушно ворчал Скворешня, оглядывая хохочущих товарищей и навивая на палец длиннейший ус. — Разве ж я виноват, что она с голоду в кабель вцепилась. А про мой колхоз лучше не напоминайте мне. Батько сообщил, что сев они закончили раньше всех в районе. Я им, верно, обещал в премию за

отличную работу чего-нибудь привезти из похода… Вот теперь ломаю голову и не придумаю, какой бы им подарок сделать.

— Уж не в самом ли деле акулу, Андрей Васильевич? — послышался сочувственный, но полный насмешки голос Ромейко, младшего механика, маленького, чернявого, с живыми, смешливыми глазами.

— Чего там акулу! Кашалота!

— Кита!

— Гигантского осьминога!

— Ладно, ладно! — ворчал Скворешня под неумолкающий смех. — Уж я лучше поконсультируюсь с Арсеном Давидовичем.

— Здравствуй, герой! — послышался вдруг среди шума знакомый звонкий голос.

В дверях стоял комиссар Семин — загорелый, с резкой светлой полосой на верхней части лба. Перед переходом на подлодку «Пионер» он целый год провел на эсминце «Кипящий» в далеких южных морях, и тропический загар до сих пор не сошел с его лица. Нос у комиссара был слегка поврежден: боксер Семин, чемпион Ленинграда, был широко известен в Советском Союзе, но победы над другими советскими спортсменами доставались ему, очевидно, не легко.

Больше всего поражала в комиссаре густая седина волос над молодым лицом с маленькими черными, подбритыми на концах усиками и черными живыми глазами.

Говорили, что эта седина появилась у него после долгого пребывания в одиночестве с трупом погибшего капитана в затонувшей на большой глубине подлодке, на которой он также был комиссаром. Всю команду он выбросил на поверхность в спасательных буях, а для него самого исправного буя не осталось — часть буев повредило при аварии, а спасательная экспедиция из-за шторма смогла лишь через несколько суток поднять его со дна вместе с подлодкой. Но комиссар не любил говорить об этом и за достоверность догадок о происхождении его седины нельзя было поручиться.

— Ты что? Паломником из Мекки возвращаешься? — смеялся комиссар, приближаясь к столу, за которым сидел Павлик со своими друзьями. — Вон какую чалму накрутил тебе Арсен Давидович! Ну как дела? Здоров, молодец?

— Спасибо, товарищ комиссар! — весело ответил Павлик, вскакивая с места и вытягивая руки по швам, словно заправский краснофлотец. — Совсем здоров.

— Ну, благодари денно и нощно Крепина за скафандр, — ответил комиссар. — В таком скафандре ничто не страшно.

В столовую вошел старший лейтенант Богров — стройный, с широкими плечами человек. Его удлиненное бритое лицо, с серыми спокойными глазами, плотно сжатыми губами и квадратным подбородком, обличало твердый характер и упорную, настойчивую волю. Белый форменный китель ловко, словно влитой, сидел на его статной фигуре. Старший лейтенант неторопливо направился в глубину столовой, издали дружелюбно улыбаясь и кивая Павлику. За ним показалась высокая фигура капитана Воронцова, командира подлодки. Все встали. Командир жестом разрешил «вольно», и все шумно уселись на свои места.

— Как дела, Павлик? — спросил капитан, остановившись возле мальчика и положив руку на его забинтованную голову. — Ты теперь у нас надолго останешься, потому что ни заходить в порты, ни встречаться с судами мы не можем. Надо тебе, голубчик, поскорей научиться ориентироваться под водой по компасу и по радиопеленгам. Придется тебе привыкать к нашей жизни.

Глаза у капитана обычно были чуть прикрыты

опущенными веками, и это делало его лицо суровым и отчужденным. Но сейчас на губах у него играла улыбка, светлые глаза широко раскрылись, и на лице не оставалось и следа суровости.

— Хорошо, капитан, — смущенно и радостно ответил Павлик. — Я буду стараться.

— Не «хорошо», а «есть, товарищ командир!» — поправил Марат под общий смех.

Как только капитан сел за свой стол рядом с зоологом, комиссаром и старшим лейтенантом Богровым, на всех столах, в центре, открылись круглые отверстия и показались, поднимаясь снизу, стопки поставленных одна на другую тарелок с первым блюдом.

Столовая наполнилась приглушенным гулом голосов, звоном посуды, шутками, смехом, разговорами.

— Марат Моисеевич, а как же все-таки на «Пионере» получают энергию? — с аппетитом поедая вкусный суп, вернулся к начатому разговору Павлик.

— Во-первых, зови меня просто Марат — какой я там еще Моисеевич! — и говори мне «ты».

— Есть, товарищ Марат! — рассмеялся Павлик.

— Вот так лучше. А энергию мы добываем из океана. Где остановимся, там и вытягиваем, вы-

сасываем ее из него.

— Как же это так? — изумленно спросил Павлик. — Электричество? Из воды?

— Да. Электричество. Из воды, — наслаждался произведенным эффектом Марат. — Ты о термоэлементах слыхал?

— Немножко… — нерешительно ответил Павлик, — когда проходили в школе физику… об электричестве…

— Ну, так вспомни. Термоэлемент — это прибор, состоящий из двух спаянных между собой на концах проволок или пластинок каких-нибудь разных, но определенных металлов или сплавов, например меди и константана, платины и сплава платины с радием. В таких приборах при подогревании или охлаждении одного спая возникает электрический ток. И чем больше разница температур между обоими спаями, тем большего напряжения получается ток. Ну, так вот, Павлик, до последнего времени все термоэлементы, из каких бы металлов их ни изготовляли, давали ток в самых ничтожных размерах — примерно одну десятую вольта на каждый градус разницы в температуре. Но недавно наш Электротехнический институт изобрел такие сплавы, которые способны давать ток в тысячу раз большего на-

пряжения. А наш Крепин придумал, как получать от этих новых термоэлементов ток большей силы и использовать их в подлодке для получения электрической энергии в любом количестве и во всякое время.

Скворешня поставил опорожненную тарелку на подвижной круг в центре стола, круг скользнул вместе с ней куда-то вниз и через минуту опять появился, неся на себе тарелку со вторым блюдом. Павлик последовал примеру Скворешни, с нескрываемым любопытством, наблюдая за появлением новых блюд. Но Марат, сев на своего конька, забыл о еде и даже совсем отложил в сторону ложку.

— Понимаешь? — продолжал Марат, оживленно жестикулируя. — Ты только пойми эту гениальную идею! Из этих новых сплавов Крепин сделал пятьдесят длинных проволок и спаял их попарно в концах, как можно больше расплющив спаянные концы. Потом он соединил все полученные элементы — термопары — вместе в один трос с одной общей изоляцией, а на концах трос имел приемник, похожий на шляпку гриба. Когда он нагрел один приемник так, что он был теплее другого только на двадцать градусов, то получился ток огромного напряжения и силы. Ты

понимаешь, что это значит? — кричал он, подняв кверху палец.

— Это значит, что ты останешься без второго, кацо! — послышался из противоположного угла столовой насмешливый голос зоолога.

Все рассмеялись. Марат смутился, пригладил машинально хохолок на темени и энергично принялся за суп. Все же он успевал между каждыми двумя ложками тихо продолжать разговор.

— Ты понимаешь, Павлик, каждый трос с термоэлементами, или термоэлектрическая трос-батарея, как ее у нас называют, превратилась в настоящую электростанцию мощностью в двадцать пять тысяч киловатт! Двадцать пять тысяч киловатт! — громко шипел он, расплескивая суп из ложки. — А у нас их три! Три станции общей мощностью в семьдесят пять тысяч киловатт! Их было бы достаточно для большого города с его трамваями, заводами, электрическим освещением.

— Постой, постой, Марат! — заражаясь его волнением, тоже шептал Павлик. — Но как же тут греют эти тросы? Надо же получить разницу… Ну, ты сейчас говорил про разницу температур между концами троса…

Марат опять положил ложку на край тарелки

и откинулся на спинку стула:

— Как! Неужели ты все еще не понимаешь? Ведь любое море является топкой для наших электростанций.

— Топкой? Что ты говоришь, Марат! Какой топкой?

— Господи, боже мой! Извините, опечатка… Ты же должен, Павлик, знать, что во всех морях и океанах температура на глубине около трех-четырех тысяч метров всегда равна приблизительно одному-двум градусам тепла, а у поверхности она почти всегда и везде значительно выше нуля. В тропиках температура поверхностных слоев воды доходит даже до двадцати шести-двадцати семи градусов. Вот тебе и разница температур, которая нужна нашим электростанциям. Подлодка выпускает плавучий буй, прикрепленный к верхнему спаю-приемнику трос-батареи. Буй поднимается почти до поверхности океана, и спай нагревается там до известной температуры. А нижний спай подлодка выпускает с грузом на глубину до трех-четырех тысяч метров, и этот спай охлаждается там почти до нуля. Тогда в трос-батарее возникает электрический ток, которым заряжаются аккумуляторы в подлодке. Понял?

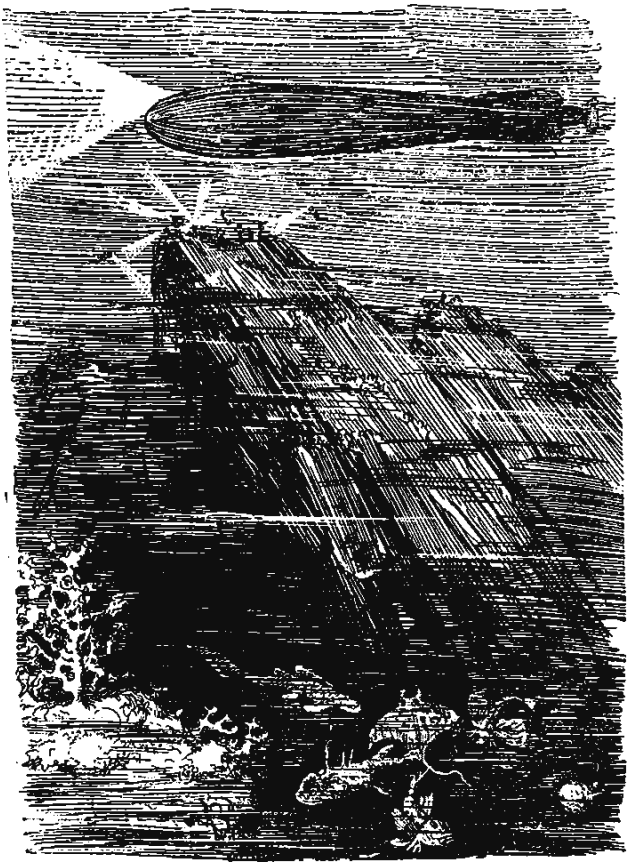
И Марат опять набросился на свой остывший

суп.

Глава VII
Подводная лодка «Пионер»

В таких жарких разговорах с Маратом и в тихих, но не менее живых и интересных беседах с другими специалистами подлодки Павлик узнал в общих чертах все, что составляло главную особенность этого необыкновенного подводного корабля.

«Пионер» был поистине властелином морских просторов, он мог опускаться на любые глубины, не боясь быть раздавленным километровыми толщами воды, мог пересекать океаны вдоль и поперек, не заходя в порты и базы, не ощущая надобности в них. Его единственной базой был безграничный Мировой океан со всеми его неисчерпаемыми запасами энергии и пищи.



Корпус «Пионера» был построен из нового сплава, лишь недавно открытого советскими металлургами. Как известно, сплавы различных металлов получают часто новые, совершенно неожиданные свойства. Например, алюминий — очень легкий и мягкий металл. Но если его сплавить с ничтожными количествами меди, марганца и магния, то полученный сплав (дюралюминий) приобретает твердость стали, сохраняя при этом легкость алюминия. Благодаря именно этим качествам — легкости и твердости — дюралюминий широко применяется для строительства самолетов и дирижаблей.

В сложный рецепт нового сплава советские металлурги ввели несколько редких элементов в совершенно новых комбинациях и количествах. Полученный сплав оказался настолько легким, прочным, и, самое главное, таким дешевым, а конструкция корпуса подлодки настолько остроумной и удачной, что «Пионер» получил способность выдерживать давление свыше тысячи атмосфер. Между тем самые лучшие современные подлодки из-за ненадежности материала и конструкции могли погружаться не глубже двухсот — трехсот метров, испытывая при этом давление всего в двадцать-тридцать атмосфер.

Еще более замечательным оказался примененный Крепиным способ получения из океана электрической энергии при помощи термоэлементов, а также способы накопления и использования этой энергии для движения и вооружения подлодки.

Ток из термоэлектрических трос-батарей поступал в аккумуляторы. Но это не были те громоздкие, тяжелые, малоемкие аккумуляторы, которыми приходилось пользоваться обыкновенным подлодкам и которые способны были накоплять в себе электрическую энергию не более чем на двадцать-тридцать часов подводного плавания. Три батареи из новых аккумуляторов — маленьких, легких, обладавших огромной емкостью, — полностью заряженные, обеспечивали «Пионеру» освещение, отопление, двигательную силу и еще некоторые технические нужды для непрерывного пятнадцатидневного перехода в подводном положении. Лишь после этого срока в аккумуляторных батареях истощался весь запас электрической энергии, и они требовали новой зарядки. Для этого подлодка должна была останавливаться и пускать в ход свои трос-батареи.

Эти аккумуляторы были блестящим достижением знаменитого Московского института

физических проблем, который давно уже заслужил мировую известность своими работами в области низких температур, приближающихся к абсолютному нулю (-273,2 °С). Одной из важнейших проблем, которые разрабатывал институт, было явление электрической сверхпроводимости при низких температурах.

Явление сверхпроводимости заключается в том, что многие металлы, сплавы и химические соединения металлов при определенной для каждого из них температуре вблизи абсолютного нуля внезапно теряют способность сопротивления пропускаемому через них электрическому току. Ток протекает в них, не теряя в виде теплоты части своей энергии, которая обычно расходуется на преодоление сопротивления проводника. Благодаря этому в замкнутом кольце из свинцовой, например, проволоки, помещенном в жидкий гелий, температура которого равна минус 271,9 °С, электрический ток сохраняется в течение нескольких суток.

Институту физических проблем после долгих и настойчивых поисков удалось найти такой сплав металлов, который при температуре, отделенной от абсолютного нуля всего лишь двумя сотыми градуса, превращался в сверхпроводник

с необычайно большой энергоемкостью и длительным временем релаксации, то есть временем сохранения тока после прекращения действия электродвижущей силы. Институт, по предложению правительственных органов, создал для подлодки Крепина крохотные, легкие аккумуляторы, которые могли накоплять в себе огромные запасы электроэнергии, долго хранить их и по мере надобности отдавать.

Больше всего, однако, поразила Павлика огромная, неслыханная скорость, которую «Пионер» способен был развивать под водой. В то время как подлодки обычного типа в подводном плавании не могли достигать скорости более двадцати узлов, «Пионер» легко делал по восьмидесяти узлов — то есть столько же, сколько делали самые быстроходные надводные катера-торпедоносцы и «охотники» за подлодками.

Как же Крепину удалось добиться такой неслыханной скорости при огромном сопротивлении, которое оказывает вода кораблю, особенно при подводном плавании?

Известно, что самые лучшие подводные пловцы — рыбы, киты и головоногие. В течение сотен миллионов лет миллионами поколений в непрерывной борьбе за существование они

приспособлялись к водной среде. Побеждали, выживали и оставляли потомство лишь те, кто был лучше вооружен и быстрее двигался в своей родной стихии… В результате их тела приняли формы, которые лучше всего обеспечивают быстроту движения при наименьшей затрате сил. Это — форма торпеды и форма висящей капли жидкости с выпуклостью впереди и утончением к заднему концу. Обе эти формы имеют наибольший диаметр в первой трети своей передней части. Несмотря на это, уже давно было доказано, что именно они оказывают наименьшее сопротивление окружающей среде — воде или воздуху — при движении вперед. Струи воды или воздуха плавно обтекают такие формы и так же плавно сливаются позади, не образуя там засасывающих вихрей.

Инженер Крепин отказался от обычной остроносой формы корпуса подлодки и придал своему «Пионеру» форму кашалота, так как по расчетам конструктора выходило, что, несмотря на свои огромные размеры и вес, кашалот затрачивает на движение каждого квадратного метра своей поверхности меньше силы, чем всякий другой обитатель вод.

Далее, всем уже давно известно большое зна-

чение слизи, покрывающей тела почти всех водных организмов, особенно таких, которые не сидят на месте, а активно и быстро двигаются. И действительно, слизь сильно уменьшает трение и сопротивление воды во время движения в ней. Крепина увлекла мысль увеличить быстроту движения «Пионера», покрыв его корпус чем-нибудь вроде слизи. Однако, если бы и удалось покрыть поверхность «Пионера» искусственной слизью, все равно она непрерывно смывалась бы водой. После долгих поисков Крепин нашел совершенно неожиданный выход. В тех случаях, когда необходимо было достичь особенно больших скоростей, он окружал корпус «Пионера» вместо слизи слоем горячего пара. Пользуясь своими неиссякаемыми запасами электроэнергии, «Пионер» с ее помощью нагревал весь наружный корпус подлодки до температуры в две тысячи градусов. При такой температуре небольшой слой окружающей воды мгновенно превращался в пар. Вследствие быстрого движения подлодки все новые и новые слои воды приходили в соприкосновение с ее накаленной поверхностью, непрерывно создавая вокруг нее сплошную газообразную оболочку. Этим устранялось трение воды и возникало трение в газообразной среде, плотность которой,

правда, была более значительной, чем плотность атмосферного воздуха, но во много раз ниже плотности воды. Образующийся вокруг подлодки пар, как только она удалялась из данной точки, немедленно охлаждался под влиянием окружающей низкой температуры и превращался опять в воду, не достигая поверхности, в виде пузырей.

Наконец, инженер Крепин решил отказаться от винтов. Только ракета, по твердому убеждению Крепина, могла дать возможность использовать в полной мере и огромную мощность его электростанции, и колоссальную прочность и жароупорность металла, из которого построен был «Пионер». Казалось бы, в такой плотной среде, как вода, меньше всего можно было ожидать появления естественных реактивных двигателей. Между тем давно уже известно, что некоторые водные организмы, такие, например, великолепные пловцы, как головоногие, отлично пользуются этим способом движения, втягивая воду в свои воронки спереди по движению и затем сильным сжатием выбрасывая ее оттуда назад.

Но для реактивного движения нужно очень много горючего, способного при сгорании освобождать огромное количество двигательной

энергии. Откуда же «Пионер» мог получать это горючее и как он хранил его запасы, вероятно очень значительные, судя по длительности непрерывного плавания, на которую он был способен? И здесь, как во многих других случаях, конструктору «Пионера» пришел на помощь все тот же Мировой океан, с его неистощимыми ресурсами, с огромными, не использованными еще возможностями.

Океан должен был дать «Пионеру» в неограниченном количестве гремучий газ, страшная сила взрывов которого достаточно известна.

Чтобы получить этот газ, необходимо иметь в своем распоряжении два газа — водород и кислород; именно те, которые, соединившись, образуют воду. Добывать их можно различными способами, но самый простой — это разложение воды путем электролиза. Для этого в сосуд с подкисленной водой погружают два электрода, соединенные с источником электрического тока. Когда через воду пропускают электрический ток, то на одном электроде — анода — из воды выделяется и собирается в виде пузырьков кислород, а на другом — катоде — водород. Оба газа по трубам переходят в отдельные хранилища. Если затем выпустить их, смешав в определенных количе-

ствах, то получится гремучий газ.

Достаточно пропустить через этот газ электрическую искру, чтобы произошел взрыв. Для получения реактивного движения эти взрывы надо производить в специальной камере, помещаемой позади корабля или ракеты. Камера эта должна иметь наружное выходное отверстие, которое расширяется в дюзу (раструб). Когда в камере происходит взрыв, образующийся при этом водяной пар стремится вырваться из нее и ударяет с огромной силой во все ее стороны.

Но на задней стороне камеры водяной пар имеет выход — дюзу, а в передней этого выхода нет, и вся сила взрыва, направленная в эту сторону, бросает ракету или подлодку вперед.

Быстро следуя один за другим, эти взрывы дают подлодке все более и более нарастающую скорость.

В результате взрывов гремучего газа из водяного пара образуется вода, которая тут же бесследно и полностью сливается с окружающей водой. Что касается шума и грохота от взрывов, то они поглощались усовершенствованными глушителями, которые к этому времени применялись уже на всех самолетах и автомашинах.

Но, развивая такие неслыханные скорости в да-

леко еще не изученных, не изведанных глубинах, подлодка рисковала налететь на скрытые там скалы, рифы, отмели, из которых, несомненно, еще очень многие не отмечены даже на самых лучших картах и в самых лучших лоциях мира. На таком подводном корабле нельзя было плавать вслепую. Установленные на носу и с боков подлодки сильнейшие прожекторы, мощностью в несколько миллиардов свечей, проникали в черные пространства глубин на полкилометра, но различать что-либо на таком расстоянии и при такой быстроте движения было невозможно. Кроме того, такое сильное освещение могло бы выдать врагу военный подводный корабль.

Надо было найти для «Пионера» сильные и зоркие глаза, которые далеко проникали бы в мрак глубин и вовремя сообщали бы об опасности и препятствиях, возникающих на пути. Этими глазами сделались уши, которыми снабдил Крепин свою подлодку.

Эхолот давно уже применялся на подводных и надводных судах всех стран. Он основан на том, что звук распространяется не только в воздухе, но еще лучше и быстрее в воде. Если в воздухе звуковые волны распространяются со скоростью в триста тридцать метров в секунду, то в воде эта

скорость равна тысяче пятистам метрам в секунду. Звук распространяется от своего источника сферическими волнами во всех направлениях, а встретившись с препятствием, он отражается от него и идет в обратном направлении. Используя это свойство звуковых волн, придумали такие приборы, с помощью которых прежде всего начали измерять глубины дна морей и океанов. С одной стороны судна под водой взрывом или ударом колокола производили звук и замечали время. Звуковые волны достигали дна, отражались от него и возвращались к судну. Там, с другого борта, под водой прикреплялся аппарат, который воспринимал этот отраженный звук и отмечал время, когда этот звук был им принят. Так как звук от судна до дна и от дна обратно до судна проходит в одинаковое время, то достаточно было знать все время, протекшее от взрыва до момента восприятия приемником отраженного звука, чтобы определить, сколько секунд и, следовательно, сколько метров звук прошел до дна. Затем появились эхолоты, которые автоматически, сами, показывали на особой шкале глубину в метрах и избавляли человека от разных вычислений и подсчетов. Действуя непрерывно, посылая в воду звуки и воспринимая их отражения, такие

эхолоты сами отмечали, записывали и показывали на бумаге или на экране особой линией рельеф дна, над которым проходил корабль. Наконец, появились ультразвуковые эхолоты, как, например, излучатель Ланжевена.

Высота всякого звука зависит от частоты колебаний, в которые источник звука приводит частицы передающей среды — воздуха, воды или твердых тел, — а через них и барабанную перепонку в человеческом ухе. Человеческое ухо в состоянии воспринять в качестве звука лишь те колебания, которые происходят с частотой от шестнадцати раз до двадцати тысяч раз в секунду. Это — самое низкое гудение и самый высокий, тонкий комариный писк. Выше двадцати тысяч колебаний начинаются уже ультразвуки. Ультразвуки человеческое ухо уже не в состоянии воспринять.

Источником ультразвуковых колебаний является пластинка горного хрусталя, или пьезокварца. Если поместить такую пластинку, зажатую между металлическими электродами, в жидкость и подвергнуть ее воздействию радиопередатчика, то она приводится в частые и сильные колебательные движения, которые передаются окружающей жидкости. Чем больше частота

колебаний пластинки, тем выше получаемый ультразвук.

Ультразвуки обладают двумя очень важными особенностями. Во-первых, их можно посылать не шаровыми волнами во все стороны, а тонким лучом. Во-вторых, как было известно еще из опытов Вуда и Лумиса, некоторые животные организмы вроде лягушек, мелких рыбок, головастиков, морских ракообразных, попав в ультразвуковое поле, погибают, а некоторые твердые тела, как лед, разрыхляются, разрушаются.

Инженер Крепин использовал обе эти особенности ультразвуков наилучшим образом, чтобы дать своей подлодке зрение, слух и сокрушительное оружие в борьбе с живой и мертвой природой.

Вместе со своим другом, ученым и изобретателем Власьевым, профессором Московского института по изучению колебаний высокой частоты, он построил аппарат, дававший до нескольких сот миллионов колебаний в секунду. Они нашли методы получения таких мощных колебаний, что пучок ультразвуковых волн, испускаемый их аппаратом, пронизывал водные пространства на расстояние до двадцати километров. Эти аппараты вместе с самопишущими приемниками

Крепин установил на носу, на спине, с боков и в киле «Пионера», дав ему таким образом уши, каких не имеет ни одно живое существо в мире.

Но на этом Крепин и Власьев не успокоились. Они пошли дальше и превратили эти уши одновременно и в глаза своей подлодки.

Ультразвуковые лучи, выбрасываемые их аппаратом, отражались встречавшимися препятствиями не с одинаковой силой, а в соответствии с внешней формой этих препятствий. Поэтому ультразвуковой луч возвращался уже измененный. Изобретатели устроили приемную мембрану из тысячи микроскопических мембран. Каждая из них вибрировала в соответствии с силой только того пучочка возвратившегося ультразвукового луча, который падал именно на нее.

При помощи сложного устройства, превращающего звуковую энергию в световую, каждый пучок лучей давал на экране центрального поста подлодки изображение той части встреченного препятствия, от которой он отразился. Тысячи таких изображений от всех микроскопических мембран сливались в одно целое и давали в результате полную внешнюю форму предмета. Такие ультразвуковые «прожекторы» были расположены со всех сторон подлодки и непрерывно

посылали на круговой экран центрального поста изображения всего, что встречалось впереди и кругом подлодки в радиусе двадцати километров.

Можно было бы построить такой прожектор, используя звуки обыкновенной, слышимой частоты. Но обыкновенные звуки, распространяясь в воде во всех направлениях, мог услышать любой корабль, оборудованный самым простым гидрофоном. Этого, конечно, ни в каком случае нельзя было допустить. Между тем для ультразвуковых прожекторов «Пионера» из огромного диапазона колебаний — от двадцати тысяч до нескольких сот миллионов в секунду — и их силы можно было подобрать такую комбинацию, которую найти и раскрыть для постороннего представляло бы почти невыполнимую задачу. А если бы даже кому-нибудь и удалось раскрыть эту тайну, то у него не было бы аппаратов, способных принимать ультразвуки такой большой частоты и такой необыкновенной мощности. Эти приемники и излучатели являлись последним изобретением Крепина и Власьева, и их тайна принадлежала великой стране социализма, родине изобретателей.

Эти же ультразвуковые лучи инженер Крепин

применил в качестве нового оружия для борьбы с живой и мертвой природой. Тут ему помог известный зоолог и биолог профессор Лордкипанидзе, давно работавший в Институте экспериментальной медицины над проблемами применения ультразвуковых колебаний в биологии и медицине. Использовав уже готовый излучатель, Крепин и Лордкипанидзе сконструировали ультразвуковую пушку и небольшой ультразвуковой пистолет, которые при различных, точно определенных количествах колебаний способны были убийственно действовать на любую живую ткань и разрушительно — на большинство известных металлов и минералов. Ультразвуковыми лучами, выпускаемыми пушкой или пистолетом, клеточки живого существа приводились в столь быстрые колебания, что разрывались на части, а молекулы металлов и минералов распадались на атомы, разрыхлялись и разрушались.

В тот момент, когда Крепин, Власьев, Лордкипанидзе и ряд работников, помогавших им, заканчивали уже постройку первых своих ультразвуковых аппаратов, оборонная промышленность Советского Союза предложила Крепину обратить внимание на новое открытие советского ученого-изобретателя Блейхмана в области

инфракрасных, или невидимых, тепловых лучей.

Невидимые тепловые лучи, большей или меньшей интенсивности, испускаются любым нагретым телом — солнцем, горячим утюгом, жилым домом, теплокровными животными, деревьями и даже рыбами. При помощи особой аппаратуры инфракрасное фотографирование давно и широко применяли в ночное время, в густой туман, в серую, дождливую погоду. Поднявшись ночью на самолете на высоту в пять-шесть тысяч метров, можно было производить снимки с расстояний в пятьсот-шестьсот километров, используя не только теплоту, иногда ничтожную, которую излучают наземные предметы, но и разницу между их температурой и температурой окружающей среды. Уже были известны инфракрасные бинокли для ночного видения, для видения сквозь туман и густой дождь.

Но до работ Блейхмана казалась неразрешимой задача — перехватить в водной среде и превратить в видимое изображение те часто ничтожные по силе инфракрасные тепловые лучи, которые излучают в этой среде ее обитатели и другие находящиеся в ней предметы.

Температура водных животных обычно очень

мало превышает температуру окружающей их воды. Лишь водные теплокровные млекопитающие, вроде китов, кашалотов, дельфинов, тюленей, моржей, ламантинов, некогда перешедших для жизни с суши в водную среду, сохраняют высокую температуру тела благодаря своим внешним покровам — толстой коже и толстым слоям подкожного жира. Все остальные водные животные — моллюски, морские звезды, раки, крабы, черепахи, рыбы — почти все тепло, которое они развивают в результате своей мускульной работы и обмена веществ, теряют, отдавая его окружающей их воде. Но все же это тепло они отдают воде не полностью. Небольшая его часть — иногда измеряемая целыми градусами, а иногда не превышающая сотых долей градуса — все же остается в их теле.

Для лучших наземных инфракрасных фотоаппаратов не представляло уже большого затруднения улавливать даже на значительном расстоянии ничтожные излучения очень слабо нагретых тел. Для подводного же инфракрасного фотографирования главным затруднением являлось то, что тепловые лучи, попадая в водную среду, почти целиком жадно поглощались или отражались ею. И все же аппаратура Блейхма-

на была настолько чувствительной, что могла улавливать те почти уже неощутимые для точнейших приборов инфракрасные лучи, которые еще оставались в воде. Правда, улавливать их эти приборы могли всего лишь на расстоянии каких-нибудь пятисот метров от источника излучения. В то же время аппаратура Блейхмана обладала способностью при переходе из водной среды в воздушную действовать, как лучшая наземная установка. Эта аппаратура вместе с тем была чрезвычайно портативной.

Крепин с большой радостью принял предложение работников оборонной промышленности. Он полностью оценил изобретение Блейхмана. В короткое время Крепин сконструировал небольшой ракетный снаряд, который мог при помощи некоторого запаса сжатых водорода и кислорода двигаться подобно подлодке и с ее же быстротой. В этот снаряд, похожий на толстый полутораметровый огурец, Крепин вмонтировал аппараты Блейхмана с таким расчетом, чтобы их объективы были рассеяны по всей поверхности снаряда и могли улавливать тепловые лучи со всех сторон.

Для подъемов в воздух Крепин снабдил снаряд крыльями, которые могли выдвигаться из него

и раскрываться наподобие плавников летучей рыбы. Но настоящую активность и практичность, настоящую полноценную жизнь этому снаряду придавала радиотелемеханика. При помощи радиопередатчика вахтенный начальник подлодки мог выбрасывать снаряд из его гнезда в борту подлодки и посылать далеко, до пятидесяти километров от нее, на рекогносцировку; при помощи радио пускался в ход автоматический механизм ракетного двигателя снаряда, производилось управление его движениями, маневрирование, выдвижение крыльев и подъем в воздух. По радио все замеченное фотоаппаратами Блейхмана вокруг снаряда на расстоянии в пятьсот метров от него передавалось на экран центрального поста подлодки. Имея постоянно впереди себя и особенно наверху, у поверхности океана, два таких разведочных снаряда и несколько резервных в своих кладовых, подлодка могла не бояться неожиданных встреч и с еще большей уверенностью прокладывать свой путь в темных глубинах океана.

Когда Павлик в первый раз очутился в центральном посту управления подлодки, его поразило необыкновенное обилие самых разнообразных и причудливых приборов, аппаратов,

механизмов, прикрепленных к круглым стенам, размещенных на щитках, на подставках и тумбах. Круговой экран из молочного стекла шел широкой полосой наверху по стенам и, как купол, покрывал потолок помещения. На нем непрерывно сменялись тени рыб и других обитателей океана, быстро сновавших вокруг подлодки. Даже непроницаемая тьма глубин не могла скрыть эти существа от всевидящих глаз «Пионера».

Вахтенный командир мог управлять отсюда работой всех самых сложных механизмов и машин подлодки; но все механизмы и машины, взаимно связанные в общей работе, были настолько автоматизированы, что достаточно было дать импульс основному из них, чтобы начинали работать все подсобные. Если подлодке необходимо было погрузиться на какую-либо определенную глубину, то командиру достаточно было поставить стрелку глубомера на цифру этой глубины, чтобы автоматически начали работать механизмы, убирающие с верхней площадки подлодки перила; после этого сам собой надвигался обтекаемый колпак; закрывался люк, открывались клапаны вентиляции и кингстоны балластных цистерн, которые потом самостоятельно закрывались как раз на заданной

глубине. Контрольные электрические лампочки зеленого цвета загорались, как только начинал работать тот или другой агрегат, машина или механизм, и продолжали гореть, пока работа шла исправно. Но при малейшей неисправности зеленая лампочка сейчас же потухала и загоралась красная — сигнал аварии. Но ни одной красной лампочке с момента спуска «Пионера» на воду не пришлось до сих пор загореться: все аппараты и механизмы действовали безукоризненно точно и согласованно.

При такой автоматизации механизмов подлодки понятно, что экипаж ее мог быть очень невелик. Несмотря на тысячу с лишним тонн водоизмещения судна, весь экипаж «Пионера», если не считать членов научной экспедиции, состоял всего из двадцати человек. Но зато почти все они являлись специалистами высокой квалификации, опытными подводниками, людьми проверенного мужества, смелыми, находчивыми и бесконечно преданными своей великой Родине.

Глава VIII
Клочок бумаги

Цой отлично помнит свое серое, безрадостное детство на окраинной улице Гирина, в полуразвалившейся, еле покрытой хижине. Город был верным спутником детских лет Цоя. Воспоминания об унижении, о вечном раболепстве сапожника-отца перед ростовщиком, владельцем соседней лавочки, перед жандармом на углу улицы, перед каждым японским солдатом, перед каждым автомобилем, изредка появлявшимся на этой окраине, до сих пор еще вызывали в душе Цоя стыд, горечь и гнев. Бедный кореец был

ничтожеством, прахом перед каждым крепким ботинком с квадратным солдатским носком или с нежным лакированным верхом.

Двенадцати лет Цой попал к своему бездетному дяде, в рисовый колхоз у озера Ханка, недалеко от Владивостока. Дядя усыновил его и определил в школу. Первый год Цой провел в колхозе как во сне. Он все боялся, что этот сон кончится, счастье развеется, как дым, и он опять услышит стук отцовского сапожного молотка в темной, сырой хижине, и жалобы матери на дороговизну соевых бобов, и голодный плач младших детишек.

В колхозной школе Цой скоро сделался одним из лучших учеников; потом второй отец отправил его во Владивосток, чтобы он там еще большему научился и вернулся в колхоз агрономом. Но вышло иначе. Цой увлекся химией и морем. И вот он — химик подводной научной экспедиции и секретарь комсомольской ячейки на подлодке — сидит сейчас в красном уголке «Пионера» и играет в шашки с розовощеким круглолицым Матвеевым, комсомольцем-водолазом. Дела Матвеева плохи: одна шашка уже заперта, остальные очень далеки, и выручить ее вряд ли удастся. Матвеев крепко задумался, склонившись над доской. Цой тоже задумался, но совсем о другом.

Его черные с чуть скошенными веками глаза на темно-желтом длинном, чисто выбритом лице медленно обводят всех собравшихся в отсеке красного уголка.

Цой видит веселые лица, слышит смелый голос Марата, запальчиво, как всегда, спорящего с океанографом Шелавиным. И кругом время от времени — спокойный смех, спокойный, беспечный смех.

На Цоя в таких случаях часто находит какое-то странное и в то же время тревожное чувство. Он становится тогда беспокойным, каждая жилка в нем напрягается, ему все кажется, что он чего-то недоглядел, что-то упустил, что нужно еще что-то проверить, осмотреть, укрепить хорошенько. И ему хочется тогда напоминать всем, всем — друзьям и товарищам, всем окружающим, — напоминать, напоминать без конца, что нельзя быть беспечными, бездумно-спокойными и уверенными, как будто нет больше опасностей кругом, как будто нет уже жандармов и ростовщиков по ту сторону границы…

И еще ему в такие минуты с особой, непреодолимой силой хочется сделать своей новой Родине какой-нибудь подарок, принести ей в дар что-нибудь такое, что сделало бы ее еще более мощной

и неприступной и одновременно хотя немного успокоило бы его самого…

Но сегодня, сидя с Матвеевым за шашками, он неожиданно почувствовал, как радостно и горячо кровь заливает ему щеки при мысли, что он набрел на чудесную идею, что его тайная, как будто несбыточная мечта о подарке начинает принимать хотя еще и смутные, но все же реальные очертания.

«Если бы удалось только практически разработать эту идею…» — думал Цой в радостном возбуждении. Море… Огромный, необъятный Мировой океан. Как он велик! Как неисчерпаемы сокровища, которые он таит в себе! Надо лишь уметь взять их у него.

Звонкий голос комиссара оторвал Цоя от этих мыслей:

— Матвеев! Цой! Кончайте!

— Сдавайся, Матвеев, все равно партия проиграна. Пора начинать занятия.

Цой так углубился в свои мысли, что даже не заметил, как в красном уголке собрался океанографический кружок, руководителем которого был Шелавин. На занятия явились механики Ромейко и Козырев, уборщик Щербина, кок Белоголовый, водолаз Крутицкий, препаратор

Королев, Марат Бронштейн — все с тетрадями и карандашами. В этом кружке участвовал и Матвеев. Поэтому он заторопился и, бросив последний взгляд на доску, сдал Цою партию в явно безнадежном положении. Он на минуту скрылся из отсека, быстро вернулся с толстой тетрадью и уселся за большим, накрытым красной скатертью столом, вокруг которого сидели уже все члены кружка. Подошел к столу и Цой. Свободного места не было, и он устроился в одном кресле с Павликом.

От забинтованной головы Павлика шел тонкий, чуть заметный запах йода и еще какого-то лекарства, и Цою стало жалко мальчика. Он обнял его за плечи, тепло прижал к себе, и так они сидели в глубине мягкого кресла, внимательно слушая Шелавина.

Сиплым, простуженным тенорком океанограф говорил о морских течениях, о могучих реках, то теплых, то холодных, проходящих среди необъятных вод океанов и морей. Сейчас он рассказывал о том, как влияют течения на климат, на природу, на всю жизнь нашего Дальнего Востока. Холодные течения, которые непрерывно, начиная от Берингова пролива и до Кореи, идут вдоль берегов Камчатки и Приморья, делают климат

этих областей Советского Союза суровым, а вода у советских берегов Берингова, Охотского и Японского морей зимой надолго замерзает. В то же время в Западной Европе, лежащей на одной широте с этими областями, климат мягкий, зимой почти не бывает морозов и снега. Море у берегов Норвегии, Британских островов, Голландии, Франции всегда свободно ото льдов.

— А почему? — спросил тонким голосом Шелавин, сквозь очки оглядывая сидевших вокруг стола и перебирая пальцами свою редкую, взлохмаченную, как пакля, бороденку.

— Гольфштрем, — быстро ответил Марат.

По правде сказать, Шелавин задал этот вопрос просто по привычке, не столько другим, сколько себе, чтобы продлить удовольствие и придать немного загадочности своему рассказу. Марат испортил ему игру, и океанограф почувствовал некоторое неудовольствие.

— Во-первых, — сказал он, — не говорите, Марат, «Гольфштрем». Это неправильно. Это слово английское, и его нужно произносить «Гольфстрим». Вот. А во-вторых, вы просто повторяете старую басню, будто он настоящий виновник мягкого климата Западной Европы. Это тоже неправильно. Гольфстримом наука океаногра-

фия называет то мощное теплое течение, которое стремительно выносится из Мексиканского залива через узкий Флоридский пролив и идет, присоединив к себе у Багамских островов Антильское течение, вдоль берегов Северной Америки до мыса Рас, до Ньюфаундлендской банки. Он течет как будто в желобе из более холодной воды, как настоящая океанская река, густо-синяя, легко различимая среди своих, если можно так выразиться, голубых берегов. Но эта река имеет ширину от семидесяти шести километров в самом узком месте — во Флоридском проливе — до шестисот сорока километров у Ньюфаундлендской банки. Ее средняя глубина достигает трехсот двадцати метров! Можете вы себе представить такую реку?

— Речка что надо! — согласился Матвеев.

— А знаете ли вы, позвольте вас спросить, сколько теплой воды — до двадцати семи градусов по Цельсию на поверхности! — сколько такой теплой воды несет эта речка? — воскликнул Шелавин.

Его водянистые, обычно прищуренные глаза теперь широко раскрылись и сверкали чистым голубым пламенем, а рука с вытянутым худым и длинным пальцем высоко поднялась. Но не успел

он хоть немного насладиться интересом аудитории, как заметил подозрительное движение непоседливого Марата и тотчас же торопливой скороговоркой забросал слушателей цифрами:

— Девяносто один миллиард тонн воды в час! А? Что вы скажете по этому поводу, позвольте вас спросить? Это даже трудно представить себе! Сравните это количество воды… ну хотя бы с Волгой. Величайшая река Европы, пересекающая поперек почти весь наш Союз, каждый час приносит в Каспийское море в среднем тридцать миллионов тонн воды, то есть в три тысячи с лишним раз меньше Гольфстрима! Понимаете? Даже все реки земного шара вместе взятые ежечасно выносят воды в двадцать два раза меньше, чем один Гольфстрим! И вот эта громада воды, — нагретая под жарким, экваториальным солнцем Атлантики, несет с собой на север невероятное количество теплоты. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Всеевропейская печка, Иван Степанович! — воскликнул восхищенный Марат.

Шелавин мягко улыбнулся и, добродушно посмотрев на Марата, продолжал:

— Вы совершенно правы, Марат, у нас есть такая печка, но это все-таки не Гольфстрим. За

Ньюфаундлендской банкой Гольфстрим совершает, как говорят американцы, преступление: он покидает берега Северной Америки и, расширяясь все большим веером, круто поворачивает на восток, к Европе. Вскоре после этого Гольфстрим переходит в широкое медленное Атлантическое течение. Не дойдя до берегов Европы, оно разбивается на две мощные струи. Одна из них посередине океана отделяется и под названием Канарского течения отходит к югу, к берегам Пиренейского полуострова и Северной Африки. Там это течение поворачивает на запад и сливается с тем самым северным экваториальным течением, которое под непрерывным воздействием постоянных ветров — пассатов — нагоняет массу теплой воды в Караибское море, а оттуда — в Мексиканский залив и дает начало Гольфстриму. Таким образом, здесь как будто замыкается круг, внутри которого, в Саргассовом море, мы сейчас находимся. Но главная струя Атлантического течения уходит на северо-восток, к западным и северо-западным берегам Европы. Здесь она, потеряв по дороге много тепла, полученного ею от Гольфстрима, отдает Европе большую часть оставшегося у нее тепла. Вот эта струя Атлантического течения и есть та европейская печка, о

которой вы говорили, Марат.

— С какой же температурой подходит она к Европе? — спросил Матвеев, отрываясь от тетради, в которой он все время усердно делал записи.

— От восьми градусов тепла в феврале до тринадцати-пятнадцати градусов в августе.

— Только и всего-то! — удивился Матвеев. — Да в такой воде и купаться невозможно, а не то что отапливать всю Европу. Хороша печка, которая и сама-то зимой имеет лишь восемь градусов тепла! Как же это так, Иван Степанович?

— А ты не торопись сомневаться, — сказал Матвееву его товарищ по водолазному делу, спокойный, солидный Крутицкий. — Значит, этому есть свое объяснение.

— Как?! — набросился на Матвеева Шелавин. — Вам этого мало, позвольте вас спросить? А про удельную теплоемкость воды и воздуха вы забыли, позвольте вас спросить? А? Забыли? Ведь вы водолаз! Ведь вы должны были бы знать физические свойства воды!

— Ну что — теплоемкость? — защищался Матвеев. — Я знаю, что теплоемкость воды равна единице.

— Что же это значит? — наступал Шелавин.

— А то значит, что для повышения температу-

ры одного грамма воды на один градус Цельсия требуется израсходовать тепла в количестве одной грамм-калории.

— Правильно. Не возражаю. Ну, а теплоемкость воздуха чему равна?

— Воздуха? — замялся Матвеев. — Воздух? М-м-м… Скажу честно, что за пять лет после окончания десятилетки нетрудно забыть такую мелочь. Да это нас, водолазов, и не касается, — извернулся он под общий хохот. — Нам, водолазам, нужно знать как можно больше про воду, куда мы лазим. А все подробности про воздух пускай помнят воздухоплаватели…

— Ну нет, брат, шалишь, — вмешался, похлопывая рукой по своей тетради, уборщик Щербина. — Надо и про воздух и про весь мир знать все, что только можно… Говорите уж вы, Иван Степанович! — обратился он к Шелавину.

— Нехорошо, нехорошо, товарищ Матвеев! — укоризненно покачал седой головой комиссар. — Завтра вы, может быть, захотите пойти во втуз. Придется опять зады повторять… Продолжайте, Иван Степанович!

— Так вот, — начал Шелавин, — теплоемкость воздуха — ноль целых двести тридцать семь тысячных теплоемкости воды. Почти в пять раз

меньше! А вывод отсюда, если принять еще во внимание удельный вес морской воды и сухого воздуха, получится совсем простой, но огромный важности: один кубический метр воды, остывая на один градус, согревает на один градус три тысячи сто тридцать четыре кубических метра воздуха, соприкасающегося с этой водой! При охлаждении только на один градус слоя воды толщиной в двести метров на всем пространстве норвежской части Атлантического течения выделится такое количество теплоты, которого достаточно для нагревания на десять градусов (Слышите? На десять градусов!) слоя воздуха толщиной в четыре километра (Слышите? В четыре километра!) и покрывающего всю площадь Европы! Вы представляете себе — над всей Европой?! Ученые вычислили, что через каждый погонный сантиметр европейского побережья с океана на материк в течение года проносятся четыре тысячи миллиардов калорий! Подумайте — через каждый сантиметр! Самый лучший каменный уголь обладает теплотворной способностью в восемь тысяч калорий. Значит, через каждый сантиметр в течение года проносится тепло, которое заключают в себе пятьсот тысяч тонн самого лучшего угля!.. Сколько же угля надобно было бы

сжечь, чтобы получить тепло, которое в течение года проносится на материк через все побережье Европы? А? Позвольте вас спросить? Теперь вам понятно, почему Атлантическое течение может играть роль печки для Европы?

— Вполне понятно! — живо отозвался Марат. — Огромные массы холодного зимнего воздуха, соприкасаясь с поверхностью более теплых вод, охлаждают воду, но сами нагреваются, делаются легкими и поднимаются наверх, уступая место другим холодным потокам воздуха с материка. А сами идут поверху к материку на место уходящего оттуда холодного воздуха и приносят туда с собой тепло Атлантического течения. Поэтому в Западной Европе климат гораздо мягче, чем на наших дальневосточных берегах, вдоль которых протекают не теплые течения, а, наоборот, холодные. Вот и выходит, что если Атлантическое течение является чем-то вроде печки для Европы, то течения Охотского моря превращают его в ледник советского Дальнего Востока. И я удивляюсь, Иван Степанович… Разве мы не можем…

— Подождите, подождите, — смеясь, прервал Марата Шелавин. — Сегодня мне приходится без конца поправлять вас. Когда вы говорите, что Атлантическое течение является печкой Европы,

то это не совсем верно. Дело в том, что тепло этого течения распространяется и дальше Европы — в Азию…

— Ого! — послышалось с разных сторон, — Оно, наверно, течет туда где-нибудь под землей?

— Пожалуйста, не возмущайтесь. Я тут ни при чем. Это тепло идет туда не под землей, а под водой…

Все рассмеялись.

— Это вовсе не шутка, товарищи, — сохраняя серьезный вид, но улыбаясь одними глазами, продолжал Шелавин. — Возле северной оконечности Европы самая мощная часть Атлантического течения направляется на север мимо западного берега Шпицбергена и на глубине от двухсот до шестисот метров доходит до полюса, как это в свое время доказала героическая группа папанинцев. Другая же, значительно более слабая струя теплого Атлантического течения, пройдя мимо самой северной оконечности Европы, мыса Нордкап, и мимо нашего Мурманска, порт которого вследствие этого никогда не замерзает, также спускается под холодные воды Ледовитого океана. Одну свою крупную ветвь оно посылает кружить в водах Баренцева моря, а другую — мимо северной оконечности Новой Земли — частью

опять в Баренцево море, частью в Карское море. И даже в самых далеких восточных частях Ледовитого океана, даже в Чукотском море советские моряки, полярники и ученые находили в глубинах струи уже чуть теплого, но несомненно Атлантического течения.

— Простите, Иван Степанович! — опять вмешался Марат. — Что же это такое? Вот мы реки отводим в новые русла… И меня удивляет… меня удивляет, почему мы не можем также бороться и с холодными течениями, которые замораживают наш Дальний Восток! Разве это непреодолимая задача? Ведь тогда зацвели бы там наши берега! А? Как вы думаете, Иван Степанович?

Марат покраснел и сидел, не сводя глаз с бумажки, на которой выводил карандашом замысловатые фигуры.

Все улыбнулись, оставили свои тетради, а Матвеев перемигнулся с Крутицким: жди, мол, потехи.

— Почему невозможно? — простодушно сказал Шелавин. — Была бы хорошая, здоровая идея, какой-нибудь интересный проект, и мы, наверно, могли бы его реализовать.

Матвеев не выдержал и рассмеялся:

— Иван Степанович, да не мучьте вы Марата!

Его уже давно, вероятно, распирают эти идеи и проекты. Он только ждет момента, чтобы освободиться от них. Вот спросите его… Ну, выкладывай, Маратик.

За короткое время совместного плавания на «Пионере» вся команда успела уже узнать слабое место комсомольца Марата — его неистребимую страсть к изобретательству, к новым, неожиданным проектам, к грандиозным идеям покорения природы. Не было ни одной области науки и техники, мало-мальски знакомой ему, чтобы при первом же столкновении с ее острыми, не решенными еще проблемами, Марат не откликался на них какими-нибудь ошеломляющими предложениями или проектами. Живой, подвижный, необыкновенно любознательный, он с таким жаром и увлекательностью сообщал каждому, кто не отказывался слушать, подробности своих проектов и открытий, что команда подлодки в свободные от работы часы подолгу заслушивалась, когда Марат начинал излагать перед нею все грандиозные последствия и замечательные результаты, которые непременно принесет человечеству реализация его проектов. Выступая на занятиях в научных кружках, Марат всегда вносил в них оживление, и участники ждали в

таких случаях чего-нибудь нового, вызывающего горячий спор или интересную дискуссию. Так и сейчас весь океанографический кружок весело насторожился, когда Марат предложил свой вопрос Шелавину.

— Так что же ты хочешь предложить, Марат? — поддержал Матвеева Цой.

Сейчас, когда у самого Цоя блеснула новая, захватывающая идея, при воспоминании о которой краска залила его темно-желтое лицо, он с каким-то новым чувством, новым интересом смотрел на своего друга и вызывал его на откровенность.

Марат поднял глаза на Цоя и улыбнулся ему.

— По-моему, — сказал он, — чтобы отеплить наши дальневосточные берега, надо отклонить холодное течение Охотского моря от входа в Татарский пролив и направить его в океан…

— Идея прекрасная, но совсем не такая уж новая, — возразил Шелавин.

— Знаю, что не новая, — прервал его Марат, как всегда в таких случаях разгораясь после первого же возражения. — Я знаю, что американцы уже давно носятся с идеей возвращения Гольфстрема… виноват, Гольфстрима… возвращения этого преступника домой, к родным берегам. Но это же сумасшедшие проекты! Вот вы меня называете

«сказочником», «фантазером»... Как же назвать тех американцев, которые выдвигают проект сооружения у начала Гольфстрима, между островом Куба и полуостровом Флорида, гигантской стены длиной в двести пятьдесят километров, высотой, считая от морского дна, больше пятисот метров и шириной в пятьдесят метров?! Эта стена должна закрыть Гольфстриму старый выход из Мексиканского залива через Флоридский пролив. В то же время новым огромным каналом полуостров Флорида отделяется от материка. Тогда теплые воды Гольфстрима, ища выхода, ринутся через канал, который направит их вдоль берегов Америки.

— Ну, что же, Марат, — рассмеялся Матвеев, — проект в твоем духе. Можно сказать, в мировом масштабе!..

— В моем ли это духе, ты сейчас услышишь! — отрезал Марат. — А вот еще другой проект практических, как обычно говорят, американцев. Они предлагают соорудить стену у Ньюфаундленда, чтобы остановить холодное Лабрадорское течение, которое идет от берегов Гренландии вдоль берегов Северной Америки и одновременно перехватить Гольфстрим, загородив ему путь в Европу...

— Убийственные для Европы проекты, — сказал Шелавин, протирая очки и моргая прищуренными глазами. — Я тоже слыхал о них. Знаете ли, чем они грозят Европе? Исландия оледенела бы, как Гренландия, которая покрыта в настоящее время ледяным щитом толщиной до двух и более километров. Теплые и влажные ветры с Атлантического океана сменились бы северо-восточными арктическими метелями. Начался бы стремительный рост ледников на возвышенностях Северной и Центральной Европы; ледники стали бы спускаться в долины и на равнины, и в короткий срок на нашем материке воцарился бы новый ледниковый период. На Британских островах, во Франции, в Испании и Португалии трещали бы морозы до сорока градусов; Константинополь и Рим под вой пурги тонули бы в снежных сугробах, а европейская часть нашего Союза получила бы климат Восточной Сибири и Якутии. Зато, с другой стороны, эта европейская катастрофа вызвала бы грозы и ливни в Африке, и бесплодная пустыня Сахара превратилась бы в цветущий сад. Вокруг Нью-Йорка созревали бы ананасы, бананы, апельсины и виноград: каменистый, безжизненный Лабрадор покрылся бы лесами и нивами; ожили бы острова Баффиновой

Земли и тундры северной Канады…

Шелавин замолчал, рассматривая стекла очков на свет электрической лампы. Слушатели его тоже молчали, как бы подавленные этими картинами. Казалось странным, что такие огромные изменения могут произойти на земном шаре только оттого, что Гольфстрим отклонит свой путь на два-три десятка градусов к западу.

— Фу! — произнес наконец Ромейко. — Страшен сон…

— К счастью, — сказал Шелавин, — на такие подвиги техника еще не способна.

— Пока, — заметил Марат, — Но в будущем и это станет для нее возможным.

— Марат прав, — спокойно вмешался комиссар, — но к тому времени, я убежден, всюду, по крайней мере в культурном мире, будет уже господствовать коммунистический строй, и он не допустит такого варварства. Если коммунистическое человечество сможет управлять погодой, то оно разумно и гуманно распределит теплоту по всей поверхности нашей земли.

— Правильно, товарищ комиссар! — закричал Марат. — Но сейчас мы уже можем и должны исправить и устранить маленькие сравнительно каверзы природы…

— Ах да! — улыбнулся Цой. — За всеми этими американскими ужасами мы забыли о маленьких проектах Марата. Надеюсь, они сулят нам только приятное?

— Даю полную гарантию, что никто возражать не будет. Я берусь согласовать проект со всеми заинтересованными лицами, учреждениями и государствами. Я предлагаю закрыть холодному течению выход из Охотского моря через Татарский пролив. Я предлагаю при помощи моей преграды заставить это течение обогнуть северную оконечность Сахалина и при выходе в центральную часть Охотского моря слиться с главным круговоротом этого моря.

— Какую же преграду ты предполагаешь поставить перед входом в Татарский пролив? — спросил Крутицкий. — Тоже, наверно, плотину длиной, если не в сотни километров, как американские, то в десятки?

— Нет! — воскликнул Марат. — По-моему, не хуже плотины смогут послужить… водоросли…

— Что?! Водоросли?! Какие водоросли? — посыпались со всех сторон недоуменные вопросы.

— Ты окончательно сошел с ума, Марат, — заявил Матвеев. — Пойдем, я тебя отведу к Арсену Давидовичу, он тебе даст чего-нибудь успокои-

тельного…

— Из удивления рождается любопытство, — рассмеялся Шелавин, — а любопытство ведет к познанию и науке. Подождите, товарищи, дайте Марату досказать.

— Ну хорошо, досказывай, Марат! — решительно произнес Матвеев. — Но предупреждаю: если ты опять понесешь свою ахинею, я тебя поймаю в каком-нибудь темном закоулке океана и… Глядите, — жалобно обратился он ко всем сидящим за столом, — у меня уже половина тетради занята его проектами и научным опровержением их…

— Готов пострадать за науку! — под общий смех воскликнул с пафосом Марат, вскакивая со стула. — А ты слушай, поражайся и записывай для потомства, — обратился он к Матвееву. И затем уже совершенно серьезно продолжал: — Вы должны вспомнить, товарищи, что нам Арсен Давидович рассказывал в последней беседе о водорослях. После этого я успел кое-что еще почитать о них. Он говорил о гигантских водорослях, растущих в невероятных количествах возле островов Огненной Земли, Фальклендских островов, по обоим, восточному и западному, побережьями Южной Америки, в их бесчисленных бухтах, заливах и проливах. Эти водоросли часто дости-

гают длины в двести пятьдесят-триста метров и размножаются очень быстро. У них круглый, гладкий, слизистый ствол, который достигает толщины до трех сантиметров. Они называются… они называются… — Марат перелистал свою тетрадь и скоро нашел: — Вот! Они называются «Макроцистис перифера»… Собранные в массу, они обладают необычайной силой сопротивления могучим волнам океана, перед которыми часто и береговые скалы не в состоянии устоять. В этих дремучих подводных лесах, опутанных, как лианами, густой сетью более слабых и тонких водорослей-паразитов, живет целый мир рыб, ракообразных, червей, моллюсков, которые находят там пищу и приют. Так вот! Что если бы собрать в огромных, неисчислимых количествах органы размножения, споры этих водорослей, нагрузить полностью грузовые пароходы, привезти в Охотское море и засеять ими северный вход в Татарский пролив?!

— Как же ты будешь сеять эту пыль? — спросил Белоголовый.

Он пришел на подлодку из знаменитого колхоза «Заветы Ильича», победителя на всесоюзном конкурсе колхозов по урожайности, рентабельности и культуре быта. В этом колхозе Белоголовый

состоял главным поваром, получил похвальную грамоту за отличное питание своих колхозников и был направлен в Институт питания для совершенствования. Он был прекрасно знаком с правилами обработки земли, сева и уборки, и потому предложение Марата заинтересовало его.

— Как же ты будешь сеять эти микроскопические споры в морской текучей воде, при ветре и волнах? С сотен лодок, катеров и глиссеров? Ведь огрехов не оберешься!

— Не с лодок и катеров, — последовал немедленный ответ, — а с самолетов! Вот так, как производится с их помощью сев хлеба. Неужели ты не слыхал об этом?

Белоголовый смутился. Он действительно забыл об этом далеко уже не новом способе сева.

— Так вот, товарищи, — продолжал Марат, — споры этих водорослей очень быстро развиваются. Если с необходимой густотой засеять ими узкое и мелкое устье пролива и затем повторить посев несколько раз, то эти гигантские мощные водоросли в короткий срок поднимутся такой плотной, несокрушимой стеной, что холодное течение, наткнувшись на них, должно будет повернуть в сторону. Таким образом…

— Цой, Цой! — возбужденно зашептал Павлик,

дотягиваясь до его уха. — Как жалко! Мне надо идти на перевязку, я уже опаздываю. Какой молодец Марат! Ты мне потом расскажи, Цой, чем кончится спор. Ладно? А то Арсен Давидович будет сердиться на меня…

* * *

После шума, громких разговоров и яркого света в красном уголке Павлик, закрыв за собой дверь, сразу очутился в тишине и мягком матовом свете безлюдного коридора. Тускло поблескивали лакированные стены и переборки, впереди виднелась перспектива вырезных арок, по сторонам в каждом отсеке на дверях белели эмалированные дощечки с синими надписями.

Павлик прошел уже два отсека, когда впереди послышалось щелканье автоматического замка дверей и затем приглушенный ритмичный скрип обуви — грузные шаги большого удаляющегося человека.

«Скворешня», — решил Павлик и прибавил шагу, чтобы нагнать своего друга, но сейчас же подумал, что каюта Скворешни находится значительно дальше и, следовательно, это кто-то другой.

Вдали, сквозь арки двух отсеков, пятно яр-

ко освещенного снизу люка потемнело. Кто-то спускался в машинное отделение. Павлик взглянул на дощечку заинтересовавшей его двери: «Главный механик Федор Михайлович Горелов». Почему-то сразу замедлились шаги и пропало желание догонять. Павлик опустил глаза. На полу, у двери, белел маленький обрывок бумаги. Он был совершенно неуместен в этом блестевшем чистотой коридоре, он резал глаза Павлику, уже привыкшему к образцовому порядку на подлодке. Павлик почти непроизвольно нагнулся и поднял бумажку, чтобы бросить ее в первый же люк мусоропровода. На бумажке промелькнули цифры, значки, обрывки слов, обычных здесь на морском судне: «...гассово море... точные координаты...» «А что такое «координаты»? — подумал Павлик. — Надо будет спросить Цоя». И продолжал читать: «... 7°46'36" сев. широты и 5...бина шестьсот пятьдес... Красные пояса...цать шестого мая...чно восемнадцать час... не забудьте гидро... Кро...»

Кто-то осторожно взял Павлика за локоть и наклонился над обрывком бумажки.

Павлик поднял глаза. Над ним, перегнувшись почти пополам, стоял Горелов. Он был восково-бледен. Длинные тонкие губы посерели, изогнулись в натянутой, мертвой улыбке. В его

глубоко запавших черных глазах стоял страх. Высокий лоб был покрыт мелкими каплями пота.

Сам не понимая почему, Павлик вдруг почувствовал, как этот страх передался и ему. Не сводя с Горелова поднятых глаз, он испуганно бормотал:

— Это я только что… только что нашел, Федор Михайлович…

Улыбка сошла с лица Горелова. Он взял обрывок из рук Павлика, выпрямился, вгляделся в бумажку и хрипло спросил:

— Где же ты нашел ее, Павлик? А впрочем, какая чепуха! Прости, пожалуйста, что я помешал тебе... Что за чертовщина! Мне почему-то показалось, что я потерял одну секретную бумагу...

Он сунул пальцы в верхний карман своего кителя и извлек небольшой, аккуратно сложенный листок бумаги.

— А она — вот она! Лежит себе и помалкивает. Фу, до чего я перепугался, Павлик! Ты ведь знаешь, как у нас строго с военными секретами... Опускаюсь в люк, оглянулся и вижу — ты нагнулся у двери моей каюты, поднял бумажку и читаешь. У меня прямо сердце упало от испуга. Оказывается, такая чепуховина! — Он опять посмотрел на лоскуток бумажки, повертел между пальцами и рассмеялся: — И к тому же вообще не моя. Вероятно, кто-то уронил, проходя тут. Ну, ты не сердишься на меня, Павлик?

Страх еще прятался в широко раскрытых глазах Павлика и губы незаметно дрожали мелкой дрожью, но он ответил, чуть запинаясь:

— Нет... конечно... Я только очень испугался... Вы так смотрели на меня... — И Павлик слабо

улыбнулся, робко глядя снизу вверх на Горелова.

— Ну, вот и отлично! Помирились, значит. Ты куда сейчас направлялся?... Знаешь что? Я иду в электролизное отделение. Ты там бывал? Наверно, нет! А там очень интересно. Пойдем со мной. Я тебя все объясню.

Он небрежно сунул обрывок бумажки в карман, круто повернулся и зашагал по коридору. Павлик молча последовал за ним.

Они спустились в люк по винтовой металлической лестнице и попали в залитый светом нижний коридор, тоже разделявшийся водонепроницаемыми переборками на отдельные отсеки. Из каждого коридорного отсека направо и налево открытые двери вели в машинные отсеки.

Горелов, держа Павлика за руку, повел его в первую дверь направо. Они вошли в большой светлый отсек, уставленный высокими машинами и аппаратами. Некоторые из них были спрятаны целиком в металлические цилиндры, кубы, шары, оплетенные толстыми жилами проводов, соединенные друг с другом и с соседними отсеками разноцветными трубами. Большинство же машин было заключено полностью или частично в стеклянные колпаки, и тогда

ясно видна была хлопотливая работа шатунов и коленчатых валов, быстрое вращение якорей, медленное, словно задумчивое, движение шестеренок. Снаружи, на металлической и стеклянной одежде машин густо разместились разнообразные контрольные и измерительные приборы с циферблатами, круговыми шкалами, стрелками, столбиками разноцветных жидкостей, зелеными, красными, желтыми лампочками. Стрелки дрожали, трепетали или медленно ползли по своим шкалам: лампочки то гасли, то зажигались, то ровно и непрерывно горели; столбики жидкостей то поднимались, то опускались.

— Это генераторный и трансформаторный отсек, — объяснил Горелов. — Видишь вот эти толстые тросы, которые входят сюда из наружной стены? Это тросы наружных трос-батарей. Они подают сюда электрический ток, который возникает в них от разности температур между частью батареи, находящейся у теплой поверхности океана, и другой частью, опущенной по склону нашей подводной горы на глубину в четыре тысячи метров, где температура всего лишь около одного градуса выше нуля. Сюда поступает постоянный ток высокого напряжения. Часть этого тока используется нами без всякой переработки,

например, для электролиза воды, а часть мощным прерывателем обращается в пульсирующий, а затем вот этот трансформатор превращает его в ток низкого напряжения, который передается по верхним — видишь, у потолка? — проводам в левый отсек, в аккумуляторы, и заряжает их.

Павлик уже бывал здесь с Маратом, и ничего нового Горелов ему не сообщил. Все это было ему уже известно. Но сказать об этом Горелову у него почему-то не хватало духу. Он вежливо кивал головой и в то же время думал о том, что запаздывает на перевязку и что ему непременно влетит от Арсена Давидовича и даже, может быть, тот уже сам собирается искать его, Павлика. Что же делать? Можно было бы сказать об этом Горелову, вежливо, самым вежливым образом извиниться перед ним и сказать: так, мол, и так... Но нет, нет! Это совершенно невозможно. Он опять, пожалуй, рассердится.

Они прошли под аркой переборки в следующий отсек — электроподстанцию для накала корпуса подлодки при ходе «на пару», когда тонкий слой горячего пара окружает судно и облегчает ему движение в воде, потом — в компрессорный отсек, где мощные компрессоры продувают сжатым воздухом балластные, уравнительные, диффе-

рентные цистерны, освобождая их от водяного груза для всплытия или выравнивания подлодки. Потом шел отсек с баллонами сжатого воздуха, а за ним, заметно более узкий и низкий, опять генераторный и трансформаторный отсек.

— Да, Федор Михайлович, — вежливо кивнул головой Павлик, — мы уже как будто видели только что эти машины в первом отсеке…

И, собравшись с духом, Павлик намеревался уже извиниться и сказать, что он очень благодарен, что все это страшно интересно, но что он очень спешит на перевязку и даже, наверно, опоздал и Арсен Давидович будет очень недоволен, и поэтому он просит разрешения уйти… Но как раз в тот момент, когда он почти открыл уже рот, чтобы сказать все это, Горелов подошел к противоположной переборке и возле наглухо закрытой арки нажал зеленую кнопку слева. Дверь тихо отодвинулась в сторону и скрылась внутри толстой переборки. В открывшейся арке показался новый отсек, еще более низкий и узкий, с закругленной внешней стеной; по всему было видно, что Горелов с Павликом приблизились уже почти к последней, самой узкой, кормовой части подлодки.

Павлик здесь никогда не бывал и даже не

догадывался о существовании за последней переборкой еще других отсеков. В нем вдруг разгорелось любопытство, и он сразу забыл о своем намерении уйти.

Горелов вошел в новый отсек, согнувшись под невысокой аркой, и позвал:

— Входи, Павлик! Здесь не каждому удается побывать. Входи скорее, нельзя оставлять дверь открытой.

Павлик не заставил себя дважды просить. Едва он вошел в отсек, Горелов нажал кнопку у входа, и дверь быстро задвинулась. Павлик все же успел заметить необычайную толщину переборки, отделявшей этот отсек от остальных помещений подлодки.

— Почему вы так быстро закрыли дверь, Федор Михайлович? — спросил Павлик, осматриваясь вокруг.

Ничего особенного в оборудовании отсека он не заметил. На полу в два ряда стояло много герметически закрытых длинных металлических ящиков. По обеим сторонам каждого из них помещалось по небольшому кубическому ящику, соединенному с длинным ящиком изогнутыми трубками и проводами. Кроме того, в каждый длинный ящик входили с обеих сторон тол-

стые провода и трубы различных диаметров. На ящиках и стенах отсека разместились многочисленные, разнообразных форм и систем приборы.

— Мы сейчас в камере электролиза воды, — ответил Горелов, внимательно рассматривая показания приборов на ящиках. — В этих длинных ваннах электрический ток разлагает воду на водород и кислород. Каждый газ собирается в отдельный баллон: в левый идет водород, а в правый — кислород. Отсюда оба газа переходят, каждый по своему газопроводу, в свой газгольдер на верхнем этаже. Там они уплотняются, сжимаются под большим давлением и хранятся в огромных цилиндрических баллонах. Из этих баллонов особые автоматические приборы выпускают строго отмеренные порции каждого газа, которые вот здесь, за этой перегородкой, по особой трубе перегоняются в шаровую камеру дюзы. Постучи по перегородке пальцем… Слышишь, какой глухой и тупой звук? Это указывает на большую толщину переборки. Она достигает четырех сантиметров толщины! Ты не думай, что это мало. Ведь переборка сделана из такого твердого сплава, что взамен него потребовалась бы переборка из стали толщиной не менее полуметра. Если сюда проникнут газы и образуется

гремучий газ, то от случайной искры может произойти колоссальной силы взрыв. Эта переборка должна выдержать силу взрыва и спасти подлодку от несчастья, а может быть, и гибели. Там, за переборкой, проходят десятки труб, по которым водород и кислород стремительно несутся к центральной и кольцевым дюзам. Кольцевые дюзы расположены вокруг центральной на самом конце подлодки; они направлены отверстиями своих раструбов прямо назад. В камере каждой дюзы, в камере сгорания, оба газа встречаются, смешиваются и образуют гремучий газ… Здесь его встречает искра, от которой он взрывается и толкает подлодку вперед. При тысяче взрывов в минуту подлодка получает скорость хода до ста пятидесяти километров в час. Кроме ходовых — центральной и кольцевых — дюз, на другом кольце, охватывающем крайнюю часть кормы, находятся еще тридцать две дюзы, направленные своими раструбами во все стороны от подлодки — вверх, вниз, вправо, влево и между этими направлениями. Это — рулевые дюзы, дюзы направления. Вахтенный командир из центрального поста управления может, нажав кнопку, произвести взрывы в одной какой-нибудь из этих дюз или в группе их. Тогда корма подлодки,

получив один или несколько толчков в одну лишь сторону, например в правую, должна будет отклониться вправо и тем самым повернуть нос подлодки влево. Вот это и служит подлодке вместо обычных рулей, которые всегда сильно тормозят ход судов. Нашу подлодку Крепин освободил от этого тормоза…

— Ну что, интересно, Павлик? — улыбаясь, спросил Горелов.

— Очень интересно, Федор Михайлович! Скажите, пожалуйста, а может ли «Пионер» дать задний ход?

— Может. Для этого служит еще одно, верхнее кольцо дюз, обращенное своими раструбами вперед, к носу. Особая кнопка на щите управления в центральном посту переводит путь гремучего газа в это верхнее кольцо дюз, и газ, взрываясь там, бьет вперед и толкает подлодку назад. Видишь, как это все хорошо продумано! Управление дюзами и взрывами можно производить и отсюда, вот с этой доски. Но это строжайше запрещено без какой-нибудь исключительной надобности — в случае, например, неисправности центрального поста, аварии, крушения.

Горелов внезапно замолчал, как будто что-то вспомнив, и, улыбнувшись, спросил:

— Да! Скажи, пожалуйста, Павлик… я не обратил тогда внимания и выбросил бумажку… не помнишь, что на ней было написано?

Увлеченный каким-то прибором, на котором стрелка быстро и упорно лезла кверху, Павлик, не думая, ответил:

— Нет, Федор Михайлович, не помню… какие-то обрывки цифр… Я даже не успел рассмотреть… А почему эта стрелка ползет вверх и так быстро?

— Стрелка показывает возрастание давления в этом баллоне — баллон, значит, переполнен газом; но сейчас другой автоматический прибор выпустит из него излишек, и к стрелке опять вернется ее спокойный ход.

Так и случилось. Возле прибора со взволнованной стрелкой загорелась желтая лампочка, стрелка вздрогнула, остановилась, поползла назад, потом опять остановилась и медленно, едва заметно для глаза, снова поползла вверх.

— До чего интересно! Как будто живые машины. Сами за собой следят. Большое спасибо, Федор Михайлович! Вы мне разрешите уйти? Мне уже давно надо было явиться на перевязку. Арсен Давидович, наверное, страшно сердится.

Павлик говорил теперь оживленно, уверенно и без всякой робости. В самом деле, почему он

до сих пор так стеснялся Федора Михайловича? Право, он совсем простой человек. Молчаливый только, сумрачный. А сейчас совсем напротив: почти даже веселый, шутит. И какие интересные вещи показал, как интересно объяснил!..

Павлик быстро, чуть не бегом, поднимался по винтовой лестнице, но посередине ее вдруг остановился, постоял минуту в нерешительности и скатился обратно в генераторный отсек.

С веселым лицом он бежал мимо знакомых уже машин. Федор Михайлович так хорошо объясняет… Почему же не спросить у него? И он тоже, наверное, будет доволен. Он так охотно все показывал и объяснял…

Горелов неподвижно стоял перед закрытой наглухо аркой, опустив длинные руки, нахмурившись, с устремленными в одну точку глазами. Звонкий голос Павлика и быстрый топот его ног как будто вернули Горелова откуда-то издалека сюда, в ярко освещенный отсек подводного корабля. Он не сразу пришел в себя и первое мгновение смотрел на оживленного Павлика с недоумением.

— Федор Михайлович, я вспомнил. Объясните мне, пожалуйста, что такое «координаты»… «точные координаты»… мне очень интересно.

Горелов вздрогнул, мучительно закашлялся. Лицо его исказилось — вероятно, из-за этого неожиданного припадка кашля. Впрочем, все это быстро прошло. Горелов вытер платком лицо и глухо спросил:

— Координаты?… Где тебе встретилось это слово, Павлик?

— Да в той бумажке, которую я нашел в коридоре… Я этого слова не понял, и оно мне запомнилось. Я хотел было спросить у Цоя, но вы, наверно, лучше объясните…

Горелов легонько потрепал Павлика по плечу и почти ласково усмехнулся:

— Очень тебе благодарен за доверие. Приходи, голубчик, когда угодно и за какими угодно объяснениями. Всегда к твоим услугам. А координаты… М-м-м… Координаты — это такие величины, при помощи которых в географии, в морском, скажем, деле устанавливается… М-м-м… Ну, как тебе сказать?.. Определяется точное положение какой-либо точки на плоскости или в пространстве… Ну вот… Понятно, Павлуша?

По правде сказать, Павлик не совсем понял это объяснение, но ему не хотелось сознаваться в этом. Да, в конце концов, не так уж важно полностью понимать это странное слово.

— Все попятно, Федор Михайлович. Большое спасибо! Бегу к Арсену Давидовичу. Ну и влетит же мне!

Глава IX
В чаще водорослей

Огромная черепаха, испуганно выпучив черные блестящие, как крупные бусы, глаза, поводила головой на длинной, вытянутой шее, ныряла вглубь, бросалась из стороны в сторону, распластав широкие, плоские, словно весла, ласты, потом птицей взмывала кверху.

Радуясь быстроте и ловкости своих движений, счастливо смеясь, Павлик носился вслед за черепахой, не отставая от нее, то хватая ее за ласты или за короткий, толстый у основании и острый у конца хвост, то обгоняя ее, то почти совсем ложась на ее горбатую твердую спину, всю из овальных, как темные изразцы, щитков.

Кругом шныряли синеполосые лоцманы, пестрые губаны и попугаи-рыбы; уродливые бычки взлетали со дна и падали обратно; медлительно и вяло проплывали пятнистые спинороги с твердой крупной чешуей и тремя острыми лучами на спине; молнией проносились великолепные

золотистые дорады. Компания больших бледно-бурых морских угрей, извиваясь, проскользнула стороной куда-то по своим делам. Насмерть перепуганная этим необычным волнением, еж-рыба, неуклюже работая изо всех сил, устремилась ввысь и, высунув над поверхностью воды нос, похожий на хоботок, набрала воздуху, раздулась в шар и перевернулась на спину, выставив во все стороны, на страх врагам, свои многочисленные иглы. Стадо физалий, прекрасных сифонофор, блещущих роскошью золотисто-синей окраски, окружило Павлика и его черепаху и было в тот же миг рассеяно их бурной возней.

Черепаха наконец совсем обезумела, когда настойчивый преследователь вдруг схватил ее за хвост и потащил к темневшей невдалеке чаще водорослей. Раскрыв свой твердый крючковатый клюв, коричневый и словно лакированный, она изо всех сил загребала ластами, но ничего не могла сделать. Всей мощью пятидесяти лошадиных сил, заключенных в его крохотном электромоторе, Павлик тащил черепаху за собой.

Они оба ворвались в завесу водорослей, внеся ужас и смятение в мир существ, населявших эти почти неизвестные людям подводные джунгли.

Вокруг Павлика и черепахи взметнулся рой креветок, рачков, червяков, морских паучков, крабов, живущих на стеблях водорослей, питающихся ими, рождающихся на них и на них же умирающих. Маленькие и крупные рыбы юркнули в чащу водорослей, так что Павлик не успел даже разглядеть их. Впрочем, ему было не до этого.

Павлик совершенно не предвидел того, что могут сделать эти хрупкие, скользкие, состоящие на девяносто процентов из воды растения, когда они встречаются в такой массе. На пятом метре их пути среди водорослей черепаха навертела на свои ласты, на хвост, на шею столько стеблей и листьев, что не в силах уже была сделать ни одного движения. Не в лучшем положении был и Павлик. Хотя руки и ноги были у него сравнительно более свободными, но зато винт запутался в водорослях, и Павлик очутился в таком же беспомощном положении, как и черепаха. Он бросил свою добычу и попытался достать руками винт, чтобы очистить его. Но в металлических рукавах скафандра это было невозможно.

«Вот неприятность! — подумал он с беспокойством. — Самому не выбраться… Придется вызывать на помощь…»

И произнес вслух:

— Арсен Давидович!

— Что тебе, бичо? Где ты? — послышался в ответ знакомый голос.

— У меня тут неприятность, Арсен Давидович… Я попал в чащу водорослей, и винт запутался в них. Вот…

— И ты не можешь двинуться с места?

— Да… И черепаха тоже…

— Какая черепаха?

— Большая… такая. Я ее поймал и тащил к вам…

— Ты с ума сошел, бичо! — расхохотался зоолог. — Как ты ее тащил?

— За хвост…

Хохот раздался с утроенной силой, так как к баритону зоолога присоединились раскатистый бас Скворешни и тихий смех Цоя.

— Где же ты там застрял? — спросил, отсмеявшись, зоолог.

— Снаружи… со стороны океана… сейчас же за поворотом. От вас направление норд-ост.

— Понятно, — сказал Скворешня. — Какая глу-

бина?

— Семьдесят восемь метров, — ответил Павлик, посмотрев на глубомер.

— Ну ладно, бичо. Стой хладнокровно. Скоро буду возле тебя. Когда скажу, начни пеленговать.

— Хорошо, Арсен Давидович.

Павлику было и смешно и неловко: люди заняты важным делом, а тут приходится отрывать их. Из-за глупости. Зачем нужно было продираться через водоросли, когда можно было обойти их стороной? Скорей хотелось. А надо было соображать! Если бы хоть секунду подумал, понял бы, что здесь можно так запутаться, что не выберешься.

Павлик посмотрел на водоросли с новым вниманием и любопытством.

Они стояли вокруг него — прямые, спокойные, сплетенные в несокрушимую, как будто тюремную решетку. Их коричные, оранжевые, золотисто-оливковые круглые стебли несли на себе длинные, то мелко зазубренные, то с крупными вырезами листья, согнутые по длине, как ладонь. Другие стебли, безлистые, разветвлялись на массу мелких тоненьких веточек. Но все были усыпаны то крупными, то мелкими воздушными пузырьками, державшимися, как вишни, на тон-

ких черенках. Стебли и листья были покрыты как будто пятнами белого мха. Но Павлик уже знал, что то был не мох, а колонии странных животных — мшанок, похожие то на тонкий кружевной узор, то на искусное произведение гравера по слоновой кости.

Павлик не мог надивиться их скромной красоте. Они напоминали ему старинную китайскую шкатулку из слоновой кости, всю в ажурных узорах, которую давно когда-то подарили в Шанхае отцу в день его рождения. Павлик даже вскрикнул от неожиданного воспоминания: ведь именно сегодня, двадцать шестого мая, день рождения его отца! Павлик всегда с таким нетерпением ждал этого дня еще задолго до его наступления. Он сулил ему столько удовольствий и радости… А теперь забыл…

Двадцать шестое мая… Мысль об отце, раненном, одиноком принесла с собой грусть. Но внезапно всплыла новая мысль. Двадцать шестое мая… Где-то недавно Павлик еще по какому-то другому поводу встретился с этим числом… Где? Когда? Двадцать шестое мая… Двадцать шестое мая… Вдруг рядом с ним на плоском листе водоросли зашевелилось какое-то серовато-белое пятно, выпустило лапки и усики, подняло клеш-

ни. Еще миг — и крохотный, но самый настоящий краб оливкового цвета, с белым пятнышком на спине быстро побежал по листу, лавируя между стебельками изящных гидроидных полипов — кладокорин, — разросшихся крохотной рощицей на этом листе. Маленький червяк наполовину высунулся в это время из закрученной раковины как раз на пути краба. Прежде чем он успел юркнуть обратно в свою норку, краб схватил его клешней, вырвал целиком из раковинки и отправил в рот.

Нарушенное Павликом и черепахой спокойствие восстановилось, и замершая было жизнь опять вступила в свои права.

Павлик забыл обо всем, захваченный необыкновенным зрелищем. Белые пятна то здесь, то там начинали вдруг двигаться и оказывались то на спине темно-зеленой креветки или оливкового краба, то венчиком серых щупалец на маленькой золотисто-оранжевой красавице актинии.

— Вот хитрые! — сказал вслух изумленный Павлик. — Как притворяются!

— Кто хитрый, бичо? — неожиданно раздался голос зоолога. — Кто притворяется?

Павлик так увлекся своими наблюдениями, что забыл, где он и что вокруг него. Впрочем, он

сейчас же пришел в себя и ответил:

— Тут такая масса животных живет на водорослях, и все страшно похожи на мшанок. Я их даже сразу не различил…

— А-а-а… Это называется мимикрия, бичо. Животные принимают окраску или внешний вид окружающих предметов и благодаря этому спасаются от врагов или делаются незаметными для добычи.

Во всех щелях между стеблями и листьями водорослей показывались и исчезали странные существа, которых Павлик не заметил и не разглядел в первые минуты своего появления в этой чаще. Все они были невелики — пятнадцати-двадцати сантиметров в длину — и держались в воде вертикально, как будто стоя. Их головы и шеи были совершенно похожи на лошадиные, при этом морды были вытянуты в трубку, и посередине трубки, на бугорке, вроде бородавки, торчали кверху два длинных луча, загнутых, как клыки. На гордо изогнутой шее стояла дыбом растрепанная реденькая грива. Шея пониже переходила в кругленькое брюшко. На спине у конца шеи стоял, похожий на раскрытый полукруглый веер без ручки, плавник. Сейчас же за коротеньким брюшком начинался длинный

гибкий хвост, скрученный впереди спиралью. Бледная пепельно-бурая окраска этих странных существ отливала порой то тускло-синим, то зеленоватым цветом.

«Ну, точь-в-точь шахматный конь с хвостом», — подумал Павлик.

Это были действительно морские коньки, смешные и в то же время грациозные создания. Они во множестве проносились в светло-зеленых щелях между водорослями, то медленно, с важным видом выпятив брюшко, гордо задрав свои лошадиные головы и выпучив удивленные глаза, то лежа быстро разрезали воду, работая хвостом, словно маленькие пароходики винтом. Некоторые, обвив концом хвоста стебли водорослей, покачивались на них, по-видимому отдыхая и высматривая добычу. При этом оба глаза их вертелись в разные стороны, независимо друг от друга, как у хамелеона. Два морских конька, быстро проплывая навстречу друг другу, неожиданно сцепились хвостами, переплелись ими. Они делали отчаянные усилия, чтобы расцепиться, тянули, дергались в разные стороны, отчаянно вертя глазами и зацепившись подбородками за ближайшие стебли.

Павлик, затаив дыхание и раскрыв рот в ши-

рокой улыбке, не сводил глаз с этих комичных лошадок, как будто сорвавшихся с шахматной доски. Неожиданно перед самыми глазами Павлика стоя повис в воде морской конек с большим отвисшим брюшком. Он пристально смотрел на Павлика, выпучив глаза под смешной растрепанной прической из нескольких отдельно торчащих волосков. Вдруг на нижней части брюшка морского конька кожа зашевелилась и открылась щель. Из щели показалась маленькая острая мордочка, и сейчас же из этого открывшегося кармана выскочила фигурка крохотного конька, очень похожего на большого, и до того смешная, что Павлик не смог больше удержаться и громко рассмеялся. Вслед за первым из кармана выскочило один за другим несколько десятков этих миниатюрных созданий. Они грациозно кружились вокруг своего плавучего дома и вдруг, стремительно бросившись к нему, в один миг скрылись в спасительном кармане, владелец которого моментально исчез из глаз удивленного Павлика.

Павлик не сразу заметил, что именно так напугало это жизнерадостное семейство. Потом среди слегка колышущихся пятнистых листьев он заметил глаза — угрюмые, злобные, под хмуро на-

висшими бровями. Потом вырисовались толстые, мясистые губы, изогнутые, опущенные в углах, с зажатой в них тоненькой веточкой водоросли. Наконец проступила и вся толстая бизонья голова, с лохматыми рогами и лоскутной бородой. Казалось, что вся рыба состоит из шевелящихся лоскутьев и лохмотьев, которые заменяли ей плавники и хвост, а большей частью вообще неизвестно зачем были насажены и болтались на голове, под головой, на щеках, за жаберной крышкой. Множество белых пятен — больших и малых — было рассыпано по всему телу этой необыкновенной рыбы и всем ее придаткам. Но именно эти странные лохмотья и пятна делали ее совершенно незаметной в чаще пятнистых колышущихся водорослей.

«Тоже мимикрия, — подумал Павлик, — приспособляется...»

Рыба неподвижно повисела несколько секунд, не сводя угрюмых глаз с Павлика, потом, успокоенная, повернулась к толстому стеблю и начала тыкать мордой в небольшой, с кулак, бугорок, прикрепленный над черенком широкого листа. Только внимательно вглядевшись, Павлик заметил, что этот бугорок является настоящим гнездом и что странная рыба прикрепляет к нему

принесенную с собой веточку. Веточка вышла из ее рта, покрытая слизью, и крепко легла на свое место в стенке гнезда.

Очевидно, строительство гнезда этим и заканчивалось, так как рыба поднялась над ним и начала тереться брюшком о края его стенок. Из брюшка показалась нить икринок, которые рядами укладывались внутрь гнезда.

— Бичо! — опять неожиданно и резко прозвучал голос зоолога. — Начинай пеленговать! Направление — зюйд-зюйд-ост, глубина — от восьмидесяти пяти до восьмидесяти метров, частота — двадцать тысяч килоциклов, энергия — восемьдесят ватт.

Павлик быстро пришел в себя и четко, по-морскому ответил:

— Есть, Арсен Давидович! Направление — зюйд-зюйд-ост, глубина — от восьмидесяти пяти до восьмидесяти метров, частота — двадцать тысяч килоциклов, энергия — восемьдесят ватт.

Он поспешно снял с пояса плоский ультразвуковой пистолет, определил по компасу на левой руке направление, а по глубомеру высоту. Затем подняв пистолет и нажимая кнопку на нем, начал описывать им против себя дуги медленно, почти незаметно для глаза опуская дуло все ниже

и ниже...

* * *

Павлик рос вдали от родины, далеко от ее радостной жизни, захватывающей борьбы с грозными силами природы и пережитками прошлых, рабских лет, далеко от ее побед и достижений. Шесть лет, таких важных для формирования человека, он провел в капиталистической Америке, в атмосфере вражды человека с человеком, рабочих с капиталистами, бедных с богатыми. Павлик жил одиноко, без матери, умершей в первый год после их переезда в тихий, патриархальный Квебек, без братьев и сестер, без друзей и товарищей.

Неожиданно, пройдя через смертельную опасность, Павлик попал на советский подводный корабль, в тесный круг мужественных людей, в сплоченную семью товарищей, привыкших к опасностям, умеющих бороться с ними и побеждать. Они покорили его сердце своей жизнерадостностью, своей товарищеской спайкой, своей веселой дружбой и легкой и в то же время железной дисциплиной. Родина — сильная, ласковая, мужественная — приняла Павлика в тесных пространствах «Пионера». Она вдохнула

в него новые чувства, вызвала в нем страстную жажду быть достойным ее, горячее желание подражать и быть похожим на ее лучших сынов, к которым он попал.

За несколько дней, прошедших после памятной и счастливо перенесенной опасности, Павлик многому научился. Он основательно познакомился со своим скафандром, который подобрал ему Скворешня из самых малых размеров, имевшихся в запасе на подлодке, с ультразвуковым пистолетом, узнал, как применять его в качестве оружия и как пользоваться им для связи и сигнализации. Он научился ориентироваться в морских глубинах по глубомеру и компасу; научился пеленговать и принимать пеленгацию по своему радиоаппарату, всплывать и опускаться на дно, регулируя свой воздушный мешок за спиной; запускать и останавливать винт, управлять рулями и помогать им руками и всем телом.

Поэтому он так ловко преследовал черепаху и так уверенно пеленговал своим друзьям при помощи ультразвукового пистолета.

Дело заключалось в том, чтобы попасть ультразвуковым лучом в мембрану на груди у кого-нибудь из его друзей. Там луч превращался в слышимый звук, и по чистоте и ясности его опре-

делялось, какого направления надо держаться, чтобы добраться до источника звука.

Через три минуты, обрезая кортиком водоросли на винте Павлика, зоолог говорил:

— Эта черепаха мне не нужна, Павлик. Лучше бы искал мою Lammelibrachtata cephala. Я уже не решаюсь даже прибавлять свое имя к имени класса, который существует пока в лице лишь одного-единственного индивида. Какая дикая несообразность!

Он грустно вздохнул.

— Ну, Арсен Давидович, не огорчайтесь, — пробовал утешить его Павлик. — Вот увидите, не здесь, так в другом месте, но мы обязательно отыщем вам эту цефалу…

— Ну, вот ты и свободен, Павлик. В другой раз… Стоп, что это такое? — прервал вдруг зоолог самого себя.

Павлик посмотрел в ту сторону, куда повернулся ученый. Сквозь стебли водорослей Павлик заметил фигуру большого человека в синеватом скафандре, поднимавшуюся к поверхности при помощи заспинного винта. Человек держал в руках три гибких кольцевых шланга, окрашенных в ярко-красный цвет. Проскользнув на расстоянии двадцати метров от зоолога и Павлика и спугнув

стайку серебристых рыбок, ливнем пронесшихся вниз, человек быстро скрылся вверху за густой стеной растений.

— Странно, кто бы мог быть здесь? — спросил задумчиво зоолог, продолжая неподвижно смотреть наверх. — Мне помнится, что из подлодки должны были сегодня выйти, кроме нас с тобой, лишь Шелавин, Скворешня, Цой да Марат… Скафандр этого человека, наверно, нулевой, а таких крупных людей у нас, кажется, только двое — Скворешня и Горелов… Но Скворешня занят… Неужели Горелов?…

— Арсен Давидович! — прервал зоолога Павлик. — Зачем же он поднялся кверху? Ведь по приказу капитана никто не имеет права быть на глубине меньше пятидесяти пяти метров от поверхности…

Зоолог пожал плечами под скафандром:

— Не могу понять. Впрочем, он, кажется, перед тем как скрыться из наших глаз, переменил направление и лег горизонтально. Дай-ка я спрошу его по радио. Ведь скоро обед…

Глава X

Испанская каравелла

Своеобразное жужжание зуммера — вызов к радиотелефону — отвлекло зоолога от его намерения. Едва лишь он и Павлик настроили свои аппараты на требующуюся волну, как послышался возбужденный голос Марата:

— Арсен Давидович, Арсен Давидович! Товарищ Лорд, отвечайте! Вы когда-нибудь ответите или нет?

— Да, я слушаю! Слушаю, Марат! — едва успел бросить в этот поток слов зоолог. — В чем дело?

— Идите сюда скорее, товарищ Лорд! Замечательная вещь! Какая находка! Какая редкая находка! Вы идете или нет?

— Да что там такое? — спросил зоолог. — Что случилось? Где ты? Откуда ты говоришь?

— Скорее, скорее! Сами увидите, — торопил Марат. — Скорее плывите вест-норд-вест от места ваших работ; глубина — сто четыре метра; вы встретите массу скал… одну огромную, похожую на собор. За нею будет гореть мой фонарь. Только скорее, а то я здесь с ума сойду…

— Хорошо, хорошо, сию минуту плывем! — крикнул зоолог, заразившись волнением Марата. — Мы сейчас будем у тебя с Павликом.

— Ах, с Павликом! — воскликнул Марат. — Это очень хорошо! Тебе будет страшно интересно, Павлик!

Зоолог и Павлик неслись почти лежа в сине-зеленых сумерках, рассекая шлемами и плечами воду и время от времени поглядывая на компас и глубомер.

— Что этот чудак там нашел? Как ты думаешь, бичо? — спрашивал зоолог. — Ну что тебе стоит сказать, Марат! В чем там дело, а?

— Некогда, товарищ Лорд, — ответил, задыхаясь от какой-то работы, Марат. — Я тут пока раскопки делаю. Вот увидите сами… Сейчас здесь будут Цой и Скворешня. Я их тоже вызвал.

Внизу показалось дно, усеянное темными глыбами, густо заросшее морскими лилиями, морскими перьями, горгониями, известковыми водорослями, или нуллипорами, и медленно, незаметно для глаза повышающееся навстречу пловцам. Чтобы не налететь на скалы, пришлось перевести винт на пять десятых, а потом на две десятые хода. Из зеленоватых густых сумерек показалась высокая мрачная скала, похожая на башню. Ее тесно окружали несколько других — тонких, вытянутых, со шпилями.

— Здесь, наверно, — сказал зоолог.

Лавируя среди глыб и осколков и избегая водорослей, они тихо обогнули огромную скалу, за которой открылась небольшая подводная поляна.

Возле темной массы, возвышавшейся на противоположном краю поляны, двигалось из стороны в сторону яркое, слегка расплывчатое пятно света.

— Вот и мы! — сказал зоолог, зажигая фонарь на своем шлеме.

Павлик зажег и свой фонарь. Стало довольно светло. Марат с яркой звездой, горевшей на его лбу, стоял в усталой позе, опираясь на лопату, возле кучи свеженарытого песку и небольших осколков. Видны были его потное лицо, полные восхищения и радости глаза и торчащий кверху хохолок на темени — в скафандре Марат был лишен возможности бороться с ним: хохолок, как всегда в этих случаях, торчал с особо торжествующим, почти наглым видом.

— Ну что тут у тебя? Показывай! — нетерпеливо спросил зоолог.

Морские перья, словно живые страусовые опахала, шевелились, взволнованные движениями Марата. По их стволам и бородкам пробегали порой зеленые и голубые искорки, то потухая,

то вновь зажигаясь. Золотисто-бронзовые горгонии на высоких, тонких, как бечевка, стеблях поднимали спиральной дорожкой штопора свои тончайшие и нежнейшие ответвления. Вездесущие морские ежи, морские звезды, голотурии, офиуры, моллюски лежали, ползали по дну, карабкались по скалам, по темным отвесным бокам того странного возвышения, возле которого стоял Марат.

Несмотря на то, что это возвышение сплошь обросло известковыми водорослями, или нуллипорами, единственными из водорослей, способными развиваться даже в этих почти лишенных света глубинах, — одного взгляда, брошенного на него зоологом, было достаточно, чтобы он закричал с восхищением и радостью:

— Корабль! Испанская каравелла!

Он бросился к этим останкам давно погибшего судна и стал торопливо обрывать все, что покрывало их в течение многих веков, проведенных ими под толщами чистейших саргассовых вод.

— Очищайте, очищайте скорее этот остров! Ищите пробоину, чтобы пробраться внутрь! — взволнованно кричал он. — Это мировое открытие! Марат! Ты прославишься на весь мир! Как ты напал на эту замечательную находку? Как

ты распознал ее в таком виде?

— Ага, я вам говорил! — торжествовал Марат, ожесточенно работая лопатой, которой он очищал борта корабля. — Я был уверен, что вы оцените ее. Как я узнал? Как и вы: по корме и по носу. Видите, как они приподняты и как между ними борта опущены и изогнуты.

Павлик, увлеченный общим волнением, рвал руками водоросли, хватал морские перья, не боясь ожогов, которые он неминуемо получил бы, если бы прикоснулся к ним голыми руками.

— Что за горячка? — послышался вдруг густой голос Скворешни. — С ума вы тут посходили?!

Вместе с Цоем он опустился на дно рядом со всеми, и некоторое время, ожидая ответа, оба с удивлением смотрели на своих друзей.

— Чего ты стоишь, каланча? — накинулся на Скворешню, не прерывая работы, Марат. — Очищай корабль! Не видишь, что ли!

— Эге! — воскликнул Цой. — Здесь пахнет археологией. Живо за работу, Андрей Васильевич! — И он энергично присоединился к зоологу, срывавшему толстые стебли водорослей.

— Корабль?... Археология?... — протянул, все еще ничего не понимая, Скворешня. — А верно, похоже на корабль. Да что же вы с ним намерены

делать? Чего ради очищать его от этой пакости?

— Как вам не стыдно, товарищ Скворешня? — возмутился зоолог, упираясь ногой в бок судна и дергая изо всех сил пучок неподдававшихся морских лилий. — Ведь это старинный испанский корабль эпохи Колумба и Кортеса. Это бесценная археологическая находка. Может быть, в его каютах и трюмах мы найдем драгоценнейшие исторические материалы.

— Так что же вы сразу не сказали? — заторопился гигант. — Корабль, корабль, а какой корабль — не говорят…

Он зажег свой фонарь, вынул кортик, и работа закипела с удвоенной силой.

— Марат, поднимись на палубу, — сказал зоолог, — может быть, там легче пройти во внутренние помещения.

Впустив немного воздуха в свой заспинный мешок, — Марат поднялся с грунта и скоро стал на юте. Однако работать там было совершенно невозможно. Ноги проваливались в груды обломков, заросших кораллами, нуллипорами, наполненных разнообразными полипами, иглокожими, моллюсками. Все же он попытался разобрать обломки, ища входа в капитанскую каюту, которая в каравеллах того времени всегда

помещалась на юте, возле руля. Внизу, под кормой, работал Скворешня, посередине — зоолог, а у носа — Павлик. Корма осела прямо на одну из скал, окаймлявших поляну, и задралась кверху, а носом судно наполовину зарылось в грунт. Между форштевнем и скалами было метров пять свободного расстояния. Дальше гряда скал отходила в сторону и, слабо освещаемая фонарями, скрывалась в густом сумраке глубин.

Павлик бросил туда взгляд. Ему показалось, что нечто длинное бледно-серое зашевелилось у скал. Он посмотрел внимательнее, но ничего подозрительного не заметил.

«Надо с другого борта посмотреть, — подумал он. — Может быть, пробоина там…»

По ту сторону судна оказалась небольшая поляна с разбросанными по ней отдельными глыбами скал и кучами мелких обломков. Поляна и здесь замыкалась невысокой полукруглой грядой скал, среди которых чернели пятна небольших гротов и пещер, обросших вокруг отверстия водорослями и разнообразной придонной фауной.

Павлик осторожно пробирался вдоль борта судна, обходя и перелезая через скользкие обломки скал. Время от времени ударял кортиком по деревянным, но почти уже окаменевшим под дей-

ствием времени и морской воды бортам судна.

Так он дошел почти до кормы, когда вдруг рука с кортиком, не встретив сопротивления, легко погрузилась куда-то внутрь судна. У Павлика замерло сердце от радости. «Пробоина, — подумал он. — Сказать?... Нет, осмотрю сначала сам!..»

Несколькими ударами кортика он обрубил гирлянды водорослей и просунул шлем с фонарем в открывшееся отверстие. Осветилось небольшое пространство. Груда каких-то четырехугольных и круглых предметов, сплошь заросших мелкими водорослями и раковинами, возвышалась с левой стороны. В этих предметах Павлик угадывал ящики и бочки. Путаясь ногами в чаще водорослей и морских перьев, которые от раздражения непрерывно мерцали зелеными и желтыми огоньками, Павлик сделал шаг внутрь судна. Пробоина оказалась огромной и легко пропустила мальчика. Он встал на ближайший ящик, поскользнулся на сплошном зелено-буром ковре из мелких, как мох, известковых водорослей и полипов и провалился ногой в промежуток между наваленными в груду предметами.

Он с трудом высвободил ногу из западин и, поднимаясь, заметил, что в свободном пространстве вправо от входа, вверху и внизу шевелились

и извивались какие-то длинные толстые, как будто змеиные тела. «Канаты, наверно, судовые», — подумал Павлик. Он сошел с ящика и, обходя груду, начал осторожно пробираться в глубь трюма. Через два шага он наткнулся на лестницу, поднимавшуюся к палубе. Едва лишь он ступил ногой на первую ступеньку, как услышал голос Скворешни:

— Ага! Вот она где пробоина! Только совсем небольшая. Ахтерштевень разбит!

— Покажите, покажите! — ответил голос зоолога и тут же добавил: — А где же Павлик?

Он не успел закончить фразу, как раздался громкий тревожный крик Марата:

— Осьминоги! Осьминоги ползут! Берегитесь!

— Ну что же, примем сражение, но находку не бросим, — спокойно сказал зоолог. — Перчатки надеть! Марат, спустись к нам! Надо быть вместе. Павлик! Павлик! Скорее ко мне! Где ты?

Оцепенение, которое охватило Павлика при первом тревожном крике Марата, слетело. Он крикнул:

— Я здесь, здесь! Бегу к вам!

Павлик бросился к выходу, но запутался в чем-то ногой, упал и, пытаясь дрожащими руками освободить ногу, бормотал:

— Я иду… Я сейчас… Подождите меня…

В ту же минуту он услышал гулкий голос Скворешни:

— Ах, черт возьми! Перчатки потерял! А этого зверья тут больше десятка ползет. Ах ты, гадина! Врешь… Врешь!.. Нет, брат, меня голыми руками не возьмешь!

Освободив ногу и опираясь за спиной обеими руками, Павлик собирался уже встать. Вдруг он почувствовал, что руки сзади как будто чем-то крепко связаны, оплетены.

Ничего еще не понимая, Павлик рванулся, освободил правую руку и схватился за рукоятку кортика. Но что-то длинное, гибкое перехватило руку и с непреодолимой силой прижало ее к груди. В течение нескольких секунд по груди Павлика, по его животу, спине, ногам, извиваясь и вытягиваясь, проползали какие-то другие толстые гибкие змеи; вмиг все тело Павлика оказалось густо оплетенным, и он не в состоянии был пошевельнуть ни ногой, ни рукой. Павлик поднял глаза и вскрикнул от ужаса:

— Осьминог!..

Над ним в венце толстых кожистых канатов, расходившихся во все стороны, висел огромный черный клюв с загнутым острым кончиком. Повыше, за венцом, в глянцевито-коричневой округлой массе сверкали зеленоватым светом два громадных, как чайные блюдца, глаза. Они бесстрастно и неподвижно смотрели в лицо Павлика, и он чувствовал, как под их холодным взглядом леденеет его кровь, немеет тело, цепенеет мозг. Он хотел крикнуть, позвать на помощь, но из горла вырвались одни лишь хриплые, нечленораздельные звуки. Потом он почувствовал, что какая-то непреодолимая сила влечет его по направлению к выходу.

Все это короткое время Павлик слышал громкое пыхтение, брань и крики Скворешни:

— Меть ему в глаза, Марат! В глаза, в глаза! В тело бесцельно! Студень… желе… Вот… вот так!.. А-а-ах! А-а-ах! Вот тебе! Не сопротивляйся его щупальцам! Пусть он сам притягивает тебя поближе к глазам…

— Он мне одну руку прижал к туловищу, — слышался задыхающийся голос Марата. — Сколько их… сколько их!.. Все новые, Цой! Цой, помоги!..

— Есть помочь, — спокойно ответил Цой. — Ага!.. Не любят, голубчики, электротока. Корчатся,

как береста на огне.

— Прижимайтесь к стенке, к борту! — закричал зоолог. — Не расходитесь! Павлик! Павлик! Где же ты?

— Арсен Давидович! — опять послышался ровный голос Цоя. — Без перчаток Скворешня здесь мало полезен. Пусть он лучше поищет Павли…

И вдруг все смолкло. Фонарь на шлеме погас. В окутавшей Павлика плотной тьме ничего не было видно, кроме двух сверкающих зеленоватым пламенем, как будто лукавых глаз и всюду вспыхивающих искорок на морских перьях. Павлик чувствовал лишь, что его медленно влекут куда-то, где чуть зеленеет какой-то слабый просвет — выход из трюма.

В диком, непереносимом страхе он забился в своем скафандре и громким, отчаянным голосом закричал:

— Спасите!.. Арсен Давидович!.. Марат!..

Ответа не было. Проносились обрывки мыслей, и среди них мелькнуло: «Испортилось радио… Почему?… И фонарь. Оба сразу. Почему?»

Вдруг крошечная надежда мелькнула в сознании Павлика: «А может быть, осьминог ничего не сможет сделать со скафандром. Меч-рыба не побила его. Кашалоту не под силу…»

И действительно, он лишь теперь осознал, что не чувствует никакого давления, никаких болей от могучих, вероятно, сжатий гигантского головоногого. Павлик сразу ободрился. Глаза уже привыкли к темноте, и Павлик, осмотревшись, увидел, что осьминог, возвышаясь над ним двухметровым холмом, держит его, опутав тремя гибкими руками, а остальными упирается в дно и ползет к выходу. Гладкое тело и руки легко раздвинули перепутанную завесу водорослей и выскользнули из трюма вместе с добычей.

Снаружи было светлее. Посмотрев кверху. Павлик заметил над судном легкое серебристое сияние.

«Они еще там… — подумал он. — Дерутся…»

Опять страх охватил его. Что, если они погибнут? Марат говорил, что этих чудовищ так много… Кто тогда придет к нему на помощь? И что будет делать с ним осьминог, если не сможет одолеть скафандр? А вдруг он разгрызет все-таки скафандр? Павлик с опаской посмотрел на огромный острый клюв головоногого. Арсен Давидович недавно рассказывал ему, что осьминоги в состоянии разгрызть и размельчить самые твердые раковины… Глупости!.. Такой твердый металл!

Осьминог отполз метров на десять от судна и

остановился. Очевидно, ему не терпелось, голод, торопил его. Гигантские щупальца-руки, волнуясь, извиваясь, сжимаясь в бугры и растягиваясь, подтаскивали Павлика к клюву. Несомненно, осьминог напрягал всю силу своих рук, чтобы раздавить оболочку этой странной добычи, прежде чем начать пожирать ее. Однако все его усилия были напрасны. Это, очевидно, стало раздражать животное. Свет в его глазах переходил из зеленоватого в желтоватый, по телу стали пробегать разноцветные волны, меняя свои оттенки: за фиолетовой волной бежала, незаметно сливаясь и переходя в нее, серая, бурая, за ней коричневая, потом вдруг вспыхивали и пролетали вдоль всей поверхности тела белые и черные молнии, и вновь бежали и набегали друг на друга красочные полосы. Несмотря на весь ужас своего положения. Павлик как очарованный застыл на несколько мгновений.

Вдруг он почувствовал, что ноги его, помимо воли, начинают сгибаться в коленях и все больше и больше поджимаются к телу. Стало больно. С каждой секундой боль делалась острее, невыносимее. В то же время руки осьминога легко, как орех, перевернули Павлика головой вниз и начали пригибать голову к животу. То, чем так

гордился Крепин, создав свой скафандр, — гибкость, — превращалось теперь в его слабое место и грозило гибелью Павлику. Осьминог скатывал Павлика, прижимая ноги к спине и голову к животу.

Павлик не выдержал и закричал от ужасной боли. И в тот же миг, как будто испугавшись этого крика, осьминог ослабил свои чудовищные объятия и поднял высоко над собой — почти на десять метров — огромные, как удавы, руки.

Павлик свалился на песок, и, еще не придя в себя от перенесенной боли, в первый момент ничего не соображал. Но уже в следующее мгновение он увидел, как совсем близко от него пронеслась гигантская тень невероятно огромной рыбы, остановилась над ним, а хвост, величиной с ворота, шевелясь плашмя сверху вниз, даже не задев Павлика, отбросил его одним волнением воды обратно к пролому в борту судна. Павлик мягко перевернулся и сел спиной к судну.

«Кашалот!» — решил он, как только смог полностью рассмотреть своего неожиданного спасителя.

Перед ним был великолепный представитель семейства из воинственного подотряда зубатых китов, не менее двадцати пяти метров длиной.

Его огромная, тупая, как будто вертикально срезанная спереди голова занимала около одной трети длины и имела почти два метра толщины. Под ней, почти под прямым углом, свисала длинная узкая челюсть, вся утыканная рядами огромных конических зубов. Маленькие бычачьи глазки злобно сверкали с обеих сторон посередине головы при виде лакомой добычи.

Голова кашалота была уже вся оплетена толстыми руками осьминога. Они то отделялись от нее, и тогда клочья кожи, вырываемые присосками, разлетались в стороны; то вновь прилипали к телу врага, сжимая его. Одна из рук осьминога — длинная, десятиметровая змея — попала в раскрытую пасть кашалота и, как будто отрезанная ножницами, извиваясь в конвульсиях, медленно опустилась на дно.

Кашалот был, вероятно, старым, опытным бойцом. Его черная, шелковисто лоснящаяся кожа была усеяна, как огромными оспинами, круглыми, величиной от пятака и до чайного блюдца, углублениями — следами от присосков гигантских головоногих. Несколько больших шрамов — следы китобойных гарпунов — пересекали его широкую спину и крупные бока. У самой головы еще торчал обломок гарпуна, глубоко вонзивше-

гося в тело кашалота. Другой обломок, поменьше и потоньше, виделся на боку огромного животного, ближе к хвосту.

Однако на этот раз он встретил, очевидно, не менее опытного и опасного противника. Потеряв одну из своих рук, осьминог на один лишь миг ослабил остальные и, выбросив мощную струю воды из своей воронки, передвинулся под брюхо кашалота. Здесь он был в некоторой безопасности, так как страшная челюсть кашалота не могла его достать. Оставшиеся семь рук обвились вокруг туловища врага и с прежней силой сжали его. Одна за другой, как стальные пружины, они взвивались кверху, вырывая кружки и полосы кожи у кашалота и вновь обвивая его. Глаза осьминога, неподвижные и яростные, горели желтым пламенем, кольца вокруг них вздулись. Он глубоко и сильно дышал, и вода вливалась под его мантию, грозно раздувая тело, и выбрасывалась из воронки, как из мощного насоса, вызывая вокруг водовороты, в которых вращались мелкие придонные животные, пустые раковины, обрывки водорослей, галька, песок и муть.

Потеряв из виду врага и бесцельно хлопая нижней челюстью, кашалот завертелся на месте, задел хвостом борт судна и сорвал с него огром-

ное полотнище водорослей. Струя воды повалила при этом Павлика на дно, но он сейчас же опять сел и прижался к судну под нижним изгибом его корпуса, боясь двинуться с места. В следующий момент, очевидно поняв, где скрылся осьминог, кашалот опустился на дно, всей своей тяжестью придавив к нему двухметровое тело врага. Однако, распластавшись под брюхом кашалота, осьминог продолжал сжимать его и рвать его кожу. Тогда кашалот, медленно двигаясь назад, стал волочить осьминога по дну, через острые камни.

Скоро осьминог почувствовал всю губительность этого маневра. Его рыхлое, студенистое тело начало покрываться глубокими порезами и ранами, отрывались кожа и куски мяса, и сам он мало-помалу съезжал с брюха к голове, к страшным челюстям кашалота.

Медленное и убийственное движение кашалота шло как раз в сторону судна, к тому месту, где окаменевший в смертельном испуге Павлик наблюдал эту битву подводных гигантов. Живая гора надвигалась боком на него, грозя прижать к борту корабля. Он хотел бежать к носу корабля, но боялся пошевельнуть даже пальцем, опасаясь привлечь к себе внимание разъяренных бойцов. Он оглянулся, надеясь проскользнуть в пробоину

и скрыться в корпус судна, но пробоина оказалась слишком далеко. Вот кашалот проволочит свою добычу еще немного, и его страшная пасть и не менее страшные руки осьминога очутятся совсем близко от Павлика.

Павлик наконец не выдержал, вскочил на ноги и в приступе отчаяния начал хвататься за стебли водорослей, морских лилий и гидрополипов, пытаясь вскарабкаться по ним наверх. Он цеплялся ногами за приросшие к бокам судна раковины, пальцы рук впивались в какие-то щели.

В смертельном ужасе, скользя и обрываясь, он упорно лез вверх, с трудом завоевывая каждый сантиметр.

Он достиг уже почти половины высоты судна, когда гора настигла его. Со страшной силой она ударила его по ногам. Ноги сорвались со своей ненадежной опоры, из рук выскользнул пучок водорослей, и, повернувшись, как на оси, Павлик лицом и грудью упал на скользкую спину кашалота. Падая, он успел заметить, что несколько рук осьминога захвачены огромной челюстью и гигантское головоногое беспомощным мешком повисло под головой кашалота. Павлик скользнул по боку кашалота вниз, но сейчас же почему-то остановился и повис на нем. В то же

мгновение кашалот вздрогнул, яростно метнулся в сторону от судна, отбросив изуродованное, но еще живое тело осьминога, и в каком-то исступлении закружился над поляной с висящим на его боку Павликом.

Нельзя было понять, что произошло. Павлик, ничего не соображая и инстинктивно хватаясь руками за скользкую спину кашалота, каким-то далеким уголком сознания заботился только о том, чтобы не свалиться и не попасть под ужасные удары хвоста, который со страшной силой работал совсем близко.

В следующую секунду кашалот взвился кверху, потом бросился вниз, с чудовищной быстротой пронесся над судном и умчался в темные глубины океана. Последнее, что успел заметить Павлик, были яркие лучи света от четырех фонарей и четыре человеческие фигуры в густом клубке извивающихся, как змеи, щупалец. Затем все пропало. Плотный мрак окружил Павлика и с непреодолимой силой давил на его грудь и голову, отбрасывая назад ноги, как будто стараясь сорвать его с места и бросить в ужасную гигантскую мясорубку позади… Павлик с трудом пригнул голову к спине кашалота и в изнеможении, окончательно лишившись сил, закрыл

глаза...

Глава XI
Погоня

Марат открыл глаза, безучастно посмотрел вокруг себя. Потом он стремительно поднялся и сел на койку.

— Он унес Павлика! — закричал Марат в отчаянии. — Он унес его! Спасите Павлика, капитан! Скорее! Скорее!

В одном белье Марат вскочил с койки, бросился к дверям, порываясь куда-то бежать, что-то делать. Ни капитан, ни зоолог, ни стоявший поодаль комиссар не успели его удержать. Но в эту минуту в дверях показался Горелов, Марат очутился в его длинных сильных руках.

— Что ты говоришь, Марат? Кто унес? Откуда ты знаешь? — взволнованно спросили капитан и зоолог, отводя больного на место.

— Я видел, — бормотал Марат, бессильно опускаясь обратно на койку. — Кашалот… огромный… пронесся над нами… держал Павлика на себе…

Он опять устало закрыл глаза, его обычно смуглое лицо посерело, и казалось — сознание еще раз покидает его. Зоолог, в белом халате, вновь

склонился над Маратом.

— Что это может значить? — спросил капитан.

— Разумеется, бред и больше ничего, — сказал Горелов.

— Да, скорее всего, — согласился зоолог, растирая грудь Марата. — И это заставляет меня опасаться, что у него сотрясение мозга. Вероятно, от электрического удара перчаткой осьминог в предсмертной конвульсии швырнул Марата на стену корабля. Во всяком случае, ни я, ни Скворешня кашалота не видели.

В госпитальный отсек вошел океанограф Шелавин.

— Вы о кашалоте? — спросил он, посмотрев сквозь криво сидящие очки на зоолога. — По правде сказать, я тоже за всю свою жизнь такого экземпляра абсолютно не видел. Абсолютно.

Все в недоумении посмотрели на Шелавина и потом переглянулись.

— О каком кашалоте вы говорите, Иван Степанович? — спросил зоолог.

— Да о том самом кашалоте, который промчался надо мной, как сумасшедший, перепутал все мои шары, сорвал с места буй с батометрами… Вообще испортил всю мою сегодняшнюю работу по изучению течений. Он так несся, как будто

чувствовал себя на гарпуне.

— Когда вы его видели? — быстро спросил капитан.

— Часа три назад.

— Где вы были в это время?

— На гидрофизической станции номер три, глубина триста метров, в восемнадцати километрах к юго-востоку от базы.

— Какого направления он держался?

— Точно: с норда на зюйд.

— Как раз по направлению от поляны осьминогов к станции номер три! — с удивлением сказал зоолог. — Может ли это быть простым совпадением?

В это время Марат глубоко вздохнул и медленно открыл глаза. Он спокойно осмотрел всех окружавших его и слабым, прерывающимся голосом сказал, как будто продолжая разговор:

— Я отлично… ясно видел. Павлик висел… на боку кашалота. Кашалот пронесся над нами… не более чем в десяти-пятнадцати метрах… На его спине… у головы… торчал обломок гарпуна.

— Верно! — вскричал, разводя руками, Шелавин. — Абсолютно верно! Торчал! Действительно, обломок торчал! Значит, мы видели одного и того же негодяя. Он мне всю станцию испортил.

— Но почему же, в таком случае, вы не видели Павлика на боку кашалота? — взволнованно спросил зоолог.

— Кашалот мог пройти мимо Ивана Степановича не тем боком, только и всего, — сказал капитан, думая в то же время о чем-то другом.

— Что же теперь делать? Бедный мальчик! — прошептал зоолог, сжимая в кулаке свою бороду. — Бедный мальчик…

— Не может быть, конечно, сомнений: он уже давно погиб, — заметил Горелов. — Что же можно сделать?

Он мерил большими, размашистыми шагами госпитальный отсек в проходе между койками: четыре шага вперед, четыре назад.

Комиссар быстро повернул свою седую голову к Горелову, и на его молодом с живыми глазами лице отразилось искреннее изумление.

Капитан так же удивленно посмотрел на Горелова и обратился к зоологу:

— Лорд, вы уверены, что он не остался на судне или около него?

— Вполне уверен! — ответил зоолог. — Уничтожив большую часть осьминогов и разогнав остальных, я и Скворешня тщательно осмотрели судно. Мы видели пробоину, которую Павлик

нашел, видели растерзанного осьминога невероятных размеров... — И, как будто пораженный неожиданной мыслью, он воскликнул: — Я начинаю понимать! Как я сразу не догадался? Ведь осьминоги и вообще головоногие — это любимая пища кашалотов. И только кашалот в состоянии был изувечить, изуродовать осьминога таких размеров. Все сходится, капитан! Нет сомнения, возле нас по ту сторону судна одновременно с нашей битвой происходила битва кашалота с осьминогом. И наш бедный Павлик каким-то образом ввязался в нее... прервал ее. Ведь кашалот даже не воспользовался своей победой. Он бросил добычу, не полакомившись ею.

— Тогда ясно, что Иван Степанович видел того же кашалота, что и Марат, — задумчиво сказал капитан.

Горелов перестал ходить, и все молча смотрели на капитана, чувствуя, что сейчас решается судьба Павлика.

— Ну, ничего! — сказал наконец, подняв голову, капитан. — Кашалот от нас не уйдет.

Горелов посмотрел на часы — было уже шестнадцать часов с минутами — и торопливо обратился к капитану:

— Простите, Николай Борисович. Я зашел сюда

доложить вам, что мне необходимо выйти из подлодки и проверить работу двух левых дюз. Я сегодня осматривал их изнутри и снаружи. Они, кажется, слегка засорились, и возможно, что придется разобрать их и прочистить. Разрешите, я сейчас же займусь этим.

— Две дюзы вышли из строя? — живо повернулся к Горелову капитан. — Когда же это могло случиться? Ведь мы пришли сюда с исправными дюзами.

Горелов замялся. Он тяжело переступил с ноги на ногу и медленно сказал:

— Я и раньше замечал что-то неладное в их работе…

— Товарищ военинженер, — холодно заговорил капитан, — почему вы мне не доложили об этой неисправности раньше? Вы не исполнили самого элементарного требования правил распорядка на военном корабле в боевых условиях. Я вынужден поставить вам это на вид! Товарищ военинженер, эти дюзы совершенно вышли из строя или нет? И если нет, то сколько процентов мощности они потеряли?

Красные пятна покрыли лицо Горелова.

— Дюзы из строя не вышли, товарищ командир, и потеря мощности незначительная — процентов

пять — восемь.

— Отлично! — Капитан повернулся к обоим ученым:

— Вы можете на некоторое время оставить без надзора свои аппараты и приборы?

— Можем! — в один голос последовал ответ.

— Подлодка идет в погоню за кашалотом. Приготовьтесь!

— Ура, командир! — вскричал слабым голосом Марат. — Ура, дорогой командир!

Капитан улыбнулся ему и обратился к Горелову.

— Федор Михайлович, — сказал он смягчившимся голосом, — немедленно приведите в готовность двигатели. Потеря даже десяти процентов мощности в данном случае не имеет значения.

Горелов побледнел так, как это бывает иногда с очень смуглыми людьми: его лицо стало серовато-желтого, воскового цвета, но возле скул играли желваки и глаза смотрели твердо и решительно.

— Товарищ командир, — сказал он чуть хриплым от волнения голосом, — в качестве главного механика считаю своей обязанностью доложить вам, что подлодка должна оставаться на месте. Отправляться без прочистки дюз слишком

рискованно. В особенности... из-за какого-то мальчишки, который, в сущности, уже давно и наверняка погиб...

Чувство дисциплины, которым так гордятся советские моряки, взяло верх, и после первого невольного движения, похожего на подготовку к прыжку, Марат остался неподвижно лежать на койке с расширившимися глазами, вытянувшись, как тугая струна. Зоолог пробормотал что-то, хотя и невнятное, но определенно яростное. Комиссар молча, но пристально смотрел на Горелова. Шелавин растерянно моргал и переводил близорукие глаза с Горелова на капитана и обратно, потрясенный такой свободой обращения с «подводным богом», каким всегда был в его глазах командир подлодки.

Лицо капитана оставалось холодным, но глаза смотрели твердо, в упор, и, как всегда в таких редких случаях, это производило необычайное впечатление.

— У нас не совещание, на котором можно было бы критиковать мои распоряжения, — не повышая голоса, сказал капитан. — Потрудитесь немедленно выполнить мой приказ. За работу дюз в пределах пониженной на десять процентов мощности вы несете полную ответственность.

За недопустимую дискуссию в условиях боевого похода на вас будет наложено дисциплинарное взыскание. Вы можете удалиться к своему посту, товарищ военинженер.

Капитан пристально смотрел в лицо Горелову. После мгновенного, почти неуловимого колебания, Горелов молча поклонился и, опустив голову, шаркая большими ногами, медленно вышел из госпитального отсека.

* * *

Стоя в центральном посту возле вахтенного начальника старшего лейтенанта Богрова, зоолог едва почувствовал толчок от первого взрыва, в кормовой дюзе. Это было в шестнадцать часов пятнадцать минут. «Пионер» чуть вздрогнул и двинулся в путь. Старший лейтенант перевел рычажок на щите управления к следующему делению. Последовали новые взрывы — один за другим, все учащаясь, и зоолог чувствовал уже не отдельные толчки, а мелкую, почти сливающуюся дрожь.

Из соседней радиорубки через открытую дверь послышался голос старшего радиста Плетнева:

— Павлик!.. Павлик!.. Отвечай!.. Говорит «Пионер»... Говорит «Пионер»...

Справа на соседнем небольшом столике курсограф автоматически наносил на свою карту путь, пройденный подлодкой. Такой же курсограф помещался на столе возле щита управления.

У круглого стола в середине поста, над голубой картой рельефа дна Саргассова моря, склонился капитан. Не поднимая головы, он сказал:

— Александр Леонидович! Общее направление — зюйд, курс — зигзагообразный, через каждые пять минут менять с зюйд-веста на зюйд-ост и обратно. Выслать разведчиков обоих бортов на полную дистанцию. Корпус разогреть, идти на пару, глубина — пятьсот метров, скорость — восемь десятых. Надо учесть дюзы…

— Есть, товарищ командир! — ответил старший лейтенант Богров и точно повторил отданные ему распоряжения.

— Лорд, какую скорость может развить кашалот? — спросил капитан, выслушав ответ лейтенанта.

— Это зависит, капитан, — сказал зоолог, — от тех причин, которые приводят его в бегство, а также от пола, возраста, величины и силы данного экземпляра. Под влиянием простого испуга взрослый, средней силы кашалот-самец проходит от восьми до десяти и даже двадцати миль в час, а

с гарпуном в спине, под влиянием боли, страха и ярости, он тащит лодку со скоростью до тридцати миль. Судя по рассказам Марата и Ивана Степановича о величине нашего кашалота, он, вероятно, делает сейчас не менее тридцати миль.

— Таким образом, — заключил капитан, выпрямляясь над столом, — он впереди нас на расстоянии шестидесяти — семидесяти пяти миль. Если только он резко не изменил направления, мы должны его найти и настичь не позднее чем через два-два с половиной часа.

В радиорубке голос Плетнева монотонно повторял:

— Говорит «Пионер»... Говорит «Пионер»... Отвечай, Павлик!.. Отвечай!.. Павлик!.. Павлик!.. Говорит «Пионер»...

На круговом и сводчатом экране мелькали тени больших и малых рыб. Они передвигались на нем со стороны носа подлодки к ее корме и таяли там, как небольшие бесформенные облачка. Ни малейших признаков движения подлодки зоолог не чувствовал: на полном ходу не было уже ни сотрясений корпуса, ни даже мелкой дрожи.

Между тем, как показывали приборы на щите управления, подводный корабль, окруженный тонкой оболочкой из горячего пара и делая около

восьмисот взрывов в минуту, несся уже со скоростью семидесяти пяти миль в час.

Каждые пять минут «Пионер», плавно поворачивая, менял направление. Курсограф немедленно отмечал на своей карте эти повороты. Внезапно на экране, впереди по правому борту, показалась густая темная масса, быстро двигавшаяся наперерез подлодке. Под этим местом экрана на тотчас зажглась красная лампочка и послышался звонок автоматической тревоги. И капитан и лейтенант, ничего не предпринимая, чтобы избегнуть встречи с этой массой, лишь внимательно следили за ее приближением. Ровно через пять секунд подлодка сама наклонила свой нос, и, переменив глубину, прошла как раз под огромной плотной стаей каких-то больших рыб.

— Тоже автоматика? — спросил удивленный зоолог. Ему впервые пришлось видеть такое самостоятельное поведение подлодки.

— Разумеется! — ответил капитан. — Если в течение пяти секунд носовая мембрана ультразвукового прожектора непрерывно воспринимает сигналы о каком-либо одном и том же препятствии прямо на пути, то автоматический механизм передает сигнал кольцевым дюзам, которые играют у нас роль рулевого аппарата,

и подлодка автоматически меняет курс в свободном направлении. Когда же впереди другой мембраны, которая при новом курсе заменила носовую, препятствие исчезает, автоматический механизм выводит подлодку на прежний курс.

— Замечательно! — проговорил восхищенный зоолог. — Но зачем же, в таком случае, нужны тревожный звонок и красная лампочка?

— На случай, если у командира подлодки имеются какие-либо другие намерения, а не просто желание обойти это препятствие. Для этого автомат и ждет пять секунд.

Капитан вновь погрузился в свои расчеты. Воцарилось длительное молчание.

Через короткие промежутки из радиорубки слышался как будто усталый, монотонный голос Плетнева:

— Павлик! Отвечай, Павлик! Говорит «Пионер»... Говорит «Пионер»... Павлик!.. Павлик!..

— Сколько мы прошли по прямой, Александр Леонидович? — тихо обратился зоолог к старшему лейтенанту. — Мы в пути уже около тридцати пяти минут.

Лейтенант посмотрел на карту под пером курсографа и на указатель пройденного расстояния.

— Тридцать одну милю, Лорд. Если мы на-

стигнем кашалота, то думаю, не раньше, чем на шестидесятой миле.

Зоолог страдальчески поморщился и, не сводя глаз с экрана, спросил:

— Вы сомневаетесь, настигнем ли мы его? Лейтенант пожал плечами.

Послышался тонкий писк телефонного аппарата.

Капитан включил репродуктор и экран телевизора. На экране показался тускло освещенный участок круглого, как усеченный конус, тоннеля. Множество прямых труб тянулось горизонтально от основания конуса к его усеченной вершине. В сумраке этого тоннеля, среди труб, виднелась фигура человека. Человек этот что-то делал там, изогнувшись в самой неудобной позе.

Из репродуктора раздался задыхающийся, но довольный голос Горелова:

— Разрешите доложить, товарищ командир. Я попробовал на ходу прочистить дюзы, не разбирая их. Это мне удалось, и вы можете довести ход судна до максимального.

Лицо капитана выразило удивление и радость:

— Благодарю, Федор Михайлович. Но вы напрасно рисковали собой, отправляясь в эту камеру. В конце концов, не так уж важны эти десять про-

центов потери мощности. Ну, выходите скорей, и прошу явиться ко мне.

— Слушаю, товарищ командир.

Выключив репродуктор и экран, капитан обернулся к старшему лейтенанту и, улыбаясь, сказал:

— Пустите на десять десятых, Александр Леонидович! — и продолжал: — Вот это механик! Он, очевидно, органически не может примириться хотя бы с малейшим дефектом в работе его механизмов. Ради этого он готов был даже на жестокость… на такую жестокость! По-моему, это уже уродство, какое-то уродливо разросшееся чувство профессиональной чести!

— Во всяком случае, для советского человека это действительно нечто ненормальное, — согласился зоолог. И, помолчав, добавил: — А человек, жестокий к детям, всегда останется для меня антипатичным. Да!

В синем комбинезоне, с красным, покрытым пятнами копоти лицом, с почти черными руками, вошел Горелов. Его глаза немного смущенно, но весело и открыто смотрели на капитана.

Капитан встретил его дружелюбной улыбкой.

— Нехорошо, нехорошо, Федор Михайлович! — говорил он, пожимая руку Горелову. — Ведь

там ужасная температура. Изжариться можно! А лишние восемь — десять миль хода не так уже важны сейчас «Пионеру».

— Прошу прощения, Николай Борисович! Я не мог допустить такого положения в походе. А сердце у меня хорошее, и я не боюсь жары.

Капитан помолчал и медленно произнес:

— Вы, вероятно, хотели сказать, Федор Михайлович, что сердце у вас здоровое… Ну ладно! Идите к себе. И все же, — добавил он, усмехнувшись, — ждите появления вашей фамилии завтра в приказе…

Горелов поклонился и молча вышел. Капитан погрузился в рассмотрение карты рельефа дна и течений.

Наверху, на куполе экрана, появилась большая длинная тень с правильными и плавными очертаниями, заостренная спереди и слегка закругленная сзади. Маленькое волнующееся облачко на заднем конце фигуры позволило с точностью установить, что именно она означает.

— Пароход над нами, — сказал старший лейтенант. — Идет к Тринидаду или в Каракас.

— Об этом вам тоже донес ультразвуковой прожектор? — недоверчиво спросил зоолог.

— Нет! — улыбнулся старший лейтенант. — Но

через эту пустынную часть Атлантического океана в том направлении, куда судно идет, проходит только один более или менее оживленный путь — из Лондона к северным берегам Южной Америки: Тринидад — Джорджтаун — Каракас.

Наступило долгое молчание. Если бы не движение теней на экране, могло показаться, что подлодка замерла на месте. Даже монотонные, нагоняющие тоску вызовы Плетнева, казалось, слились с тишиной в центральном посту и не нарушали ее.

«Что с Павликом? — думал зоолог. — Где он теперь? Жив ли он еще, бедный мальчик? Каким чудом, какой случайностью он держался на кашалоте? Если правда, что он был на нем… Не померещилось ли Марату? Может быть, несчастный ребенок лежит сейчас где-нибудь в другом месте — бессильный, беспомощный, может быть, раненый, — и ждет спасения?…»

— Отвечай, Павлик! Отвечай, Павлик!.. Говорит «Пионер»…

Зоолог не мог оставаться спокойно на месте. Ему нужно было что-то делать, куда-то спешить, бежать, искать… Это безделье, эта мертвая тишина, полное отсутствие каких бы то ни было признаков движения корабля действовали на

него угнетающе.

— Павлик! Павлик! Говорит «Пионер»… Говорит «Пионер». Отвечай, Павлик!

— Пятьдесят минут, Александр Леонидович, — взглянул на часы зоолог. — Сколько мы прошли по прямой?

— Пятьдесят одну милю, Лорд.

— И ничего не видно… Ничего не видно… — вздохнул зоолог, возобновляя хождение по каюте.

Но через секунду он резко остановился:

— Капитан, что вы думаете делать, если, пройдя еще пятнадцать, двадцать, наконец тридцать миль, мы не найдем этого кашалота?

Капитан поднял голову и молча посмотрел на зоолога. Потом ответил:

— Я обшарю ближайший участок океана, но найду этого зверя. Мне нужно убедиться, на нем мальчик или нет… Если только он не сорвался с кашалота…

Он помолчал и добавил:

— Одного я понять не могу: почему он не пускает в ход оружие? Ведь с ним ультразвуковой пистолет и электрические перчатки. Он ведь научился отлично пользоваться ими. В чем же дело? Может быть, он ранен…

Зоолог стоял на месте, опустив голову. Каждое слово капитана как будто обрывало какую-то ниточку в его сердце. Ах, Павлик, Павлик… Такой славный, такой хороший мальчик!

— Отвечай, Павлик! Отвечай, Павлик! Говорит «Пионер»… Говорит «Пи…»

Из радиорубки послышался вдруг грохот опрокинутого стула, тоскливый голос Плетнева оборвался на полуслове, на мгновение перешел в какое-то неразборчивое бормотание, икоту, и внезапно радист разразился отчаянным криком:

— Говори, Павлик! Я слышу! Я слышу!.. Идите сюда! Сюда! Он говорит!.. Где ты, Павлик? Где ты? Говори, я слышу!

Сломя голову все, кроме вахтенного начальника, бросились из центрального поста в радиорубку.

Глава XII
На спине кашалота

Открыв глаза, Павлик увидел ту же черноту, что и с закрытыми глазами.

Сила, прижимавшая Павлика книзу, немного ослабела, и он с трудом приподнял голову. Какой-то тяжелый черный занавес частыми рывками

бил и неслышно хлестал по передней стенке шлема, голова вместе со шлемом моталась вперед и назад, порой больно ударяясь внутри него.

Струя воды мягко, но сильно нажимала на грудь и голову, отбрасывала назад свободно висевшие ноги, старалась сорвать с места, сбросить в черную бездну. Под Павликом ритмично покачивалась какая-то огромная скользкая масса, возле которой он держался непонятным образом, будто приклеенный.

Вдруг все стало ясным: он на кашалоте… Несется в пространство на взбешенном гиганте, который одним ударом могучего хвоста может превратить его в порошок, даже не разбивая скафандра…

Ужас охватил Павлика; казалось, что опять уходит сознание. В отчаянии он приник головой и грудью к телу зверя. Нажим и порывистые удары встречной струи стали слабее за его крутым боком. Из груди мальчика вырвался стон, но первый же звук в гулком шлеме отрезвил его.

Он закусил губу. Мелькнула мысль: может быть, радио действует и кто-нибудь услышит его? В самом деле: может быть, действует радио? Может быть, оно само по себе исправилось? И в тот же миг из его горла вырвался громкий крик

— вопль надежды и отчаяния:

— Виктор Абрамович! «Пионер»! Слушай, «Пионер»! Это я! Павлик! Спасите! Помогите!

С дрожащими губами Павлик напряженно прислушивался, стремясь уловить хотя бы слабый отклик.

Пустое и страшное молчание по-прежнему окружало его со всех сторон…

Тогда он опять уронил голову на тело кашалота, закрыл глаза и горько заплакал…

Это длилось недолго — всего лишь одну-две минуты. Плач прекратился внезапно. Неожиданная мысль сверкнула так ярко, что, казалось, осветила тьму окружающих глубин.

Кашалот уходит от лодки все дальше и дальше… Это — гибель… гибель… И чем дальше, тем гибель вернее. Нельзя оставаться на нем. Надо уйти от него. Куда? Где подлодка? Где искать? Безграничные глубины вокруг. Без границ! Без края! Но кверху, кверху!.. Это совсем близко! Подняться вверх! Там спасение! Там проходят суда, пароходы. Его увидят, выловят, поднимут… «Откуда ты, мальчик? Какой чудесный скафандр на тебе!..»

Павлик чуть не закричал от острого приступа отчаяния. Нельзя!.. Нельзя! «Откуда ты, мальчик?» — «Из СССР, из советской подводной лодки

«Пионер»...» — «Ах, из СССР? Из советской подлодки?! Расскажи, расскажи». Нельзя! Лучше умереть! А может быть, Плетнева не было сейчас в радиорубке? Может быть, он выходил и теперь вернулся?

— Виктор Абрамович!.. «Пионер»! Слушай, «Пионер»! Помогите! Это я! Павлик! Павлик! Помогите!

Ему стало так жалко себя, что губы опять задрожали и скривились, готовые к плачу, и глаза налились горячими, обжигающими слезами. Он всхлипнул, но сейчас же спохватился и напряженно прислушался.

Ответа не было.

Нет, радио совсем испорчено. Что же делать? Что делать? Оставаться на кашалоте? Но куда он занесет? Остановить его? Как? Чем? Перчатки... Пистолет... Они бесполезны: фонарь потух, радио не действует — значит, нет электричества...

Навстречу, совсем близко, пронеслась огромная тень с двумя изогнутыми рядами горящих матово-желтых зубов. На мгновение осветились чудовищная дугообразная пасть акулы под длинным выступающим рылом и светлое шероховатое брюхо. Через минуту, такая же, а может быть, та же самая акула появилась позади

и сбоку, быстро догнала кашалота и, метнувшись кверху, изогнувшись дугой, описала вокруг него круг, прошла совсем близко от Павлика, пронеслась вперед и вернулась обратно. За первой акулой, из тьмы глубин, как будто порождаемые ею, появлялись одна за другой все новые и новые, с раскрытыми пастями и тускло светящимися тупыми свиными глазками. Молчаливым хороводом они кружили вокруг кашалота и Павлика, все теснее, все ближе смыкая круги.

Стало настолько светло, что Павлик ясно видел позади себя огромный, шестиметровый хвост, работающий плашмя вверх и вниз — совсем не так, как у настоящих рыб, у которых плоскость хвоста стоит ребром, вертикально, и двигается справа налево и обратно. Только теперь, увидев такую работу хвоста, Павлик понял, почему кашалот двигался какими-то резкими, порывистыми скачками.

Впереди Павлик едва различал небольшой плавник — всего метра в два длиной и около метра высотой, — смешно торчавший сбоку, как свиное ухо, посередине между спиной и брюхом. Павлик знал, что там, возле этих плавников, находились маленькие бычьи глаза кашалота, начиналась его чудовищная голова и страшная

пасть.

Кашалот как будто забеспокоился. Движения его огромного тела под Павликом стали резче, порывистей, могучий хвост заработал с новой энергией, и встречная струя ударила в Павлика с такой силой, что он с трудом мог пригнуться к спине кашалота и спрятать голову за жировым бугром.

Акулы не отставали. Чувствовали ли они усталость гиганта или надеялись на свое численное превосходство, а может быть, эти глубоководные хищницы отличаются в повадках от своих родственниц с поверхности, которые никогда не осмеливаются нападать на кашалота, — но видно было, что преследование продолжается с возрастающей настойчивостью.

Кашалот переменил положение. Он слегка поднял переднюю часть тела, с головой, и по наклонной линии направился кверху работая хвостом, как огромным винтом. Может быть, ему пора уже было подышать свежим воздухом, хотя возможно, что он стремился избежать нападения акул и выйти из этих опасных глубин.

Акулы, вероятно, поняли намерение кашалота. В первый же момент, когда он изогнувшись, устремился к поверхности, одна из них, выплы-

вая из-под него, слегка изменила направление, перевернулась на спину и, сделав скачок, вцепилась в плавник под глазом кашалота. Но в то же мгновение одним неуловимым движением гигант повернулся, и акулу, висевшую на плавнике, занесло по инерции вперед, прямо в его раскрытую пасть.

Миг — и ужасные челюсти сомкнулись, огромная акула была разрезана, как карандаш, и обе ее половины медленно пошли ко дну. В этот же момент другая акула случайно попала под удар хвоста и с переломленным хребтом, изогнувшись, как сломанная кукла, тоже начала погружаться на дно.

Этих двух жертв было достаточно, чтобы отвлечь внимание всей стаи. Прожорливые хищники немедленно набросились на извивавшиеся еще тела своих погибших собратьев.

Кашалот между тем быстро шел на поверхность. Становилось все светлее и светлее.

Внезапно раздвинулись, распахнулись воды, и двумя мощными ударами хвоста кашалот поднялся, как исполинская черная свеча, над поверхностью почти на две трети своей длины.

На короткое мгновение голова Павлика показалась над волнами, поднятыми кашалотом, и

сейчас же скрылась под водой. Но и этого мгновения было достаточно, чтобы увидеть вокруг на поверхности несколько фонтанов, характерных для кашалотов, две шлюпки с людьми на воде и небольшой пароход под парами, шедший как раз в сторону Павлика.

Кашалот лежал почти неподвижно на поверхности, выпуская не вверх, как все киты, а вперед и вбок фонтаны распыленной воды и пара, словно высокие белоснежные страусовые перья. Вероятно, он очень устал, хотел отдохнуть и набраться сил. Шлем Павлика слегка поднимался над водой и с бьющимся сердцем мальчик повернул голову и краешком глаза посмотрел назад.

Пароход, сбавив пары, осторожно приближался. Павлик заметил на его носу гарпунную пушку.

Здесь, на поверхности океана, Павлик впервые смог наконец осмотреться и понять свое необычайное положение на кашалоте. Вглядевшись, он вскрикнул от изумления.

Теперь Павлику стало понятно, каким образом он так крепко держался на кашалоте. Небольшой обломок гарпуна, торчавший в боку кашалота, случайно проскочил в кольцо, на котором висели у пояса ножны утерянного в борьбе с осьминогом

кортика. Гарпун так плотно вошел в кольцо, что даже огромное сопротивление воды при яростном движении кашалота вперед не могло сорвать Павлика с места. Точно так же лишь теперь Павлик заметил, что крышка от щитка управления на поясе свисала, обнажив все кнопки и рычажки, которыми управлялись механизмы и аппараты скафандра. Очевидно, Павлик, еще находясь в трюме каравеллы, от нетерпения вогнял кортик не туда, куда следовало, и нечаянно нажал кнопку от крышки. Она упала вниз, открыв щиток управления. Машинально закрыв теперь крышку, Павлик сейчас же забыл о ней, занятый наблюдением за всем, что делается на поверхности океана. Оглянувшись, он увидел, что пароход продолжает неслышно подходить к кашалоту и что на его носу, возле гарпунной пушки, люди суетятся, готовясь, вероятно, к выстрелу.

Павлик замер, затаив дыхание.

Сейчас будет выстрел. Кашалот будет убит. Его, Павлика, снимут… «Откуда ты, мальчик?» Он не виноват. Это кашалот вынес его на поверхность. «Какой замечательный скафандр на тебе, мальчик!» Они его снимут. «Павлик, это измена! Это — подлость». Так скажет капитан и все… Все так скажут… Но что можно сделать? Кашалот устал — он отдыхает, он спит, он не подозревает об опасности. Отцепиться от кашалота? Остаться одному? Но что он будет делать в глубинах без света, без оружия, без механизмов? Он погибнет! Лучше с кашалотом вместе: он его уже два раза спас. Только не отдавать скафандр, не выдавать…

— А-а-ах!

Не думая, не рассуждая, Павлик отчаянно вскрикнул и изо всех сил ударил кулаком по обломку гарпуна, на котором висел.

Кашалот вздрогнул, метнулся в сторону и, высоко подняв хвост, ударил им плашмя по воде с такой силой и громом, что, казалось, где-то рядом, над ухом, раздался оглушительный залп из нескольких орудий. В следующее мгновение, обезумев от боли, гигантское животное стремительно нырнуло в глубину, подняв над водой вертикально хвост и заднюю часть тела вместе с висевшим на ней Павликом.

В каком-то оцепенении, почти без чувств, Павлик лежал на боку кашалота, спрятав голову за жировым бугром.

Последняя, может быть единственная, возможность спасения исчезла! Он, Павлик, сам отказался от нее, сам убежал от нее. Куда несется сейчас полный ярости кашалот? Сколько может еще он, Павлик, держаться на нем? Надолго ли хватит ему воздуха в баллоне скафандра? А пища?

Мысль о пище неожиданно напомнила Павлику, что он голоден. Перед выходом из подлодки он вкусно и сытно позавтракал, но с тех пор прошло, вероятно, уже часов восемь.

Его термос полон горячего какао. Надо растянуть этот запас на возможно большее время. Он сделает лишь три-четыре глотка — не больше. Надо экономить.

Кашалот стремительно несся на небольшой глубине. Он еще не успокоился и двигался резкими, порывистыми скачками, глубоко поджимая под себя огромный хвост и мощно выбрасывая его вверх. Было достаточно светло, как бывает светло днем в Саргассовом море на глубине ста — ста двадцати метров; стояли светлые ярко-зеленые сумерки.

Павлик открыл крышку на щитке управления, перевел и нажал кнопку от термосного аппарата. Сейчас же он почувствовал на губах прикосновение круглого и гладкого кончика трубки. Павлик с наслаждением сделал несколько глотков.

Ставя на место кнопку от термоса, Павлик вдруг застыл с открытым ртом. Какая непростительная глупость! Ведь он вызывал радиостанцию «Пионера», а между тем его собственный радиоаппарат настроен на волны зоолога, Скворешни и Марата. Ведь он только с ними поддерживал разговор возле затонувшего испанского корабля! Как он это упустил из виду?! Как он мог это забыть и вызывать подлодку, не настроившись на волну ее радиостанции?

Трясущимися руками Павлик пошарил по щитку управления — раз… потом еще раз… Рычажка от радиоаппарата не было на месте. В необычайном волнении Павлик согнулся и попробовал рассмотреть все, что находится на щитке. Но свет, как будто достаточно яркий, оказался обманчивым: ничего нельзя было различить на расстоянии полуметра от щитка.

«Куда же все-таки делся рычажок? Неужели сломан и сорван с места? Как? Когда? Осьминог… Да, да, конечно… это он…»

Павлик медленно проводил металлическим пальцем по пустому месту между рычажком от винта и кнопкой осветительного фонаря. Вдруг сердце замерло. Стерженек, на котором держалась кнопка, был согнут, и кнопка прижата и щитку между позициями «вкл.» и «выкл.». Может быть, только поэтому и не горит фонарь? Павлик стал осторожно отгибать и выпрямлять кнопку. Потом с еще большей осторожностью начал переводить ее по вырезной щели на позицию «вкл.».

Луч яркого света ударил из фонаря на шлеме. И одновременно, как будто слившись с ним, из груди Павлика вырвался крик радости.

Кашалот, испугавшись света, бросился в сторону, но Павлик даже не заметил этого рывка. Он громко и радостно смеялся.

Какое счастье — свет! Какая радость — свет! Как легко и весело на душе! Но ведь это значит, что есть электричество! Есть энергия для винта! Для радио! Ура! Ура!

Павлик опять залился веселым, счастливым смехом, но внезапно замер, и лицо его сделалось серьезным и озабоченным.

«Радио, вероятно, не будет работать, потому что нет рычажка управления и настройки. Надо попробовать винт. А куда плыть, если он даже

и будет работать?... Ну, об этом после. Сначала винт».

Павлик попытался перевести рычажок управления винтом по дужке на позицию «малый ход». Рычажок не тронулся с места.

Павлик нажал сильнее. Рычажок пошел гладко, без защелкивания и заскакивания в гнезда различных позиций. Сняв с пояса запасный фонарь, висевший на шнуре, Павлик нажал кнопку и направил его свет на щиток управления.

Присмотревшись, он увидел, что рычажок от радиоаппарата отведен далеко в сторону и задвинут под рычажок от винта, который поэтому высоко приподнят над дужкой с позициями, ходит свободно и не производит включений.

«Ах, проклятый осьминог! Вот что он наделал! И как он только умудрился?»

Через несколько минут осторожной, терпеливой работы оба рычажка били разъединены и поставлены на свои места.

Павлик хотел первым делом проверить работу радиоаппаратуры — и не мог. В решительную минуту полный страха и надежд, он боялся этого последнего испытания. Наконец с замирающим сердцем Павлик чуть тронул рычажок радиоаппарата и перевел его на волну «Пионера».

— Говорит «Пионер!» Павлик! Отвечай, Павлик!

Все закружилось перед глазами Павлика. Он хотел что-то сказать, крикнуть, но слезы хлынули из глаз, спазмы сжали горло и лишь хриплые, невнятные звуки вырывались из раскрытого рта.

— Отвечай, Павлик! Отвечай! Говорит «Пионер»!

— Это я! Это я, Павлик! Я здесь! Я здесь! Помогите!.. Помогите!..

Слезы текли по смеющемуся, радостному лицу, крики прерывались счастливым смехом:

— Я здесь, Виктор Абрамович! Я на кашалоте! Он несет меня куда-то! Где вы? Где вы? Помогите!

* * *

Подлодка вырвалась из темных глубин, волоча за собой короткий туманный быстро таявший шлейф. Она беззвучно и легко неслась, как, вероятно, несутся планеты в безвоздушном мировом пространстве.

В паническом испуге, напрягая всю свою чудовищную силу, почти судорожными скачками кашалот ринулся обратно в глубину.

Под шлемом послышался голос капитана.

— Павлик! Эта погоня может продолжаться неизвестно сколько. Надо убить кашалота. Ты сможешь это сделать?

У Павлика сжалось сердце. Он помолчал, не находя слов, потом ответил:

— Смогу, товарищ командир! Только мне жалко его.

— Ничего не поделаешь, Павлик, — сказал капитан. — Не стрелять же нам в него из ультразвуковой пушки.

Вмешался взволнованный голос Марата:

— Разрешите, товарищ командир. Разрешите сказать…

— Говорите, Марат, говорите.

— Действительно, очень жалко. Кашалот дважды спас Павлика — от осьминогов и от акул. Пусть живет, товарищ командир. А Павлику прикажите запустить винт на полный ход и вперед вдоль тела кашалота.

Павлик легко сорвется и уйдет от его хвоста.

Опять раздался голос капитана:

— Ты слышал, Павлик, предложение Марата?

— Слышал, товарищ командир. Это очень хорошо. Я сейчас так и сделаю…

Павлик открыл щиток управления и выдвинул наружу винт и рули. Потом нащупал рычажок от

винта и резко передвинул его на крайнюю позицию слева — «десять десятых» — самый полный.

От неожиданного сильного толчка все потемнело и завертелось перед глазами Павлика. Потом он увидел стремительно уносившуюся в глубину огромную тень кашалота, а позади медленно надвигающуюся, как гора с массой правильных продольных морщин, подлодку.

С правого борта подлодки откинулась площадка, раздвинулись металлические двери. Перейдя на малый ход и изогнувшись дугой, как рыба, Павлик скользнул в широкое отверстие, ярко освещенное желтоватым светом электрических ламп.

Глава XIII
Бомбардировка глубин

В центральном посту вахтенный, лейтенант Кравцов, сидел перед щитом управления, задумчиво глядя на экран и его купол. В голубых сумерках экранного поля мелькали темные силуэты встречных рыб, головоногих, моллюсков самых разнообразных форм и размеров.

Подлодка шла на шести десятых хода; пятьдесят пять миль в час — средний крейсерский ход,

при котором не перенапрягался материал взрывных дюз, не было надобности накаливать корпус и окружать его паровой оболочкой. Время от времени глаза лейтенанта пробегали по созвездиям маленьких зеленых лампочек, спокойно горевших на щите управления и на круглой стене центрального поста, успокоительно доносивших о ровной, ничем не нарушаемой работе всех механизмов и агрегатов подводного корабля.

Лейтенант вдруг очнулся, протянул руку к телефонному щитку, и спокойное лицо его оживилось. Он нажал кнопку под номером двенадцать, и сейчас же рядом со щитком осветился небольшой матово-серебристый экран. На нем появилось изображение госпитального отсека, несколько коек, двух лежащих на них фигур и зоолога в белом халате, рассматривающего на матовый свет лампы какую-то пробирку. Зоолог повернул голову и вопросительно вскинул глаза на экран.

— Простите, Лорд, — тихо, почти шепотом, произнес лейтенант, — не терпится узнать, что поделывает Павлик.

Зоолог кивнул головой.

— Спит, — так же шепотом ответил он, подходя совсем близко к экрану и почти целиком

заполняя его своей бородой. — Спит, но не очень хорошо. Должно быть, нервы разгулялись: вскрикивает, поднимается в полусне, что-то бормочет и опять засыпает.

— Ну, ничего… — начал было лейтенант, но не успел окончить.

Снаружи внезапно донесся глухой, но мощный удар, сопровождаемый коротким грохотом, вырвавшимся из рупора гидрофона. Ни лейтенант, ни зоолог не успели еще прийти в себя от этой неожиданности, как огромный подводный корабль взметнулся носом кверху, сейчас же нырнул вниз, потом, не замедляя хода, под непрерывные грохочущие удары судорожно заметался, точно бросаемый непонятной силой вверх, вниз, во все стороны.

Зоолог был отброшен от экрана на ближайшую койку. Лейтенант, инстинктивно схватившись рукой за ножку привинченного к полу стола, удержался на месте. Его глаза скользнули по большим круглым часам, висевшим на стене: было ровно восемнадцать часов. Машинально, не сознавая еще, что произошло, он нажал пальцем свободной руки кнопку тревоги: «Внимание! Все по местам!»

В мгновение все коридоры подлодки наполни-

лись топотом бегущих ног, потом сразу наступила тишина, прерываемая лишь частыми глухими ударами.

Еще держа палец на кнопке тревожной сигнализации, лейтенант мельком взглянул на круговой экран и застыл в недоумении. В глубокой перспективе экрана, на той его полосе, куда со своих дальних дистанций посылали сообщения инфракрасные разведчики корабля, с необычайной быстротой неслась навстречу «Пионеру», клубясь и разрастаясь, огромная темная туча. Впереди тучи, словно настигаемые пожаром, мчались бесчисленные массы морских животных. Ближайшие к подлодке рыбы также стремительно поворачивали и в общей панике устремлялись ей навстречу.

— Простите, Лорд... сигналы... — торопливо проговорил лейтенант и выключил телефон и телевизор, оставив зоолога в состоянии полного недоумения и растерянности.

Вслед за тем лейтенант повернул на щите управления навстречу друг другу два штурвала; на одном из них виднелась надпись: «Разведчик правого борта», на другом — «Разведчик левого борта».

Туча сразу закрыла узкую верхнюю полосу

па передней части экрана и нижнюю часть его купола.

— Черт возьми! Что же это значит? Неужели подводное извержение? — вполголоса проговорил лейтенант, давая подлодке задний ход и сейчас же полностью останавливая работу дюз.

В центральную рубку поспешно вошел капитан и пошатнулся от резкой остановки движения корабля.

— В чем дело, товарищ лейтенант? — спросил он еще в дверях.

— По донесениям приборов, товарищ командир, впереди что-то непонятное и, во всяком случае, угрожающее. Поэтому я остановил подлодку до ваших распоряжений.

Капитан увидел на экране быстро надвигавшуюся тучу. Глухие удары продолжали доноситься снаружи, сопровождаемые гулом из рупора гидрофона. Корабль мотало на месте не переставая.

— Хорошо сделали, — одобрил действия лейтенанта капитан. — Какое расстояние до источника звуков? Их направление? — продолжал он отрывисто спрашивать, держась за стол и внимательно рассматривая клубящуюся мглу на экране и несметные стада несущихся перед нею животных.

— Тридцать восемь миль! Прямо по носу! — быстро ответил лейтенант, взглянув на приборы у гидрофона.

— Вызовите Арсена Давидовича сюда. Здесь очень много интересного для него, — сказал капитан и наклонился над картой; он провел на ней несколько линий, взглянул на приборы и сделал короткий подсчет. — Что такое? — выпрямился он вдруг, и лицо его сразу сделалось жестким, каменным. — Ведь это значит, что звуки несутся с нашей стоянки. С нашей глубоководной станции!

В этот момент в центральный пост торопливо вошли зоолог и старший лейтенант Богров.

Услышав последние слова капитана, они быстро оценили положение.

— Нет никакого сомнения, товарищ командир, — сказал старший лейтенант, — удары несутся из района нашей стоянки. Все это очень похоже на подводное извержение вулкана с тучей поднятого со дна ила, пепла, размельченного туфа…

— Да, да… — подтвердил лейтенант Кравцов. — Это первое, что и мне пришло в голову.

Капитан с сомнением покачал головой и задумался. Зоолог молча, не отрываясь, смотрел на экран.

Первые отряды обезумевших обитателей моря приближались к подлодке, в двадцати километрах от нее встречаемые уже ультразвуковыми прожекторами, которые пересылали их изображения на нижнюю полосу экрана.

Впереди всех, поближе к поверхности, стрелой летели острорылые дельфины. Теперь им было не до игры. Лишь изредка они взмывали кверху, делали прыжок над водой, чтобы обновить запас воздуха в легких, и вновь стремительно неслись вперед. Следом за ними, не отставая, мчались такие замечательные пловцы, как золотая макрель, бониты, меч-рыбы, барракуды, акулы, несколько крупных кальмаров. Вытянув в виде трубы все десять щупалец, они мчались задом наперед, всасывая своими воронками и выбрасывая затем мощные струи воды. Стадо кашалотов, голов в тридцать, разбрасывая головами, словно таранами, окружавшую их мелочь, молотило ее затем позади себя своими мощными хвостами. За этими хищниками и властителями глубин, на некотором расстоянии, сплоченно или врассыпную, изо всех сил неслась остальная масса перепуганных животных, и грохот от каждого удара как будто придавал им новые силы и новую быстроту. Их последние ряды постепенно заволакивались

грозовым фронтом настигавшей их тучи.

Проникшие уже далеко в глубины этой тучи разведчики посылали оттуда на экран смутные очертания множества тел погибших животных, плывших вверх брюхами или вертевшихся во все стороны под действием неожиданно возникших здесь невидимых струй, течений и подводных волн.

Капитан поднял наконец голову, приняв, по-видимому, какое-то решение.

— Нам во что бы то ни стало необходимо узнать, что там происходит, — обратился он ко всем находившимся в центральном посту. — Источник звуков остается на одном и том же месте. Мы должны, следовательно, приблизиться к нему по крайней мере еще на десять километров — на дистанцию, с которой можно будет при достаточной безопасности для корабля воспользоваться помощью наших разведчиков… Дайте три десятых хода вперед, Юрий Павлович, — приказал он лейтенанту Кравцову.

В непрекращающейся качке корабль тронулся с места и вскоре вошел в гущу панически мчавшихся животных. Еще через несколько минут клубящаяся мгла заполнила весь круговой экран и его купол. Неисчислимыми массами проно-

сились на экране трупы рыб, морских ежей, морских звезд, голотурий, офиур, морских лилий, крабов, рачков, медуз и сифонофор. Среди них в огромном количестве попадались исковерканные, разорванные тела глубоководных горгоний и морских перьев, пучки водорослей, сорванных и захваченных необычайной силой приведенных в движение вод.

«Пионер» медленно, под непрерывный гул ударов пробирался среди этого хаоса смерти и разрушения. С каждым километром мгла становилась все более густой, все более непроницаемой для инфракрасных приемников обоих разведчиков. Когда разведчики находились уже на расстоянии всего лишь двух километров от прежней стоянки «Пионера», удары внезапно прекратились. Все притихли на своих постах, напряженно прислушиваясь и выжидая, но тишина продолжала оставаться невозмутимой. С каждой уходящей минутой все более светлели лица людей, все спокойнее бились их сердца.

Тишину нарушил лейтенант Кравцов.

— Я насчитал сто сорок два удара, — сказал он, обращаясь к капитану. — Первый последовал ровно в восемнадцать часов.

— Отлично, — ответил ему капитан. — Не за-

будьте занести это в журнал.

Разведчики между тем все ближе подходили к прежней стоянке корабля.

— Опустите правобортовой разведчик поближе ко дну, — приказал капитан. — Заставьте его хорошенько обследовать грунт.

Лейтенант Кравцов поставил правый штурвал на новую позицию.

Правая верхняя полоса экрана начала все больше и больше чернеть, и смутные тени, проходившие на ней, сделались едва различимыми. Наконец чернота настолько сгустилась, что все растворилось в ней и слилось в слепом однообразии. Качка на невидимых подводных волнах между тем постепенно стихала, и корабль спокойно шел, почти не выдавая себя.

Лейтенант не снимал теперь рук со штурвала, осторожно направляя разведчик то в ту, то в другую сторону. Все внимательно смотрели на экран, стремясь уловить хотя бы какую-нибудь слабую тень или признак движения. Но на общем черном фоне экрана не выделялось ничего, что мог бы заметить человеческий глаз. Ясно было, что инфракрасные разведчики в этой иловой мути совершенно бесполезны.

— Поднять разведчик на поверхность! — отдал

команду капитан. — Идти под ультразвуковыми прожекторами!

— Есть поднять разведчик на поверхность! — повторил лейтенант Кравцов, поворачивая и поднимая кверху левый штурвал.

— Шесть десятых хода вперед!

— Есть шесть десятых хода вперед! — отчеканил лейтенант, нажав последовательно несколько клавишей на нижней клавиатуре щита управления и переведя красный рычажок над дужкой на три деления.

С удвоенной скоростью «Пионер» ринулся вперед. Через пятнадцать минут ультразвуковые лучи прожектора проникли в район бывшей стоянки подлодки. Нижняя полоса экрана получила свой обычный голубоватый цвет — правда, несколько более густой. По приказанию капитана скорость хода подлодки была вновь уменьшена до трех десятых, и прожекторы принялись тщательно обследовать дно океана. На экране появился совершенно незнакомый пейзаж. Там, где раньше дно покрывали заросли морских лилий, горгоний, светящихся морских перьев, глубоководных кораллов, среди которых ползали кроваво-красные или бледные крабы и раки, фиолетовые голотурии, синие и красные мор-

ские звезды, хрупкие офиуры, раки-отшельники, увенчанные целыми розетками из разноцветных актиний, там, где раньше неслышно кипела в темноте молчаливая своеобразная жизнь, — расстилался теперь однообразный мертвый покров из ила, над которым поднимались порой небольшие бугры или отдельные полузасыпанные и обломанные кисти потухших морских перьев.

Нахмурив густые мохнатые брови и зажав в кулаке бороду, зоолог молча смотрел на эту безрадостную и безжизненную пустыню.

— Если здесь было извержение вулкана, — проговорил он наконец, — то где же лава! Где пемза и пепел? Почему наружные термометры не показывают повышения температуры воды? И, наконец, где кратер?

— Вот кратер! И не один, а несколько! — сказал старший лейтенант, показывая на темные, со смутными очертаниями пятна, выступившие вдали, на экране.

— Смотрите, смотрите! Их здесь много! — воскликнул лейтенант Кравцов.

И действительно, по мере продвижения корабля вперед на экране появлялось все больше и больше пятен.

Приближаясь к переднему плану, их очертания

делались немного яснее; но все же тучи не осевшего еще ила мешали работе ультразвуковых прожекторов. Однако было достаточно отчетливо видно, что края этих пятен представляли почти ровную окружность и что к центру пятна чернота сгущалась, как бы в глубокой воронке или колодце.

Скоро вся передняя часть экрана была покрыта пятнами, проходившими по экрану то густо, порой сливаясь и образуя огромные, с рваными, неправильными краями котловины, то рассыпано, словно горох, по глубокому полотну экрана.

— Как раз здесь находился наш «Пионер», — тихо сказал зоолог и, точно вспомнив что-то, быстро обернулся к капитану: — А Горелов так настойчиво требовал, чтобы подлодка осталась на месте… Какое счастье, что вы не послушали его!

Никто не ответил ему.

Капитан стоял у стола со сжатыми кулаками, подавшись вперед, к экрану, и не сводя с него глаз. Его ноздри раздувались, побелев от скрытого внутреннего волнения. Наконец он резко и сухо стукнул костяшками сжатых в кулак пальцев по столу и повернулся к стоявшим позади него зоологу и лейтенантам.

— Вы говорите, вулкан? Извержение? — спро-

сил он громким, звенящим от возбуждения голосом. — Здесь происходила бомбардировка! Вы понимаете? Бомбили нашу подлодку, нашего «Пионера».

И, словно сразу почувствовав себя в разгаре сражения, он отрывисто бросил лейтенанту Кравцову:

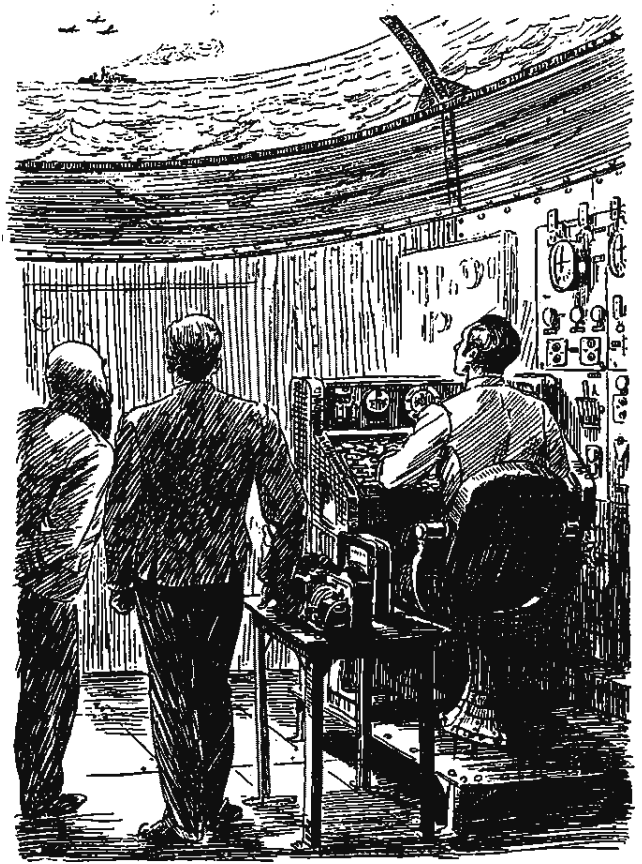
— Поднять оба разведчика над поверхностью океана! Пять подъемов в минуту! Высота подъемов — десять метров! Следить за небосклоном!

Пока лейтенант, едва успевая, быстро работал штурвалами разведчиков и клавишами щита управления, капитан повернулся к телефонному щитку и нажал одну из его кнопок. На засветившемся экране телевизора появился отсек носовой пушки. Главный акустик Чижов сидел в своем кресле бледный, но спокойный, внимательно глядя на экран телевизора, где появилось изображение капитана.

— Изготовиться к бою! — донесся до Чижова властный голос капитана. — Цель — металл, органика, стекло. Самолеты или судно. Из водной среды — в воздушную. Расстояние и угол — по экрану. Ждать моих приказаний!

В этот момент купол экрана сразу просветлел, на нем показалось чистое голубое небо над

спокойным океаном, несколько разрозненных облачков в зените, лучезарное желтое пятно солнца, склоняющееся к западу, далекий круговой горизонт и чуть повыше его, на западе, три крохотных крестика, а под ними стелющаяся почти по самой линии горизонта волнистая дымная полоса.



— Неприятель на виду, — послышался с экрана телевизора спокойный голос Чижова: — три самолета, и под ними, очевидно, их база. Под данным углом ультразвуковая пушка не возьмет цель. Необходимо приблизиться.

Это было ясно и самому капитану. Однако никаких распоряжений о преследовании противника от него не последовало. После минутного колебания, в течение которого поверхность океана скрылась и вновь появилась на экране, он провел рукой по голове и произнес:

— Отставить ультразвуковую пушку!

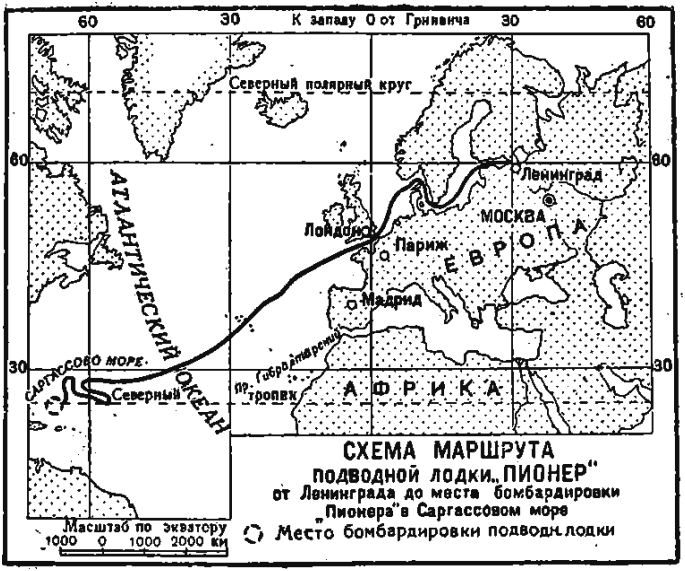
Оба лейтенанта с недоумением смотрели на своего капитана.

— Товарищ командир! — произнес наконец старший лейтенант Богров, видимо с большим усилием стараясь придать своему голосу возможно больше сдержанности. — Нас бомбили. Нас хотели уничтожить… Без всякого повода с нашей стороны. И вы оставите безнаказанным это гнусное нападение? Нам достаточно получаса, чтобы от этих бандитов осталась одна пыль!

Капитан тепло улыбнулся:

— Я вас вполне понимаю, товарищи. Я полностью разделяю ваше возмущение. Но для нас важнее всего не обнаруживать ни себя, ни

нашего оружия до решительного момента, который, может быть, наступит, когда мы придем во Владивосток. Если неприятель думает, что он уничтожил нас, тем лучше: может быть, он успокоится и прекратит преследование. Наша задача, наш долг перед Родиной состоит в том, чтобы довести подлодку в полной тайне, в полной сохранности и к назначенному сроку до Владивостока. Тайну, очевидно, полностью соблюсти не удалось. Но каким образом наши точные координаты стали известны неприятелю, совершенно непонятно.



— Я знаю... — неожиданно послышался слабый голос. Все резко повернулись к дверям и с изумлением увидели тонкую фигурку Павлика в белой длинной, почти до пят рубашке. Опираясь о дверную раму, Павлик стоял с полуопущенны-

ми веками и как будто сонно смотрел вперед, сквозь капитана, сквозь стену центрального поста, сквозь толщу океанских вод — куда-то в непонятную, неизвестную даль.

— Я теперь понимаю, — повторил он тихо, как будто засыпая. — Он мне все объяснил. Координаты — это… это… определяют положение точки… точки в пространстве… Это мне объяснил…

Он говорил усталым, затухающим голосом, опускаясь все ниже, и когда, почти совсем уже соскользнув, падал на пол, грохот раскрывшейся рядом двери заглушил его последние слова. Из диспетчерской главного механика выскочил Горелов и бросился к Павлику, громко крича:

— Павлик, голубчик! Как ты сюда попал?

Он подхватил падающего Павлика, поднял своими сильными руками и, прижимая к груди, понес его, погруженного в обморок, мимо своей диспетчерской, мимо диспетчерской главного электрика, через биологический кабинет в госпитальный отсек.

Следом за ним поспешил зоолог, первым пришедший в себя во время этой неожиданной сцены.

В центральном посту несколько мгновений царило молчание.

— Напугал же он меня своим появлением! — сказал наконец старший лейтенант Богров.

— Да… — медленно проговорил капитан, продолжая смотреть на дверь, — Но почему это вдруг понадобилось кому-то объяснять ему про координаты?

Он обернулся к лейтенанту Кравцову и деловым тоном продолжал отдавать распоряжения:

— Отвести подлодку на пятьдесят километров от места ее бывшей стоянки. На этом расстоянии крейсировать в разных направлениях, не останавливая корабля. Положение тревоги отменить. Обоих разведчиков оставить на поверхности. Прыжки — не чаще пяти в минуту, высота прыжков — не выше трех метров. При появлении чего-нибудь подозрительного осторожно следить при помощи разведчиков и вызвать меня. Имейте в виду, товарищи: мы должны теперь быть непрерывно настороже! Нас ищут. За нами каким-то образом следит хитрый, сильный и коварный враг. Ни на минуту мы не должны забывать, что где-то нас подстерегает этот враг, где-то готовит нам западню. Мы должны быть теперь особенно осторожны и ко всему готовы. Это необходимо передать всему экипажу подлодки, всем членам научной экспедиции. Через два

часа, если все будет спокойно, я отправлю всех научных работников и часть команды собирать уцелевшее после бомбардировки имущество экспедиции. По окончании работ мы пойдем дальше своим маршрутом.

Конец первой части

Часть вторая
ТАЙНЫ ОКЕАНА
Глава I
Экскурсия

Если посмотреть на карту рельефа дна Атлантического океана, со светло-голубой каймой мелководья вдоль берегов трех континентов, с широкими синими полосами больших глубин и густо-синими пятнами самых глубоких мест океана, — сразу бросается в глаза длинная голубая лента средних глубин. Держась середины океана и почти в точности следуя извилистой линии берегов обеих Америк, эта лента непрерывно тянется от северных границ океана у острова Исландия до южных, где его воды сливаются с водами Антарктики.

На экваторе в нее врезается густо-синее продолговатое, как артиллерийский снаряд, пятно одной из самых глубоких впадин Атлантики. В вершине этой впадины находится знаменитая Романшская яма, которая как будто заставляет голубую полосу надломиться и круто повернуть с экватора прямо на юг. Эта голубая лента представляет известный Атлантический подводный

хребет, или порог. На две-три тысячи метров возвышается он над ровным, чуть покатым дном океана, лежащим по обе стороны хребта на глубине пяти-шести тысяч метров от поверхности.

Иногда в этих синих котловинах попадаются густо-синие пятна еще больших глубин — шесть, семь и даже выше восьми тысяч метров.

Что же представляет собой этот подводный горный хребет? В чем его сходство и различие с горными цепями континентов? Какое значение имеет он в распределении глубинной температуры и солености? Какое влияние оказывает он на направление поверхностных и придонных течений? Одинаковы ли условия глубинной жизни по обе стороны — восточную и западную — этого хребта?

На все эти вопросы наука о море могла ответить очень мало и очень неуверенно. Океан ревниво и упорно скрывал тайны своей жизни и своего строения. Они были недоступны взору человека. Чтобы узнать глубину океана в данной его точке, исследователь должен был осторожно разматывать с палубы судна километры стального троса глубинного лота с тяжелым грузом, с длинной трубкой на конце для захватывания образца грунта, с самозапирающимся батометром для

получения образца придонной воды и с опрокидывающимся термометром для установления температуры воды у дна.

Эта операция длилась часами, требовала сложных специальных машин, длительной остановки судна, умелого маневрирования им и все же иногда оканчивалась разрывом троса и потерей лота из-за внезапно налетевшего шквала или ошибки в маневрировании. Сколько же таких промеров могли произвести океанографические экспедиции всех стран, начиная от Кука и до наших дней? И какова точность и полнота этих промеров, если действительно надежные методы, машины и инструменты явились приобретением лишь последних пятидесяти-семидесяти пяти лет? Даже десять тысяч промеров для площади всего Атлантического океана в восемьдесят два миллиона квадратных километров являются ничтожной величиной, один промер на восемь тысяч квадратных километров! А между тем таких промеров во всех океанах и морях было произведено всего лишь полтора десятка тысяч. Это может дать такое же понятие о рельефе дна океана, как прогулка слепого великана, шаг которого равен нескольким стам километрам: он перешагнет через Уральский хребет, даже не за-

метив его, и будет продолжать думать, что гуляет по гладкой, как стол, великой европейско-азиатской равнине.

Лишь сравнительно недавно, с появлением эхолота, положение значительно улучшилось, но только в тех полосах океана, которые более или менее густо «прострочены» регулярными пароходными линиями. Остальные его пространства — необозримые и пустынные — еще ждут появления специальных экспедиций и исследователей. Скоро ли дождутся они этого — неизвестно. Капиталистические страны, владеющие берегами океанов, настолько заняты непрерывной подготовкой к войнам или участием в вооруженных «инцидентах», что на научные работы, не имеющие непосредственного отношения к военным делам, средств у них уже «не хватает».

Советская подлодка «Пионер» уже пятые сутки внимательно, шаг за шагом, идя на трех десятых своего максимального хода, изучает подводный Атлантический хребет по его большой дуге, идущей от Саргассова моря до экватора. То поднимаясь над хребтом, то идя над его западными или восточными склонами, то описывая большие круги почти над самым дном океана на огромнейших глубинах в пять-шесть тысяч метров,

подлодка видела при помощи своих ультразвуковых прожекторов и инфракрасных разведчиков много такого, о чем ученые-океанографы лишь смутно догадывались или имели совершенно искаженное представление.

Регулярно, через каждые шесть часов, подлодка приближалась ко дну или склону хребта, металлический борт подлодки раскрывался, и на грунт выходили профессор Лордкипанидзе и океанограф Шелавин в сопровождении своих помощников — добровольцев из команды подлодки. Они производили различные научные работы: Шелавин брал образцы воды и грунта, измерял температуру, изучал силу и направление течений; зоолог наблюдал жизнь придонных и глубоководных животных, ловил и собирал их. Иногда все объединялись и совершали небольшие прогулки по дну или по склонам хребта, вздымая на своем пути тучи легчайшего глобигеринового ила, который медленно — один сантиметр в тысячу лет — слагается здесь главным образом из известковых скелетиков микроскопических животных — глобигеринид, из отряда фораминифер.

В дне океана нередко встречались узкие, длинные и глубокие провалы, хотя, в общем, уста-

новившееся мнение о его ровной поверхности на больших глубинах оказалось вполне правильным. Подводный хребет за миллионы лет своего существования в глубинах океана покрылся мощным слоем остатков мельчайших животных, сгладивших все его неровности, острые вершины, пропасти и ущелья и придавших ему вид возвышенности с плавными, незаметными для глаза склонами. Поэтому все были поражены, когда ультразвуковые прожекторы впервые отразили на экране оголенный пейзаж, напоминавший изрезанную ущельями горную страну. Чрезвычайно взволнованный этим открытием, Шелавин попросил капитана остановить подлодку недалеко от хребта и устроить здесь станцию.

Из выходной камеры появились семь человеческих фигур: зоолог, Шелавин, Марат, Павлик, Матвеев, Скворешня и Горелов. Каждый ученый имел теперь среди команды своих последователей: Матвеев и Скворешня увлеклись вопросами океанографии и сделались усердными учениками и помощниками Шелавина; не менее горячими поклонниками биологии и зоологии моря сделались Марат, Павлик и, к удивлению всех, Горелов.

Надо сказать, что почтенный зоолог был в

немалой степени смущен тем вниманием к его любимой науке, которое стал все явственнее обнаруживать Горелов. После ухода подлодки из Саргассова моря, на первой же глубоководной станции, когда зоолог вместе с Маратом и Павликом вышли из подлодки на придонную экскурсию, им встретился Горелов, возвращавшийся в подлодку после наружного осмотра дюз. Горелов коротко приветствовал зоолога поднятием руки и стал уже на площадку, намереваясь войти в камеру. Но, внезапно настроив свой радиотелефон на волну зоолога, он вызвал его и самым любезным тоном попросил разрешения присоединиться к его компании, объясняя, что сейчас у него много свободного времени и ему доставило бы большое удовольствие принять участие в такой интересной научной экскурсии.

Антипатия к Горелову установилась у прямодушного зоолога вполне прочно, и он старался лишь не выходить из рамок приличия в обращении с этим человеком, но отказать Горелову не было никаких оснований. Скрепя сердце, зоолог согласился на его участие в экскурсии.

Присоединившись к экскурсии и непрерывно восхищаясь своеобразием окружающего их мрачного ландшафта с мелькающими повсюду

разноцветными огоньками рыб, Горелов усердно искал для зоолога новые экземпляры придонных животных. Он выдавливал столбики образцов грунта для океанографа, шутил с Маратом и Павликом и в конце экскурсии чрезвычайно обрадовал зоолога искусством, с которым поймал совершенно новый вид медузы, закапывающейся в ил при первых признаках опасности и два раза упущенной самим зоологом. Ученый был в восторге от этой находки и горячо благодарил Горелова за нее.

С этого дня Горелов с нескрываемым интересом и удовольствием начал принимать участие во всех подводных экскурсиях зоолога. Мало того, он принялся даже изучать книги по вопросам зоологии и биологии моря, каждый свободный час проводил в биологической лаборатории, интересовался всем, над чем работал зоолог. Последний, видя веселые и дружелюбные отношения, установившиеся между Гореловым и Павликом, порой думал, не слишком ли он был поспешен в своих выводах относительно Горелова и его жестокости к детям.

«Мало ли что бывает! — говорил себе ученый. — Военные люди — твердые, прямолинейные. Они по-иному рассуждают. Для них важнее всего

интересы дела, благополучие подлодки, а человек, даже ребенок, может иногда оказаться на втором плане. Такая уж профессия», — со вздохом заключал он.

В результате Горелов сделался не только терпимым, но и желанным участником подводных экскурсий зоолога. Сегодня, когда подлодка остановилась, — или, как говорят гидрологи, взяла глубоководную станцию, — у подводного хребта, изрезанного здесь ущельями и пропастями, участие Горелова в экскурсии оказалось не только желанным, но и спасительным.

В великолепном настроении все готовились к выходу из подлодки. Шелавин уже успел рассказать, какое большое научное значение имеет сегодняшняя экскурсия.

— Мы сможем доказать теперь, — говорил он, радостный и взволнованный, надевая скафандр в выходной камере, — что и на дне океана действуют силы разрушающие! Да, да! Можете ли вы себе представить? Морское дно есть царство отложения, а не разрушения, говорил старик Зупан. Категорически утверждал. Абсолютно! На дне морском, говорил он, царит вечный покой, неподвижность. Здесь нет, говорил он, движения воды, которая размывает и переносит целые

горные хребты на суше. Придонные течения нельзя принимать во внимание из-за их медленности. Здесь нет и движения атмосферы, которая выветривает эти горные хребты. Здесь идет лишь спокойный, непрерывный в течение миллионов лет дождь из останков мельчайших растительных и животных организмов, обитающих в верхних слоях морей и океанов. И только этот процесс отложения характерен для морского дна, утверждал Зупан.

— А ведь, по существу, он прав, — заметил зоолог, наглухо соединяя электрической иглой верх тяжелого ботинка. — Стоит лишь выйти на грунт, как мы сейчас же убедимся в этом…

Еще не закончив своей реплики, зоолог немедленно пожалел о ней: на лице Шелавина он увидел яростное возражение:

— Да, да, да! Мы сейчас выйдем на грунт! Но в чем мы через полчаса убедимся, позвольте вас спросить? Мы убедимся, что морское дно есть не только царство отложения, но что в нем происходят и процессы разрушения! Мы уже видели это на экране, а сейчас увидим воочию. Да-с!

— Но кто же виновник этих процессов, если действительно на дне океанов нет ни ветров, ни рек? — спросил Горелов, проверяя кислородную

зарядку своего заспинного ранца, прежде чем надеть жилет скафандра.

— Ветров нет, но вместо рек есть течения! — отрезал Шелавин, сшивая на себе электрической иглой штаны. — Вопрос только в их силе и постоянстве. Позвольте вам напомнить, товарищ Горелов, что океанография знает достаточно случаев, которые позволяют судить о влиянии глубоководных течений на рельеф морского дна.

Горелов с комической серьезностью поклонялся, принимая это напоминание как знак уважения к его океанографической эрудиции, впрочем достаточно сомнительной для всех и для него самого. Зоолог улыбнулся, Марат тихонько прыснул в сторону, но Шелавин, обращаясь к Горелову, продолжал с тем же азартом:

— В тысяча восемьсот восемьдесят третьем году Бьюкенен в проливах между Канарскими островами, на глубинах до двух тысяч метров, нашел дно, совершенно оголенное от ила, тогда как вокруг этих мест на глубинах в две тысячи пятьсот метров этот ил он находил везде. Здесь встречаются подводные пропасти и крутые скалы, точно такие же, как и на суше. В тысяча восемьсот восемьдесят шестом году подобные наблюдения были сделаны адмиралом Макаровым

на «Витязе» в Лаперузском проливе. В Индийском океане, между Сешельскими островами и банкой Сайа-да-Мала, на глубинах до тысячи семисот метров дно также оказалось совершенно чистым от всякого ила, хотя в других местах поблизости он покрывал дно океана. Что доказывают все эти и многие другие наблюдения, позвольте вас спросить?... Они доказывают, что в этих местах даже на таких глубинах работают какие-то течения: не поверхностные ветровые течения, а именно приливно-отливные, действующие и вверху и в глубине, не случайные, а постоянные, вечные...

— Простите, что прерываю вас, товарищ Шелавин, — вмешался Скворешня, стоя у своего раскрытого ранца, висевшего еще на стене камеры. — На сколько часов ты зарядил кислородом скафандры? — обратился он к Матвееву, на обязанности которого лежало наблюдение за всем водолазным снаряжением подлодки.

— Как всегда, Андрей Васильевич: на шесть часов — шесть патронов.

— Сжатый, значит?

— Сжатый...

— Сменить! Зарядить каждый скафандр шестью патронами жидкого кислорода. Живо!

Матвеев хотя и удивился, но бегом бросился из

выходной камеры.

На Скворешню посыпался град вопросов:

— Почему, Андрей Васильевич? Зачем такой большой запас? Стоит ли из-за этого задерживаться?

Широким жестом Скворешня переадресовал эти вопросы к Шелавину.

— Пожалуйста, — прогудел он, усмехаясь в длинные усы, — за разъяснениями обращаться к Ивану Степановичу…

Шелавин, одетый в одни лишь металлические штаны, стоял, растерянно моргая светлыми ресницами:

— Не понимаю… Абсолютно! Почему ко мне?

— Позвольте, Иван Степанович! Ведь это же вы сейчас так горячо предупреждали, какие ожидают нас горные вершины, пропасти, скалы, ущелья! Надо быть готовым ко всему. В этих подводных Швейцариях и заблудиться, пожалуй, нетрудно. А? Как вы думаете?

Шелавин со своей обычной бледной улыбкой кивнул головой:

— Я вполне одобряю вашу инициативу, Андрей Васильевич.

* * *

Через пятнадцать минут все вышли на площадку, висевшую в десяти метрах над дном. Луч сверхмощного Прожектора едва пробивался сквозь муть, поднятую со дна взрывами дюз при остановке подлодки.

Заработали винты, и все медленно поплыли над дном Океана, на одной десятой максимального хода. Муть скоро осталась позади. Фонари на шлемах яркими желтыми конусами освещали черное пространство на несколько десятков метров впереди.

Время от времени зоолог стремительно опускался ко дну, выхватывал что-то из ила и с торжествующими восклицаниями засовывал в свой огромный экскурсионный мешок добычу — извивающуюся, трепещущую или просто колеблющуюся, как желе.

Поодаль, справа и слева, чертили пространство звездочки Горелова, Марата и Павлика. Шелавин со Скворешней и Матвеевым ушли вперед и виднелись смутными желтыми туманностями.

Изредка слышались возгласы и вопросы помощников зоолога. Вдруг Марат закричал:

— Асцидия, Арсен Давидович! Огромная белая

асцидия! В первый раз вижу такую! Взять ее или не надо?

— Какая она из себя?

— Замечательно красивая! Похожа на греческий кувшин без горлышка. И на длинном стебле…

— Что ты говоришь, Марат? — взволновался ученый. — Если это «Гипобития каликода», то я тебя тут же расцелую за такую находку!

Он помчался к Марату, сопровождаемый смехом всех участников экскурсии.

— Полцарства отдаю, чтобы увидеть этот поцелуй, — засмеялся Горелов, — поцелуй сквозь два шлема!

— В крайнем случае, Марат мне поверит в кредит, — отшучивался зоолог. — За кубковидную, самую глубоководную асцидию, которую до сих пор находили только в северной части Тихого океана, мне даже не жалко полцарства… персидского царя. Ну конечно! — закричал он, приблизившись к Марату и опускаясь почти к самому дну. — Это она! Это она — красавица! От имени советской науки приношу тебе благодарность, Марат. Давай, давай ее сюда! Осторожно! Осторожней с ножкой, она очень хрупкая…

— Стоп! Стоп! — донесся в этот момент неисто-

вый бас Горелова. — Держу за хвост! Скорее сюда, Арсен Давидович! Кажется, новинка! Зарылась в ил. Скорее…

Зоолог стремительно помчался в противоположную сторону, где торжествующий голос Горелова сулил ему новые радости.

В таком оживлении быстро и незаметно промелькнули два часа, и совершенно неожиданно прозвучал для них голос Скворешни:

— Что же вы так отстали, товарищи? Мы уже на хребте. Ну и диковины тут! Скорей сюда! Пеленгую направление…

Еще через полчаса все собрались на высокой круглой площадке, окруженной со всех сторон, словно часовыми, колоннами из какой-то твердой горной породы.

— Обратите внимание, товарищи, — объяснял Шелавин: — на площадке нет ила! Она ровна и чиста, как стол. Тут, на высоте тысячи пятисот шестидесяти метров над уровнем дна океана, несомненно, работает течение и сносит этот ил. И это, конечно, приливно-отливное течение, так как поверхностные течения на такой глубине уже незаметны, а глубинные течения слишком слабы для такой работы. Это оно промывает все пропасти, ущелья и лощины, омывает пи-

ки, вершины и скалы. Очень важно, товарищи, обследовать хорошенько эту местность. Я предлагаю разойтись в разные стороны — на север, юг и запад. На востоке осматривать нечего: мы оттуда пришли и ничего, кроме ровного морского дна, там не увидим.

Так и сделали. На запад, в глубину хребта, в лабиринт его проходов, пошли втроем — Шелавин, Горелов и Павлик; на север — зоолог и Матвеев; на юг — Скворешня и Марат.

Зоолог с Матвеевым тотчас же исчезли из виду, повернув в первый проход направо. Скворешня и Марат поднялись на несколько десятков метров вверх, вдоль отвесной стены, и вскоре тоже скрылись.

Шелавин медленно обошел площадку, выстукивая обушком топорика каменные колонны и стены.

— Интересно, — бормотал он, — интересно. Гм… Гм…

— Что вас тут заинтересовало? — спросил Горелов.

— Знаете ли вы, что это такое? — спросил Шелавин, откалывая кусок горной породы и внимательно рассматривая его при свете своего фонаря. — Гранит, батенька! Абсолютно! Очевид-

но, хребет образовался в древнейшие времена в результате извержений магмы… Ну-ну… Очень интересно!

Он спрятал обломок гранита в сумку, висевшую у него позади, и двинулся вдоль ровной, матово отсвечивающей, словно полированной, черной стены.

Открылся широкий проход прямо на запад.

— Отлично! — сказал Шелавин. — Это то, что нам нужно. Пойдем по этому ущелью, пока можно будет. Смотрите под ноги — не провалиться бы…

Он первым вступил в проход, ширина которого достигала здесь примерно тридцати метров. С обеих сторон видны были черные гранитные стены — чистые, тускло поблескивающие крупинками светлого кварца. Над путниками изредка пролетали разноцветные огоньки глубоководных животных — рыб, рачков, мягкотелых. На оголенном от ила каменном ложе ущелья, на небольших выступах и неровностях стен встречались глубоководные актинии, медленно ползали, распластавшись, морские звезды, офиуры с густо разветвленными, словно кружева, лучами. Но ни голотурий, ни морских ежей, ни других любителей ила не было видно.

Иногда стены сближались, нависали над голо-

вами путников, сворачивали то в ту, то в другую сторону. Тогда становилось жутко в этих черных, мрачных теснинах. Дно ущелья, в общем, шло довольно круто под уклон, местами оно было покрыто огромными обломками скал, и через них приходилось перелезать, цепляясь за выступы. Скалы перемежались глубокими оврагами или широкими ложбинами, в которые Павлик спускался со стесненным от невольного страха сердцем. Живые разноцветные огоньки мелькали все реже, ущелье становилось все более мрачным и пустынным.

Люди шли молча, разговаривали мало. Порой доносились отрывистые фразы, которыми обменивались зоолог с Матвеевым и Скворешня с Маратом. Лишь изредка слышались слова Шелавина, быстро шедшего спереди: «Осторожно! Спуск. Поворот. Порог». Через каждые двести — триста метров Шелавин останавливался, запускал вертушку для обнаружения течений, потом двигались дальше. Шли гуськом — впереди Шелавин, за ним Павлик; Горелов замыкал шествие. Перебираясь через один из невысоких порогов, Павлик вскарабкался на большой обломок скалы, лежавший на пути, и, оттолкнувшись, прыгнул вниз, за Шелавиным. Обломок покачнулся, и

сейчас же позади послышался сдавленный крик Горелова:

— Ах, черт возьми!

Павлик обернулся. Со дна ущелья поднялась легкая муть.

— Что вы сказали, Федор Михайлович? — спросил он.

В ответ он услышал пыхтение, неразборчивое бормотание.

— Что с вами, Федор Михайлович? — с тревогой спросил Павлик, поднимаясь обратно на бугор.

— Павлик! — послышался наконец задыхающийся голос Горелова. — Поди сюда. Помоги!

Павлик испугался. Цепляясь за неровную поверхность бугра, он быстро взобрался на его вершину. Большого камня, через который он только что перелез, не было. Внизу смутно виднелась его громада, под ним синевато отсвечивал металл.

— Что у вас случилось? Я вам не нужен? — послышался голос Шелавина.

— Ничего особенного, — ответил, задыхаясь, Горелов. — Меня сшиб скатившийся камень. Сейчас мне Павлик поможет. Павлик, скорее ко мне!

Павлик быстро сбежал с бугра и изо всех сил налег на камень, который придавил Горелова к

стене. Соединенными усилиями они сдвинули тяжелый обломок, и Горелов, охая и кряхтя, поднялся со дна.

— Да! — проговорил Горелов, поправляя на себе снаряжение. — Хорош камешек!.. На суше осталось бы под ним от меня лишь мокрое место. Да и здесь, под водой, было бы мне плохо, если бы не скафандр. Ну спасибо, Павлик! Идем догонять Ивана Степановича.

Шелавин, очевидно, забрался уже далеко, так как огонек его долго не показывался. Горелов, должно быть, при падении ушиб ногу о свою металлическую оболочку и, прихрамывая, шел медленно. Однако он не жаловался на боль.

Время от времени по сторонам открывались боковые проходы, то широкие, то узкие, как щели. Неожиданно из одного из них выскочил огромный красный краб на высоких сильных ногах, с поднятой кверху могучей клешней. Большое, покрытое панцирным щитком тело краба покачивалось на ломаных коленчатых ногах, как подвесная люлька. Черные, выступающие далеко вперед глаза смотрели пристально, как будто разъяренные появлением непрошеных гостей. Павлик от испуга застыл на месте, и в одно мгновение его нога ниже колена была зажата,

словно стальными клещами, широкой и толстой клешней. Послышался резкий металлический скрежет и хруст. Казалось, скафандр затрещал. Краб уперся всеми своими восемью ногами и резко дернул ногу Павлика. Павлик вскрикнул и, потеряв равновесие, упал.

Горелов, успевший отойти на несколько шагов вперед, обернулся и, выхватив топорик, бросился на краба. Не выпуская ноги Павлика, краб поднялся еще выше на своих вытянутых ногах и угрожающе выставил навстречу Горелову вторую клешню. Топор с силой опустился и одним ударом начисто отсек ее. Лишь после этого краб выпустил Павлика и с неуловимой быстротой исчез в том же проходе, откуда только что так неожиданно появился. Вся эта сцена длилась не больше минуты, и, если бы не отсеченная клешня, валявшаяся на каменистом дне, она могла бы показаться Павлику лишь кошмарным сном.

— Какое чудовище! — пробормотал он побелевшими губами. — Он меня повалил… повалил…

— Пустяки, Павлик, — успокаивал его Горелов. — Я думаю, что ты упал скорее от неожиданности, чем от рывка краба. Ну, как ты себя чувствуешь? Нам надо спешить.

— Смотрите, смотрите, Федор Михайлович! — испуганно закричал Павлик, прижимаясь к Горелову и показывая на проход, в который только что скрылся краб.

Среди обломков скал, нагроможденных у входа в узкое ущелье, Горелов увидел несколько пар сверкающих глаз и множество шевелившихся над ними клешней.

— Уйдем отсюда поскорее, Павлик, — сказал Горелов. — Их здесь, должно быть, немало, этих тварей. Лучше с ними не связываться.

— Ну, что вы там плететесь, позвольте вас спросить? — ворвался вдруг в их разговор возбужденный голос Шелавина. — Какие там крабы? Не видели вы их, что ли, позвольте вас спросить? Идите скорее сюда! Я сделал тут замечательное открытие! Редкие по богатству золотые россыпи! Огромные, великолепные самородки. Я сообщу капитану и попрошу сюда людей с подлодки. Я на минутку выключу вас и соединюсь с централь-

ным постом управления. А вы бегите ко мне…

— Но позвольте, позвольте! — закричал Горелов. — Иван Степанович! Далеко ли вы ушли от нас?

Ответа не было. Очевидно, Шелавин уже отключился и перешел на волну подлодки.

— Ну как же можно так! — негодовал Горелов. — А что, если он свернул куда-нибудь в боковой проход? Где его теперь искать?

— Подождите минуту, — послышался голос зоолога. — Он поговорит с подлодкой и опять соединится с вами.

— Ну ладно, — сказал Горелов. — Пойдем потихоньку вперед, Павлик.

Они двинулись дальше. Павлик теперь едва поспевал за прихрамывавшим перед ним Гореловым. Он уже начал уставать.

Внезапно где-то впереди и справа послышался глухой короткий грохот, потом прокатился гул и быстро затих. Горелов и Павлик в недоумении остановились.

— Что это может быть? — тихо произнес Горелов.

Встревоженные, они двинулись дальше. Шли молча, невольно замедляя шаги, с опаской оглядываясь на черные каменные стены, на

груды скал, казавшиеся обманчиво прочными, на нависавшие порой со стен утесы. Дно было каменистое, чистое от ила, но вода вокруг необъяснимым образом становилась заметно мутней. Золотистые облака ила волнами шли по ущелью навстречу Горелову и Павлику, гуще и гуще заволакивая все вокруг. Идти становилось труднее, на расстоянии двух-трех метров уже ничего нельзя было разглядеть…

Горелов остановился. Павлик в страхе прижался к нему.

— Почему молчит Иван Степанович? — тихо спросил Горелов. — Неужели он еще не кончил свой разговор с подлодкой? Я вызову его. Это безобразие — так затягивать!

Он нажал кнопку на щитке управления в своем патронташе и прислушался. Ответа не было. Горелов позвал к телефону зоолога и рассказал ему, что случилось.

— Что бы это могло значить? — задумчиво ответил зоолог. — Надо снестить с подлодкой. Может быть, они еще разговаривают с Иваном Степановичем.

На вызов зоолога ответил вахтенный начальник, старший лейтенант Богров. Он сообщил, что разговаривал с Шелавиным минут десять назад

и собирается послать к нему, по его требованию, пять человек из команды.

Узнав, что Шелавин не отвечает на вызовы и что именно минут десять назад раздался какой-то грохот, старший лейтенант приказал немедленно прекратить научные работы, всем участникам экспедиции собраться и начать поиски океанографа. При этом старший лейтенант добавил, что он ускорит выход из подлодки назначенного отряда и просит выделить человека для пеленгования ему с того места, где соберутся все участники экспедиции.

Вскоре на высоте, над ущельем, среди облаков ила появились два туманных оранжевых пятна. Они быстро опускались вниз, светлели, и через минуту на дне ущелья рядом с Гореловым и Павликом стояли зоолог с Матвеевым.

Как ни сильно был встревожен ученый, он несколько раз заставил Горелова и Павлика описать наружность, величину, окраску и строение краба, жалея, что ему не удалось лично видеть это чудовище.

— Ты говоришь, он был тебе по колено? Значит, примерно сорок сантиметров в высоту… Крупно, крупно… Правда, у берегов Японии водится крупный краб — высотой до метра. Но сила! Смелость!

Нет, нет! Это совершенно необычайный случай! Ах, как жаль, что мне не пришлось его увидеть! Между прочим, это очень умные животные. Но самое интересное, что к этому смельчаку быстро явились его товарищи. Вы твердо уверены в этом? Вы не ошиблись? Может быть, вам это померещилось?

— Нет, нет, Арсен Давидович, мы оба ясно видели! — живо подтвердил Павлик.

— Ах, как интересно! Как жаль!

В вышине показались еще два оранжевых пятна, и на дно опустились Скворешня с Маратом. Вскоре за ними показался отряд, высланный подлодкой, с комиссаром Семиным во главе. Отряд имел при себе кирки, лопаты, теренитные патроны, а также мощный вращающийся прожектор, могущий служить сильным маяком, и ящик с аккумуляторами к нему. Начальство над объединенным отрядом принял на себя комиссар.

Из сообщения Горелова можно было заключить, что за время, которое прошло, пока Павлик освобождал Горелова из-под обломка скалы, и которое затем потребовалось на борьбу с крабом, Шелавин не мог очень далеко уйти от своих спутников. Несомненно, он находился где-то поблизости — в главном или одном из ближайших

боковых ущелий, к западу от сборного места.

Комиссар быстро организовал поиски. Десять человек должны были обследовать ближайшие боковые ущелья — пять с правой стороны и пять с левой, в каждом ущелье по одному человеку. На себя комиссар взял осмотр главного ущелья дальше на запад. На месте для работы с прожектором и для пеленгации со сборного пункта должен был остаться Павлик.

Все быстро разошлись по указанным направлениям.

Глава II
Неожиданное нападение

Прожектор, на металлической колонке с широким основанием, равномерно вращался вокруг своей оси, и голубой сноп его лучей медленно передвигался, то скользя по черным стенам, то далеко проникая в пространство вдоль ущелья. Муть давно осела, и вода была спокойна и прозрачна, как великолепный чистейший кристалл.

Все кругом было тихо и пустынно. Лишь изредка мелькала тень глубоководной рыбы с рядами разноцветных огоньков или проносилась стайка светящихся рачков, и вновь воцарялось неруши-

мое спокойствие черных глубин.

Павлик сидел на одинокой скале, поднимавшейся почти посередине ущелья, над обломками, кое-где разбросанными по дну.

Настроение у него было неважное. При каждом появлении тени он вздрагивал и настораживался.

Прошло уже минут десять, как все разошлись на поиски океанографа.

Павлик начал уставать от непрерывного нервного напряжения и ожидания чего-то страшного и угрожающего. Время от времени под его шлем врывались голоса старшего лейтенанта Богрова и зоолога, спрашивающих, все ли благополучно вокруг скалы, не вернулся ли кто-нибудь из товарищей. Но голоса раздавались все реже и реже: возможно, что дорога, трудности пути, беспокойство о Шелавине заставляли спрашивавших больше думать о поисках, чем о самочувствии мальчика, сидящего в безопасности на высоком уединенном утесе.

Когда усталость начинала особенно одолевать, Павлик схватывал своей металлической перчаткой колонку прожектора, и тогда становилось слышно ровное музыкальное гудение маленького мотора, вращавшего прожектор. Этот звук

успокаивал и ободрял мальчика.

Вдали, в темноте, появилась небольшая, окруженная слабым фосфорическим сиянием тень. Это была какая-то рыба, обитательница больших глубин, медленно приближавшаяся по ущелью к скале Павлика. Она не внушала Павлику никакой тревоги, он с любопытством смотрел на ее скользящее без видимых усилий тело. Луч прожектора прошел под нею и на минуту поглотил ее слабое сияние рассеянным вокруг его конуса светом. Потом она вновь появилась, и стало видно мускулистое тело рыбы, около полуметра длиной, ее большие серповидные плавники и большой, мощный хвост. Теперь она оказалась уже в густой искристой туманности, состоявшей из массы каких-то глубоководных светящихся животных — не то рачков, не то моллюсков. С неожиданным проворством рыба бросилась в гущу этой стайки и принялась десятками заглатывать добычу, широко раскрыв пасть.

Внезапно, слово вынырнув из тьмы, показалась еще одна рыба бархатисто-черного цвета. Ее тонкое, сухое туловище с сильным широким хвостом, длинной, плоской головой и пастью, усеянной мелкими, загнутыми назад зубами, могло скорее соблазнить первую рыбу как легкая

добыча, чем внушить ей какое-либо опасение. Однако, несмотря на то что вторая была в три раза меньше первой, она смело приблизилась и начала вертеться вокруг большой рыбы, извиваясь перед ней, описывая стремительные круги, появляясь то сзади, то сбоку, но чаще всего оказываясь перед ее пастью, как будто упорно и настойчиво заглядывая в глаза своего огромного противника. Большая рыба не обращала на нее внимания, продолжая заглатывать свою, очевидно, более легкую и вкусную добычу.

Павлик с возрастающим интересом наблюдал эту странную сцену, не понимая, чего хочет маленькая, юркая рыба.

И вдруг, в тот неуловимый момент, когда большая рыба, набив пасть добычей, замкнула ее, чтобы сделать глоток, маленькая вертунья очутилась как раз прямо против головы и одним стремительным движением вцепилась широко раскрытой пастью в переднюю часть морды своего противника.

Пораженный Павлик от удивления даже вскрикнул и вскочил на ноги. За всем, что последовало за этим неожиданным нападением, Павлик следил не спуская глаз, с раскрытым ртом и судорожно схватившись за колонку про-

жектора.

Большая рыба, оцепенев в первый момент от неожиданности, с силой тряхнула головой, словно собака, сбрасывающая с носа осу. Но маленький нахал, крепко вонзив свои кривые зубы в морду врага, не сдвинулся ни на йоту. Наоборот, Павлику даже показалось, что от встряски хищник надвинулся еще дальше на голову противника, помогая себе хвостом. Тогда большая рыба, лишенная возможности пользоваться своим единственным оружием — зубами, как будто немая, с висячим замком на пасти, завертелась в неистовстве, ударяя во все стороны хвостом, свиваясь в кольцо и распрямляясь. Она стремительно бросалась вниз, взмывала вверх, бешено мотала головой, силясь раскрыть свою пасть, но маленький бархатисто-черный хищник, как будто слившись с головой врага, висел не отрываясь. Мало того: на глазах у Павлика он все дальше и дальше налезал на эту голову, все шире разевая свою словно каучуковую пасть. Вот уже скрылись в этой ужасной пасти глаза большой рыбы, вот уже в глотку, раздувшуюся, как толстая кишка, прошла ее широкая, круглая голова. Точно упругая резиновая перчатка, растягиваясь и раздуваясь, маленький хищник

надвигался на цилиндрическое тело добычи, и каждое яростное движение ее лишь ускоряло его продвижение вперед. И чем дальше пролезала добыча в маленькую утробу хищника, тем все сильнее растягивалось его брюшко и, нарастая в объеме, опускалось все ниже и ниже.

Удивительная борьба приближалась к концу. Очевидно, лишенная притока свежей воды к жабрам, добыча задыхалась в брюхе врага и замирала. Из пасти хищника торчала уже только задняя часть добычи с слабо шевелившимся хвостом. Брюхо маленького разбойника раздувалось в огромный, в несколько раз больше своего владельца, мешок с тонкими, просвечивающими стенками. В широком луче прожектора Павлик видел сквозь эту оболочку смутные очертания огромного тела добычи, свернувшегося кольцом, и ее большую голову с мертвыми, остекленевшими глазами. Через минуту в пасти хищника исчез наконец и хвост. Маленькая, тридцатисантиметровая рыба с непомерно огромным прозрачным брюхом медленно поднялась вверх и исчезла в непроницаемой тьме.

Прошло немало времени, прежде чем Павлик пришел в себя от изумления. Он думал об этом мире, где жестокий закон жизни так обнажено и

тесно переплетается со смертью.

Голос зоолога заставил его очнуться:

— Что слышно, бичо? Ничего нового?

— Ничего, Арсен Давидович… А у вас?

— Тоже ничего, Павлик. Мне показалась подозрительной большая груда камней, и я ее долго разбрасывал. Теперь пойду дальше…

Опять наступила тишина. Павлик осмотрелся. Вдали промелькнули несколько зеленых и желтых огоньков и быстро исчезли из виду. Голубой конус прожектора скользнул высоко над дном, смутно осветил своим отраженным, рассеянным светом отдельные обломки и медленно пополз дальше, по черным стенам ущелья. Но в обычном спокойствии дна Павлик теперь скорее почувствовал, чем увидел какое-то неясное движение среди камней и обломков скал. Павлик подождал возвращения луча прожектора в эту сторону и, наклонив его вниз, напряженно всмотрелся. Тотчас же с подавленным криком он в ужасе и смятении отшатнулся.

На расстоянии двадцати — двадцати пяти метров от скалы и дальше, до пределов видимости, все дно ущелья было покрыто кроваво-красным паркетом из многочисленных шестиугольных панцирных щитков, ощетинившихся густой

шевелящейся порослью огромных, массивных клешней.

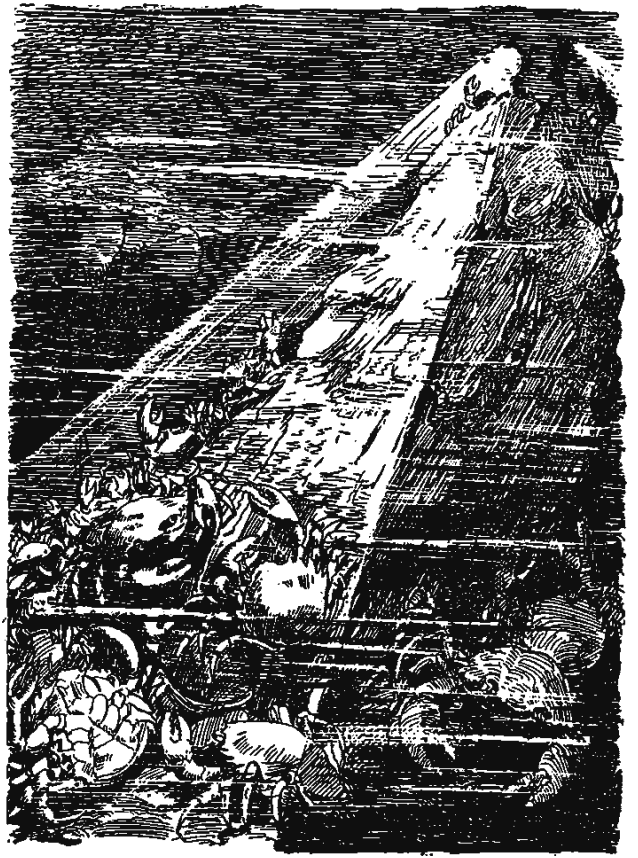
Полчища гигантских крабов заполняли все пространство между камнями и обломками скал, стояли на них, висели, вцепившись когтями в каждый их выступ и углубление. Далеко выдавшиеся вперед выпуклые глаза сверкали под лучом прожектора, словно крупные агатовые желуди. Крабы неподвижно стояли на своих высоких суставчатых ногах, как будто ослепленные ярким голубым светом прожектора.

Это зрелище длилось всего лишь несколько секунд, но оцепеневшему Павлику показалось, что прошла вечность. Конус света скользнул над дном и повернулся к стене ущелья. Тьма как будто еще более сгустилась. Павлик стоял, не в силах пошевельнуться, скованный страхом и растерянностью. Чего хотят крабы? Куда они идут? Не взберутся ли они сюда, к Павлику, на скалу? Павлику представились высота скалы, его убежища, ее почти отвесные гладкие бока, и он немного успокоился, продолжая всматриваться в темноту.

Описав круг, прожектор вернулся и опять ударил своими голубыми лучами в дно.

За этот короткий промежуток времени кра-

бы оказались уже почти у самой скалы и вновь застыли, ослепленные ярким светом. Но их первые ряды в сумраке не захваченного световым конусом пространства шевелились у подножия скалы, и Павлик мог различить, как они пытаются вскарабкаться по ее крутым скатам. У Павлика замерло сердце. Значит, крабы хотят добраться до него! Они ищут его, Павлика! Свет прожектора слепит их… Нужно остановить прожектор!



Павлик нажал кнопку на колонке, и конус света застыл на месте, выхватив у дна из черной тьмы огромный круг, весь покрытый красными панцирями с шевелящимся лесом клешней, но в рассеянном свете по бокам, поближе к обеим стенам ущелья, Павлик заметил продолжающееся смутное движение. Крабы пошли в обход! Их темная масса быстро катилась по дну, огибая скалу с обеих сторон. Павлик резко повернулся и чуть не упал, зацепив ногой за провода, протянутые от аккумуляторного ящика к прожектору.

Едва удержавшись на ногах, Павлик посмотрел вниз и обомлел: крабы шли на приступ! Они лезли друг на друга, строя пирамиду с широким основанием, и уступ за уступом быстро поднимались на скалу.

Охваченный ужасом при виде этой хитрости и упорства врага, Павлик стоял в оцепенении, и беспорядочные мысли заметались в его мозгу: «Надо вызвать на помощь товарищей. Но они уже, наверно, далеко ушли… Пока прибегут, будет поздно… Крабы взберутся на вершину… Что делать? Что делать? А Шелавин? Он, может быть, ранен, истекает кровью. Все равно… К нему можно потом…» Павлик готов был уже крикнуть, позвать комиссара.

От неожиданной мысли сразу отлегло и радостно забилось сердце:

«Винт!.. Заспинный мешок!.. Подняться над скалой… Это же совсем просто!.. Ни одному крабу не достать!»

Павлик быстро опустил руку к патронташу; но сейчас же пальцы замерли на спасительной кнопке, не нажав ее.

«А прожектор?… Бросить прожектор? Убежать с поста? Нельзя! Они могут порвать провода. Отряд лишится маяка. Нет, нет! Ни за что! Что же делать?»

Павлик бросил взгляд вниз.

Пирамида быстро росла все выше, все ближе к вершине.

Живым непрерывным потоком лезли наверх крабы с лесом грозно поднятых огромных, страшных клешней. Еще два уступа — и они зальют вершину скалы, опрокинут Павлика и…

Вдруг Павлик даже выругал себя: «Ах, дурак! Как можно было забыть об этом!.. Как можно было так растеряться!»

Он сорвал с пояса ультразвуковой пистолет, навел его на пирамиду крабов и нажал первую кнопку сверху — «органика». Сразу замерли верхние ряды крабов, подогнулись под ними высокие

коленчатые ноги, бессильно упали поднятые кверху клешни. В следующий момент вся пирамида рассыпалась, как карточный домик, и крабы со скрюченными, поджатыми ногами безжизненно покатились вниз. Павлик тихо, сам не сознавая этого, смеялся и упоенно водил зигзагами дуло пистолета справа налево, слева направо, все дальше и дальше от скалы. Оцепеневшие под лучом пистолета ряды крабов оседали на дно, словно подкошенные. Забыв все на свете, мстя за свой испуг, за пережитый страх, Павлик беспощадно косил своей невидимой косой полчища осаждавших.

Вдруг все тело Павлика пронизало резкое металлическое скрежетанье. От сильного рывка за ногу он покачнулся и чуть не упал. Павлик оглянулся. Огромный краб, высотой больше полуметра, сжав клешней колено Павлика и упираясь ногами в скалу, с невероятной силой тянул его к другому краю площадки. Оттуда виднелись поднимавшиеся снизу клешни и когтистые, тонкие, как стальные прутья, ноги. Прежде чем Павлик смог что-нибудь сообразить, на площадке появились еще несколько крабов и бросились к нему. Опять раздался ужасный, пронизывающий до мозга костей скрежет, сильный рывок за другую

ногу, и Павлик, судорожно сжимая пистолет, упал на колено. Первый краб, отпустив ногу, быстро перехватил клешней руку Павлика около локтя. Дуло пистолета оказалось как раз против панцирной груди краба. Лишь одно мгновение глаза человека и животного встретились в упор, и сейчас же клешни краба разжались, его ноги подломились, и он осел на площадку скалы с замирающими движениями длинных усов. Павлик повернул дуло против новых набегающих врагов, и, не успев приблизиться к нему, словно придавленные невидимой силой, они покорно и тихо падали перед ним на колени, чтобы уже больше не встать. Лихорадочно водя пистолетом, Павлик даже не заметил, как освободилась его вторая нога из ужасных тисков. Он вскочил и подбежал к краю площадки. Там оказалась другая пирамида, и по ней упорно поднимались кверху все новые ряды нападающих. Убийственные звуковые волны в несколько мгновений разрушили и эту пирамиду. Продолжая зигзагообразно водить дулом по копошившейся внизу, на дне, массе, Павлик другой рукой пустил мотор прожектора на максимальное число оборотов. Световой конус быстро побежал по дну вокруг основания скалы, и за ним не отрываясь следовал смертоносный

звуковой луч. Наконец среди нападающих полчищ появились первые признаки смятения. То здесь, то там при приближении луча крабы бросались в разные стороны, налезая друг на друга, стремительно убегая по спинам задних рядов в темноту, дальше от несущего гибель луча.

Еще несколько все расширяющихся кругов описал прожектор вокруг скалы, и Павлик наконец увидел покрытое лишь трупами дно ущелья и вдали, в сумраке крайних, слабых лучей прожектора, последние ряды быстро убегавших крабов…

Павлик опустил пистолет. Дрожали руки и ноги, озноб пронизывал все тело, покрытое испариной. Павлик едва держался на ослабевших, размякших ногах. В полном изнеможении, почти теряя сознание, он опустился на аккумуляторный ящик и закрыл глаза…

— Давай же пеленги, Павлик! — послышался вдруг далекий, приглушенный, словно пробивавшийся сквозь вату, голос Скворешни. — Ты заснул там, что ли?

Павлик очнулся.

— Есть… даю пеленги, — с усилием поднимаясь на ноги, медленно ответил Павлик.

Мозг его еще был словно окутан туманом, он

плохо соображал и действовал как во сне.

Скоро в скользнувшем по дну луче прожектора показалась мощная фигура Скворешни. Он устало приближался к скале и вдруг остановился окаменев.

— Что это такое, Павлик? — крикнул он, пораженный, указывая рукой на трупы, устилавшие дно.

— Крабы… — устало сказал Павлик и вновь опустился на ящик. — Они напали на меня… Вы ничего не нашли, Андрей Васильевич?

— Нет! Да расскажи толком, что тут произошло?

Но рассказывать было некогда. Один за другим требовали пеленгов Матвеев, Марат, зоолог, люди из отряда. Внезапно из тьмы появился комиссар, который пришел самостоятельно. Все шли медленно, усталые и огорченные безрезультатными поисками. Никто не нашел Шелавина, никто не видел даже его следов… Приближаясь к скале и слыша возбужденные восклицания и вопросы Скворешни, каждый спешил скорее на сборный пункт, встревоженный и недоумевающий. И потом не было конца удивлению, когда пришедший уже в себя Павлик торопливо и бессвязно рассказал о выдержанной им осаде.

Беспокойство зоолога о судьбе Шелавина достигло высшей степени. Он не мог примириться с мыслью о непоправимом несчастье, которое могло постигнуть его ученого друга. К этому добавлялось тайное огорчение по поводу того, что ему опять не удалось видеть воочию живыми, действующими этих необыкновенных, неизвестных до сих пор науке крабов. Даже их трупы он не мог хорошенько осмотреть, так как при первом прикосновении они расползались под пальцами, превращаясь в бесформенную, кашицеобразную массу. Ультразвуковые волны уничтожили всякую связь между молекулами их тел, вызвав полный распад вещества.

И этот Chiasmodon niger!.. «Черный живоглот»!.. Маленькая, ничтожная рыбешка, неизвестным до сих пор науке способом одолевающая и заглатывающая добычу, которая гораздо больше самого охотника! И этот таинственный, необычайный способ охоты он должен узнать по не вполне, может быть, точному описанию из уст мальчика, почти еще ребенка, вместо того чтобы самому наблюдать его! Неудачный день! Ужасный… ужасный день!

Зоолог оглянулся, пробежал затуманенными глазами по собравшимся у скалы товарищам,

горячо обсуждавшим сегодняшние необычайные происшествия, и вдруг взволнованно закричал:

— Товарищи, где же Горелов? Горелов еще не вернулся!.. Все растерянно посмотрели на него, потом вокруг себя. Горелова действительно не было среди них.

Глава III
Погребенные в иле

Боль в ноге прошла бесследно, и Горелов, разрезая плечом воду, легко шагал по каменистому, заметно идущему под уклон проходу, лавируя среди обломков, покрывающих дно. Стены ущелья, неровные, с многочисленными выступами, то сближались, то расходились.

Через четверть часа непрерывной ходьбы Горелов заметил свою ошибку: за поворотом перед ним неожиданно встала гладкая, словно обработанная гигантским топором, стена. Дальше идти было некуда, и он повернул обратно. Дойдя до выхода, Горелов остановился и задумался. Пока вернутся остальные товарищи с поисков, пройдет еще немало времени. Было бы недурно использовать это время для поисков в других ущельях. Да, это было бы недурно во всех отношениях… А если,

к тому же, удастся найти Шелавина именно ему, Горелову?... Он ярко представил себе, какой это будет для него триумф. Кроме того, если сказать правду, ему было жаль этого простодушного, горячего и бесхитростного, как ребенок, человека. Конечно, это чепуха, но все-таки жаль...

Горелов решительно повернул направо, прошел мимо четвертого и пятого проходов, которые должны были обследовать Матвеев и Белоголовый, и углубился в следующий, шестой.

Скоро Горелов заметил, что вода вокруг него становится мутней, а свет фонаря все более окрашивается в желто-оранжевый цвет. На дне, сначала в ложбинах и выемках, потом и на ровных местах, появился ил — плотный, слежавшийся. С каждым шагом толщина илистого слоя все возрастала, и поднимавшиеся под ногами облачка становились все гуще.

«А течение?... — мелькнуло в голове Горелова. — Разве здесь нет течения?»

Стены все больше сближались, выступы на них выдвигались в ущелье все дальше и иногда вплотную смыкались над головой Горелова. Впрочем, видно было, что их высота и мощность объяснялись наслоениями ила, лежавшего на них, словно огромные шапки. Иногда на Горе-

лова, когда он проходил под ними, сваливались комки ила, тут же таявшие, не доходя до дна.

Горелов не обращал на это внимания. В нем возрастала уверенность, что именно здесь нужно искать Шелавина. Он протискивался между выступами стен, перелезал через обломки скал. Голова его горела, пот заливал лицо, дыхание становилось тяжелым, прерывистым.

Из оранжевой мглы неожиданно вырос высокий илистый холм. Горелов с трудом начал подниматься на него. Ил здесь был почему-то не такой, какой встречался до сих пор. Ноги тонули в его пушистой, словно бездонной глубине, не находя себе опоры внизу. С невероятными усилиями Горелов выполз наконец на вершину холма и встал на ноги, по колено уйдя в ил. Задыхаясь, он осмотрелся и, подняв глаза, увидел вдруг над своей головой свод. Его вид поразил Горелова. Свод был не гранитный — черный, матово поблескивающий под лучами фонаря, а серый, как будто из сырого цемента, с большими, неправильной формы выбоинами. Казалось, время еще не успело сгладить их резкие, угловатые очертания, и они зияли в своде, как свежие, открытые раны.

Горелов повернулся в тесном пространстве тоннеля, сильно, со звоном ударившись металли-

ческим локтем о выступ стены. В то же мгновение он с ужасом увидел внезапно появившуюся в своде тонкую извилистую трещину. Прежде чем он успел сделать движение, огромная серая глыба с мягким шумом отделилась от свода и обрушилась вниз. Горелов почувствовал сильный удар, сваливший его с ног, и страшную боль в виске.

«Обвал…» — промелькнула у него почти равнодушная мысль. И все исчезло в черной, окутавшей сознание мгле…

* * *

Лежа на боку, в том же положении, в каком был придавлен сорвавшейся глыбой, Горелов сделал усилие, чтобы приподняться, и сейчас же в изнеможении опустился.

«Кажется, ранен… Не серьезно, должно быть… От удара о выступ телефона… Что делать? Толстый ли слой ила надо мной?… Надо вызвать на помощь… Сам не выберусь…»

Слабость еще более охватила тело, голова опустилась в липкую теплую лужицу крови. Горелов закрыл глаза и несколько минут лежал без сил, без мыслей.

«Бу-бу-бу… бу-бу-бу… бу-бу-бу…» — донеслось откуда-то невнятное бормотание.

«Надо позвать на помощь...» — вернулась к Горелову прежняя мысль, но не хватило сил, чтобы произнести хотя бы слово. Горелов мог только прислушиваться к этим непонятным звукам, которые, казалось, рождались в шуме крови, бившейся в висках. Бормотание вдруг прекратилось, но звон в голове оставался.

Горелов попытался заговорить.

— Алло! — слабо и глухо прозвучало под шлемом. — Алло! Говорит... Горелов...

Он замолчал и прислушался. Ответа не было.

«Не слышат... Слишком тихо... Надо громче...» — подумал Горелов, стараясь успокоить себя. Помолчав минуту и собрав силы, он крикнул, как ему казалось, во всю мочь:

— Товарищи!.. Ко мне... на помощь... меня засыпало... обвал...

Изнуренный этим усилием, он вновь замолчал и с бьющимся сердцем долго прислушивался.

Безмолвие — безграничное, нерушимое — царило вокруг.

С закрытыми глазами неподвижно лежал Горелов. Медленно возвращались мысли:

«Не слышат... Почему?... Испортилось радио?... Что же делать?... Что теперь делать?...» Мысль работала все сильнее и настойчивее.

«Бу-бу-бу…» — глухо донеслось опять откуда-то снизу. Горелов в испуге приподнял голову, оторвал ее от шлема. Непонятные звуки прекратились. Горелов был теперь уверен, что это не галлюцинация, не шум, не стук крови в голове, как ему раньше казалось. Нет, звуки шли откуда-то извне, снизу, словно кто-то или что-то живет, шевелится, производит какую-то работу под ним, Гореловым. Он долго, затаив дыхание, прислушивался. Но тишина стояла невозмутимая.

Горелов устало опустил голову. Что еще нового сулят ему эти звуки? Какая новая опасность может таиться здесь, на дне этих неведомых, коварных глубин? Перед лицом новой, близкой и надвигающейся угрозы Горелов забыл о своей оторванности от товарищей, о своем одиночестве. Пронеслось воспоминание о крабе. В иле тоже живет, роется, питается и размножается много донных животных… Разные голотурии, морские ежи… Это все мелочь, но разве не может и здесь появиться нечто грозное и совершенно неожиданное для юной, слепой еще науки о море? Что знала она, например, об этих гигантских крабах?…

«Бу-бу… бу-бу… бу-бу-бу…»

Горелов не отрывал теперь уха, прилегавшего

плотно к шлему. Звуки шли глухо, но определенно снизу, с небольшими перерывами, то прекращаясь, то вновь возникая. Как только Горелов приподнимал голову, они исчезали, но сейчас же, при первом прикосновении уха или виска к шлему, опять становились слышны.

Мысль Горелова усиленно работала теперь лишь в одном направлении: как избежать встречи с этой новой, неизвестной угрозой? Но зачем думать, что это непременно опасность? Может быть, просто какая-нибудь безобидная тварь сверлит или долбит гранит дна, и он совершенно напрасно страшится ее. Говорил же как-то Лорд, что существуют какие-то моллюски, выгрызающие для себя углубления, даже целые норы в самых твердых прибрежных скалах. Может быть, этот шум — всего лишь отзвуки прерывистого трения зубцов раковины или каких-нибудь других приспособлений животного для просверливания твердой породы…

К донесшимся в этот момент подозрительным звукам Горелов отнесся уже более спокойно. За все время, что он их слышит, они не делались яснее, громче… Значит, их источник не приближается к нему и не стремится к этому. Да, да… Скорее всего, это просто мирная работа какого-

нибудь занятого своим делом животного. Хорошо было бы убедиться в этом… Но как?

Горелов успел за время своих размышлений значительно отдохнуть. Он почувствовал прилив новых сил и попробовал приподняться, но, вероятно, на нем лежал слишком тяжелый и толстый слой ила, который приподнять было ему не по силам. По бокам же сырая, податливая масса слегка раздалась в стороны.

Горелов решил пробиваться сквозь толщу лежавшего на нем ила, но не вверх, а в сторону, которая казалась более податливой. Чувствуя себя значительно посвежевшим и бодрым — насколько можно было быть бодрым в таком положении, — он уже не думал о доносившихся порой звуках. Они его больше не беспокоили. Он начал усиленно двигать руками, подтаскивая, сжимая и подминая под себя своими широкими металлическими ладонями комки мокрого, как грязь, ила. Первые же несколько минут работы необыкновенно обрадовали его своими результатами. Перед ним образовалось небольшое, тускло освещенное загрязненным фонарем углубление, куда он с приливом новой энергии принялся продвигаться. Через полчаса упорной работы Горелов прополз таким образом почти полметра.

Он даже изловчился открыть на поясе патронташ со щитком управления и, нажав кнопку «питание», получил возможность сделать несколько глотков горячего какао. Как он был теперь благодарен Скворешне за его предусмотрительность и заботу! Воздух в скафандре был превосходный, и жидкого кислорода должно было еще хватить надолго.

Сделав небольшой перерыв и отдохнув, он с новой энергией принялся за работу, но не успел продвинуться и на несколько сантиметров, как неожиданно его металлические пальцы заскрежетали, встретив твердое, каменное препятствие. В первое мгновение он обомлел, но, решив, что это небольшой, засыпанный илом обломок скалы, принялся прокладывать свой ход кверху вдоль обломка. Он усердно работал, делая лишь краткие перерывы для отдыха, но каменная преграда не исчезала, продолжая ровно, без выступов подниматься вверх. Тогда ему стало понятно, что перед ним гранитная стена тоннеля. Вся его работа оказалась напрасной. Отчаяние охватило Горелова. Он опустил голову со шлемом на ил и в бессилии лежал, порой содрогаясь всем телом, словно в беззвучных рыданиях.

Вдруг он встрепенулся. Сколько у него осталось

кислорода? Ведь ему неизвестно даже, сколько времени он лежал без сознания после обвала… Десять минут или десять часов? И с каждой уходящей минутой уходят считанные минуты оставшегося ему кусочка жизни. Он не имеет права оставаться в бездействии. Он должен бороться до конца!

«Бу-бу-бу… бу-бу-бу…» — донеслось снизу знакомое бормотание.

С энергией отчаяния Горелов снова принялся за работу. Но почему-то теперь он рыл вниз. Почему? Он сам не отдавал себе в этом отчета.

Он уже опустился головой в проделанную нору почти до пояса. Залепленный грязью фонарь едва освещал крошечное пространство впереди. Руки ломило. Пот заливал лицо, ослепляя глаза. Еще несколько движений — и нужно отдохнуть.

Вдруг пальцы Горелова скользнули по чему-то гладкому, и под ними раздался тонкий, чуть слышный скрип. Пальцы сгребают ил с препятствия… И сердце Горелова внезапно, как будто сорвавшись с места, заколотилось с бешеной силой. Что это? Что это такое? Лопатка?! Не может быть! Прежде чем он в состоянии был что-нибудь сообразить, неожиданно и совсем близко послышались снизу знакомые бормочущие звуки и

среди них глухо, но достаточно внятно:

— Черт!

Словно подброшенный ударом, Горелов откинулся назад и закричал изо всех сил:

— Шелавин!.. Шелавин!.. Это вы?

— А кто же еще, позвольте вас спросить? Кто там?

— Это я! Это я... Горелов. Боже мой! Мы ищем вас... Меня завалило...

— Как и меня?! Отлично!

Слова Шелавина доносились через металл скафандров хотя и глухо, но вполне разборчиво и свидетельствовали о его завидном спокойствии и даже наличии известной дозы юмора. Видимо, доблестный ученый был далек от отчаяния и совсем не терял присутствия духа даже в столь бедственном положении. Горелов вспомнил привычку океанографа громко говорить с самим собой в увлечении какой-нибудь интересной работой, вслух негодовать при неудачах и восхищаться успехами. Очевидно, эта привычка не покинула Шелавина и теперь, когда он очутился под огромной массой обрушившегося на него ила и копошился под ней в поисках спасения. Несомненно, это его монолог доносился до Горелова столь испугавшим его сначала бормотанием,

Горелов даже рассмеялся…

— Как вы себя чувствуете, Иван Степанович? Вы не пострадали при обвале?

— Ничуть! Пробиваюсь к выходу… Превратился, можно сказать, в крота… А вы что делаете?

— Я слегка ранен… Ничего серьезного. Тоже роюсь, но наткнулся на гранитную стену. Теперь не знаю, куда двигаться.

— В какую сторону вы направляетесь?

— То есть как? Ну… прямо перед собой.

— Разве у вас нет компаса, позвольте вас спросить? Или вы не умеете им пользоваться? — послышались вопросы океанографа в знакомом, теперь просто восхитительном, раздраженном тоне.

Действительно, как он мог забыть о такой простой и необходимейшей в его положении вещи! Молча сквозь илистую грязь он протащил к глазам руку и вгляделся в компас.

— Стена от меня к северу, Иван Степанович.

— Ну и отлично! Ройте к западу, вдоль стены. Там выход из тоннеля. Свод на меня обрушился посреди тоннеля, недалеко от выхода. Образовался, должно быть, холм с понижением у стен. Направляйтесь отступя на метр от стены, иначе наткнетесь на выступ, и его придется обходить.

Под этим выступом я именно и нашел замечательную золотую россыпь.

Тренированная наблюдательность ученого, привыкшего все замечать при изучении местности, оказалась теперь спасительной.

Пленники ила возобновили работу. Пыхтя и отдуваясь, Шелавин почти непрерывно говорил, то сокрушаясь по поводу потерянной россыпи, то восхищенно рассказывая о необыкновенной октаэдрической форме золотых самородков, несомненно гидротермального происхождения.

— Это очень редкое явление, — говорил Шелавин. — Понимаете ли вы, какой это возбудит интерес в научном мире? Фу, черт! Ил такой влажный, что без скафандра им можно было бы захлебнуться! Абсолютно! Вероятно, мы приближаемся к внешним слоям холма, к выходу. Впрочем, я все же успел положить в сумку несколько этих замечательных самородков. Прекрасные, чистые восьмиугольные кристаллы, на редкость крупные для этих форм.

— Иван Степанович, — прервал океанографа Горелов, — почему вы не отвечали на вызов? У вас повреждено радио?

— Обвал случился в тот самый момент, когда я прекратил разговор с подлодкой и собирался

восстановить связь с вами. Мой щиток управления был открыт, его забило илом, и включатели засорились. А у вас тоже радио не работает?

— Да. Не могу понять, почему. Возможно, что, ударившись виском о слуховой аппарат, я повредил его.

— Возможно, возможно… Как ваша рана?

— Кровь давно перестала идти. Чувствую только ноющую боль в виске. Ничего серьезного…

— Что вы сказали? Последних слов не слышал. Вы, вероятно, отрываете голову от шлема, и звуки ко мне не доходят.

— Да… Случайно.

— То-то… Сейчас, должно быть, выберусь. Ил сделался совсем жидкий. А у вас как?

— Вокруг меня он без перемен. По-прежнему густой. Я не могу быстро работать… Слабость… Задыхаюсь…

— Ну ничего! Потерпите, голубчик! Как только вылезу, начну рыть вам навстречу. Да вы отдохните, спешить некуда. Подкрепитесь своим какао…

О нет! Горелов спешил, спешил изо всех сил. Чем ближе казалось спасение, тем более страстно, нетерпеливо стремился он к нему. Он работал, напрягая всю свою уже иссякающую энергию.

Временами туман заволакивал сознание, голос Шелавина не доходил до него, но он продолжал почти машинально двигать слабеющими руками и сантиметр за сантиметром полз вперед, отвоевывая жизнь.

— Ну вот! Уф! Наконец-то! Выползаю! — донесся до него спокойно-торжествующий голос океанографа.

Казалось, он принимает свое спасение как нечто заранее известное, а все это трагическое происшествие — как некий научный эксперимент, результат которого ни на одну минуту не вызывал в нем сомнения. Все шло, как должно было идти, эксперимент развивался нормально. Наблюдательность, самообладание, расчет — все было на месте, и теперь можно с удовлетворением потянуться и сказать: «Уф!»

Горелов увидел ученого совершенно в новом свете. Он был полон восхищения и благодарности. Выходило, что роли переменились: он шел спасать Шелавина, но оказалось, что тот спас его.

— Иван Степанович… дорогой… — неожиданно и тихо вырвалось у Горелова.

Ответа не последовало. Не отрывая затылка от шлема, Горелов напряженно прислушивался.

Неужели ушел?! Обрадовался и бросил?! Безумный страх овладел Гореловым, но в следующий момент послышалась скороговорка Шелавина — милая, родная скороговорка.

— Ну, как ваши дела, товарищ Горелов? Приходится воткнуть шлем в холм, чтобы разговаривать с вами... Начинаю рыть к вам навстречу. Буду держаться на метр от стены и на метр выше моего выхода. Можете не работать, отдохните. У меня теперь дело пойдет быстро. Эх, жаль, лопатки моей нет!

Прошло, однако, не менее часа, прежде чем из ила показался шлем Горелова. Шелавину приходилось одному прокладывать к нему путь, а последние полчаса Горелов перестал даже отвечать на вопросы океанографа. Когда Шелавин добрался до него, Горелов был без чувств. Сам достаточно обессиленный, Шелавин с неимоверным трудом вытащил Горелова из илового холма и положил у его подножия. Открыв патронташ на поясе Горелова, он пустил в его скафандр усиленную струю кислорода. Но и это обычно магическое средство не дало результатов. Горелов не приходил в себя. Тогда океанограф, отдохнув и подкрепившись несколькими глотками какао, взвалил тело Горелова на плечи и потащил его

из ущелья. Но неимоверная усталость скоро охватила Шелавина: сказалось огромное истощение сил; и, преодолевая сопротивление воды, пробираясь по неровному каменистому дну среди усеявших его обломков скал, протискиваясь с безжизненным телом Горелова между выступами сближающихся стен ущелья, он с трудом передвигал ноги. Шелавин уже не в состоянии был ничего соображать и даже не почувствовал радости, когда вдали замелькал спасительный луч прожектора и навстречу ему бросились, отчаянно жестикулируя, несколько человеческих фигур. Настоящее удовлетворение, почти блаженство он почувствовал лишь тогда, когда с его плеч сняли тело Горелова и он смог, закрыв глаза, едва не теряя сознание, опуститься на руки друзей…

Глава IV
Две раскрытые тайны

После бомбежки в Саргассовом море подлодка провела двенадцать суток почти в непрерывном движении. Она обследовала за это время огромное пространство океанического дна между подводным хребтом и африканским материко-

вым склоном. Она нашла несколько значительно поднимавшихся над дном подводных гор, повышений дна, глубоких ложбин и впадин. Множество записей Шелавина дало полную картину температурного режима глубоководных и придонных слоев воды, ее плотности, солености и химического состава. Образцы горных пород и глубоких поддонных слоев ила, добытые Шелавиным, осветили теперь многое в геологической истории Атлантики.

В биологическом кабинете зоолога с угрожающей быстротой росли коллекции новых, неизвестных до сих пор представителей глубоководной и придонной фауны.

Но сердце почтенного ученого болело всякий раз при взгляде на банку, всегда стоящую на видном месте его рабочего стола, и большую невзрачную раковину, лежавшую рядом с ней. В банке, вздымаясь с грозно раскрытыми мощными, зазубренными лезвиями, стояла кроваво-красная, усеянная бугорками и редкими щетинками клешня гигантского краба, отрубленная топориком Горелова. Раковина принадлежала единственному представителю неизвестного миру, но уже славного в глазах нашего ученого нового класса пластинчатожаберных имени советского зоолога

Лордкипанидзе. Самые тщательные поиски зоолога, Цоя, Марата, Скворешни, Горелова, Павлика на каждой глубоководной станции ни к чему не приводили. Этот необычайный моллюск сделался какой-то манией, навязчивой идеей не только зоолога и его верных сподвижников, но чуть ли не всей команды. Интерес к таинственному моллюску еще более разгорелся, когда зоолог объявил, что при исследовании строения тела и химического состава крови моллюска Цой нашел в его крови огромное количество растворенного золота, благодаря чему вес моллюска оказался необычайным.

Цой продолжал страстно, неутомимо работать над тщательно сохраненными им остатками тела моллюска. Казалось, все уже было в нем исследовано. Его строение и химический состав, пищеварительный канал с остатками пищи, его мускульная, кровеносная и нервная система, аппарат размножения — все было изучено Цоем под наблюдением зоолога. Что же касается присутствия золота в крови, то ученый пришел к заключению, что, вероятно, эти моллюски в области своего постоянного распространения живут на дне среди обширных золотых россыпей, вроде той, на какую набрел недавно океанограф

в своих последних злосчастных приключениях. «Вероятно, — говорил зоолог, — это золото по каким-либо причинам оказалось здесь сильно растворенным в морской воде и в таком виде перешло в кровь животного».

И все же Цой продолжал упорно исследовать остатки тела таинственного моллюска, никому ничего не сообщая о своих целях, стараясь работать над ними лишь в одиночестве, когда никого нет в лаборатории. Бывали, впрочем, дни, когда он не прикасался к этой работе и угрюмо шагал по лаборатории или, бросив все, облачался в скафандр и уходил бродить по дну океана — один или в обществе Марата и Павлика.

И сегодня, когда он с видом отчаяния, отбросив трехногий табурет, встал и начал, ероша волосы, ходить по лаборатории, появление Марата очень обрадовало его.

— Ну, что ты тут бродишь в одиночестве, Цой? — спросил Марат, кинув взгляд на лабораторный стол с признаками незаконченной, брошенной на середине работы. — Если не работается, пойдем со мной на дно. У меня кое-какие поручения от Скворешни…

— «Не работается»!.. — раздраженно повторил Цой и, словно его прорвало, с отчаянием в голосе

воскликнул: — Это не работа, а мучение!..

— Я уже давно заметил, что у тебя временами отвратительное настроение, — осторожно бросил Марат.

— Когда втемяшится в голову какая-нибудь идея и ни днем, ни ночью не дает тебе покоя… — заговорил Цой, опускаясь на табурет и сжимая голову ладонями, — когда она то дается в руки, то ускользает, точно издевается над тобой…

Если бы ты знал, Марат, как это тяжело! Мне казалось, что я на пороге большого открытия.

— Открытия? — встрепенулся Марат, словно боевой конь, насторожившийся уши при первых звуках трубы. — О Цой! Если это не секрет…

Его глаза засверкали, в голосе послышались нотки мольбы, даже непокорный хохолок на темени как будто приподнялся еще выше, словно материализованный вопрос.

Цой горько усмехнулся и сказал:

— К сожалению, это скорее предполагавшееся открытие… Мечты молодого, неопытного, увлекающегося человека.

— Не теряй бодрости, Цой, голубчик, — сказал Марат, присаживаясь рядом на соседний табурет и кладя руку на колено друга. — Только увлекающиеся люди делают настоящие, большие

открытия. В чем дело? Скажи…

Цой опять помолчал и потом, после некоторого колебания, тихо начал:

— Когда Арсен Давидович объяснил случайностью присутствие растворенного золота в крови этого проклятого моллюска имени Лордкипанидзе, я в душе не согласился с ним. Случайности редки в природе… Нельзя основываться на них. Все должно иметь закономерное объяснение. Неужели так густо разбросаны по дну океана эти золотые россыпи?! И я вспомнил, что весь Мировой океан представляет гигантскую золотую россыпь. Все тысяча триста миллионов кубических километров океанических вод насыщены золотом! Ты это должен знать. Ведь в морской воде ты найдешь очень много элементов, имеющихся в земной коре. В большем или меньшем количестве, многое даже в микроскопических долях процента, но найдешь. Здесь — все, начиная от кислорода, водорода, простой поваренной соли до железа, серебра, золота и даже радия. Или в чистом виде, или в виде различных химических соединений с другими элементами. В морской воде главную роль играют, конечно, кислород и водород, которые и образуют самоё-то воду. Если она заключает в себе эти элементы в

размере девяноста шести с половиной процентов своего веса, то хлора в ней всего два процента, натрия один и четырнадцать сотых процента, магния, серы, кальция, брома, рубидия — сотые и тысячные доли процента, а, скажем, золота — ничтожнейшие, миллионные доли процента. Но если помножить эти ничтожнейшие количества золота на миллиарды тонн воды Мирового океана, то в ней окажутся сотни миллионов тонн золота!

— Вот бы научиться добывать это золото, — задумчиво проговорил Марат. — Вот это была бы валюта! Грандиозный, неисчерпаемый золотой фонд Советского Союза! Кто-нибудь уже, наверно, пробовал добывать его, Цой?

— Ну, разумеется! Сколько раз! Но ничего не выходило. Все попытки оканчивались неудачей. То есть добывать-то его добывали, но игра не стоила свеч. Если добывали миллиграмм золота, то обходился он — просто для сравнения скажу — в целый грамм золота. Добыча оказывалась невыгодной. Если человек не может в достаточном количестве извлечь золото из морской воды при помощи сложнейших методов, то я подумал, что это может сделать моллюск…

— Вот как… — медленно протянул Марат. —

Но… но ведь в океане, ты сам говорил, золото слабо растворено в воде, а в крови моллюска оно находится в сильно концентрированном виде. Это ведь не одно и то же…

— Конечно, не одно и то же. Но разве все животные и растения океана не пользуются растворенными в ничтожнейших долях в воде океана элементами для построения целых частей своего организма? Возьми, например, кальций. В морской воде его заключается всего лишь пять сотых процента, а в мадрепоровых и норитовых кораллах окись кальция, или известь, находится в количестве до пятидесяти трех процентов их сырого веса; в некоторых моллюсках ее даже более шестидесяти процентов. Или кремний. В морской воде он находится в количестве одной-двух десятитысячных долей процента, а в кремневых губках он составляет до девяноста процентов их сырого веса! Есть водные организмы, в которых концентрация того или иного элемента в тысячу раз больше, чем концентрация этого же элемента в окружающей воде.

— Ага! Ага! Ну-ну! — возбужденно вертелся на табурете Марат. — Я начинаю понимать!.. Говори, Цойчик, говори…

— Как же это происходит? — продолжал Цой,

заражаясь волнением Марата. — Соли различных элементов легко проникают через тонкую оболочку водных организмов и соединяются там с органическими веществами. При этом они переходят в коллоидальную форму и вследствие этого теряют уже способность выйти обратно в окружающую воду. Организм задерживает в себе эти элементы, используя их для питания, построения скелета раковины, а иногда и неизвестно еще для каких именно надобностей. Вот я и подумал…

— Ура! Я понял! Понял, черт меня возьми! — закричал Марат, срываясь с места. — Замечательно! Гениально! Эти проклятые моллюски высасывают из морской воды золото!.. Мы их заставим высасывать это золото для нас! Мы их превратим в фабрики золота! В советские фабрики золота! Цой! Цой, ты должен продолжать работу! Это гениальная идея! Ты не имеешь права бросать ее! Это необходимо нашей стране! На тебе лежит ответственность…

— Марат, я сам это отлично понимаю… — почти извиняющимся тоном говорил Цой. — Ведь это была бы настоящая золотая крепость социализма! Но что я могу поделать? Я уже пятнадцать дней мучаюсь над этой проблемой, но ничего не выходит… У меня уже почти нет материала, от

этого проклятого моллюска почти ничего не осталось. Если бы хоть еще один экземпляр иметь!

— Я найду его! — закричал Марат, вскинув кверху руку. — Клянусь тебе! Хотя бы мне пришлось потерять руку или ногу! А голову я, кажется, уже потерял. Но ради такого открытия можно и жизни не пожалеть!

— Опять из тебя забил фонтан идей и открытий, кацо, — послышался в дверях голос зоолога. Он быстро вошел в лабораторию и начал надевать свой синий рабочий халат. — Ну-ну… Рассказывай! Я люблю слушать твои сногсшибательные открытия.

Цой, покраснев и переставляя пробирки и колбы с места на место на своем столе, бросал умоляющие взгляды на Марата. Марат радостно и возбужденно засмеялся.

— Нет, нет, Арсен Давидович! Идея находится еще в стадии разработки… Но, когда задача будет решена, вы первый узнаете об этом!

Зоолог развел руками, изобразил величайшее изумление:

— Что я слышу, Марат? Такой солидный, серьезный подход? Ты делаешь огромные успехи в научной работе, кацо. Отлично, дружок, отлично! Я запасусь терпением и буду молча ждать…

— Вы не пожалеете, Арсен Давидович! — продолжал в том же тоне Марат и, повернувшись к Цою, сказал: — У тебя ничего срочного нет, Цой? Пойдем со мной. Мне еще нужно о многом поговорить с тобой.

— Вы разрешите, Арсен Давидович? — обратился Цой к зоологу.

Получив разрешение, молодые друзья скрылись в дверях. Зоолог не успел приняться за работу, когда к нему в лабораторию вошел Горелов.

— А, мой дорогой пациент! — радушно приветствовал его ученый. — Входите, входите. Всегда рад вас видеть. Как вы себя чувствуете? Лучше? Садитесь вот тут, пожалуйста!

Горелов был в длинном полосатом халате, с повязкой вокруг головы. Желто-коричневое лицо его носило еще следы болезни. Он опустился на табурет:

— Спасибо, Арсен Давидович! Вашими заботами и молитвами. Но, право, до смерти уже надоело валяться на койке. Когда вы меня отпустите?

— Успеете, успеете, дорогой! Не торопитесь. Вот мы вас основательно подлечим, отремонтируем, потом проделаем курс электризации, несколько сеансов массажа, несколько горячих грязевых

ванн. Я заметил у вас маленькую склонность к ревматизму и к ожирению… Знаете, наследственность такая бывает… — с сокрушением в голосе добавил ученый, ласково положив руку на колено своего пациента.

Он с наслаждением перечислял процедуры, и видно было, что не намерен скоро выпустить из рук такой редкий в его бедной врачебной практике случай.

Горелов всплеснул огромными ладонями и просто взвыл:

— Ради бога, Арсен Давидович! Помилосердствуйте!.. Откуда ожирение? Какой ревматизм? Пожалейте память моей покойной мамы! Она ведь умерла от воспаления легких.

— Ну вот, видите… видите… — бормотал в замешательстве зоолог, склоняясь над микроскопом. — Умерла… С такими вещами надо быть осторожнее!

— Честное слово, Арсен Давидович, я не выдержу! Вы столько раз выходили на дно без меня, а я здесь должен киснуть и грызть себе локти от зависти. Столько интересного, вероятно, встречалось! Нет! Уверяю вас, я не выдержу. Я от одного этого всерьез расхвораюсь. Я вам был бы, вероятно, полезен. Ведь вы же знаете, как меня интересуют

ваши экскурсии!

— Ну, не приходите в такое отчаяние, друг мой, — сказал растроганный ученый. — Мы с вами еще славно поработаем. Вот мы через три дня сделаем длительную глубоководную станцию, дней на пять. Это предусмотрено нашим новым планом работ. Обещаю вам, что без вас я ни шагу на дно не сделаю.

Горелов выпрямился, словно от неожиданного удара, и, казалось, еще больше пожелтел. Его черные запавшие глаза на мгновение прикрылись коричневыми веками. Он минуту помолчал, потом, согнувшись, глухо спросил:

— А до этой станции… далеко отсюда?…

— Нет, голубчик! — улыбаясь, как капризному ребенку, не имеющему терпения дождаться обещанной игрушки, ответил зоолог. — Всего двести двадцать километров к югу по теперешнему меридиану… Вокруг этого пункта совершенно неисследованная область. Там нас ожидает масса интересного, нового… Только, пожалуйста, — спохватился ученый, — никому не говорите об этом… Капитан не хочет, чтобы этот план был кому-нибудь известен… Понимаете… после истории в Саргассовом море… Но я знаю: вы не из болтливых.

Горелов ничего не ответил. Он сидел молча, согнувшись и опустив голову. Потом тяжело поднялся.

— Хорошо… — невнятно промолвил он и, шаркая большими мягкими туфлями, медленно направился к дверям.

Ученый смотрел ему вслед, на его костистую, ссутулившуюся спину с проступающими сквозь халат лопатками, и нерешительно, с некоторой тревогой в голосе сказал:

— В конце концов, я думаю, не так уж это важно, Федор Михайлович… Может быть, мы обойдемся и без грязевых ванн…

Но Горелов, вероятно, не расслышал. Не оборачиваясь и не отвечая, с опущенной головой он вышел из лаборатории и задвинул за собой дверь.

После известного приключения в ущельях подводного хребта отношение зоолога к Горелову радикально переменилось. Впрочем, весь экипаж подлодки, начиная от ее капитана до уборщика, не знал, чем больше восхищаться: мужественной ли борьбой Павлика с полчищами крабов или самоотверженностью, неожиданно проявленной угрюмым Гореловым в поисках пропавшего океанографа. Все окружали заботой и вниманием

старшего механика, так серьезно пострадавшего из-за помощи товарищу в беде. Как будто стесняясь, смущенно принимал Горелов все эти знаки уважения и внимания от заботливого зоолога и неловко отшучивался. Горелов не пытался и не мог скрыть радости, которая часто освещала и преображала его обычно суровое, угрюмое лицо в этой атмосфере теплоты и дружеского участия, окружавшей его теперь. И все же не раз случалось, что навещавшие больного товарищи находили его в подавленном настроении, когда он, видимо, страстно желал лишь уединения, когда прежняя нелюдимость, угрюмость возвращалась к нему, и тогда, сидя согнувшись на койке, с низко опущенной, зажатой между ладонями головой, на все расспросы, встревоженные и участливые, Горелов отвечал раздраженно и отрывисто, и бедный зоолог терялся в догадках о причине такого плохого состояния своего единственного пациента, приписывая эти внезапные перемены в настроении неправильному лечению. Впрочем, по мере того как выздоровление Горелова шло вперед, приступы этой хандры и раздражительности, к великому удовольствию ученого, появлялись все реже и в последние дни, с тех пор как больной встал с койки и начал выходить из госпитального

отсека, почти совсем исчезли.

Нетрудно понять поэтому тревогу, с какой проводил зоолог Горелова при его внезапном уходе из лаборатории, и почему он долго не мог сосредоточиться на работе, за которую принялся было…

Глава V
Лорд в опасности

Молодые люди вырвались из выходной камеры подлодки, словно расшалившиеся школьники на перемену после скучного урока. Марат со смехом столкнул с площадки Цоя, не успевшего запустить свой винт, и Цой, нелепо размахивая руками и ногами и отчаянно ругаясь, полетел ко дну.

— Попался, золотоискатель! — торжествующе закричал Марат и, запустив винт, бросился за Цоем, схватил его за ноги и взмыл с ним кверху.

— Отпусти, черт! — неистово вопил Цой, вися вниз головой и брыкаясь изо всех сил. Он задыхался от смеха и едва мог время от времени бросать Марату самую свирепую брань и угрозы:
— Негодяй! Мерзавец! Я тебя распотрошу! Отпусти лучше! Хулиган! Я тебя четвертую, как только покажешься у меня в лаборатории! Караул!!!

Марат с гиком и хохотом несся во всю мощь своего пятидесятисильного мотора, цепко держа свою жертву за ноги, и Цой беспомощно болтался под ним, делая неимоверные усилия, чтобы освободиться.

Увязавшийся за своими друзьями Павлик, видя отчаянное положение Цоя, не мог больше выдержать. Он запустил свой винт на все десять десятых хода, птицей взвился над Маратом и с диким, пронзительным визгом упал на плечи подводного хулигана, обвил ногами его шею, и перегнувшись вниз головой, стал отрывать руки Марата от ног его жертвы.

— Держись, Цой! — визжал он. — Держись! Мы его скрутим! И — в милицию!..

Клубок из трех металлических тел то сплетался, то расплетался. Три яркие голубые звездочки плясали в невообразимом танце. Привлеченные их светом, обитатели глубин, сияя разноцветными огоньками, спешили отовсюду к месту свалки и сейчас же фейерверком разлетались во все стороны. Все еще вися головой вниз, Цой вспомнил про свой бездействующий винт. В одно мгновение он открыл патронташ, мощная струя воды ударила Марата в грудь, и он, ошеломленный, отлетел внезапно на несколько метров вместе

с Павликом, вертясь и кувыркаясь в образовавшемся водовороте. Началась новая погоня.

— Держи его! Держи!.. — ревел Цой, стремительно несясь за голубой звездочкой Марата.

— Держи!.. — визжал в восторге Павлик.

Он был значительно легче Марата, и винт нес его с большей быстротой. Поэтому Павлик первый нагнал преступника и повис на нем.

— Павлик, пусти!.. — запыхавшись и задыхаясь от смеха, умолял Марат. — Он меня убьет! Честное слово!..

Пока они барахтались, подоспел Цой. Цой и Павлик с обеих сторон вцепились в плечи Марата и начали его встряхивать под жалобные вопли, мольбы и покаянные обещания. От встряски голова Марата болталась, и он должен был изо всех сил напрягать шею, чтобы не стукнуться головой о шлем.

Наконец Павлик, сжалившись, отпустил Марата. Усталые, но веселые, все трое медленно поплыли, разражаясь по временам хохотом при воспоминании о том, как уморительно Цой висел головой вниз, как отлетели Марат с Павликом, как смешно болталась голова Марата в шлеме. Марат плыл впереди, иногда посматривая на свой компас.

— А куда тебе, собственно, надо? — спросил наконец Цой.

— К Шелавину… Он осматривает расставленные приборы и просил Скворешню прислать ему новый глубоководный термометр взамен раздавленного водой. Не выдержал давления… Должно быть, его оболочка была с каким-нибудь дефектом.

— Да, с давлением почти в пятьсот атмосфер шутить нельзя. Бедный Матвеев будет теперь всю жизнь помнить о нем!

— Ты был при этом? Как это произошло?

— Я тоже был! Я тоже был, Марат! — заторопился Павлик. — Я сам видел. Ох, как страшно! Ивану Степановичу понадобилась проба воды. Матвеев подошел к крану и только повернул маховичок… Кран, наверно, испортился… или я не знаю, почему…

— Труба была плохо навинчена, — объяснил Цой.

— Ну да… Труба была плохо навинчена, и только Матвеев отвернул кран, как вдруг он с ужасным свистом… таким свистом, что прямо ужас… вдруг оторвался и — как пуля!.. Никто даже не мог его заметить в воздухе. И как грохнет в переборку!..

— Пробил переборку? — спросил Марат.

— Нет, не пробил. А из трубы вырвалась струя воды — тонкая, прямая, твердая, как стальной прут. Вся в пару… И весь отсек наполнился паром.

— Расширение воды из-за внезапного уменьшения давления, — опять вставил Цой.

— Да, из-за внезапного уменьшения давления… — машинально повторил за ним Павлик. — Матвеев бросился закрыть резервный кран около обшивки и нечаянно задел рукой за водяной прут… И я сам видел, Марат, сам видел, как от его руки вдруг отлетели два пальца. Ну, знаешь, как будто ножом отрезало!.. Сразу Матвеев даже ничего не почувствовал, он только покачнулся. Потом брызнула кровь, он побледнел. Скворешня его увел, а Иван Степанович бросился к крану и сам закрыл его. Ой, как страшно было, Марат!..

Впереди показалось красное туманное пятно, вскоре превратившееся в красную лампочку, а затем и вертикально натянутый плавучим буем тонкий трос; на нем висели глубоководный термометр и, повыше, вертушка Экмана-Мерца. Винт вертушки тихо вращался в своем медном кольце, четырехугольная лопасть руля указывала направление вращавшего винт течения — с юга на север. Трос своими концами терялся в тем-

ноте, но и вверху и внизу туманными красными пятнами пробивался свет других лампочек, указывая продолжение троса в обоих направлениях.

Друзья приблизились к тросу и к работавшему около него Шелавину.

Неожиданно раздалось жужжание зуммера: всех четырех вызывала подлодка.

— Слушайте, слушайте! Шелавин! Цой, Бронштейн! Буняк! Говорит «Пионер», вахтенный начальник лейтенант Кравцов. Предлагаю немедленно вернуться на подлодку. Настраивайтесь на волну начальника научной части профессора Лордкипанидзе. Он посылает сообщение о бедственном положении. Держите с ним связь. При возвращении на подлодку — рассыпаться в цепь в пределах видимости огней друг друга. Может быть, вы встретите его. Возвращайтесь на десяти десятых… Подлодка готовится к походу.

— Приборы оставить? — взволнованно спросил Шелавин.

— Оставить! — ответил лейтенант и смешливо добавил: — Вот влипла в историю наша борода! Попал, можно сказать, в нежные объятия…

Лейтенанта резко прервал голос капитана:

— Не время балагурить сейчас, товарищ лейтенант! Вы на вахте и в обстоятельствах далеко

не веселых.

— Виноват, товарищ командир. — Голос лейтенанта был полон смущения.

— Волну подлодки не выключаю, — сообщил между тем в центральный пост Шелавин и обратился к своим спутникам: — Рассыпаться в цепь налево! Первым от меня — Павлик, вторым — Марат, последним — Цой. Включайте волну Арсена Давидовича. Вперед на десяти десятых! Направление — ост-зюйд-ост. Равняться по мне!

Все четверо длинной цепочкой понеслись вперед, в черное пространство.

Через несколько минут под их шлемами послышался спокойный, ясный голос зоолога:

— Животное немного ослабило кольца. Пытаюсь осторожно продвинуть левую руку с компасом к глазам.

— Значит, направление вам все еще неизвестно? — спросил голос капитана.

— Нет, Николай Борисович.

— Быстроту ощущаете? — продолжал допрашивать капитан.

— Думаю, что быстрота равна приблизительно пятидесяти километрам в час…

— Постарайтесь, Лорд, скорее определить направление. Как только все соберутся в подлодке,

мы пойдем за вами.

— Хорошо, капитан…

Разговор прекратился. Подождав минуту, Шелавин, едва сдерживая волнение, позвал зоолога:

— Арсен Давидович, голубчик! Что с вами приключилось?

— А! Иван Степанович! Это вы? Да вот, понимаете, неприятность. Такая неприятность! Срываю все работы, поднимаю подлодку с места. И все, понимаете, из-за моей невнимательности. Вышел я из подлодки, направился на норд-вест-норд, — знаете, к этой заросли горгоний?…

— Да, да. Помню, вы собирались туда.

— Ну, вот… плыву задумавшись, по сторонам не оглядываюсь. И вдруг, понимаете, словно какой-то водопад обрушился на меня. Я даже не заметил, с какой стороны. В один момент все тело оказалось оплетенным каким-то толстым канатом, сантиметров тридцать в диаметре. Руки, понимаете, прижаты к телу, ноги связаны, ни повернуться… ни вообще даже шевельнуться…

— Ах, напасть какая!.. Кто же это схватил вас?

— Понятия не имею, Иван Степанович… Что-то несусветное, о чем мы, зоологи, и думать не смеем… Я даже не знаю, что именно обвилось вокруг меня: не то все тело животного, не то одна лишь

его длинная, гибкая шея… Если тело, то выходит что-то вроде таинственного, трижды легендарного и тысячу раз осмеянного гигантского морского змея… Если всего лишь шея, то, прямо скажу, дорогой Иван Степанович, и думать и гипотезы строить просто боюсь.

— Ужасно… ужасно… Как вы себя чувствуете, родной мой? Вы не пострадали?

— Ничуть, Иван Степанович! Все в порядке. Скафандр не выдал и, надеюсь, не выдаст. В таких объятиях, я думаю, и слона задушить можно было бы! А я их просто не чувствую. Все усилия принимает на себя скафандр. И вот теперь несет меня неведомая сила…

— Не беспокойтесь, Арсен Давидович. Капитан сделает все возможное… Вы бы только не пострадали.

— Вряд ли пострадаю… А для наших научных задач это приключение прямо клад. Подумайте только, какое открытие! Животное, конечно, совершенно неизвестное… Я с необыкновенным интересом изучаю тот небольшой участок тела, который находится прямо перед моими глазами. Его покрывают огромные костяные пластинки с пирамидальными бугорками посередине. Лежат они черепицеобразно и подвижно друг на друге…

Образуют сплошной чешуйчатый покров. Покрыты толстым слоем фосфоресцирующей слизи. Такие мысли, сравнения, сопоставления лезут с голову, что просто не решаюсь сказать. Даже вам, мой друг…

— Говорите, говорите, голубчик! Не стесняйтесь! За три недели я здесь такого навидался, что уже ничто меня не поразит.

— Иван Степанович! Я предчувствовал… Более того — я знал, какой урожай, какая богатая жатва ожидает меня здесь! Не могу вам передать, друг мой, как я счастлив, что на мою долю выпала честь так близко, так непосредственно близко изучать это чудовище глубин!..

Ни Цой, ни Марат, даже Павлик ни одним звуком не позволили себе нарушить этот необычайный разговор двух ученых, охваченных одной и той же страстной преданностью науке, неутомимой жаждой познавания. Цой молчал, чувствуя, как сухой, колючий комок подступает к его горлу, и думал, способен ли был бы и он на такое самоотверженное, героическое поведение в столь ужасных, почти смертельных обстоятельствах. Мог ли бы и он, забывая о себе, забывая об опасности, с таким мужеством и самоотречением отдаваться науке — делу, которое ему поручено,

цели, которую он себе поставил?

Радостное восклицание зоолога оторвало его от этих мыслей.

— Я протащил компас к глазам! — закричал он. — Капитан! Капитан! Вы слышите меня?

— Я у аппарата, Лорд.

— Направление норд-норд-ост. Ближе к осту. Быстрота животного значительно увеличилась. Кольца его тела против моих глаз немного раздвинулись, и мой фонарь освещает пространство впереди…

— Вы что-нибудь видите там, Лорд? — оживленно спросил капитан. — Это очень важно.

— Нет, капитан. Вдали мелькают лишь огоньки светящихся животных. Еще задолго до нашего приближения они быстро сворачивают в сторону, словно очищая нам дорогу… Иван Степанович, а Иван Степанович!

— Я слушаю… слушаю вас, Арсен Давидович.

— Знаете, у меня сейчас мелькнула мысль… Такое впечатление, словно обитатели темных глубин обладают каким-то дополнительным чувством, которое предупреждает их о приближении движущихся существ и предметов.

— Вот как? Интересно… Но, если это не зрение и не слух, какие же объективные явления, кроме

света и звука, может воспринимать в одной среде это новое чувство?

— Давление! Я думаю, что это чувство, конечно, не совершенно и принципиально новое, но лишь утонченное, в тысячу раз более развитое и усовершенствованное чувство давления, которое свойственно в той или иной степени всякому живому существу.

— Ах, вот как! Вы предполагаете, что движущийся предмет, тем более быстро и мощно движущийся, производит давление на лежащие впереди слои воды, и это давление, передаваясь от частицы к частице, от слоя к слою, ощущается даже вдалеке утонченным чувством водных организмов. Так, что ли?

— Совершенно верно. Вы меня вполне поняли. Вы… Капитан! Капитан! — внезапно воскликнул зоолог.

— Слушаю! Слушаю, Лорд!

— С левого борта совсем близко промелькнул высокий и тонкий, словно минарет, пик. Появляются холмы и скалы. Мы несемся вдоль отрогов хребта… Это совершенно ясно. Мой фонарь ярко освещает их. А вот огромная, почти кубическая скала, похожая на средневековый замок с башенками, бастионами, кронверками, зубчатыми

стенами…

— Отлично, Лорд! Давайте побольше примет, это нам пригодится при поисках.

— Хорошо, капитан. Я вот только не уверен в направлении. Ведь до того, как мне удалось взглянуть на компас, животное могло несколько раз менять свой путь.

— Теперь это уже неважно. Мы возьмем курс прямо на ост, к подводному хребту, а потом вдоль него, на норд. Мы будем искать замеченные вами пик и замок. Почаще сообщайте нам приметы.

— Слушаю…

— Ага! Вот и Шелавин со своими спутниками возвращается: сигналы на доске показывают, что открывается борт выходной камеры. Через несколько минут снимаемся.

Приняв Шелавина и его спутников, подлодка шла более получаса, пока на экране центрального поста появились наконец темные, постепенно поднимающиеся и закрывающие весь экран массы подводного хребта. Ультразвуковые прожекторы еще издали нащупывали на его фоне смутные очертания отдельных выступов, холмов, ложбин, ущелий. Чтобы яснее различать их, подлодка подошла совсем близко к хребту, после чего повернула на север и начала тихо продви-

гаться вперед. Время от времени зоолог сообщал о появлении все новых и новых примет: то вход в ущелье в виде мощной арки, то два холма с седловиной между их вершинами, то две скалы — меньшая на большей. Все это лейтенант Кравцов записывал в строгой последовательности, рассчитывая примерные расстояния между ними.

С непонятным упорством животное несло зоолога с огромной и как будто увеличивающейся быстротой все дальше и дальше на север. Между тем подлодка вынуждена была идти не более чем на двух десятых хода, чтобы иметь возможность разглядеть опознавательные знаки, как только они появятся на экране.

Прошло уже четыре часа с момента, когда ученый был захвачен чудовищем. Подлодка определенно отставала от него, и ясно было, что расстояние между ними все более увеличивалось. Лейтенанта Кравцова сменил на вахте старший лейтенант Богров, но капитан продолжал оставаться в центральном посту.

Еще через час зоолог сообщил, что обвивающие его кольца животного опять плотно сомкнулись вокруг шлема и он потерял видимость. Сообщения об опознавательных знаках перестали поступать. Продолжало оставаться известным лишь общее направление — прямо на север. Но зоолог жаловался, что рука с компасом, согнутая в локте и прижатая к груди, затекла, онемела и он ее почти не чувствует. Так прошло еще часа два.

Подлодка продолжала медленно продвигаться вдоль хребта.

Капитан Воронцов, все эти семь часов проведший бессменно в центральном посту, мерно шагал по помещению, заложив руки за спину, изредка взглядывая на экран, с которого не сводил глаз и вахтенный начальник.

Взволнованный голос зоолога заставил капитана остановиться.

— Животное резко переменило направление,

— сообщал ученый. — С норда почти под прямым углом перешли на ост…

— Значит, оно углубляется в подводный хребет, — заметил капитан. — Вероятно, через какое-то ущелье… Отметьте это как опознавательный знак, — обратился он к старшему лейтенанту. — Подсчитайте и примерное расстояние до него от предыдущего знака.

— Есть отметить знак и подсчитать расстояние! — повторил старший лейтенант и вдруг, вскакивая и указывая на экран, громко вскричал: — Пик!.. Впереди пик!..

На темном фоне хребта все яснее выделялись очертания высокой, стройной скалы, состоящей из нескольких поставленных друг на друга мощных колонн-этажей, уступами поднимающихся кверху и заканчивающихся круглым куполом с тонким высоким шпилем.

— Действительно, совсем как минарет, — промолвил капитан.

— Сейчас должен появиться замок, — заметил старший лейтенант, записывая последний сообщенный зоологом опознавательный знак — вход в ущелье — и подсчитывая расстояние до него. — После этого замка мы сможем быть вполне уверенными, что подлодка на правильном пути.

Замок появился через десять минут и всеми своими деталями подтвердил точность описания.

Капитан приказал перевести скорость подлодки на пять десятых хода. По всем помещениям корабля пробежало радостное оживление. Скворешне с десятью человеками команды было приказано подготовиться к выходу из подлодки в полном вооружении.

— Ну, теперь эта каналья от нас не уйдет, будь она хоть с кашалота величиной и с его зубами, — сказал Скворешня Матвееву, который, с перевязкой на левой руке, помогал ему в выходной камере готовить скафандры и боевое снаряжение.

— Животное несется, часто меняя курс, — сообщал между тем зоолог. — Ущелье, очевидно, извилистое… Быстрота движения значительно уменьшилась…

— Прекрасно, Лорд! — ответил капитан. — Вероятно, оно приближается к своему логовищу. Мы его там и настигнем. Готовьтесь, дорогой Лорд, к испытаниям. Нет сомнения, животное там примется за вас и попытается раскусить орешек.

— Пусть пробует… Интересно будет взглянуть на его домашний очаг и быт. Логовище — довольно редкое явление среди крупных морских

животных. Лишь осьминоги да еще два-три вида устраивают себе более или менее постоянное обиталище. Очень интересно!.. Ход совсем замедлился… Мы почти остановились… Кольца вокруг шлема пришли в движение, раздвигаются… Фонарь осветил закругляющуюся кверху стену… Не пещера ли?… Мелькнули какие-то огромные светлые тени… Странные тени… Толстые удлиненные туловища и длинные гибкие шеи. Опять быстро сомкнулись кольца вокруг шлема… Должно быть, сильный свет фонаря беспокоит животное… Оно носится со мной из стороны в сторону… Внезапно остановилось… Ах, черт! Кольца на шлеме быстро развернулись, и шлем очутился в длинной чудовищной пасти… В несколько раз длиннее крокодиловой… Оглушает скрежет огромных зубов… Зубы конические, чуть загнутые назад. Челюсти усеяны их правильными рядами. Это челюсти гигантского ящера!.. О-ох!..

Последний стон донесся в центральный пост слабым, болезненным отзвуком, полным страдания. Потом наступило молчание.

Капитан и старший лейтенант стояли молча, с бледными лицами.

— Что там произошло? — прошептал наконец старший лейтенант.

Из его пальцев выпал металлический карандаш и ударился об пол. Капитан оглянулся.

— Следить за опознавательными знаками! — тихо приказал он немного хриплым голосом. Он вынул платок и вытер лоб.

— Есть следить за опознавательными знаками, — пробормотал старший лейтенант, машинально поднял карандаш и устремил невидящие глаза на экран.

— Лорд!.. — позвал капитан. — Лорд… отвечайте!.. Что с вами?…

Короткое молчание. Потом послышался слабый, прерывающийся голос зоолога:

— Ни… ничего… ничего, капитан… Я брошен наземь… Шлемом… на камень… Голова… Туман… Рвет когтями скаф… Телескопические глаза…

Голос пресекся и умолк.

— Лорд!.. Лорд!.. — звал капитан. — Лорд!.. Отвечайте!..

Ответа не было.

Глава VI
Битва в пещере

Шли гуськом, молча, стараясь не нарушать тишины глубин. Плотный, слежавшийся ил за-

глушал удары толстых металлических подошв о дно.

Впереди шел старший лейтенант Богров с ультразвуковым пистолетом в руке.

За ним выступал Скворешня, возвышаясь над всеми, словно закованная в металл башня с яркой звездой маяка на вершине. Вслед за Скворешней шли Цой, Марат, потом остальные — все так же вооруженные, в той же настороженной боевой готовности, как и старший лейтенант. Скворешня нес на себе мощный переносный прожектор.

Ущелье было очень широкое, свет фонарей на шлемах лишь изредка достигал его стен. Многочисленные повороты служили доказательством того, что экспедиция была на правильном пути. Но за каждым поворотом могла показаться пещера чудовищ, и это непрерывно держало всех в напряженном состоянии. Шаги делались осторожнее, руки крепче сжимали рукоятки пистолетов, усиленней бились сердца…

Шли уже больше часа, повороты сменяли друг друга. Казалось, нет конца этому утомительному пути.

Внезапно старший лейтенант остановился и молча поднял палец, указывая на что-то вверху. Запрокинув головы и направив туда свет фона-

рей, все увидели над собой высокий, теряющийся в темноте свод.

Старший лейтенант тихо, почти шепотом, произнес:

— Внимание!.. Мы приближаемся к пещере. По первому приказанию всем выключить фонари. Вперед!..

Проход шел теперь прямо, без поворотов, все более и более суживаясь, но свод не понижался, оставаясь по-прежнему на огромной, едва различимой высоте.

Через несколько минут старший лейтенант опять остановился: проход раздвоился. После короткого колебания старший лейтенант вызвал Цоя. Последовал тихий приказ:

— Обследовать оба прохода! Выбрать путь! Вы один среди нас сможете учесть и признаки биологического порядка.

Цой быстро направился в левый проход и углубился в него почти на сотню метров, внимательно осматриваясь по сторонам. Стены тоннеля заметно сближались, они были неровные, с выступами и углублениями, покрытые группами глубоководных асцидий на длинных ножках, золотистых горгоний, морских лилий. Всюду — на дне, под ногами Цоя, на стенах — во множестве виднелись

раковины моллюсков. Что-то знакомое показалось Цою в этих завитых, выпуклых раковинах. Сердце его забилось. Он торопливо схватил одну из них, направил на нее свет фонаря и чуть не вскрикнул. Это была она! Таинственная, неуловимая Lammelibranchiata cephala Lordkipanidze!

Цой стоял не шевелясь, боясь вздохнуть, не сводя глаз с чудесной раковины. Их здесь тысячи! Может быть, миллионы! Здесь их таинственная родина — возможно, одна из многих. Но где же золотые россыпи? Их не видно вблизи. Откуда же могло попасть золото в кровь этих моллюсков? Может быть, дальше?

Забыв о благоразумии, об ожидающих товарищах, о притаившейся, может быть, впереди опасности, Цой бросился дальше по тоннелю, направляя во все стороны свет фонаря и жадно рассматривая дно и стены. Ничего напоминающего золото и его россыпи не встречалось. Лишь одни бесчисленные моллюски да изредка асцидии и морские лилии виднелись кругом. В голове мелькнула торжествующая, радостная мысль: «Я прав! Не в россыпях дело!»

Внезапно Цой остановился. Стены резко шли на сближение. Бросился в глаза свод — сильно понизившийся, ясно заметный наклонный свод.

«Это не дорога для чудовищ: им здесь не пройти», — подумал он, и тотчас мысль о ждущих его возвращения товарищах, об ожидающем помощи учителе-зоологе заставила его кинуться назад. Но предварительно он сорвал несколько моллюсков, захватил со дна несколько горстей ила и, достав из неразлучного экскурсионного мешка склянку, наполнил ее пробой воды.

Он выскочил из тоннеля, словно за ним гнались по пятам.

Отряд неподвижно и молча стоял в прежнем порядке.

— Что с вами, Цой? — с тревогой спросил старший лейтенант. — Вы наткнулись на чудовищ?

— Нет, товарищ старший лейтенант, — запинаясь, смущенно ответил Цой. — Я спешил вернуться, боялся, что задерживаю отряд…

— Ну что вы! Вы отсутствовали всего лишь минут десять. Я вас раньше и не ожидал. Результаты?

— Левый проход исключается! Дорога в пещеру чудовищ — направо! — ответил Цой, чувствуя, что у него словно гора свалилась с плеч.

— Отлично! Займите ваше место. Вперед, товарищи! Соблюдать осторожность!

Отряд тихо тронулся с места. Нетерпение и тре-

вога о зоологе возрастали по мере приближения к пещере.

— Облегчить свой вес при помощи воздушного мешка! Ускорить шаг! — приказал старший лейтенант.

Пошли быстрее. Черные стены тоннеля несколько сблизились и уже все время сопровождали отряд в пределах видимости. Стены и дно были гладкими, почти ровными, с будто отполированными редкими выступами. Лишь на дне изредка встречались низкорослые морские лилии и горгонии. Из ила, полузасыпанные, торчали обломки знакомых Цою раковин.

«Здесь их, вероятно, истребили эти чудовища, — подумал Цой. — В левом, тесном проходе моллюски нашли недоступное для чудовищ убежище и сохранились там…»

На некоторых выступах стен Цой заметил слабо светящиеся туманные пятна неправильной формы. Он обратил на них внимание старшего лейтенанта.

— Это обрывки светящейся слизи, покрывающей чудовища, — тихо объяснил Цой. — Проплывая здесь и задевая выступы, они оставляли на них свои следы. Слизь свежая… скоро пещера…

— Хорошо, Цой. Внимание, товарищи! Как

только войдем в пещеру, рассыпаться цепью по обеим сторонам прожектора вдоль стен пещеры и открыть звук по ближайшим целям. Скворешня, установив прожектор, передает его Марату. Во время боя не забывать про винт и воздушные мешки. Действовать ими сообразно с обстоятельствами. Не зарываться! Держаться поближе к отряду! Ускоренным шагом, вперед!

На слегка наполненных воздушных мешках, сжимая в руках пистолеты, отряд неслышно и быстро продвигался по тоннелю. За огромным скалистым выступом стены вдруг круто раздвинулись и исчезли из поля зрения. Старший лейтенант, шедший впереди, мгновенно выключил свой фонарь.

— Выключить фонари! В цепь! Установить прожектор!

В черной тьме вдали показались огромные, слабо светящиеся голубоватые тела. Их было около двух десятков: одни — гигантских размеров, другие — поменьше. Большинство неподвижно лежало на дне, на его возвышениях и скалах, вытянувшись, словно стволы чудовищных деревьев с бочкообразным утолщением посередине. Другие носились взад и вперед на разной высоте, мерно размахивая светящимися пятнами ластов.

В середине, поближе к входу, лежал огромный светившийся силуэт, высоко подняв над собой длинную, как корабельная мачта, и гибкую, как чудовищной толщины лиана, шею с огромной плоской головой, тревожно двигавшейся из стороны в сторону.

— Построиться в шеренгу! — тихо прозвучала команда. — Чувствовать соседа! Стрелять по светящимся целям! Сначала по движущимся. Себе беру среднюю на дне. На изготовку! Цельсь! Звук!!!

В пещере неожиданно воцарилось смятение. Чудовищные светлые тени заметались, словно охваченные судорогами. С молниеносной быстротой они носились по всем направлениям, то сворачивая в кольца свои длинные гибкие шеи, то стремительно разворачивая их. Длинные, плоские, как у крокодилов, хвосты с силой били по бокам бочкообразных тел. Чудовища падали вниз, взвивались кверху, бросались в стороны, и стрелки лишь с трудом поспевали менять прицел. Ультразвуковые пистолеты оказывались слишком слабыми для этих мощных, огромных организмов. Почти невозможно было сразу найти и попасть в их наиболее важные жизненные центры.

Гигант, взятый на прицел старшим лейтенантом, в первое мгновение вздрогнул, потом одним мощным движением хвоста светящейся стрелой взвился к своду пещеры. Что-то при этом металлически сверкнуло под ним, освещенное его слабым сиянием, и унеслось ввысь, охваченное витком нижней, толстой части шеи чудовища.

Послышался полный отчаяния крик Цоя:

— Арсен Давидович! Арсен Давидович!.. Одновременно сильный удар струи едва не сбросил с ног стоявшего рядом с Цоем Марата. Марат невольно взмахнул рукой.

Место возле него было пусто!

— Товарищ старший лейтенант! — воскликнул в испуге Марат. — Цой запустил винт и исчез!

Между тем паническое смятение среди плававших животных передалось спокойно лежавшим до сих пор на дне. Одно за другим они отрывались от дна и взлетали кверху, усиливая общее волнение.

Животные искали врага, но не находили его. Что будет с Цоем, если он попадет в эту чудовищную толчею разъяренных животных?

Вдруг один из гигантов свился в кольцо, с силой развернулся и, вытянув шею, судорожно ударяя хвостом, камнем упал на дно и замер в неподвиж-

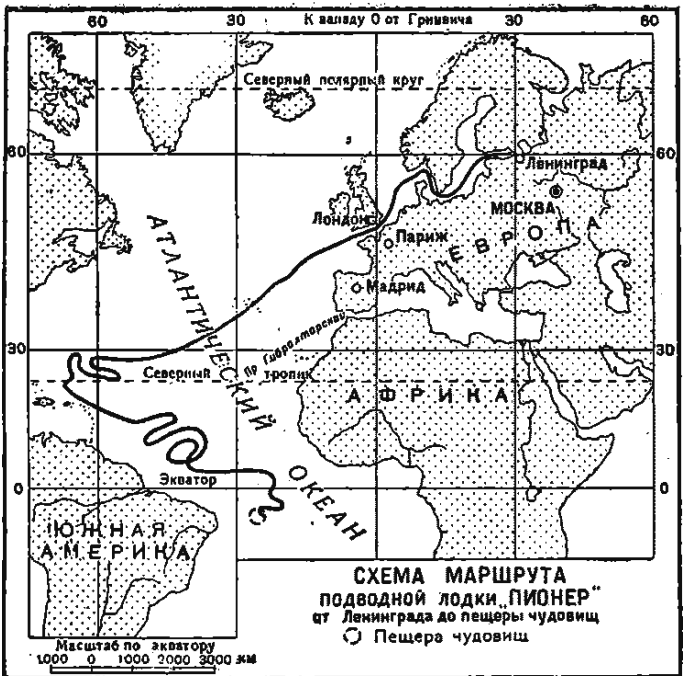
ности. Чей-то луч попал ему, вероятно, в мозг или в другой нервный узел и убил наповал. Сейчас же за этим упал другой. У некоторых были парализованы ласты или хвост, и, замедлив движение, они бились почти на месте.

В беспорядочном, хаотическом движении чудовищ все стрелки потеряли из виду гигантское животное, унесшее с собой зоолога. Где-то между ними теперь носился Цой, в постоянной опасности быть затертым, сброшенным на дно, получить неслыханной силы удар.

Старший лейтенант не выдержал этой неизвестности.

— Цой, где вы?

— Я преследую животное, унесшее Арсена Давидовича, — послышался задыхающийся голос Цоя. — Меня постоянно оттирают от него другие. Но я его не теряю из виду. Приходится непрерывно лавировать. Я парализовал один из его ластов, но оно безумно мечется. Держусь подальше от стада… Подальше от их света… Чтобы не заметили…



В этот момент одно из чудовищ неожиданно

отделилось от общей массы, волновавшейся в глубине пещеры, и стремительно бросилось к выходу, видимо ища спасения в открытом океане. На фоне его светящегося голубоватого тела мелькнула темная тень человека, и почти одновременно послышался возглас Цоя:

— О, черт! Меня задели! Отбросили!

Чудовище внезапно переменило курс, резко повернуло вслед за человеческой тенью и, широко разинув огромную, почти двухметровую пасть, кинулось за ней в погоню.

— Всем по переднему!.. Звук!.. — раздалась поспешная команда.

Сосредоточенный прицел всего отряда поймал чудовище как раз в тот момент, когда почти перед самой его пастью мелькнуло тело Цоя, ловко увильнувшего в темноту. Чудовище судорожно забилось, потом упало на дно и распласталось на нем недалеко от отряда.

Но путь был указан. Все стадо ринулось к выходу. Казалось, ничто не может устоять перед этим сокрушительным падением гороподобных тел.

— Включить прожектор! — раздалась громкая команда. Толстый сноп яркого, ослепительного света ударил в тьму, в стремительно несущуюся сплоченную массу гигантских туловищ, вол-

нующихся шей и мощных хвостов, в созвездие огромных сверкающих, телескопических глаз. И то, что, казалось, не могла бы сделать никакая гранитная преграда, сделал свет! Словно получив сверхъестественной силы удар, лавина чудовищ с широко раскрытыми пастями разом запрокинула все головы назад, во всю длину шея, перевернулась с растопыренными кверху когтистыми ластами и, показав хвосты, медленно поплыла обратно. Чудовища мотали головами — ошеломленные, ослепленные, сразу обессилевшие. Некоторые тихо опускались ко дну с — повисшими шеями. Над стадом в световом потоке носилась металлическая фигура Цоя, выискивая животное, державшее ученого.

Отряд провожал отступающее стадо ливнем ультразвуковых лучей. То один, то другой из гигантов начинал вдруг яростно биться и через минуту стремительно падал на дно.

— Нашел! Нашел!.. — раздался торжествующий голос Цоя. — Получай, каналья! Получай!.. Получай!..

В середине медленно плывущей колонны поднялось необычайное движение. Взвился гигантский хвост, нанося во все стороны сокрушительные удары. Вдруг от темной массы

чудовищ отделилось небольшое, синевато поблескивающее металлом тело, и, покачиваясь из стороны в сторону, стало опускаться на дно. Описав дугу вокруг стада чудовищ, пулей пронеслась сверху вниз металлическая фигура Цоя, почти у самого дна подхватила падавшее тело и тут же, взмыв вместе с ним кверху, повернула и стремительно понеслась к отряду.

— Вот!.. — задыхаясь, произнес Цой, резко остановив и дав задний ход винту. — Вот... — повторил он, шатаясь, падая на колено и протягивая Скворешне на обеих руках неподвижное тело зоолога.

Отряд быстро отступал из пещеры, боец за бойцом. Впереди шел Скворешня, неся зоолога. Старший лейтенант Богров пропускал всех мимо себя. Марат держал в луче прожектора, словно в плену, нескольких чудовищ — остатки огромного стада, — сгрудившихся в противоположном конце пещеры и прятавших головы от потоков убийственного, неумолимого света.

— Выключить прожектор! — скомандовал старший лейтенант Марату.

Он помог ему быстро нагрузиться.

— Марш за отрядом!

Старший лейтенант в последний раз кинул

взгляд в черное пространство пещеры, арену неслыханной в жизни старой планеты битвы. Потом он запустил винт и скоро присоединился к быстро уходившей в открытый океан гирлянде ярких голубых огней.

Глава VII
Ложь

Зоолог машинально погладил слабой рукой бороду и, окинув взглядом блещущий чистотой госпитальный отсек, печально улыбнулся:

— Да, дорогой Марат, вот и пришлось самому воспользоваться всем, что здесь мною приготовлено. Могу засвидетельствовать, что, в общем, недурно, даже, можно сказать, совсем неплохо.

Подняв голову, Марат посмотрел на ученого отсутствующим взглядом и затем устремил его куда-то в пространство. Он пришел навестить зоолога, еще не оправившегося после пережитого потрясения, но визит проходил довольно вяло и скучно.

После трагического происшествия с ученым Марат стал совершенно неузнаваем. Насколько раньше он был всегда веселым, оживленным и разговорчивым, настолько теперь он замкнулся

в себе, избегал встреч с товарищами, в свободные часы уединялся в своей каюте, и его сожитель Крамер не знал, как подступиться к нему. Но в то же время все видели и чувствовали, что Марата упорно осаждают какие-то мучительные мысли, что его голова занята какой-то новой проблемой, которую он особенно близко принимает к сердцу и которая тревожит его с такой силой, какую до сих пор не приходилось наблюдать ни при одном из его прежних изобретательских увлечений.

Продолжая думать о чем-то своем, Марат сказал, слегка повернувшись к зоологу:

— Нет, нет, Арсен Давидович, не говорите... По-моему, плохо. Надо будет в нем кое-что переделать...

Почтенный зоолог, видимо, почувствовал себя задетым.

— Что плохо? — спросил он, настораживаясь, готовый отразить атаку.

— Шлем, отвратительный шлем!

— Шлем?!

— Ну да! Шлем, который вас так изуродовал!

Зоолог, приподнявшись на локте, уставился на Марата расширенными глазами:

— Шлем?! А я думал, что ты говоришь о госпитальном отсеке!

Он запрокинулся на подушку и закатился детским смехом.

— Что же ты думаешь о шлеме, кацо? — смеясь, спросил зоолог. — И что заставило тебя вдруг задуматься о таких пустяках? Что значит шлем перед проблемой орошения Сахары или поворотом Гольфштрема?

— Во-первых, разрешите вас поправить, Арсен Давидович… Не Гольфштрем, а Гольфстрим. Слово это английское и…

— Прости, прости, кацо… Привычка, знаешь. С детства… Ну, а во-вторых?

— А во-вторых, о шлеме… Знаете, Арсен Давидович… — замялся на мгновение Марат. — Я почему-то чувствую, что могу говорить откровенно… Знаете, мне положительно стыдно. Я места себе не нахожу. Я не могу простить себе, как я раньше не задумался над этим… еще когда работал с Крепиным по телефонизации шлема… Хуже всего, что еще тогда мелькнула у меня мысль именно об этих его неудобствах. Но я не остановился на ней, не продумал ее тогда же до конца. И лишь теперь я понимаю, какое это было мальчишество, какое это было непростительное легкомыслие…

Марат взволнованно вскочил со стула и, ярост-

но жестикулируя, воскликнул:

— Да, да! Вы правильно сказали. Сахара!.. Гольфстрим!.. Мировые проблемы!.. А у себя под носом пропустил простую, маленькую и такую важную задачу — усовершенствовать шлем. Ведь вы могли погибнуть из-за этого! Арсен Давидович! Дорогой! Ведь вы чуть не погибли! Когда я думаю об этом, я волосы готов рвать на себе…

Зоолог внимательно слушал, не сводя теплого взгляда с Марата.

— Ты только не волнуйся, кацо! Будь хладнокровен! Не мог же ты предвидеть, что мы встретимся с такими чудовищами. Но ты молодец, кацо! Правду скажу, мне нравится, что ты начинаешь понимать всю важность и так называемых маленьких проблем… Нет маленьких проблем, дорогой мой! Каждая маленькая проблема является частью большой. И, не решив маленькую, провалишь большую! Вот… Ну, что же ты придумал?

Марат сел на стул, опустив голову. Слегка повернувшись к зоологу и, очевидно, продолжая думать о чем-то своем, он начал:

— Да, Арсен Давидович… В тот несчастный день, когда вы так пострадали…

— Ну, ну, ну… — недовольно проворчал зоолог,

— совсем не несчастный. Такие замечательные открытия! Целая колония Lammelibranchiata cephala Lordkipanidze! Я думаю, она под этим именем войдет теперь в науку! — с некоторым самодовольством добавил ученый. — И, наконец, это доисторическое чудовище! Ведь это же мировое открытие! А ты говоришь — несчастный… Побольше бы мне таких несчастий… Впрочем, продолжай.

— Ну вот… В тот день мы вышли с Цоем и Павликом из подлодки. Ну и расшалились. Они меня поймали, схватили с обеих сторон и начали трясти. Голова болталась в шлеме, как орех в бутылке. Как я ни старался, как ни напрягал шею, а все-таки несколько раз пребольно стукнулся черепом. И я тогда опять подумал, что хорошо было бы усовершенствовать шлем.

— И до чего же ты додумался?

— По-моему, в шлеме нужно устроить мягкую подкладку сзади, за затылком. Все равно мы не пользуемся прозрачностью задней части шлема. А против висков и лба нужно поставить упругие спирали вроде матрацных пружин. Крайние внутренние витки спиралей одеть в мягкую изоляцию…

— Отлично, Марат! — серьезно сказал зоолог.

— Прекрасная идея! Ты на походе хорошенько продумай ее, а вернемся домой, обязательно поговорим с Крепиным. И я поддержу.

Словно успокоенный этим разговором, Марат попрощался и ушел, пропустив предварительно Цоя, входившего в отсек.

Цой был в белоснежном халате, аккуратно завязанном на все до единой тесемочки, и имел вид настоящего — правда, молодого и немного смущенного своей молодостью — врача. Он быстро подошел к койке зоолога:

— Как дела, Арсен Давидович? Как мы себя чувствуем? Позвольте ваш пульс… Прекрасно. Наполнение хорошее. Семьдесят восемь ударов в минуту. Вы быстро идете на поправку…

Цой осторожно, почти с нежностью, поправил подушки под головой ученого, подоткнул одеяло.

— А после чего тут особенно поправляться? — добродушно улыбнулся ему зоолог. — Пустяки какие! Я думаю, завтра послезавтра встану — и за работу! Нас ждет замечательная работа!

Цой замахал на него руками, изобразив предельный ужас на лице.

— Что вы! Что вы, Арсен Давидович! И не думайте. Меньше чем через пять дней никак нельзя! Затем вам необходимо пройти курс кварцевого

облучения. Несколько сеансов электризации. Нет, нет… Как можно! Зоолог мгновенно рассвирепел:

— Ты с ума сошел, Цой! Нет, ты окончательно с ума сошел! Что ты мне сказки рассказываешь! Какие там электризации и кварцы! Мне нужно как можно скорее вернуться в пещеру, сфотографировать этих чудовищ. Ведь не могу же я их взять сюда, на подлодку. Я хотя бы одну голову возьму. Я уже договорился с капитаном: специально для этого подлодка здесь задержится. А он тут со своими электризациями, кварцами! «Курс облучения»! — возмущенно передразнил ученый Цоя. — Ишь ты! Обрадовался.

— Все равно… Можете ругаться, Арсен Давидович, — кротко, но с обидой в голосе проговорил Цой. — Я тогда доложу капитану, что вы не слушаетесь.

— «Не слушаетесь»! Тоже нашелся врач!

Баритон зоолога разносился по всему верхнему коридору, пробивался в жилые каюты и служебные помещения, достигая даже самых далеких уголков машинного отделения. Впрочем, подлодка стояла на месте, и в отделении царила полная тишина.

Из кают выбегали люди, свободные от вахты,

прислушивались, пересмеивались:

— Разбушевался наш Лорд.

— С него — как с гуся вода.

— Пушит бедного Цоя! Только перья летят!

— С таким пациентом наплачешься!

Из центрального поста управления вышел капитан и направился в госпитальный отсек. Капитану пришлось взять на себя неожиданную роль арбитра между врачом и пациентом. Решение было Соломоново, и его с удовлетворением приняли обе стороны, зоолог обещал, что будет лежать три дня не бунтуя, после чего, если все будет протекать нормально, ему будет разрешено работать в лаборатории, а на пятый день и выходить из подлодки, чтобы работать в пещере. Кварцевое облучение он будет принимать одновременно с работой. Что же касается электризации, то пока решений не принимать — дальнейшее покажет.

Видя, однако, как зоолог сокрушается по поводу того, что все работы по обследованию дна и глубин на этом участке совершенно приостановились из-за его болезни, капитан пошел еще дальше. Так как Цой полностью загружен лабораторной работой над моллюсками и другими уже собранными здесь материалами, капитан

обещал временно прикомандировать кого-либо из команды, по выбору зоолога, для продолжения сбора материалов под его руководством и по его инструкциям.

— Я буду очень благодарен, если вы позволите мне принять на себя эту работу, — раздался вдруг глухой голос.

Горелов давно уже вошел в госпитальный отсек, слышал разбор дела капитаном и его решение и теперь стоял у притолоки дверей, глядя умоляющими глазами на зоолога.

— Я уже неоднократно выполнял ее под вашим наблюдением, Арсен Давидович, — продолжал он, с улыбкой приближаясь к койке ученого. — Она меня настолько увлекла, что мне кажется, Арсен Давидович, вы и теперь будете довольны… На моей работе главного механика, Николай Борисович, — обратился он к капитану, — это совершенно не отразится. Тем более что мы, вероятно, будем больше стоять на месте, чем двигаться.

— Пожалуйста, Федор Михайлович! — дружески улыбаясь Горелову, согласился капитан. — Если это устраивает Арсена Давидовича, то с моей стороны никаких возражений не будет. Но имейте в виду, что ответственность за состояние и работу

двигателей продолжает оставаться на вас.

— Отлично, отлично! Это меня устраивает как нельзя лучше! — шумно обрадовался зоолог. — Федор Михайлович знает, чем я больше всего интересуюсь, где искать и как искать. Мы с ним уже немало поработали вместе. Все складывается превосходно! Благодарю вас, капитан! Благодарю вас, Федор Михайлович!

Если бы почтенный ученый не находился в таком радостном состоянии, он, вероятно, обратил бы внимание на необычную бледность Горелова, на болезненную натянутость его улыбки, на то, как часто он проводил рукой по лбу, словно стирая с него испарину слабости. Впрочем, энтузиасты, не жалея себя, нередко так же относятся и к другим. Во всяком случае, было вполне ясно, что ученый совершенно забыл и об электризации, и о массаже, и о грязевых ваннах, которые он недавно так настойчиво рекомендовал своему бывшему пациенту. В результате все остались очень довольны разговором, начавшимся столь бурно и закончившимся к общему удовольствию.

— Цой, голубчик, — дружелюбно обратился ученый к своему врачу и помощнику, когда капитан вышел из отсека, — дай, пожалуйста, Федору

Михайловичу список видов животных, которых мы наметили себе для особенно тщательных поисков на глубинах. Предварительно вычеркни все уже найденное нами. Дай ему также для ознакомления все наши альбомы, зарисовки, атласы. Выдели для Федора Михайловича и постоянный экскурсионный мешок с инструментами и приспособлениями.

* * *

Когда после двухчасовой беседы с Цоем Горелов вышел из лаборатории, он быстро направился к своей каюте, тяжело нагруженный материалами и снаряжением. Он торопливо отомкнул замок дверей, тщательно потом запер их за собой и с облегчением свалил все принесенное на круглый стол, стоявший посередине каюты. Каюта была небольшая, продолговатая, с койкой и платяным шкафом у правой стены, умывальником и туалетным столиком с большим зеркалом — у левой. Над койкой висел прекрасной работы акварельный портрет молодой женщины с нежным, красивым лицом и властным взглядом больших черных глаз. У стены против дверей, под большим круглым иллюминатором, сейчас наглухо задраенным наружной шторой, стоял

небольшой письменный стол с письменным прибором, стоячим настольным портретом той же молодой женщины и большой старомодной пишущей машинкой.

Освободившись от груза, Горелов тяжело опустился на стул и, зажав голову между ладонями, долго сидел с закрытыми глазами, изредка покачиваясь на месте, как при мучительной зубной боли. Наконец он поднялся, постоял с минуту, опустив голову и опершись кулаком о стол, потом встряхнулся и решительно взялся за только что принесенные им книги, альбомы, атласы. Часа три он усердно, не отрываясь, работал над ними, внимательно изучал художественные изображения представителей подводной фауны и флоры, делал выписки, копии с рисунков, составлял списки, классифицировал.

Потом он встал, сильно потянулся и принялся за экскурсионный мешок. Он внимательно пересмотрел все его внешние и внутренние карманы с инструментами и приспособлениями, освободил один из внутренних карманов, переложил его содержимое в другой. Затем направился было к письменному столу, но на полпути остановился, оглянулся и пошел к двери. Попробовал, хорошо ли она заперта, прислушался и, видимо

успокоенный тишиной в коридоре, вернулся к письменному столу и принялся за пишущую машинку. Долго разбирал ее, добрался до центра доски под кругом тонких буквенных рычагов. Там находился невысокий металлический ящичек, окрашенный под общий, синеватый цвет машинки. Горелов отвинтил его от доски, отложил в сторону, опять собрал машинку и попробовал ее работу. Все было на месте, механизм действовал исправно, как всегда, — отсутствие крупной детали совершенно не замечалось. Горелов взял металлический ящичек и, задумчиво взвешивая его в руке, пробормотал:

— Давление чертовское. Выдержит ли? Не то, что в Саргассах, у поверхности…

От этих звуков собственного голоса он вздрогнул, испуганно оглянулся, потом вернулся к экскурсионному мешку, вложил ящичек в пустой внутренний карман, прикрыл его там несколькими мелкими инструментами и тщательно застегнул карман. Замкнув мешок, Горелов засунул его под койку и ушел завтракать в столовую.

Вернувшись через полчаса в свою каюту, он переоделся в рабочий костюм, выдвинул до отказа один из ящиков письменного стола и отогнул вниз его заднюю стенку. За ней открылся узкий

потайной ящик. Вынув оттуда несколько деталей замысловатых форм, моток тонкого провода, он рассовал все это по карманам экскурсионного мешка.

С мешком, перекинутым на перевязи через плечо, Горелов зашел в центральный пост управления и, оформив пропуск у вахтенного лейтенанта Кравцова, направился в госпитальный отсек.

— Благослови, влады-ыко-о-о! — смешливо прогудел он густым дьяконским басом, приближаясь к койке зоолога. — Пришел за вашим напутствием, Арсен Давидович. Как-никак, первый самостоятельный вылет вашего птенца!

Зоолог повернулся к нему, радостно засмеявшись;

— Благословляю! Благословляю! Желаю успеха! Вам Цой все передал? — Он протянул Горелову руку для пожатия.

Тут только Горелов заметил сидевшего в стороне капитана и поклонился ему:

— Простите, Николай Борисович! Сразу не заметил вас. Капитан приветливо улыбнулся:

— Ничего, ничего, Федор Михайлович. Присоединяюсь к пожеланиям Арсена Давидовича!

— Идите, идите, Федор Михайлович! — возбужденно проговорил зоолог. — Эх, завидую вам! Ну

ничего! Скоро вместе будем работать на длительной глубоководной станции.

Капитан вздрогнул и поднял глаза. Он пристально посмотрел на зоолога и Горелова, потом вновь опустил веки, быстро перебирая пальцами свою золотистую бородку.

Еще раз попрощавшись и получив от зоолога множество дополнительных наставлений, Горелов вышел из отсека, неплотно закрыл за собой дверь и застыл на месте возле нее, словно задумавшись.

До его слуха заглушено, но достаточно внятно донеслось:

— Арсен Давидович, надеюсь, вы никому не говорили о предстоящих длительных остановках подлодки?

Короткое молчание как бы свидетельствовало, что этот вопрос застал зоолога врасплох. У Горелова замерло сердце.

— Что вы, что вы, капитан, — послышалось наконец торопливое бормотание зоолога. — Зачем я стану говорить! Я же ведь знаю… Вы же меня предупреждали…

Горелов с облегчением вздохнул и жестко улыбнулся. Капитан помолчал. Потом донесся его спокойный голос:

— Ну и отлично! Не забывайте и в будущем об этом.

Горелов отделился от двери и все с той же жесткой улыбкой твердыми, уверенными шагами быстро направился к выходной камере.

— Кто-нибудь из команды находится сейчас за бортом? — спросил он Матвеева, который быстро и ловко, несмотря на перевязанную руку, помогал ему надевать скафандр.

— Так точно, товарищ военинженер! Шелавин и при нем Марат с Павликом.

— Давно вышли?

— С полчаса, не больше.

— Куда они направились?

— Точно не знаю, товарищ военинженер… Куда-то на зюйд.

— Ага! Ну ладно. Спасибо.

Очутившись за бортом, Горелов запустил винт на пять десятых хода и взял курс прямо на север. Отплыв километров на двадцать от подлодки, он некоторое время усердно охотился у дна и на различной высоте над ним. Он хватал все, что казалось ему незнакомым, заполняя мешок рыбами, морскими ежами, голотуриями, гидрополипами, глубоководными раками, придонными моллюсками. Через час он, по-видимому, решил, что

поработал достаточно. Плотно замкнув мешок, Горелов, снесся по радио с подлодкой, определил при помощи лейтенанта свое местонахождение и сообщил ему, что собирается поработать еще час-другой, после чего опять снесется с подлодкой и вернется домой.

Отклонившись от подлодки, Горелов натянул на руки электрические перчатки, проверил готовность ультразвукового пистолета и, запустив винт на десять десятых хода, понесся на восток, поднимаясь все выше и выше над дном. Впереди перед ним тянулся с юга на север великий подводный хребет. Где-то здесь, высоко вздымаясь над его ровным гребнем, находилась вершина, открытая Шелавиным. Горелов долго и безуспешно искал ее. Наконец нашел и, пустив кислород в воздушный мешок, поднялся на нее… По глубомеру она отстояла от поверхности океана всего на тысячу сто метров.

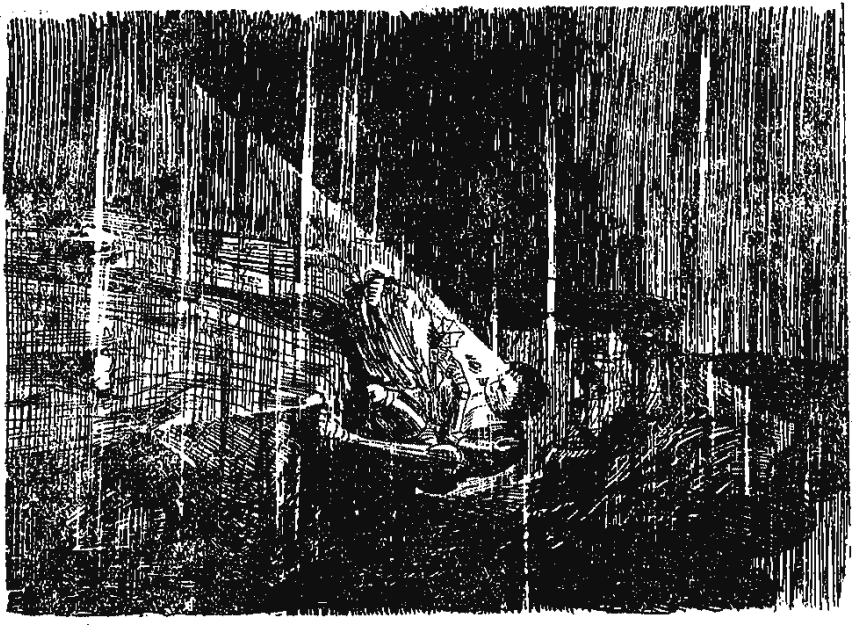
Горелов заметил на ней отдельно стоявшую скалу с углублением вроде просторной ниши. Пустив в ход внутренний механизм воздушного мешка, он загнал обратно в патрон кислород и сел на небольшой обломок скалы. Когда поднятая им туча ила рассеялась и вода вокруг приобрела свою обычную чистоту и прозрачность, Горелов

снял электроперчатки, вынул из мешка металлический ящичек, взятый из пишущей машинки, и, выбрав ровное место на обломке, поставил ящичек рядом с собой. Потом приладил к нему длинные тонкие детали, и ящичек получил вид странного морского ежа с растопыренными во все стороны необычайной формы иглами. Между этими иглами он натянул тонкий провод и один его конец обернул на левой руке вокруг кнопки, к которой обычно пристегивается перчатка. После этого Горелов нажал на верхней площадке ящичка кнопку. Часть его передней стенки откинулась, легла горизонтально, и на ней оказалась миниатюрная клавиатура пишущей машинки. На верху оставшейся части стенки засветилось длинное узкое окошечко. За окошечком видна была натянутая бумажная лента.

С трудом работая огромными металлическими пальцами на крошечных клавишах машинки, Горелов принялся медленно выстукивать на них.

В безбрежные пространства водного и воздушного океанов понеслись непонятные сигналы:

«ЭЦИТ… ЭЦИТ… Слушай, ЭЦИТ… Говорит ИНА2… Говорит ИНА2… ЭЦИТ… ЭЦИТ…»



Глава VIII
Страдания профессора Лордкипанидзе

Уже четвертые сутки экспедиция работала на новой глубоководной станции.

Казалось, двадцати четырех часов, имеющихся в сутках, Шелавину не хватает. Кроме обычных работ по исследованию физических и химических свойств придонных вод океана, их температуры, солености, плотности, химического и газового состава он занялся проблемой, за которую принялся было еще в Саргассовом море, но не успел закончить из-за «возмутительной», как он выражался, бомбардировки района его работ. Задача заключалась в изучении поддонных вод, глубины их проникновения, их происхождения, свойств и состава. Эта работа требовала больших усилий, затраты времени, установки сложных бурильных машин и глубоких насосов, действующих в прозрачных и одновременно непроницаемых оболочках, которые предохраняли эти машины от давления огромных толщ океана.

В тесной связи с этой проблемой находилась и другая, за которую также принялся здесь Шела-

вин. Она заключалась в изучении электрических токов, возникающих в слоях морского дна и впервые открытых советскими геологами в Арктике.

Шелавин положительно разрывался на части. Даже деятельная помощь Скворешни и уже вполне оправившегося от ранения Матвеева была недостаточна. Капитан прикомандировал к нему еще двух человек из команды, и все же океанограф работал, забывая об отдыхе и пище.

Едва успев позавтракать, он торопил уже своих помощников, раздражался при малейшей их задержке и успокаивался, лишь очутившись за бортом, возле своих любимых машин и установок. На обед его приходилось настойчиво, по нескольку раз вызывать из подлодки, и ни разу не обходилось при этом без его раздраженной воркотни о «срыве работ», о «возмутительном отношении к важнейшим научным проблемам».

У зоолога был также намечен обширный план работ для этой длительной глубоководной станции. Помимо обычных поисков нового, неизвестного еще материала, зоолог решил сосредоточить здесь свое внимание главным образом на изучении жизни и деятельности глубоководных и придонных организмов. Предполагалось вести длительные наблюдения над их поведени-

ем, приемами охоты, источниками и способами питания, значением и функциями светящихся органов.

Все это давно привлекало внимание ученого, и еще задолго до этой станции он мечтал о таких работах и готовился к ним.

Однако сейчас, когда можно было ожидать, что обычная энергия зоолога проявится здесь с особенной силой, всех поражала апатичность, овладевавшая вдруг им. Каждый раз он, словно нехотя, готовился к выходу из подлодки и, выбравшись наконец из нее, часами неподвижно просиживал возле первого попавшегося рака-отшельника или голотурии.

Что же случилось? Казалось, все шло так прекрасно, так удачно. Работа над трупами чудовищ дала великолепные результаты. Это были, очевидно, остатки видов, властвовавших когда-то миллионы лет назад, над всей жизнью древних океанов. Реликты мелового периода! Менялась окружающая жизнь, менялись природа, климат, растения и животные. Оттесняемые новыми, более гибкими и совершенными, более развитыми и приспособленными к новым условиям жизни организмами, гигантские ящеры, владыки предшествовавших эпох, постепенно уступали

им свои позиции. Науке казалось, что они полностью исчезли с лица планеты, оставив о себе воспоминания лишь в виде чудовищных скелетов, которые красуются теперь во всей своей мощи и потрясают воображение людей лишь в палеонтологических музеях. И вот оказывается, что вытесняемая с поверхности океана небольшая ветвь этих чудовищ опускалась все ниже и ниже в его безопасные глубины, постепенно приспосабливаясь к новым условиям жизни, вырабатывая в себе способность выдерживать огромное давление, дышать водным дыханием, видеть в темноте, светиться собственным светом своей слизи… Какое необыкновенное, захватывающее открытие! Оно одно может увековечить в истории мировой науки имя человека, сделавшего это открытие. А его Ламмелибранхиата головастая! Разве этот моллюск, который войдет в науку с его, советского профессора Лордкипанидзе, именем, — разве он не произведет революции в отделе мягкотелых? А золото в моллюске? Разве мало одних только этих открытий, чтобы надолго поселить радость в душе, радость за себя, за науку, радость за великую Родину, за могучую страну, которая дала своему ученому единственную в мире возможность забраться в недоступные до

сих пор глубины океана и начать их настоящее, действительное изучение!

Так в чем же дело? Почему все это сразу потеряло свой блеск, свою привлекательность, свое очарование? Зоолог сделал резкий протестующий жест… Нет, нет! Опять эта идиотская мысль! Это же глупо, наконец! Ну, при чем тут…

Он досадливо пожал плечами под скафандром.

Ну ладно! Он не возражает. Этого не следовало делать. Проболтался, старый дурак! Да, да, дурак! Дурак! Трижды дурак! Он ненавидел себя в этот момент.

Ударом ноги он отшвырнул мирно глотавшую ил голотурию, за которой должен был наблюдать.

Ну, хорошо, пытался он успокоить себя. Пусть так. Проболтался. Это факт — ничего не поделаешь! Но что же тут, в конце концов, ужасного? Надо рассуждать хладнокровно. Какое это, в конце концов, имеет значение? Ведь он рассказал не первому встречному… Это даже не просто рядовой член команды подлодки. Ведь это же главный механик! Главный механик боевого, единственного в мире по мощи и по значению корабля! Это же не пустяки — главный механик, да еще на таком корабле! Ответственный

человек! Вероятно, многократно проверенный. Человек сдержанный, даже немного угрюмый, нелюдимый, далеко не болтливый. Уж за него можно быть спокойным…

Он представил себе Горелова, его высокую, костистую сутулую фигуру, его длинный голый череп с большими оттопыренными, словно крылья летучей мыши, ушами его длинные, почти до колен, как у гориллы, руки, и вспыхнула старая, приглушенная было антипатия к этому человеку. Однако чувство справедливости, всегдашняя честность по отношению к себе и к другим — органические качества души ученого — победили ее.

При чем тут Горелов? Легче всего взваливать вину на другого. Нечего искать облегчения собственной вины, перекладывая ее на соседа. Тем более, что дело даже не в том, кому он рассказал. Горелов ведь не разгласит, не разболтает, он не из таких.

Так в чем же дело? Откуда это недовольство собой? Такое мучительное, такое унизительное…

Ложь! Вот в чем дело!

Да, он солгал! Он никогда не лгал. Ложь всегда была чужда самому существу его. Она ему была органически противна, всегда казалась чем-то особо унизительным, грязным, трусливым. И все же — он солгал! Кому? Своему капитану!

…Милый Николай Борисович! Он несет на себе такую ответственность. За бесценный корабль, за безопасность людей, доверенных ему страной. И он обманут человеком, которому больше чем кому бы то ни было доверился. Неважно, что это не будет иметь последствий. Важна ложь. Как смотреть теперь ему в глаза? Как восстановить прошлое? Невозможно. Рассказать? Чистосердечно сознаться? Пустое! Кому это нужно? Кому это принесет пользу? Ложь как была, так и останется ложью.

Часы проходили. Гнусавый голос зуммера,

как назойливое жужжание шмеля, долго не мог отвлечь ученого от его тяжелых мыслей. С трудом он пришел в себя и понял, что его вызывает подлодка.

— Арсен Давидович! — послышался голос вахтенного, лейтенанта Кравцова. — Что же это вы? Все уже в столовой. Даже Иван Степанович на месте… А вас все нет! Что вы сегодня так замешкались? Марш маршем, Арсен Давидович! На все десять десятых!

За обедом, сидя на обычном месте за одним столом с капитаном, зоолог чувствовал себя, как на костре инквизиции, и больше молчал, не отрывая глаз от тарелки. Впрочем, капитан мало беспокоил его разговорами и расспросами, лишь изредка и бегло посматривал на него. В лучистых глазах капитана ясно видны были сожаление и тревога.

Зато после обеда… Можно было думать, что Цой твердо решил извести зоолога. Он настойчиво спрашивал его о здоровье, об аппетите, потом начал с восхищением рассказывать о своей работе над моллюсками. Его мысль о естественной золотоносности моллюска все более подкрепляется точными кропотливыми исследованиями. Несомненно, это мягкотелое извлекает из морской

воды содержащееся в ней растворенное золото и с необычайной силой концентрирует его в своей крови. Цою даже кажется, что он напал на след органа, при помощи которого в тканях моллюска совершается этот процесс. Это цепочка каких-то железок, расположенных по краям мантии и вырабатывающих сок неизвестного пока состава.

Цой утверждал, что это открытие, если оно полностью подтвердится, может получить огромное практическое значение. В этом случае можно будет действительно заинтересоваться проектом Марата об акклиматизации и разведении этих моллюсков в закрытых водоемах советских морей, как это делают сейчас японцы с жемчужницами.

Это действительно будут советские фабрики золота. Что думает об этом профессор?

Зоолог принуждал себя внимательно слушать Цоя, выражать удовольствие, давать указания о дальнейшей работе, но он был искренне рад, когда в лабораторию вошел Горелов и предложил выйти вместе из подлодки для сбора материалов. Сегодня до обеда он, Горелов, был занят по своей основной работе в камере смешения, а теперь он свободен и хочет показать ученому очень интересные заросли глубоководных морских лилий

какого-то неизвестного вида. В его распоряжении имеется сейчас часа три и нужно поторопиться, если профессор желает присоединиться к нему.

Видно было, что Горелов действительно торопится. В разговоре он часто посматривал на часы, озабоченно напоминал, что эти заросли расположены очень далеко и пройдет немало времени, пока можно будет до них добраться.

Зоолог сейчас же согласился и предложил Горелову поскорее оформить пропуск.

— Нет уж, пожалуйста, Арсен Давидович, — с некоторым смущением, проводя рукой по бритой голове, ответил Горелов, — возьмите это на себя. Мне еще нужно кое-что сделать у себя в каюте. Но я с этим скоренько покончу и буду ждать вас в выходной камере. Хорошо? Только, пожалуйста, не мешкайте.

Он опять посмотрел на часы и, сорвавшись с места, быстро направился к выходу из лаборатории.

— Поторопитесь, Арсен Давидович! Время уходит! — бросил он на ходу и скрылся за дверями.

По коридору он прошел своим обычным, неторопливым крупным шагом, размеренно поскрипывая обувью, но очутившись у себя в каюте за замкнутой дверью неожиданно проявил

лихорадочную деятельность. Выдвинул несколько ящиков письменного стола, выхватил из них деньги, какие-то документы, письма и быстро рассовал все это по карманам. Потом задвинул ящики, выпрямился и окинул, словно в последний раз, каюту.

Глаза на мгновение задержались на портрете молодой женщины, висевшем над койкой. Горелов вздрогнул, сделал было шаг к нему, но повернулся, схватил с письменного стола фотографию той же женщины и тщательно спрятал ее в боковой карман своего кителя. Не оглядываясь больше, он вышел из каюты, запер ее и быстро направился вниз, к выходной камере.

Зоолога там еще не было. Горелов посмотрел на часы и нервно передернул плечами.

— Какой кислород в скафандре? — отрывисто спросил он Матвеева.

— Сжатый, товарищ военинженер.

— Перезарядить! — приказал Горелов. — Поставить жидкий.

— Слушаю, товарищ военинженер. После истории с обвалом многие требуют перезарядки, — понимающе добавил Матвеев.

— Ничего удивительного, — подтвердил его догадку Горелов. — А аккумуляторы? Полный

комплект?

— Так точно!

— Покажите, что в термосах?

— Горячее какао.

— Покажите. Добавьте доверху!

Горелов был уже почти в полном облачении, оставалось лишь надеть и закрепить шлем, когда в камере показался зоолог со своим обычным в последние дни задумчивым, почти безразличным видом и предъявил Матвееву пропуск на себя и Горелова. Горелов, видимо едва сдерживаясь от резкостей, набросился на него:

— Ну что же вы, право, Арсен Давидович! Разве можно так канителиться! У нас едва хватит времени на осмотр и на возвращение. Я ни в коем случае не могу опоздать на подлодку!

Едва очутившись на краю откидной площадки, Горелов резким, властным голосом скомандовал:

— Десять десятых хода! Живо! Следуйте за мной!

* * *

Вслед за их прыжком в пространство площадка поднялась, подлодка тронулась с места и, быстро набирая ход, понеслась на юг. Когда через минуту Горелов оглянулся, подлодка уже исчезла из виду.

Однако это нисколько не удивило его.

Еще перед этой глубоководной станцией капитан предупредил команду, особенно участников научных работ, что подлодка не будет иметь здесь постоянной стоянки, но будет находиться в непрерывном движении. Возвращаясь на подлодку, все находящиеся за ее бортом обязаны предварительно снестись с центральным постом управления и по радиомаяку определять свой обратный путь. Все понимали значение этой меры предосторожности после памятных событий в Саргассовом море. Знали также, что в течение этого крейсирования вокруг места работ в усиленном и непрерывном движении находятся инфракрасные разведчики: один — на поверхности океана, а другой — на разных глубинах впереди подлодки.

В вытянутом, почти горизонтальном положении Горелов и зоолог молча неслись в противоположном от подлодки направлении, в плотной тьме глубин, догоняя и обгоняя разноцветные огоньки и светящиеся туманности обитателей океана: Горелов — впереди, зоолог — в нескольких метрах позади него. Так они мчались около часа, не обмениваясь ни словом, неуклонно держа курс на север. Горелов иногда смотрел

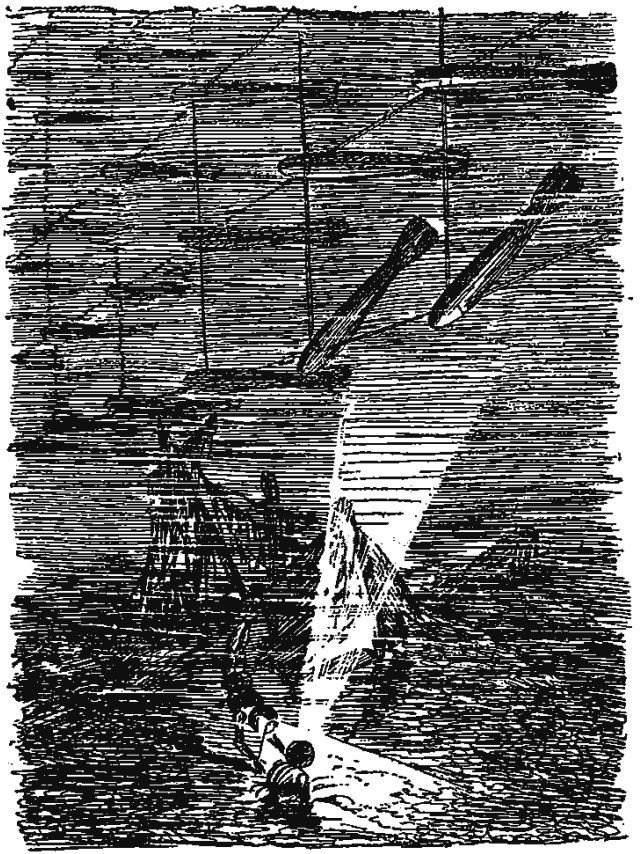
на часы, тревожно оглядывался, всматривался вдаль, словно силясь пробить взором фиолетовую завесу, висящую перед ним на конце голубого луча фонаря. Погруженный в свои гнетущие мысли, зоолог следовал за Гореловым, не обращая внимания на путь, на время, на все, что окружало его. Лишь однажды он поднял голову, осмотрелся, хотел было о чем-то спросить своего спутника, но тотчас же, по-видимому, оставил это намерение и вновь опустил голову, отдавшись не то полному безразличию, не то своим тяжелым думам.

Глава IX
Атака магнитных торпед

Горелов вдруг встрепенулся. Вдали, прямо перед ним, в широком луче фонаря, словно вырвавшись из тьмы, показался быстро несущийся навстречу силуэт длинного, гладкого, почти цилиндрического тела. В следующее мгновение появилась его задняя часть с металлически сверкающим и бешено вращающимся кругом на конце, вертикальными и горизонтальными рулями и двумя горизонтальными стабилизаторами — справа и слева. От середины тела во все четыре стороны отходили туго натянутые,

поблескивающие металлом нити.

Луч фонаря зоолога осветил в этот момент соседнее пространство: везде — вверх и вниз, вправо и влево — тянулась гигантская металлическая сеть с трехметровыми ячеями, с держащимися в узлах этих ячей такими же странными цилиндрическими рыбообразными телами. Стеной, теряющейся краями во тьме, сеть быстро неслась навстречу людям.



— Вниз! — отчаянно закричал Горелов. — Скорее на дно!

Круто повернув рули на полном ходу, они ринулись головой вниз и, не успев опомниться, погрузились почти до пояса в толстый слой пушистого ила. Горелов сейчас же легко выбрался из него на поверхность дна. Рядом с ним барахтался в иле зоолог. На высоте пяти-шести метров с шумом, переходящим в рев, быстро приближалась сеть с нижней, вытянутой в ниточку шеренгой цилиндрических тел, ярко освещенной фонарями Горелова и зоолога. Когда она мчалась уже непосредственно над распластавшимися по дну людьми, ближайшие к ним тела из этой шеренги внезапно заволновались на своих привязях. Их полушаровые головы по мере приближения все круче наклонялись вниз, словно чем-то притягиваемые туда, и четыре крупных, круглых, цвета вороненой стали глаза в каждой из этих голов устремились на людей, как будто пристально рассматривая их. Одно или два из этих чудовищ неожиданно рванулись вниз головами, задрав почти вертикально кверху свои вращающиеся хвосты, но сейчас же, увлекаемые другими, выровнялись и умчались прочь вместе со всей сетью.

— Что это? Что это значит? — испуганно зашептал зоолог и сейчас же громко вскрикнул: — Ведь это же торпеды! Федор Михайлович, торпеды!..

— Тише! — угрожающе зашипел Горелов. — Чего вы орете, как сумасшедший? Может быть, у них звуковые детонаторы, и они превратят нас в пыль!

Зоолог сидел, провожая расширившимися от ужаса глазами уходящую во тьму сеть. Наконец он опять заговорил, понизив голос до шепота:

— Но они идут на юг, Федор Михайлович. Подлодка может натолкнуться на сеть.

Горелов засмеялся отрывистым, лающим смехом:

— Ну что вы, Арсен Давидович! Ультразвуковые прожекторы сообщат подлодке о сети за двадцать километров до встречи с ней. А инфракрасные разведчики? Пустяки, Арсен Давидович! Поспешим лучше к нашим зарослям…

Что-то не понравилось зоологу в смехе, в нервной скороговорке Горелова. Опять вспыхнула старая антипатия, глухое, смутное недоверие. Зоолог хотел ответить, возразить, но промолчал. Он стоял на дне, глядя вдаль, во тьму, в ту сторону, где должна была находиться подлодка, куда теперь может быть навстречу ей, мчится, неся

гибель и разрушение, грозная стена…

— Хорошо, — с усилием сказал наконец зоолог, поворачиваясь к Горелову. — Плывем к зарослям…

Не отвечая, Горелов торопливо запустил винт, поднялся на несколько десятков метров кверху и лег на прежний курс. Следом за ним, в небольшом отдалении, плыл зоолог. Теперь он не сводил ни глаз, ни луча фонаря с несущейся впереди фигуры Горелова. Через минуту зоолог осторожно положил руку на патронташ и открыл его. Поколебавшись мгновение, он нащупал одну из кнопок, нажал ее, снял с позиции и поставил на обычное место: телефон Горелова был выключен. Потом зоолог нажал другую кнопку, снял ее с места и передвинул на позицию. Сейчас же послышался знакомый, спокойный голос:

— Слушаю вас, Лорд. Говорит старший лейтенант Богров.

— С норда на зюйд, — вполголоса, следя за Гореловым, говорил зоолог, — несется огромная вертикальная сеть, начиненная торпедами. Мы ускользнули от нее, бросившись на дно. Боюсь, не наткнется ли она на вас.

— Что? — встревожено спросил старший лейтенант. — Вы говорите — торпеды? Как далеко вы

их встретили?

— Не знаю… — замялся зоолог. — Я как-то не следил за временем. Впрочем, думаю, километров в шестидесяти — семидесяти от места, где вы нас выпустили.

— Ага! Хорошо. Поведем усиленное наблюдение. Благодарю вас. Не возвращайтесь на подлодку до распоряжения. Уходите подальше. Будьте внимательны!

Выключив телефон зоолога, старший лейтенант немедленно вызвал капитана. Затем он соединился с Шелавиным и Скворешней, находившимися на работе за бортом, предложив им также не возвращаться до вызова и немедленно уходить на десяти десятых хода подальше на запад, держась поближе ко дну.

Несколько минут назад «Пионер» переменил курс и шел теперь тем же путем обратно, с юга на север.

Не спуская глаз с экрана, старший лейтенант довел ход корабля до четырех десятых и отклонил его курс на несколько румбов к востоку.

Вошел капитан. Старший лейтенант доложил ему о сообщении зоолога и о принятых им самостоятельно мерах.

Первое минутное изумление быстро сменилось

на лице капитана жесткой улыбкой. Не поднимая полуопущенных, как всегда, век, капитан сказал:

— Хорошо, Александр Леонидович! Все ваши меры и распоряжения одобряю. Команду принимаю на себя. Оставайтесь у щита управления и наблюдайте за кормовым полукругом экрана. Носовой оставляю себе.

— Есть, товарищ командир!

— Дайте тревожный сигнал.

— Есть тревожный сигнал!

По всем помещениям корабля пронеслась громкая тревожная дробь звонка, из коридора послышались заглушенный топот и шуршание многочисленных ног, и сразу затем наступила мертвая тишина.

Не сводя глаз с экрана, широко расставив ноги и заложив руки за спину, капитан неподвижно и молча стоял посередине ярко освещенного поста.

— Охота продолжается? — тихо, словно разговаривая с невидимым собеседником, сказал он после минутного молчания. — Отлично! Но теперь, друзья мои, вам дорого придется за это заплатить.

Старший лейтенант сидел, как изваяние, перед щитом управления, положив пальцы на нижнюю

клавиатуру.

— Левобортовой разведчик — вперед! — послышалась команда капитана. — Пустить по носовому полукругу на горизонте подлодки. Дистанция — пятьдесят километров. Крейсировать с веста на ост и обратно.

Пальцы старшего лейтенанта коротко пробежали по клавишам и кнопкам щита управления и замерли в ожидании новой команды.

В рубке воцарилось напряженное молчание.

Через несколько минут на переднем полукруге экрана, постепенно заполняя его, начала быстро проступать расплывчатая, смутная сеть с крупными темными точками в узлах ячей. С каждой секундой нити все резче прочерчивали экран, темные точки вырастали в тупые округлые головы, показались трепетавшие за ними круги бешено вращавшихся винтов. В передней части экрана торпедная сеть была четко и ясно видна, уже почти вплотную приблизившись к разведчику. Но на обоих крыльях полукруга, как только разведчик уходил вправо или влево от его середины, изображение сети быстро темнело, тускнело.

— Понятно, — спокойно сказал капитан — Даже интересно. Сеть идет ровной стеной, захватывая огромное пространство. Ее скорость — пятьде-

сят — шестьдесят километров в час. — Капитан неожиданно рассмеялся. — Похоже, что они поставили себе целью прочесать ради нас весь океан!.. Замечательно!.. — И, обращаясь к старшему лейтенанту, приказал: — Вести разведчика к подлодке. Пусть идет впереди сети, сохраняя дистанцию сто метров от нее.

— Есть вести разведчика к подлодке впереди сети на дистанции сто метров от нее!

— Так держать!

— Есть так держать!

Силуэт сети с ее грозной наживкой — четкий и резкий в середине, все более смутный и, наконец, сливающийся с тьмой на крыльях, куполе и в нижней части экрана — держался теперь в одном неизменном положении перед подлодкой. Разведчик посылал на экран изображение сети с одной и той же заданной ему дистанции, и потому казалось, что и сеть и подлодка стоят неподвижно или движутся с одинаковой скоростью в одном направлении.

— Какое расстояние до сети? — спросил после некоторого молчания капитан.

— Сорок километров.

— «Пионер» идет на сближение со скоростью шестидесяти километров, сеть — почти с такой

же, — тихо, как будто про себя, рассчитывал капитан. — Через несколько минут положение на экране изменится. Готовьтесь к маневру.

Старший лейтенант выпрямился. В голове мелькнула было мысль: «Зачем же на сближение? Ведь можно легко уйти». Но эта мысль исчезла, когда вдруг изображение сети на носовом полукруге как будто сделало скачок и рванулось вперед, к подлодке.

Вступили в работу ультразвуковые прожекторы.

— Убрать разведчик в гнездо! — послышалась резкая команда. — Носовую пушку на изготовку!

«Ага! Вот что! — подумал старший лейтенант. — Разрушить торпеды… Без шума…»

Изображение сети росло на глазах с невероятной быстротой и резкостью. Странным казалось лишь то, что с еще большей быстротой это изображение стало проясняться на крыльях экрана. Если сеть шла ровной вертикальной стеной, то ее боковые части, отдаленные от подлодки, должны были оставаться более туманными и неясными, чем ее ближняя, центральная часть, движущаяся прямо против подлодки… Между тем на крыльях экрана изображение сети неслось как будто с удвоенной быстротой, и четкость ее линий почти

уже сравнялась с их четкостью на передней части экрана. Казалось, что сеть охватывает подлодку с обеих сторон, что ее боковые части сближаются… Что это могло значить? Капитан искал объяснения этой загадки. Вдруг позади капитана раздался тревожный возглас старшего лейтенанта:

— Сеть проступает на обоих крыльях кормового экрана!

— Ах, дьяволы! — крикнул в необычайном возбуждении капитан, топнув ногой и повернувшись к кормовой части экрана. — Магнитные торпеды! Они окружают нас!

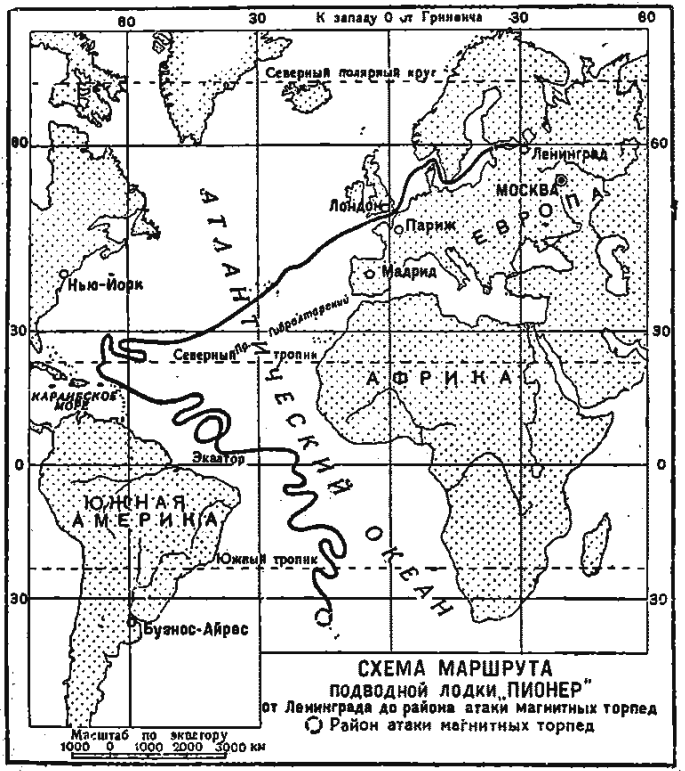


СХЕМА МАРШРУТА
подводной лодки „ПИОНЕР"
от Ленинграда до района атаки магнитных торпед
○ Район атаки магнитных торпед

Он бросил взгляд на купол экрана. Верхние края сети загибались книзу, пока еще слабо, туманно прочерчивая его нитями своих ячей.

— Отставить пушку! Поворот на месте! Сто восемьдесят градусов!

Подлодка круто развернулась на месте — носом к югу, кормой на север, к сети.

— Так держать! Шесть десятых хода!

— Есть так держать! Шесть десятых!

Впереди, на носовом полукруге экрана, было теперь темное пустынное пространство, быстро захватываемое, словно клещами, боковыми частями сети.

Уже оба крыла экрана почти сплошь затянуты сетчатой тканью с нашитыми на ней темными пятнами грозных «пуговиц». Все ниже и четче она вырисовывается на куполе. Коридор впереди суживается на глазах. Смертоносный шар вокруг подлодки смыкается…

«Проскочить! Успеем ли?… Успеем ли?» — волновался старший лейтенант. Но пальцы его неподвижно лежали на клавиатуре.

— Восемь десятых хода! — словно выстрел, раздалась в ушах старшего лейтенанта команда.

Подлодка рванулась вперед. На заднем кормовом полукруге экрана сеть заметно потеряла в

ясности линий, но коридор впереди продолжал смыкаться.

Огромное металлическое тело подлодки с непреодолимой силой влекло, тянуло к себе сотни и тысячи стальных магнитных голов смертоносных чудовищ, удваивая скорость их собственного бешеного бега…

— Десять десятых!..

Капитан уже не оглядывался. Он весь устремился вперед, с горящими глазами, прикованными к экрану и сетчатому коридору на нем.

Подлодка летела, молнией пронизывая темные глубины океана. Как далеко впереди простираются крылья этой проклятой сети? Сколько еще их выбросит океан навстречу подлодке из своих недр?

Это походило на игру со смертью.

Капитан сжал кулаки. Горячий румянец проступил на его скулах. И, судя по его сверкающим, полным торжества и уверенности глазам, можно было подумать, что за эту игру платить будет кто-то другой.

— Одиннадцать десятых! — крикнул капитан звенящим голосом.

Сетчатый коридор превратился в узкую щель и на этом застыл…

— Двенадцать! Двенадцать десятых и все, что возможно!!!

Это было нечто сверхъестественное. Все резервы были пущены в ход. Окруженная своей паровой рубашкой, подлодка летела, словно раскаленный метеор в космических, межпланетных пространствах.

На боковых крыльях экрана сеть превратилась в густую туманную ткань. Она не поспевала за подлодкой! Она уже безнадежно отставала от нее!

Еще несколько мгновений — и серая пелена этой ткани стала отступать назад, на крылья экрана. Щель расширялась, стены коридора начали раздвигаться. Еще мгновение — и носовой экран, словно под взмахом губки, очистился от ужасной паутины.

Впереди лежал чистый, свободный путь среди необозримых глубин океана.

Вдруг громовой удар необычайной силы обрушился сзади на подлодку. Словно гигантский раненый кит, она вздыбилась, провалилась вниз и вновь взмыла на несколько сот метров. Затем, как будто брошенная чудовищной катапультой, скакнула вперед и с удвоенной быстротой ринулась в пространство. Громовые удары следовали

один за другим, сливаясь в непрерывный потрясающий грохот. Белые снопы молний рассекали во всех направлениях кормовую полосу экрана. Казалось, треснуло дно океана, взорвалась сама оболочка планеты и тысячи вулканов соединили свой рев в один сверхъестественный, невыносимый для человеческого уха звук.

Едва удержавшись на месте после толчка, старший лейтенант повернул побледневшее лицо к капитану.

Капитан неподвижно стоял посередине рубки и смотрел на него с застывшей жесткой, торжествующей улыбкой.

— Торпеды по инерции продолжали нестись с обеих сторон друг другу навстречу. Они столкнулись и теперь взрываются. Маневр удался! Полтонны машинного масла — за борт! Двадцать кубометров водорода поджечь — и за борт!

На куполе экрана через несколько секунд появился огромный пылающий пузырь. Затем над спокойной поверхностью океана, словно от взрыва подводного вулкана, высоко вознеслась гигантская гора из воды и пламени. Гора осела, и высокие концентрические волны начали свой дальний бег по поверхности спокойных вод.

— Итак, мы погибли, — сказал с усмешкой ка-

питан. — Теперь уже никто сомневаться в этом не будет… — И, повернувшись к старшему лейтенанту, приказал: — Восемь десятых хода! Лево на борт! Так держать!

Подлодка описала огромную дугу к востоку.

— Курс прямо на норд! Поднять над поверхностью правый разведчик!

Грохот взрывов прекратился. Клубы ила, поднятого со дна, начали медленно заволакивать круговой экран. Трупы морских животных носились во всех направлениях.

— Поднять корабль до глубины пятисот метров!

На чистом куполе экрана сияло светлое пятно солнца, стоявшего в зените. Несколько туманных пятен от облаков застыли вокруг него. Небо с облаками то падало, сжимаясь, словно стягиваемое обручем горизонта, то вновь стремительно поднималось, расширяясь в бесконечность. Это взлетал и припадал к воде инфракрасный разведчик.

Океан был чист.

— Выше поднять разведчик! — приказал капитан.

К северу, далеко-далеко на горизонте, мелькнули крошечные силуэты двух судов с игрушечны-

ми султанами клубящегося дыма.

— Есть! — с удовлетворением сказал капитан, словно убедившись, что все идет так, как он ожидал. — Три румба к весту! Так держать! Теперь посчитаемся…

Скоро миновала надобность в инфракрасном разведчике. Суда очутились в зоне видимости ультразвуковых прожекторов.

Одним из этих судов был великолепный «Идзумо» — пятнадцатитысячетонный красавец крейсер, последнее слово военного судостроения, с тремя мощными боевыми башнями, двенадцатью тяжелыми, трехсотсорокамиллиметровыми орудиями, дальностью боя в тридцать два километра, шестью торпедными аппаратами, четырьмя самолетами и скоростью хода в пятьдесят узлов.

Капитан узнал его.

Несколько поодаль от крейсера, в стороне, возвышался огромный океанский четырехтрубный пароход.

— Убрать разведчик! Три десятых хода! — отдал команду капитан.

Он нажал кнопку возле небольшого овального экрана под щитом управления. На экране показалась камера носовой ультразвуковой пушки.

Главный акустик — толстяк Чижов — сидел в кресле. Перед ним светился экран, и на нем вырисовывались четкие силуэты дымящего крейсера и парохода со множеством снующих вокруг них катеров, шлюпок, вельботов. Высоко в небе хищно кружил большой белый, с яркими красными кругами под крыльями, самолет.

— Приготовиться к бою! — отдал команду капитан. — По крейсеру! Цель — металл! Только металл! Людей не трогать!

— Есть готовиться к бою, только по металлу! — подтвердил Чижов, торопливо что-то подвинчивая, поднимая, передвигая.

— Бить по днищу до ватерлинии! На пять десятых мощности! Внимание!

На глубине пятисот метров подлодка тихо приближалась к закованному в сталь судну, грозно ощетинившемуся во все стороны длинными мощными стволами орудий.

На экране ясно видны были маленькие фигурки людей, хлопотавших на палубе, силуэты офицеров, наблюдавших с командного мостика поверхность океана в той стороне, откуда сейчас тихо подходил «Пионер».

На пароходе две лебедки с одного борта поднимали из воды и сворачивали в цилиндр широкую,

почти во всю длину судна, полосу металлической сети с пустыми гигантскими ячеями… Видно было, что и с другого борта парохода другие две лебедки заняты были тем же делом. Было ясно, что пароход — техническая база крейсера — извлекал остатки неиспользованной сети.

— Стоп! — приказал капитан, и подлодка тотчас остановилась на месте. — Внимание! — отдал капитан команду Чижову. — Цельсь! Звук!

Отсек носовой ультразвуковой пушки, за ним центральный пост управления и, наконец, весь огромный подводный корабль наполнился сдержанным музыкальным гудением, словно от работы мощной динамо-машины.

В первую минуту во внешнем виде крейсера ничего не изменилось. Ультразвуковая пушка работала лишь на пяти десятых своей мощности.

Вдруг среди офицеров на командном мостике крейсера возникло движение. Словно сорванные ветром, они быстро сбежали вниз. Нос и корма крейсера постепенно стали подниматься кверху, его середина — уходить вниз, и стройные, почти изящные линии бортов стали все заметнее принимать форму дуги. Началась паническая беготня людей по палубам.

Весь силуэт корабля — от киля до радиоан-

тенны — был ясно виден на экране подлодки. На глазах у капитана и старшего лейтенанта середина подводной части крейсера стала растягиваться, расползаться, словно глина. Спустя лишь одну минуту после начала ультразвуковой атаки середина обращенного к подлодке борта корабля неожиданно и сразу вдавилась внутрь его, потом вдруг, как огромный пузырь, лопнула, и гигантская струя воды ворвалась в трюмы, в машинное отделение, в артиллерийские погреба.

Крейсер сразу осел, в несколько секунд набрав чудовищную порцию воды. Не помогли ни подводные противоминные утолщения бортов, ни многочисленные водонепроницаемые переборки. Мощный поток воды сделался полновластным хозяином своей добычи — великолепного крейсера, красы и гордости императорского восточно-азиатского флота…

— Прекратить звук! — отдал команду капитан и, повернув бледное лицо к старшему лейтенанту, добавил: — Надо дать людям время для спуска шлюпок.

Крейсер медленно погружался своей серединой в воду, все выше задирая кверху нос и корму. Один за другим слетали на воду катера, моторные лодки, вельботы, шлюпки и быстро наполня-

лись людьми. Со всех сторон к погибающему кораблю неслись многочисленные мелкие суда, работавшие до сих пор на море поодаль от него, и спасательные шлюпки с парохода.

— Разрешите доложить, — послышался позади голос Плетнева.

Радист стоял в дверях с пачкой радиограмм.

— Что там у вас? — отрывисто спросил капитан.

— Крейсер «Идзумо» непрерывно шлет сигналы о бедствии. Сообщает, что тонет. Говорит, что по неизвестной причине правый и левый борта расползаются, открыв доступ воде.

— Хорошо. Принимайте дальнейшие сообщения. Капитан вновь повернулся к экрану. Все палубы уже очистились от людей. Лишь одинокая приземистая фигура командира крейсера продолжала неподвижно стоять на верхнем мостике. Вот он прощально приложил руку к козырьку. Вся масса мелких судов, скопившихся около медленно погружавшегося корабля, сразу широким веером рассыпалась далеко вокруг него.

— Ясно, — проговорил капитан. — Все сошли с корабля. Пусть теперь расплачивается за всех один этот волк! Звук! — резко скомандовал он главному акустику. — На полную мощность!

Все помещения подводного корабля наполнились величественной симфонией потрясающей силы.

* * *

Через полчаса «Пионер» стремительно мчался к югу и вниз, созывая на сборный пункт всех членов команды, оставленных им в глубинах океана на время битвы с коварным врагом.

Глава X
Два разговора

Отразив коварное нападение, экспедиция еще семь суток оставалась на месте сражения и успешно закончила начатые исследования. Полученными результатами особенно был доволен Шелавин.

Наличие электродвижущей силы в слоях океанического дна было подтверждено и всесторонне изучено им, и это обстоятельство распалило изобретательскую фантазию Марата до необычайных размеров. Он уже носился с проектом организации огромных придонных электроаккумуляторных батарей, собирающих и накапливающих непрерывно возникающую в толщах морского

дна электроэнергию и потом передающих ее на сушу для промышленных, транспортных и бытовых целей. Марат сумел заразить своим энтузиазмом даже Шелавина и превратить его в яростного сторонника и защитника своего проекта. В стенгазете появилась статья Шелавина, в которой он громил скептиков и маловеров, сомневавшихся в практическом значении проекта.

Дискуссия разгоралась, как пожар, и Марат чувствовал себя на вершине счастья.

Подлодка шла теперь в полосе соприкосновения двух параллельных течений — теплого поперечного, идущего с запада, от Фолклендских островов, на восток, к берегам Южной Африки, и другого — широкого холодного течения мыса Горн, которое идет в том же направлении, тесно соприкасаясь с теплым, и составляет атлантическую часть великого непрерывного кольца восточного течения, опоясывающего в этих высоких широтах весь земной шар.

Как и во всех случаях соприкосновения холодных и теплых течений, эти области и над поверхностью океана и в глубинах отличаются многими физическими и биологическими особенностями. В атмосфере здесь чаще всего наблюдаются штормы, туманы, большая облачность, дожди,

а в водах океана — исключительное богатство и развитие жизни, начиная от планктона (микроскопические организмы, пассивно плавающие на поверхности и являющиеся питательной основой для жизни всей фауны поверхностных вод) и кончая самыми крупными видами морских животных.

Как далеко сказывается влияние этих условий в глубинах океана? Какие новые, не известные еще науке виды водных организмов можно там найти? Как распространяются здесь холодные течения, зарождающиеся у ледников Антарктического материка под влиянием таяния льдов и в результате усиленного теплового лучеиспускания в южных антарктических областях Атлантического океана? Каков здесь в действительности рельеф дна и как он влияет на движение глубинных вод и на распределение температуры в них?

Все эти и множество подобных им проблем стояли перед научной экспедицией подлодки. Кипучая работа шла не только на частых, хотя и кратковременных остановках, но и во время движения корабля — в его лабораториях-кабинетах и даже у бортовых окон. Медленно двигаясь на трех десятых хода и зажигая на безопасных глубинах мощные прожекторы, подлодка привлекала к

себе множество водных организмов, и на долю Сидлера, помощника Шелавина, одновременно художника и кинооператора экспедиции, выпала чрезвычайно увлекательная работа.

В эти дни Павлик не отходил от Сидлера, восхищаясь всем, что появилось в мощном луче прожектора, а также быстротой и искусством, с которым все это запечатлевалось немедленно на кинопленке или на листах альбома карандашом или красками художника.

Вообще настроение у Павлика последние дни было исключительно радостное: капитан сообщил ему, что, по сведениям Главного морского штаба, отец Павлика уже совершенно оправился от ран, полученных им при крушении «Диогена», и скоро будет выписан из больницы. Хотя отец и не знает подробностей спасения Павлика, но все радиограммы Павлика переданы ему, и он теперь вполне спокоен за жизнь сына.

Павлик ходил все эти дни окрыленный счастьем. Это состояние счастья и непрерывного восхищения окружающим в конце концов привело к неожиданному результату. Запершись на целый день в каюте Плетнева, где он жил с момента своего появления в подлодке, Павлик в один присест, не отрываясь от стола, разразился

длиннейшей поэмой, в которой торжественно воспел все величие океана, его красоты, его богатства, его таинственную жизнь и покорение его советскими людьми…

Радист входил в этот день в свою каюту на цыпочках, едва дыша, и под величайшим секретом рассказал Марату, Скворешне, интенданту Орехову и коку Белоголовому, что «мальчик сочиняет какие-то стихи» и что «он прямо не в себе и горит от вдохновения…»

К концу дня уже весь экипаж подлодки знал о поэме и ждал ее появления с возрастающим нетерпением.

Поздно ночью, когда, вернувшись с вахты, Плетнев тихонько, как мышь, раздевался и готовился лечь, Павлик наконец поставил точку, бросил перо, откинулся на спинку стула и с наслаждением, закрыв глаза, потянулся. По всему было видно, что великий труд окончен, и опустошенная, обессилевшая душа творца жаждет лишь покоя и отдохновения… Однако уже через несколько минут, предварительно взяв у радиста страшную клятву, что он «никому-никому не расскажет», Павлик, стоя посреди каюты, все больше и больше разгораясь и потрясая поднятой рукой, читал ему свое творение. Изборожденное глубокими

морщинами, словно вспаханное трактором поле, лицо Плетнева было в непрерывном движении. Он не мог прийти в себя от восторга, ежеминутно прерывая чтеца восхищенными возгласами:

— Как, как?..

И мощь великая твоя

Низвергнута советским человеком.

— Замечательно! Я тебе говорю, что это замечательно, Павлик! Ты должен напечатать это в нашей стенгазете! Да-да… Непременно! Немедленно.

— Правда, Виктор Абрамович? — немного смущенный, но с сияющими от счастья глазами, спросил Павлик. — Вы действительно так думаете?

— Обязательно, Павлик! Обязательно! Сейчас же иди к Орехову и попроси его перепечатать на машинке. А потом передадим в редакцию стенгазеты.

Павлик постоял в нерешительности, потом заявил:

— Знаете, Виктор Абрамович… а вдруг не примут? А через Орехова все узнают…

— Что значит — не примут? Примут. Я тебе говорю, что примут! Такую вещь? Обязательно

напечатают! Я сам скажу редакции! Вот!

Но Павлик отрицательно качал головой: поэт заупрямился. Плетнев пошел на уступку:

— Ну, тогда знаешь что? На подлодке есть еще одна пишущая машинка — у Горелова. Пойди к нему и попроси. Он тебе не откажет.

Павлик просиял:

— Вот это идея! Федор Михайлович мне не откажет. Я сам буду печатать! Я умею писать на машинке. И Федор Михайлович уж никому не расскажет.

На том и порешили. Павлик провел ночь очень неспокойно и задолго до побудки уже был на ногах.

После завтрака, из деликатности подождав четверть часа — мучительно долгих пятнадцать минут! — он с замирающим сердцем постучал в дверь каюты Горелова. Никто не ответил, и Павлик постучал второй раз.

Горелов появился в дверях хмурый, как будто встревоженный, но, увидев Павлика, улыбнулся:

— Входи, Павлик, входи. Садись. Что скажешь? Он запер дверь и усадил Павлика против себя.

— Федор Михайлович, — краснея и запинаясь, начал Павлик, — я тут написал одну вещь — стихотворение… для стенгазеты. Но его нуж-

но перепечатать на машинке. Позвольте мне воспользоваться вашей машинкой. Я сам буду печатать. Я умею. Вы разрешите, Федор Михайлович?

Улыбка исчезла с лица Горелова. Он вскочил со стула и два раза быстро прошелся по каюте, но уже в следующее мгновение, улыбаясь, повернулся к Павлику:

— Ну что ж, валяй, Павлик! Нельзя отказать в такой безделице поэту. Я сам хотел было сейчас поработать, но ради такого дела…

— Спасибо, Федор Михайлович! — расцвел Павлик. — Большое спасибо! Только, пожалуйста, никому-никому не говорите.

— Уж будь спокоен.

Через минуту мягкое стрекотание пишущей машинки наполнило каюту.

— Такой старый «ундервуд», а как легко работает! — восхищался Павлик в интервалах. — Я думал, у вас маленькая, портативная, а она вон какая огромная!

— Да… — ответил Горелов, не отрываясь от книги, в которую, казалось, целиком погрузился. — Она у меня давно. Я к ней очень привык.

Машинка снова застрекотала. Но Павлик был вежливый мальчик. Ему показалось, что Горело-

ву скучно в молчании, и он деликатно сказал:

— И я в Америке привык к «ундервудам». И писал на них и даже разбирал, чистил. Только там они теперь все маленькие, компактные. А старых моделей я почти не встречал. У них, вероятно, много лишних деталей?

— М-гм, — пробурчал, не отрываясь от книги, Горелов.

— Вот, например, тут ящичек какой-то под рычагами, — любезно продолжал Павлик. — Интересно, зачем он здесь? А?

Горелов резко бросил книгу на стол, помолчал и процедил сквозь зубы:

— Там… запасные части. Ты, Павлик, лучше не отвлекайся от работы. Я спешу, и мне нужно самому поработать на машинке.

Павлик смутился.

— Хорошо, хорошо, Федор Михайлович, — заторопился он. — Простите, мне уже недолго, я быстро…

Мягкий говорок машинки лился уже не переставая, прерываемый лишь коротким жужжанием и постукиванием на интервалах и переносах. Горелову не сиделось на месте: он ежеминутно вскакивал и, сделав несколько шагов по каюте, опять садился на стул. Он то принимался за

книгу, то вновь отбрасывал ее от себя. Желваки непрерывно играли на его щеках.

* * *

В это же утро, когда Павлик с замирающим сердцем стучал в дверь каюты Горелова, в другом конце коридора в каюту капитана вошел профессор Лордкипанидзе. Смущение, которое в последние дни овладевало им при встречах и беседах с капитаном, и сегодня не покидало его.

— Здравствуйте, Лорд! — радушно встретил его капитан, поднимаясь к нему навстречу в белоснежном, расстегнутом по-домашнему кителе. — Садитесь, прошу вас... Нет, нет, вот сюда. Здесь вам будет удобнее.

Он подвинул к стулу мягкое кресло, единственное, стоявшее в углу каюты, а сам уселся на легкий плетеный стул.

— Я хотел потолковать с вами, Лорд, о ближайших ваших работах и о том, как мы будем их проводить.

— Пожалуйста, Николай Борисович, я слушаю вас.

— По принятому нами плану, следующая длительная глубоководная станция предстоит у Огненной Земли. Мне хотелось бы теперь уточ-

нить, где именно будут происходить работы, пространство, какое вы намерены охватить ими, сколько людей будет там работать.

— Простите, Николай Борисович… Вы не забыли о кратковременной станции, которую мы наметили у банки Бёрдвууд, на полдороге между Фолклендскими островами и Огненной Землей? Мне очень хотелось бы обследовать этот район и сопоставить данные с результатами обследования «Вальдивией» Агуласской банки, что к югу от мыса Игольного.

— Разумеется, Лорд! Но эта суточная остановка не требует такой подготовки и таких предосторожностей, как станция у Огненной Земли. Именно там нам надо принять самые серьезные меры, чтобы обезопасить экспедицию от каких-либо неожиданностей. Как мы ни сильны, как ни защищены от покушений, но мы не знаем, что может еще придумать враг. Последняя торпедная атака достаточно показательна в этом отношении. Итак, дорогой Лорд, первый вопрос: где именно и какое пространство вы намерены подвергнуть изучению в районе Огненной Земли?

— Хотелось бы обследовать южную полосу побережья этого архипелага, — сказал зоолог, вставая и подходя к карте. — Во-первых, она

очень мало изучена; во-вторых, ее очень редко посещают корабли, и поэтому она безопаснее для нас, чем Магелланов пролив…

— Это соображение особенно важно, — подтвердил капитан. — Моя задача, таким образом, сильно облегчается. Какой же участок вы намерены здесь охватить?

— Я предполагаю начать с бухты Нассау, — ответил зоолог, водя карандашом по карте, — затем, захватив северное побережье островов Уэллестон, пройти вдоль южной береговой линии полуострова Гарди, подняться до бухты Кука на западном берегу острова Гести и, наконец, если время позволит, обследовать здесь лабиринт островов Лондондерри. Я думаю, двух недель, которые мы наметили для этой станции, нам вполне хватит.

— Ну что ж! — охотно согласился капитан. — Вам виднее. Теперь позвольте рассмотреть намеченную вами полосу с точки зрения навигации. Вся эта полоса усыпана подводными скалами, камнями, рифами, богата отмелями, подвержена действию неожиданных и капризных ветров, штормов, бурь и сильных течений. Она чрезвычайно трудна и опасна для кораблевождения — как надводного, так особенно для

подводного. Нам все это, правда, не страшно: мы не слепы, как обычные подлодки, и наши двигатели достаточно сильны. Но все же плавание здесь потребует большого напряжения и внимания. Много ли вам, Лорд, потребуется людей?

— Весь состав научной части экспедиции и все, что можно от щедрот ваших, Николай Борисович, — улыбаясь одними губами, ответил зоолог и направился к своему креслу.

— Много не дам, дорогой Лорд, но кое-кого выделю вам на помощь, особенно из тех, кого вы и Иван Степанович успели уже совратить. Можно будет дать Скворешню и Марата, Матвеева, ну, конечно, Павлика. Кого же еще?... Вот Горелова — вряд ли. Мне, конечно, очень жаль вас огорчать, но... плавание предстоит трудное, и ему нужно быть на своем посту.

— Да нет же, Николай Борисович, пожалуйста! — оживился вдруг зоолог. — Я совершенно не настаиваю на Горелове, пожалуйста... Мы отлично управимся и без него. Право же!

— Ну-ну... Какое необыкновенное самопожертвование! — рассмеялся капитан. — Все же, Лорд, время от времени, при малейшей возможности, я буду отдавать вам его. Это будет и для него маленькой премией за отличную работу. А те-

перь послушайте порядок работ, который я хочу предложить вам. Подлодка высадит в бухте Нассау весь состав научной части экспедиции, со всем ее снаряжением, В этом районе вы будете работать по заранее разработанному для всей этой станции графику — два, три или сколько понадобится дней. Высадив вас, подлодка уходит в открытый океан и там будет крейсировать, не приближаясь к берегу. Каждый день вы завтракаете перед выходом из подлодки, для обеда возвращаетесь, находя ее по пеленгам, после отдыха опять уходите на работу и к ужину, на ночь, вновь возвращаетесь домой. По окончании всех работ в бухте Нассау подлодка переправляет вас в следующий пункт, указанный по плану, высаживает вас там, и работы проходят в том же порядке. Признаю, что такой порядок будет довольно утомительным для вас, но этого требует безопасность подлодки. Устраивает это вас?

— Ничего не могу возразить, Николай Борисович. Ваше предложение вполне благоразумно. Лучшего не придумаешь! — горячо одобрил зоолог. Он на минуту замолк и, опустив глаза, тихо проговорил: — Знаете, Николай Борисович… У меня просто душа не на месте всякий раз, как только подумаю о предстоящих длительных стан-

циях. Сам не знаю почему. Страшно становится, и я… боюсь, чего-то…

Лицо капитана сделалось серьезным, он неожиданно вскинул свои всегда полуопущенные веки, и словно два горячих синих луча проникли в поднятые, полные грусти и недоумения глаза зоолога.

— Я вполне понимаю вас, дорогой Лорд, — сказал капитан. — Слишком много жестокого опыта мы получили на двух таких станциях. Не так страшна встреча с врагом, как необъяснимость самой этой встречи. Как становится ему известным с такой изумительной точностью местонахождение нашей подлодки? И не только эта ничтожнейшая точка на всем огромном, безбрежном пространстве, но и время, когда подлодка находится в ней? Мало того: враг узнает об этом достаточно заблаговременно, чтобы успеть подготовиться и прибыть на место! Ума не приложу…

— Очевидно, весь маршрут стал каким-то образом известен врагу, — заметил зоолог.

— Весь или частично — нельзя сказать, — задумчиво ответил капитан.

— Частично? — медленно переспросил зоолог. — Вы думаете, что враг мог узнать маршрут по

частям?

— Почему же нет? — пожал плечами капитан.

— Тогда… тогда… — растерянно посмотрел на капитана зоолог. — Как же это?… Неужели? Неужели это может быть?

У него перехватило дыхание, и с лица стала медленно сходить краска.

— Что вы хотите сказать, Лорд? — не поднимая век, равнодушно спросил капитан.

Зоолог передохнул и мгновение помолчал. Потом, словно набравшись сил и решимости, промолвил:

— Я… я не знаю, Николай Борисович, может это иметь значение или нет, но считаю своим долгом сообщить вам, что как-то… я сказал Горелову о месте нашей последней длительной станции…

— Неужели? — быстро посмотрел на ученого капитан. — Как же это случилось?

— Он тогда еще не вполне оправился после истории с Шелавиным. После обвала. Как-то он зашел ко мне и просил выписать, чтобы скорее выйти из подлодки и принять участие в наших научных работах. Я ему отказал, но, видя его большое огорчение, чтобы утешить, обещал на первой же длительной станции взять его с собой. На естественный вопрос, далеко ли еще до нее,

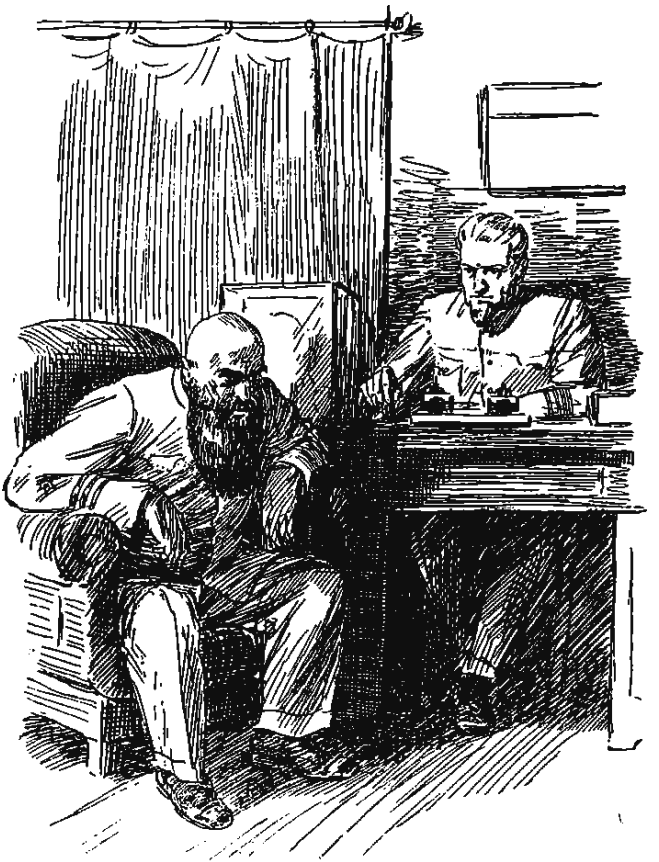
я сказал ему место станции. Неужели это могло иметь значение, Николай Борисович? — спросил с беспокойством ученый.

Капитан долго молчал, выстукивая пальцами размеренную дробь по столу. Наконец он вздохнул и поднял на зоолога глаза. Мельком взглянув в эти глаза, ученый почувствовал в них суровое осуждение и холодную отчужденность.

— Вне зависимости от последствий, Арсен Давидович, вы совершили абсолютно недопустимый поступок. Особенно в условиях боевого похода. Я доверил вам военную тайну, а вы разгласили ее. Это была большая, если не сказать сильнее, неосторожность с вашей стороны. Я не сомневаюсь, что этот поступок явился следствием простого легкомыслия в вопросах военной тайны, которое довольно часто еще встречается среди штатских людей. Может быть, в данном случае оно и не привело к каким-либо опасным последствиям, не связано с событиями последних дней. Не знаю. Но ведь это ваше легкомыслие, если бы его использовал враг, могло повлечь за собой самые ужасные результаты. Могло привести к гибели экспедиции, к гибели нашего судна, на которое правительство возлагает столько надежд в деле обороны нашей Родины.

Слова капитана звучали с подчеркнутой суровостью и были полны необычайной силы. Он встал и взволнованно прошелся несколько раз по каюте.

— Я вполне… понимаю… — опустив голову, тихо, прерывающимся голосом сказал зоолог. — Я не ищу себе оправданий. И я готов понести…



— Не будем пока об этом говорить, — перебил его капитан. — Я, конечно, сообщу обо всем Главному штабу, но сейчас не в этом дело. Нам предстоит еще далекий путь, на котором нас, может быть, поджидает много опасностей и немало ловушек. Мы должны выполнить программу наших работ и привести подлодку в полной сохранности к назначенному сроку во Владивосток. Важно, чтобы вы в будущем не забывали, что вы находитесь на военном корабле, что вы обязаны следить за каждым вашим словом. И особенно хранить тайну нашего маршрута.

Капитан сел на стул и, помолчав, продолжал:

— А теперь о Горелове. Я не думаю, Арсен Давидович, что Горелов способен на предательство. Но это мое личное мнение было бы недостаточным для твердого, уверенного решения. Большее значение в данном случае имеют соображения чисто объективные. Как может вообще кто-нибудь из экипажа подлодки сообщаться с кем бы то ни было, находящимся на поверхности? Наш путь не прямолинеен, мы идем не с одинаковой скоростью, делаем часто неожиданные остановки. И вы, и даже я не смогли бы утром сказать, где в какой точке океана, будет подлодка в полдень. Как же может произойти встреча кого-либо из

наших людей со своим внешним сообщником, если невозможно заранее условиться о месте встречи?

Зоолог жадно следил за ходом рассуждений капитана.

— Можно было бы предположить, — продолжал капитан, — что преступник использует для связи радио. Но радиоаппараты нашей подлодки немедленно реагировали бы на такое близкое соседство и раскрыли бы присутствие постороннего аппарата на подлодке.

— А радиоаппараты в наших скафандрах? — спросил зоолог.

— Но ведь вы же знаете, что они работают только на двадцати восьми различных, но точно определенных волнах — с подлодкой и с каждым членом нашей команды. Если бы велись разговоры на одной из этих волн с кем-либо посторонним, то их услышал бы соответствующий скафандр или, автоматически, подлодка, если в скафандре нет никого. Кроме того, дальность действия этих радиоаппаратов не превышает двухсот километров.

— Да… — задумчиво произнес зоолог. — Значит, связь с врагом поддерживается не из подлодки. Что же остается предположить? Кто еще знает

наш маршрут?

Помолчав с минуту, с видимой неуверенностью и неохотой капитан сказал:

— Главный штаб, конечно. Зоолог широко раскрыл глаза:

— Как?! Неужели туда смог проникнуть шпион? Капитан нервно простучал короткую дробь по столу, потом глухо ответил:

— Будем лучше смотреть за тем, что делается у нас тут, под носом. Во всяком случае, я держу Главный штаб в курсе всего, что касается подлодки. — И, помолчав, медленно, словно с огромной тяжестью на плечах, поднялся. — Значит, мы договорились о порядке предстоящих работ. Не забудьте, Арсен Давидович, мои предостережения. И внимательно следите за всем, что делается вокруг вас. На всех нас, и партийных и непартийных большевиках, лежит огромная ответственность.

Зоолог встал и, молча поклонившись, направился к выходу.

Капитан стоял, опершись рукой о стол, и проводил ученого долгим, внимательным взглядом.

Так в неподвижности простоял он несколько минут, глядя куда-то вдаль. Потом, заложив, по домашней своей привычке, руки за спину, под

расстегнутый китель, он начал медленно, с опущенной головой ходить по каюте.

Легкая, едва ощутимая, почти незаметная дрожь исходила от корпуса корабля, передавалась телу капитана, и мозг привычно и машинально фиксировал: два десятых хода. Судно изредка чуть колыхалось в поклоне, и мозг бессознательно отмечал: что-то большое пронеслось впереди. Наконец, остановившись и проведя рукой по голове, он вздохнул и опустился в кресло перед столом. Из потайного ящика стола капитан вынул небольшую картотеку, поставил перед собой, перебрал находившиеся в ней высокие, из плотной, толстой бумаги карточки и вытащил одну из них. На карточке вверху крупными черными буквами было напечатано:

ЛИЧНЫЙ СОСТАВ ЭКИПАЖА ПОДЛОДКИ «ПИОНЕР»

И под этим написано:

ГОРЕЛОВ ФЕДОР МИХАИЛОВИЧ

Дальше, сверху вниз, шли короткие отпечатанные строчки, и рядом с ними, от руки, чернилами — ответы.

Капитан погрузился в чтение, не пропуская ни

одной строчки, ни одного ответа.

1. Фамилия, имя, отчество — Горелов Федор Михайлович.

2. Должность — главный механик.

3. Возраст — 32 года.

4. Партийность — кандидат в члены ВКП(б) с 19… года.

Капитан остановился, подумал, взял остро очиненный карандаш и написал на полях карточки против этой строчки: «5 лет».

Потом продолжал чтение:

5. Национальность — русский.

6. Звание — военинженер 2-го ранга.

7. Образование — окончил Авиастроительный институт по классу моторостроения, затем Военно-инженерную академию, секция ракетных двигателей.

8. Предыдущая работа — инженер завода № 189, начальник проектного бюро; одновременно — доцент Института стратосферных полетов.

9. Находился ли под судом или следствием, имел ли взыскания? — Нет.

10. Имел ли награды, какие, за что?

— Орден «Знак Почета» за отличное выполнение заданий в первой командировке за границу.

Красным карандашом капитан поставил сбоку восклицательный знак.

11. Владеет ли языками? — Свободно английским, французским и немецким, немного — японским.

12. Бывал ли за границей? Где, когда, по какому поводу? — В Японии, по командировкам ведомства, первый раз — с 19… г. по 19… г., второй раз — в 19… г. и третий раз — в 19… г.

Капитан опять остановился и долго думал с карандашом в руке. Потом отметил на полях: «1) 5 лет назад, 2) 2 года назад, 3) год назад».

13. Имеет ли родственников за границей? Где, кто, степень родства? — Да. В Японии. Троюродный дядя и его дочь. Николай Петрович Абросимов, Анна Николаевна Абросимова.

Капитан поставил сбоку красным карандашом два восклицательных знака.

14. Имеет ли научные труды? Какие именно? — Да. См. прилагаемый список.

15. Подпись.

Широким, размашистым росчерком стояла подпись:

«*Ф. Горелов*».

Дойдя до конца, капитан откинулся на спинку кресла и надолго, с полузакрытыми глазами, задумался. Потом потянул к себе большой блокнот с отпечатанным наверху бланком: «Командир подлодки «Пионер»». Твердым, четким почерком он начал писать:

Радиограмма. Строго секретно. Москва, Политуправление Военно-Морских Сил СССР. Прошу в срочном порядке выяснить и сообщить мне подробности пребывания главного механика подлодки «Пионер» Горелова в Японии во время его служебных командировок. Также его поведение там, отношения с родственниками, находящимися в Японии, — Николаем Петровичем Абросимовым, дочерью последнего — Анной Николаевной — и другими, какие окажутся там. Командир подлодки «Пионер» капитан 1-го ранга

Воронцов.

Написав эту радиограмму, капитан достал из того же ящика книгу шифров и через несколько минут радиограмма превратилась в несколько однообразных цифровых строчек.

По телефонному вызову в каюту вошел старший радист Плетнев и остановился у дверей, плотно задвинув их за собой.

Картотека и книга уже были спрятаны и заперты в ящике стола.

— Строго секретно, Виктор Абрамович, — ска-

зал капитан, подавая ему сложенный вчетверо листок. — Немедленно!

— Есть строго секретно, немедленно! — прозвучал ответ.

В глубокой задумчивости капитан остался один перед своим письменным столом.

Глава XI
У Огненной Земли

Вода, пронизанная ярким желтым светом, спадала быстро, словно всасываемая стенами и полом камеры. Шелавин, Скворешня и Матвеев, навьюченные гидрофизическими приборами и аппаратами, осторожно сгружали их с себя в углу на пол. Зоолог, Горелов, Цой, Марат и Павлик снимали с плеч экскурсионные мешки и снаряжение. Здесь же был и комиссар, решивший сегодня принять участие в прогулке, чтобы поразмяться.

Голоса молодежи звучали возбужденно и весело.

— Замечательно интересная банка! — громко говорил Цой. — Не правда ли, Арсен Давидович? Какое огромное количество новых видов, родов и даже семейств! Какая масса антарктических животных!

— Очень интересно, Цой, — с удовлетворением подтвердил зоолог. — Очень интересно! Когда мы только справимся с материалом, которым нас так щедро одарила банка Бёрдвууд?

— Цой положительно был похож на сумасшедшего! — смеялся Марат. — Как будто его только что выпустили из сумасшедшего дома. Он бросался во все стороны, хватал все, что попадалось под руки…

— А ты? А ты сам? — наскакивал на Марата петушком Павлик, снимая свой мешок и кладя его у стены возле других. — Кто у меня вырвал из рук чудесного морского ежа? Наскочил, как разбойник, и выхватил. Арсен Давидович, честное слово, это моя добыча! Я вам покажу потом этого ежа — круглый, фиолетовый, с красными кончиками на иглах.

— Неправда! — запальчиво кричал Марат, размахивая перед собой своим мешком. — Ты даже не притрагивался к нему!

— Ну да, не притрагивался! Я подсовывал под него руку, чтобы не повредить, а ты всей пятерней — цоп!

Мешок в руках Марата пришел в бешеное движение и чуть раскрылся. В отверстии мелькнуло на мгновение что-то красно-синее, и в тот же миг

с быстротой молнии рука Павлика выхватила из мешка великолепного морского ежа с розовыми кончиками игл.

Под общий смех с торжествующим криком Павлик бросился к Горелову, который ждал уже его с распростертыми объятиями, чтобы укрыть от настигавшего Марата. Но Марат оказался проворней в водной стихии, и, прежде чем Павлик успел сделать два шага, отделявшие его от спасительных объятий Горелова, еж опять очутился у Марата.

Павлик остановился с пустыми руками. Это было так неожиданно, что походило на фокус. Все смеялись, а Павлик с растерянным видом твердил:

— Вот разбойник! Вы видите, какой разбойник!

Потом вдруг схватил, не глядя, один из лежавших позади мешков за его нижний край и с хохотом обрушил на шлем Марата. Мешок от удара раскрылся, и живой радужный поток разноцветных рыб, морских звезд, кораллов, раков, офиур, водорослей, морских лилий, морских ежей, голотурий полился вокруг ошеломленного Марата, образуя около него нечто вроде искрящейся, извивающейся, прыгающей завесы. Общий хохот

теперь гремел не переставая. Павлик с визгом плясал перед Маратом, как краснокожий у жертвы, привязанной к столбу пыток.

Возмущенный голос зоолога привел всех в себя.

— Что вы делаете, сумасшедшие? — гремел ученый. — Вы мне погубите весь сбор! Чей это мешок?

В наступившей тишине прозвучал глухой, клокочущий яростью голос Горелова:

— Мой! Я считаю это полнейшим безобразием со стороны Павлика!

Из дальнего угла комиссар с изумлением смотрел на искаженное лицо и злобные глаза Горелова.

Совершенно растерявшись, Павлик невнятно пролепетал:

— Простите, простите, Федор Михайлович… Я ведь думал, что это мой мешок, я не знал…

— Потом будешь извиняться! — продолжал греметь зоолог. — А теперь — скорее собирать добычу! Все, все, за дело!

Вода опустилась тем временем до колен. Она кишела, словно в огромном аквариуме, морскими обитателями — увертливыми рыбами, ползающими иглокожими, колышущимися лилиями.

Все принялись ловить их, но вне водной стихии движения людей в тяжелых скафандрах сделались медлительными, утратив свою легкость и гибкость.

— Осторожнее! Осторожнее, товарищи! — умолял зоолог, ползая по полу на четвереньках. — Не раздавите кого-нибудь!

Через минуту работа превратилась в забавный, увлекательный спорт. Камера наполнилась шутками, смехом, восклицаниями. Лишь Павлик и Горелов работали молча и сосредоточенно. Павлик все не мог отделаться от воспоминания о злобном взгляде Горелова. Горелов, еще до того как приняться за сбор, быстро осмотрел внутренность своего опустошенного мешка и теперь, с досадой отбросив его, лихорадочно работал, не столько охотясь за животными, сколько разбрасывая их в разные стороны. Он быстро приближался к углу, где Павлик осторожно распутывал клубок из великолепных морских лилий, горгоний, голотурий и ярких морских звезд. Неожиданно в середине клубка пальцы Павлика наткнулись на что-то твердое, угловатое. Бережно раздвинув сплетение отростков, лучей и присосков, Павлик с трудом вытащил что-то металлическое, необычайно тяжелое — и ахнул

от удивления: перед ним был знакомый ящичек для запасных частей «ундервуда» Горелова!

Напряженно держа ящичек в обеих руках, Павлик с недоумением разглядывал его. В этот момент Горелов подошел почти вплотную к мальчику и поднял голову. В согнутом положении, с опущенными к полу руками и поднятой головой, он был похож в своем скафандре на сказочное чудовище, приготовившееся к прыжку.

Дрожь страха пронизала все существо Павлика, когда, обернувшись, он увидел перед собой эту пугающую фигуру и глаза, полные ярости и угрозы, мрачные, глубоко запавшие глаза… Павлик едва нашел в себе силы пролепетать:

— Федор Михайлович, зачем это здесь? Ведь части могут заржаветь, испортиться…

Не разгибаясь, с опущенными глазами, Горелов резко вырвал из рук Павлика тяжелый ящичек и придушенным, прерывающимся голосом сказал:

— Да нет же! Там нет запасных частей. Я туда переложил кое-какие лабораторные инструменты для сбора…

Он быстро спрятал ящичек во внутренний карман мешка и молча, не взглянув на Павлика, продолжал укладывать животных в мешок.

Комиссар смотрел из своего угла…

Сбор был окончен. Все прошло благополучно, ничего из добычи не было потеряно, ничего не испорчено. Участники экскурсии, довольные и усталые, выложили из мешков свою добычу в лабораторные ванны и ящики и разошлись по каютам.

Горелов вместе со всеми прошел по коридору, открыл дверь своей каюты и скрылся за ней. Дверь резко, с отрывистым стуком, задвинулась, и Горелов с перекосившимся сразу от ярости лицом на мгновение застыл на месте возле нее. Он тяжело дышал; большие оттопыренные уши горели, словно с них сорвали кожу; огромные кулаки то сжимались, то разжимались. Подойдя к разобранной пишущей машинке, он вынул из кармана брюк ящичек, подержал его в дрожащей

руке и вставил на место. В необычайном возбуждении, словно зверь в клетке, он заметался по каюте, меряя ее из конца в конец огромными шагами. С его посеревших губ время от времени срывалось хриплое бормотание:

— Надо кончить… Этот мальчишка… Надо кончить… Яростно ударив кулаком по круглому столу, он упал на стул подле него и застыл, опустив голову в полной неподвижности.

«Пионер», набирая скорость, уходил от банки Бёрдвууд, держа курс на Огненную Землю.

* * *

Итти было довольно тяжело. На каждом шагу попадались огромные обломки скал, утесы, доходившие до самой поверхности или выступавшие над нею, песчаные отмели и банки, иногда круто и высоко поднимавшиеся над дном. При обходе этих препятствий навстречу, словно вырываясь из труб, ударяли сильные струи течения. Хотя море здесь, в прибрежной полосе, у Огненной Земли, неглубоко — тридцать-сорок метров, редко глубже, — но свет сверху едва доходил до дна. Густые зеленовато-синие сумерки заставляли все время держать фонари зажженными, и все же видимость была очень слабой.

На поверхности океана свирепствовала жестокая буря. Она довольно заметно давала себя чувствовать даже здесь, на дне. Порой приходилось останавливаться, чтобы устоять на ногах; приходилось бороться с напором подводных волн, чтобы продвигаться вперед.

После долгой ходьбы Павлик наконец устал и пустил в ход винт, но, чтобы не отдаляться от своих спутников, он держал его на самом малом числе оборотов.

Зоолог и Скворешня упорно шли пешком. Зоолог считал, что на таком хорошем, плотном песчаном грунте при медленной ходьбе лучше всего собирать придонных животных. Скворешня не возражал. Он был опытный и выносливый подводный ходок.

Дно постепенно повышалось, и наконец впереди показались темные массы густых водорослевых чащ.

— Скоро будет легко, бичо, — сказал зоолог Павлику. — Проберемся только сквозь стену этих «Макроцистис перифера», а там, под их защитой, и бури не почувствуем, да и течение ослабеет.

— А знаете, Арсен Давидович, — ответил Павлик, — выходит, что Марат был прав, когда предлагал посеять эти водоросли в Охотском

море… Он хотел отвести холодное течение от наших берегов!

— Ну, с течением вряд ли справятся даже эти гиганты, — выразил сомнение зоолог. — Самое большее, чего можно от них ожидать, — это то, что они в состоянии сыграть роль великолепных молов для защиты гаваней от бурь. Вот здесь, например, океан постоянным действием своих волн разрушает скалы, утесы, а гигантские макроцисты стелются пеленой по его поверхности, принимают на себя первые удары этих волн, приглушают их силу, и за ними корабли часто спасаются от яростных бурь… Это отметил еще Дарвин во время своего путешествия на корабле «Бигль».

— Ну, слезай с коня, хлопчик, — сказал Скворешня, — приехали!

Начинались заросли. Зоолог неправильно выразился, назвав их стеной. Водоросли поднимались со дна под острым углом и крутым подъемом далеко уходили вперед, теряясь в сумраке глубин. Павлик знал, что сейчас предстоит самая трудная часть пути. Он остановил винт и стал на дно рядом с товарищами.

В чащу они вошли гуськом. Само собой вышло так, что Скворешня очутился впереди, за ним —

зоолог, а Павлик замыкал шествие. Через два-три десятка шагов, погружая ноги в стелющуюся под ними плотную массу, они ушли в нее с головой. Скворешня, словно таран, пробивал дорогу среди сплетения толстых стеблей и широких мясистых листьев.

Своим появлением люди внесли в эту молчаливую чащу полное смятение. Отовсюду взлетали тучи маленьких рыб и каракатиц, гнездившихся в зарослях водорослей. Полчища крабов, морских ежей, морских звезд, красивых голотурий, планарий, нереид самого разнообразного вида быстро расползались по дну или гибли под тяжелыми подошвами людей.

Со стволов и листьев осыпались на шлемы тысячи ракообразных. Листья были до того густо усажены кораллообразными, что казались совсем белыми. На них часто встречались удивительно тонкие, изящные постройки, в которых обитали гидроидные полипы, прекрасные асцидии. Разнообразные моллюски вроде пателл, голых моллюсков, двустворчатых во множестве также покрывали листья.

Заросли были полны жизни. Они давали приют, пищу, кров и защиту огромному количеству организмов.

— Видишь, бичо, — говорил зоолог, с трудом пробиваясь сквозь чащу, — какую богатую, разнообразную жизнь таят в себе эти водоросли. Ни один, даже тропический, лес не может в этом отношении поспорить с ними. Еще Дарвин сказал, что если бы в какой-нибудь стране свести все леса, то погибло бы меньше видов животных, чем с истреблением этих макроцистовых подводных лесов.

Вдруг шедший впереди Скворешня остановился. Два стебля, толщиной около двух сантиметров каждый, случайно обвились вокруг его груди и рук и задержали его. Скворешня поднатужился. Стебли не поддались — их держали не только корни, но и другие, соседние стебли, с которыми они сплелись у дна. Самолюбие Скворешни было задето.

— А, бисова лозина! — разозлился он. — А нука!

Он отодвинулся на шаг назад и с силой рванулся вперед. Даже хорошая веревка вряд ли выдержала бы этот могучий напор гиганта. Но стебли макроциста словно смеялись над усилиями Скворешни и ни на йоту не ослабили своих объятий. Скворешня в первый момент казался ошеломленным такой неудачей, потом пришел

в бешенство.

— Да что они, железные, что ли? — вскричал он.

— Не иначе! — засмеялся зоолог, подмигивая Павлику. — Наверно, с какого-нибудь проходящего корабля уронили ломы, и вот выросли стальные тросы… Вот тебе, Павлик, предметный урок, что такое «Макроцистис перифера»…

— Ага! Значит, это, вы говорите, урок Павлику? — со сдержанным гневом сказал Скворешня. — А я хочу дать урок этому проклятому макроцисту!

Он отошел на два шага назад, постоял с минуту, наконец, глубоко вздохнув, с силой пушечного снаряда ринулся вперед. Дальше произошло что-то невообразимое. Огромные, толстые, как колонны, ноги Скворешни взметнулись кверху, его шлем исчез внизу, под чащей; Павлика что-то сокрушительно хлестнуло по груди и свалило с ног; падая, он ударил ногами по шлему зоолога, и тот, ошеломленный, сел на дно, ничего не понимая. В один момент три человека внезапно исчезли, словно их тут и не было. Среде густой чащи, на небольшом примятом пространстве, колыхались лишь два высоких отростка стеблей; потом чаща сомкнулась, поглотив и этих свидетелей необычайного сражения, разыгравшегося

в молчаливых подводных джунглях океана…

Первым пришел в себя зоолог. Кряхтя и охая, он поднялся на ноги, воззвал в пространство:

— Что случилось? Где вы тут, ребята?

Он раздвинул чащу и увидел перед собой растерянное лицо Павлика.

— Я здесь, Арсен Давидович… А где Скворешня? Павлик оглянулся, сделал шаг вперед и развел руками пелену водорослей.

Скворешня стоял среди чащи, молча и угрюмо снимая с себя оборванные петли злополучного макроциста. Скворешня поднял голову и посмотрел на мальчика.

— Ко всем сегодняшним урокам, Павлик, — сказал он с непередаваемым юмором, — прибавь еще один: нельзя, как бык, бросаться очертя голову, забыв о сохранении равновесия…

Зоолог разразился хохотом, к которому сейчас же присоединился Павлик, а немного погодя и сам Скворешня.

— Какое изящное сальто-мортале вы проделали сейчас, дорогой Скворешня! — проговорил, захлебываясь от смеха, зоолог. — Ваши ножки… О-хо-хо!.. Вашим неподражаемым ножкам позавидует любая балетная танцовщица… Ой, не могу!.. О-хо-хо!..

Он схватился за свои металлические бока, продолжая хохотать и не имея сил успокоиться. Вообще со дня знаменательной беседы с капитаном, словно омытый и освеженный ею, зоолог находился в прекрасном настроении и в продолжение всего десятидневного пребывания у Огненной Земли, начиная от бухты Нассау, работал с прежним увлечением.

Через двадцать минут в том же строю, со Скворешней впереди, все трое вышли из чащи гигантских макроцистов и вступили в спокойную полосу прибрежья. И здесь дно было неровное, усыпанное подводными скалами, утесами; масса крохотных гранитных, базальтовых, сланцевых островков поднималась над поверхностью океана. Все они были увиты и оплетены теми же водорослями, но значительно меньших размеров, чем встреченные раньше, со стороны открытого океана. Казалось, что эти водоросли процветают и особенно пышно разрастаются именно в местах наибольшего волнения, среди непрерывно грохочущих бурунов.

Едва выйдя из чащи, зоолог вдруг остановился и сказал:

— А о Горелове мы и забыли! Ведь он нас должен был догнать… Одну минутку, я с ним

соединюсь…

На вызов зоолога Горелов ответил, что он сейчас пробирается сквозь чащу макроцистов и держит курс к условленному месту встречи — безымянной скале, которой они дали название «Львиная голова», у крайнего островка из цепи, окаймляющей большой остров Гести.

Горелов просил подождать его там, чтобы дальше пойти вместе: он еще здесь не был ни разу, да и за все десять дней работы у Огненной Земли выходит лишь второй раз и не хотел бы оставаться один.

Островов, отдельных скал и утесов, поднимавшихся над уровнем океана, была здесь такая масса, что многие мореплаватели называют это западное прибрежье Огненной Земли «Млечным Путем». Под водой же, если присоединить и множество усыпавших дно подводных камней и скал, был полный хаос, настоящий лабиринт.

С частыми остановками для сбора организмов прошло не менее двух часов, прежде чем подводные исследователи приблизились к «Львиной голове».

Горелов уже ждал их. Он сидел на небольшом обломке, разбираясь в содержимом своего экскурсионного мешка, и захлопнул его, как только

различил фигуры приближающихся к нему товарищей.

— Давайте, друзья мои, разойдемся здесь в разные стороны, чтобы обследовать возможно большее пространство, — предложил зоолог. — Я пойду по направлению к островам Лондондерри, Федор Михайлович — южнее, к бухте Кука, а Скворешня с Павликом — на юг, в лабиринт островков вдоль острова Гести. С таким моряком, как Андрей Васильевич, Павлик не заблудится в этом лабиринте. Сбор здесь же, у этой скалы. В пути не разъединять телефонную связь.

— Я думаю, Арсен Давидович, — с живостью возразил Горелов, — что мы напрасно уменьшаем охватываемую область тем, что соединяем Скворешню с Павликом. Павлик мог бы и один пойти. Он уже такой опытный подводник… Еще в истории с кашалотом он показал себя прямо героем. А в случае каких-либо затруднений он всегда сможет нам пеленговать, и мы его быстро найдем… Не правда ли, Павлик? Ведь ты уже вырос из пеленок…

Он улыбнулся и ласково посмотрел на мальчика. Но Павлика внезапно охватил какой-то необъяснимый страх и почему-то сжалось сердце. Он отвел глаза и промолчал.

— А по-моему, — вмешался Скворешня, — предложение Арсена Давидовича самое правильное. Я ведь только потому и увязался за вами, что Иван Степанович, мой шеф, прекратил уже гидрофизические работы и оставил меня безработным. А в вашей зоологии я ни бельмеса не понимаю. Такого понахватаю вам, что рады не будете! Под руководством же такого опытного зоолога, як оций хлопчик, и я буду полезен.

После некоторого колебания Горелов перестал возражать против предложения зоолога. Все разошлись и через минуту потеряли друг друга в густых зеленоватых сумерках вод.

Глава XII
Последнее усилие Скворешни

Оставшись одни, Скворешня и Павлик запустили винты, поднялись на несколько метров над дном и понеслись на восток-юго-восток. Они плыли на трех десятых хода, остерегаясь многочисленных препятствий, смутные силуэты которых то и дело появлялись со всех сторон.

Встречая заросли водорослей, они пробивали их, спустив предохранительные решетки на винты. Через час перед ними возникла непрерывная

гранитная стена, границы которой как вверху, так и к северу и югу уходили, теряясь в подводной мгле. Стена была изборождена глубокими морщинами фиордов, бухт, массой больших и малых пещер, гротов, выступами мысов, нагромождениями свалившихся скал и обломков. Все было покрыто водорослями, тянувшимися к поверхности моря или стелющимися по дну: на огромных скалах и их обломках, на валунах и мелких камнях.

Павлик и Скворешня встали на дно. Вокруг них шмыгали разнообразные рыбы, промелькнул тюлень, в испуге бросившийся в сторону; морская выдра с большой рыбой в острых зубах резко взмыла кверху. По дну на водорослевом ковре ползала масса различных иглокожих, крабов, ракообразных.

— Отдать якорь! Приехали, товарищ начальник, — сказал Скворешня.

В увлечении занимательной охотой они долго блуждали по дну, среди хаоса «Млечного Пути», взбирались на отмели, на нагромождения скал, заглядывали в жуткую, полную тайн темноту подводных пещер и гротов.

Наконец мальчик объявил, что он устал и голоден.

— Давайте закусим и отдохнем, Андрей Васильевич, — предложил он. — Обедать мы сегодня не вернемся на подлодку — Арсен Давидович предупредил капитана.

— Знаю, — подтвердил Скворешня. — Ну что же! Глоток горячего какао не помешает.

Павлик случайно поднял глаза кверху. Высоко, у границ луча фонаря, быстро промелькнула длинная тень, отливающая металлически-матовым синим блеском.

— Что бы это было? — спросил себя Павлик вслух. — Должно быть, тюлень. Только узкий какой-то… Жаль, не разглядел.

— Ну, в другой раз увидишь, — равнодушно заметил Скворешня. — Закусывать так закусывать! И у меня аппетит разыгрался. Где бы тут присесть? — оглянулся он вокруг себя.

— Зайдем вот в эту пещеру, Андрей Васильевич, — сказал Павлик, указывая на темнеющий недалеко от них вход. — Осмотрим ее да там же закусим и отдохнем.

— Валяй, ваше благородие!

Над входом в пещеру, словно козырек, нависал небольшой свод, на нем громоздилось несколько

огромных скал, густо обросших водорослями. Скворешня и Павлик вступили в пещеру и, держа наготове ультразвуковые пистолеты, настороженно и тщательно осмотрели ее дно и стены. Пещера оказалась очень небольшим гротом, не больше двух метров в глубину. Два луча ярко осветили его. Грот был пуст; по дну и стенам ползали звезды, ежи, голотурии. На дне валялось несколько небольших валунов.

— Ну и чепуха! — сказал Скворешня, подвешивая пистолет к поясу. — А отдохнуть, поглотать какао здесь будет недурно. Садись, хлопчик, располагайся!

Они сняли мешки и сели рядом прямо на песчаное дно, опершись спинами о заднюю стену грота. Было уютно, как в ложе театра. Открыли патронташи, нажали кнопки от термосов и с наслаждением сделали несколько глотков.

— Хорошо! — довольно прогудел Скворешня.

Павлик хотел что-то ответить, но не успел. Глухой грохочущий гул неожиданно потряс стены грота. Перед входом мелькнула в песчаном облаке огромная темная масса и не далее чем в полуметре от вытянутых ног Скворешни ударилась о дно.

Одним прыжком Скворешня очутился на ногах

и кинулся к выходу.

Первое мгновение Скворешня в полном замешательстве стоял, не зная, что делать, перед высокой глухой стеной из гранита, плотно закупорившей грот. Потом с криком: «Мы заперты!» — бросился плечом вперед, на стену. С глухим металлическим звоном его отбросило, как мяч, назад. Скворешня стоял оглядываясь, словно ища чего-то. Крутые стены вздымались вокруг — немые, спокойные, равнодушные. Павлик сидел молча в том же положении, в каком его застигла катастрофа, окаменевший, бледный. Его губы что-то невнятно шептали, но Скворешне было не до него.

Успокоившись, он начал внимательно осматривать так неожиданно возникшее препятствие.

— Это скала, — рассуждал он вслух, — та скала, что нависала на козырьке над входом. Как она свалилась? Почему? Она стояла прочно. Я успел это заметить.

Павлик шевельнулся при этих словах, попробовал что-то сказать, но не смог: он словно онемел.

Скворешня на минуту замолчал, продолжая обшаривать скалу рукой. Потом он возобновил свое бормотание:

— Ни щели, ни просвета… Гляди, точно по зака-

зу. Как в гнездо засела.

Он опять замолчал, потом уперся в скалу и медленно, все сильней и сильней начал нажимать на нее. Лицо его сделалось багровым, жилы на лбу надулись, колонноподобные ноги уходили все глубже в песок. Казалось, этим гигантским усилием можно было опрокинуть гору. Но скала стояла не шелохнувшись. Вдруг лицо Скворешни посинело, и, тяжело дыша, он медленно опустился на дно у подножия скалы.

Павлик с криком бросился к нему:

— Андрей Васильевич, Андрей Васильевич, придите в себя!.. Андрей Васильевич, нам надо иначе… Выпейте глоток какао. Трубка перед вами. Надо иначе… иначе…

Скворешня приоткрыл глаза. С минуту он бессмысленно смотрел на Павлика, словно не узнавая его. Потом приподнялся на локте и сел у скалы, спиной опираясь на нее. Отдышавшись, он поднял голову:

— Что ты говоришь, Павлик? Как иначе?

— Нужно вызвать помощь из подлодки, Андрей Васильевич. Нужно взорвать скалу.

Скворешня безнадежно махнул рукой:

— Зови.

Павлик громко позвал:

— Арсен Давидович! Арсен Давидович!

— Слушаю, бичо. Чем ты так взволнован?

— Арсен Давидович, скала обвалилась и закрыла выход из маленькой пещеры, куда мы зашли. И Андрей Васильевич ничего не может сделать с ней. Помогите нам, Арсен Давидович! Вызовите помощь из подлодки.

— Что ты говоришь, бичо!

С этим возгласом зоолога, полным тревоги, переплелся глухой, взволнованный голос Горелова:

— Где это произошло, Павлик? Надо прежде всего найти вас!

— Мы плыли сначала на ост-зюйд-ост, ближе к осту, а потом шли все время на зюйд. Но тут ужасный лабиринт. Я не могу даже сказать, сколько километров мы проделали по дну.

— Арсен Давидович, — быстро заговорил Горелов, — я нахожусь к ним ближе. Вызывайте подлодку и договоритесь с вахтенным о помощи, а я пока поплыву на зюйд и попытаюсь отыскать их. Ладно?

— Хорошо, Федор Михайлович, — согласился зоолог. — Плывите.

— Павлик, — продолжал Горелов, — подавай мне непрерывно ультразвуковые пеленги.

— Но тут со всех сторон гранитная стена, сплош-

ная!

— Неужели нельзя найти хоть какую-нибудь щель?

— Андрей Васильевич говорит, что нет.

— Ага! Вот как! — сказал Горелов, и настороженному уху Павлика послышалась какая-то тень удовлетворения в его голосе.

— Укажи хоть какой-нибудь заметный признак возле вас.

Павлик задумался.

— Недалеко от нас, — вмешался Скворешня, — примерно в пятнадцати минутах ходьбы к норду, стоит высокая и тонкая, как шпиль, скала.

— Ну, и на том спасибо. Плыву.

Тяжелое молчание воцарилось в маленьком тесном гроте. Время тянулось медленно. Нарастала тревога и тоска. Изредка слышались вопросы, сообщения зоолога и Горелова. Ученый передавал, что отряд вышел уже из подлодки, снабженный патронами теренита — взрывчатого вещества огромной силы, и что он плывет отряду навстречу. Горелов говорил, что он медленно плывет к югу зигзагами, чтобы лучше обыскать местность и не пропустить скалистый шпиль. Марат и Цой, находившиеся в отряде, соединились по радиотелефону с Павликом и Скворешней и

старались подбодрить и развлечь осужденных на бездействие узников гранита.

Часы уходили за часами. Время от времени Скворешня вслух задавал себе вопрос, очевидно с особой силой и настойчивостью мучивший его:

— Почему она свалилась? Если бы было землетрясение, то все остальные скалы последовали бы за ней. Не понимаю.

И каждый раз, когда Скворешня заговаривал об этом, Павлик порывался что-то сказать, но не решался. Наконец, как бы невзначай, он промолвил:

— Андрей Васильевич, вы видели, как скала падала?

— Нет. Я смотрел на стену. А что?

— А я как раз видел…

— Ну и что?

— Когда скала упала, то не сразу закрыла вход… Ее верхняя часть описала дугу слева направо. И вот в последний момент, в самый последний момент, когда уже оставался только узкий просвет между стеной и скалой, я увидел… а может быть, мне показалось…

— Ну, говори же. Павлик, чего ты тянешь?

— Мне показалось, что в просвете опять промелькнул, но теперь уже сверху вниз, почти

рядом со скалой тот самый синеватый тюлень…

— Тюлень?! Так что же из этого? Не думаешь ли ты, что он задел скалу и так удачно сбросил ее?

— Разве смог бы тюлень это сделать? Я думаю… тюлень ли это был?

— Почему же нет? Правда, я не видел его тогда, когда он пронесся над нами.

— Странный какой-то тюлень! Узкий, длинный. И плечи не покатые, сливающиеся с шеей, а прямые, квадратные… И не работал ни ластами, ни хвостом. Да и хвост, я заметил, какой-то обрубок. Знаете, Андрей Васильевич… — Павлик почему-то оглянулся и понизил голос до шепота. — Знаете… что-то было в его фигуре человеческое…

— Ну что ты, Павлик, говоришь! Откуда здесь мог появиться человек? Да еще плавающий так быстро?

— Просто померещилось тебе, Павлик, с испугу! — послышался вдруг глухой, чуть насмешливый голос Горелова.

Павлик вздрогнул, опустил глаза:

— Не знаю… может быть, мне показалось. Скворешня пожал металлическими плечами и погрузился в какие-то свои размышления. Наконец он поднял голову и сказал:

— Если мы не найдем способа пеленговать,

то, пожалуй, дело затянется до бесконечности. Вернее, до конца наших запасов кислорода. Надо что-нибудь предпринять, сделать хоть маленькую щель… Вот что, Павлик: давай-ка еще раз пошарим — не найдем ли мы все-таки такую щель. Прошлый раз я, может быть, и пропустил ее… волновался, надо признаться…

Они начали тщательно осматривать линию, по которой скала прилегла к краям входа. Поиски оказались напрасными: скала плотно — действительно, как по заказу, — слилась с линией входа и выступами вокруг него.

— Та-а-ак!.. — протянул Скворешня задумавшись. — Придется попробовать пустить в ход ультразвук. Может быть, ему удастся пробить края скалы: там она, вероятно, тоньше.

Начал свою неслышную работу ультразвуковой пистолет Скворешни, с дулом, плотно приставленным к одной точке края скалы. Гранит медленно распадался на небольшие комки, которые легко потом под пальцами Павлика превращались в грязь. Но мощность ультразвукового луча пистолета была недостаточна, чтобы быстро разрушить скалу. Лишь ультразвуковой пушке «Пионера» это было бы под силу. Мощность быстро падала, и, когда она совсем иссякла в

двух аккумуляторах, в скале оказался небольшой тонкий канал, длиной около десяти и диаметром в три сантиметра.

Павлик отстегнул свой пистолет и протянул его Скворешне. Тот отрицательно покачал головой:

— Не годится, Павлик… Еще десять сантиметров канала — этого мало. Скала здесь, очевидно, слишком толста. А пистолет может еще пригодиться.

— Тогда знаете что, Андрей Васильевич, — сказал Павлик, — почему бы нам не попробовать подрыться под скалу, сделать подкоп? А? Право! Дно, наверно, мягкое, песчаное, и мы быстро сделаем себе ход. Как кроты! А?

Глаза Павлика радостно сверкали, он был очень доволен своей идеей.

— Правильно! Хорошая мысль! — одобрил его предложение Скворешня. — Рыть — так рыть скорее! У нас уже остается мало времени…

— Времени? — удивился Павлик. — А кто его отнимает у нас?

— Мы сами, хлопчик, — ответил Скворешня, снимая с пояса свой универсальный топорик и делая первый удар по песчаному дну. — Мы съедаем кислород и с каждой, для примера сказать, съеденной нами каплей кислорода мы съеда-

ем часть нашей жизни… Выгребай песок… Ах, дьявол!..

Топорик звякнул о что-то твердое, под лезвием засверкали искры.

— Гранит! — сказал Скворешня и, делая все новые удары в разных местах у основания скалы, непрерывно повторял: — Гранит… Гранит… Ну, Павлик, идея твоя прекрасна, но никуда не годится. Сам видишь: ничего не поделаешь… А теперь я присяду. Устал очень. И душно что-то. Фу-у-у!.. Должно быть, кислород у меня подходит к концу…

— Да что вы, Андрей Васильевич! — проговорил, бледнея, Павлик. — Я не чувствую никакой духоты…

— Ты маленький… А я вон какая махина! Я больше съедаю кислорода. Надо уменьшить подачу, экономить.

Он открыл свой патронташ и, переведя кнопку «кислород» на новую позицию, с трудом, глубоко и порывисто дышал, стараясь захватить как можно больше воздуха.

— Как вы себя чувствуете, друзья мои? — послышался вдруг голос зоолога. — Весь отряд рассыпался цепью, и каждый из нас по участкам обследует дно. Ищем скалу, похожую на шпиль.

— Боюсь, Арсен Давидович… — ответил, задыхаясь, Скворешня, — не дождусь… У меня… кончается кислород… Начинается удушье…

— Держитесь!.. Держитесь, Скворешня! — испуганно закричал ученый. — Мы ускорим поиски! Еще немного! Экономьте кислород! Не разговаривайте!

— Есть не разговаривать! — пробормотал гигант и лег на спину, упираясь плечами в заднюю стену грота. Он попытался вытянуться во весь свой огромный рост, но не смог: ноги встретили скалу и остались в согнутом положении, коленями вверх.

Прошло пятнадцать, двадцать минут. Прошло полчаса. Павлик с ужасом смотрел на лицо Скворешни. Оно искажалось страданием, его заливала багровая краска, широко открытый рот напрасно ловил воздух, но именно того, чего он искал — драгоценного кислорода, — уже почти не было…

— Прощай, хлопчик… Умираю… Дыши медленно… Береги кислород…

Он начал бормотать что-то невнятное. Павлик чувствовал, как его охватывают ужас и отчаяние. Он готов был броситься на эти безжалостные гранитные стены, бить кулаками, рвать пальцами, только бы спасти своего друга. Ему было

страшно смотреть на страдания умирающего, но в то же время он не мог, не в силах был отвести от него глаза.

— Андрей Васильевич… голубчик… — невнятно говорил он дрожащими губами. — Может быть, можно как-нибудь перелить к вам хоть немножко моего кислорода? Скажите! Скажите, как это сделать?

Гигант отрицательно покачал головой и, глубоко и прерывисто дыша, бормотал что-то неразборчивое, изредка выкрикивая:

— Проклятая!.. Посмотрим!.. Покажу!..

Огромные ступни его ног, упиравшиеся в основание скалы, пришли в движение. Они медленно поползли вверх по скале. На высоте полуметра от дна они встретили выступ и перебрались на него. Теперь ноги еще больше согнулись. Рука гиганта медленно приблизилась к открытому патронташу, металлические пальцы нащупали кнопку «кислород» и передвинули ее на полную, до отказа, подачу газа.

«Для чего? — подумал со страхом Павлик. — Ускорить конец?…»

Лежа на спине, упираясь ногами в выступ скалы, а плечами в заднюю стену грота, Скворешня затих в этой необычайной позе. Лишь глубокое

дыхание показывало, что он еще жив и что в его огромном теле с новой силой разгорается огонь. Потом неожиданно прекратилось дыхание, и Павлику показалось, что все кончено…

Вдруг ужасный, полный яростного гнева и вызова крик потряс стены грота и оглушил оцепеневшего от ужаса Павлика.

Все гигантское тело Скворешни внезапно наполнилось утроенной мощью и жизнью. В сверхчеловеческом усилии напряглись огромные согнутые ноги, выгнулась кверху грудь, и казалось — погружались в стену широкие металлические плечи.

— А-а-а! — гремел гигант сквозь оскаленные зубы. — Прок-кля-та-я!.. А-а-а!..

Колонноподобные ноги дрожали во все возрастающем напряжении. Словно из неведомого, иссякающего источника приливали в тело гиганта все новые и новые силы, которым, казалось, не было конца. И вместе с ними все выше и выше гремел его голос.

Прижавшись к стене, Павлик не верил своим глазам: ему показалось, что скала покачнулась и пришла в движение! Под его шлемом бились, звеня и сплетаясь, испуганные голоса друзей:

— Павлик! Что случилось?… В чем дело? Поче-

му так кричит Скворешня? Павлик! Павлик!.. Да отвечай же!..

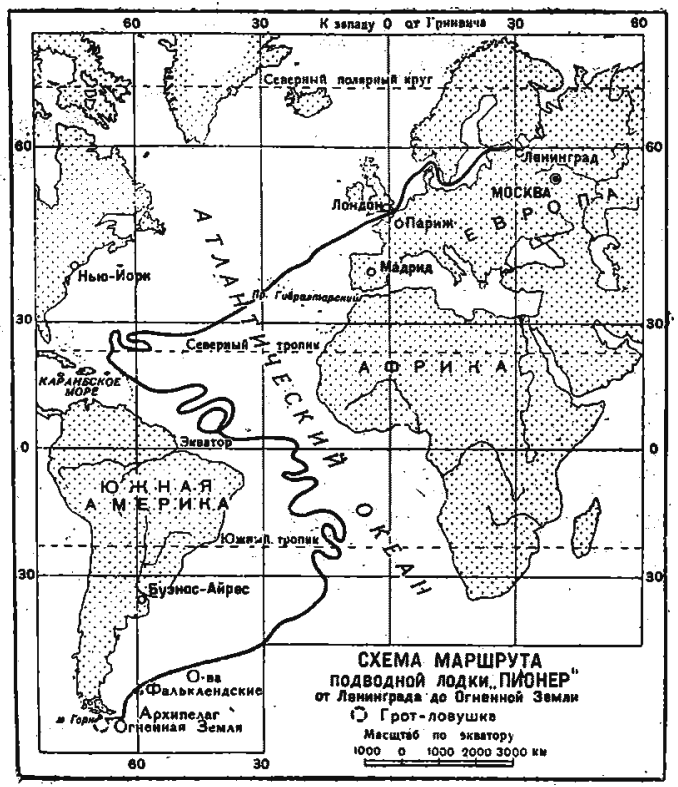
Павлик ничего не слышал, никому не отвечал: он не мог прийти в себя.

Скала подавалась. Она колебалась. Она наклонялась под исполинским напором Скворешни. Еще! Еще немножко!

И вдруг, сорвавшисьс места, Павлик бросился к скале, и его пронзительный крик сплелся с громовым криком Скворешни:

— Ура-а-а!.. Еще немножко!..

Всеми своими маленькими силами мальчик налег на скалу возле огромных ног гиганта. И словно именно этого последнего грамма усилий не хватало Скворешне для полной победы. Скала дрогнула, закачалась и рухнула наружу, на покатое дно. Выход был открыт!


60
30
К западу 0 от Гринвича
30
60
Северный полярный круг
Ленинград
МОСКВА
ЕВРОПА
Лондон
Париж
Мадрид
Нью-Йорк
Пр. Гибралтарский
Северный тропик
АФРИКА
КАРИБСКОЕ МОРЕ
Экватор
АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН
ЮЖНАЯ АМЕРИКА
Южн. тропик
Буэнос-Айрес
О-ва Фолклендские
Архипелаг
Огненная Земля
м. Горн
СХЕМА МАРШРУТА
подводной лодки „ПИОНЕР"
от Ленинграда до Огненной Земли
Грот-ловушка
Масштаб по экватору
1000 0 1000 2000 3000 км

Ноги Скворешни бессильно упали, умолк его громоподобный голос, закрылись глаза, и, огромный, закованный в металл, он безжизненно вытянулся на песчаном дне грота.

Сквозь песчаное облако, поднятое со дна, дрожа от нетерпения и восторга, Павлик вскочил на поверженную скалу и выбежал наружу. Его звенящий голос понесся в пространство:

— Сюда! Сюда! Скворешня сбросил скалу! Скорее на помощь! Он умирает! Скорее! Я пеленгую ультразвуком! Ловите! Ловите! По глубиномеру — семьдесят два метра от поверхности!

Он водил дулом пистолета, и во все стороны помчались неслышные гонцы — вестники победы и горя.

Павлик не смог бы сказать, сколько прошло времени в этом лихорадочно напряженном ожидании — минута или час, когда из подводной тьмы вдруг донесся радостный крик Марата:

— Поймал! Поймал! Держи луч, Павлик! Держи! Плыву точно на норд-ост! Ко мне! Ко мне, товарищи!

И отовсюду — с севера, с запада, с юга — понеслись радостные восклицания, восторженные крики.

— Плыву за тобой, Марат, — доносился голос

Цоя.

— Сейчас будем у тебя, бичо!.. — кричал зоолог.

— Держись, Павлик! Держись, мальчуган! — говорил комиссар Семин. — Сюда, сюда, Матвеев! Вот я!

Словно рой сорвавшихся с темного неба звезд, неслись к Павлику со всех сторон огоньки фонарей. Павлик опустил онемевшую руку с пистолетом и лишь поворачивал шлем с фонарем на все румбы, словно маяк, привлекая к себе огоньки спешивших друзей. Огоньки росли, множились и вдруг завертелись вокруг Павлика бешеным хороводом, ослепляя его, заполняя всю окружающую темноту.

Рой звезд налетел, словно вихрь. В один миг десятки рук подхватили безжизненные тела Скворешни и Павлика, и через минуту отряд стремительно несся в открытый океан, к подлодке «Пионер», замершей в ожидании на глубине двухсот метров.

Глава XIII
Скромные расчеты

Старший лейтенант Богров нажал кнопку на центральном щите управления и повернул

небольшой штурвал со стрелкой на несколько делений вправо.

«Пионер» приподнял нос и устремился по наклонной линии вперед, набирая высоту. На глубине в триста метров он выровнялся и продолжал движение на юг.

— Так хорошо, Иван Степанович? — спросил старший лейтенант Шелавина.

— Отлично! Абсолютно все видно, — простуженным тенорком удовлетворенно ответил океанограф, не спуская близоруких, прищуренных глаз с купола экрана.

На куполе медленно проносились огромные темные массы. Одни из них заполняли большие пространства на поверхности океана, другие, поменьше, глубоко опускали вниз свои подводные части. Порой казалось, что они вот-вот коснутся ими горбатой спины подлодки, но «Пионер» спокойно и уверенно проходил под ними, лишь изредка наклоняя свой нос и затем выравниваясь на заданной ему глубине в триста метров.

С запрокинутой головой океанограф спросил:

— На какой мы точно широте, Александр Леонидович?

— Пятьдесят восемь градусов сорок минут южной широты, восемьдесят градусов западной

долготы от Гринвича, — ответил старший лейтенант.

— Какое множество айсбергов!

— Здесь уже зима, Иван Степанович.

— Да, конечно… Но для начала зимы их все-таки слишком много. Всего лишь десятое июля.

Наступило молчание. Через несколько минут оно было нарушено появлением зоолога и Павлика.

— Пожалуйста, Арсен Давидович!

— Ага! Льды! Это интересно! — воскликнул зоолог, взглянув на экран.

— Здесь они совсем иначе выглядят… — заметил Павлик — Когда мы на «Диогене» встретились с айсбергом, я успел его рассмотреть. Он был гораздо выше «Диогена» и весь сверкал. И словно вырезной весь, в украшениях…

— Ничего удивительного, — проговорил Шелавин. — Тогда ты видел верхнюю, надводную часть, а сейчас перед нами подводные части айсбергов. Надводную часть разрушают солнечные лучи, теплые ветры, дожди, а подводная часть больше сохраняется, на нее действуют только теплые течения, омывающие ее. Она гораздо больше надводной части. В пять-шесть, а иногда и в семь раз больше… Вот сейчас «Пионер» накло-

нился и нырнул глубже, чтобы обойти одну такую подводную часть айсберга. А ведь «Пионер» идет на глубине трехсот метров! Значит, этот айсберг погружен своей нижней частью в воду больше чем на триста метров. И его надводная часть, следовательно, поднимается над поверхностью океана больше чем на пятьдесят метров. Таким образом, общая высота айсберга равна, пожалуй, четыремстам метрам. Вот какая высота! А знаете ли вы, позвольте вас, молодой человек, спросить, что встречаются айсберги общей высотой до шестисот-семисот метров?

— Ой-ой-ой! — ужаснулся Павлик. — Семьсот метров! Неужели море замерзает на такую глубину?

Океанограф даже крякнул от удивления и оторвал глаза от экрана. Потом с досадой пожал плечами и вновь поднял глаза к куполу:

— Как можно предполагать такие глупости, позвольте вас спросить? Чтобы море промерзало на семьсот метров?! В самые лютые зимы море покрывается льдом, который к лету достигает толщины не более трех-четырех метров. Кроме того, при таянии морской лед дает солоноватую воду, а айсберги состоят из пресного льда. Ясно, что они образуются не из морской воды, а из

пресной. А такая вода находится только на поверхности земли. Значит, и айсберги образуются на земле…

— Как же… как же они здесь?… — недоумевал Павлик. — Как же они очутились в море?

— Слыхали ли вы что-нибудь о ледниках, позвольте вас спросить? — запальчиво воскликнул океанограф, которого, очевидно, раздражали слишком, по его мнению, наивные, «безграмотные» вопросы Павлика. — Чему вас учат там, в ваших гимназиях и колледжах?

— Да, я знаю… немножко… — робко возразил Павлик. — Ледники — это такие ледяные потоки на высоких горах, где очень холодно. Они спускаются вниз, где потеплее. Ну, и там тают и дают начало ручьям и рекам.

— Ледяные потоки… гм… ледяные потоки… — ворчал океанограф. — Ну ладно, пусть потоки! А в северных и южных полярных областях лед покрывает не только вершины высоких гор, но и вся земля бывает целиком покрыта им. Он так и называется «материковым льдом». Почти вся Гренландия, величайший остров в мире, площадью в два миллиона сто тысяч квадратных километров, покрыта, за исключением узкой полосы по берегам, материковым льдом. Из

года в год, столетие за столетием на его поверхности накоплялся снег, который постепенно, под собственной тяжестью, превращался в лед. Этот лед нарастал все выше и выше, и теперь на Гренландии лежит ледяной щит толщиной в два километра, а в некоторых местах даже больше! Примерно то же самое наблюдается и на южном полярном, Антарктическом, материке. От этих материковых льдов отделяются ледниковые языки, которые спускаются к морю, скользят сначала по его дну и наконец, когда дойдут до глубоких мест, всплывают. Ветер и волны расшатывают их, действует и собственная тяжесть, и наступает момент, когда конец ледникового языка отламывается в виде ледяной горы и уплывает в море. Вот если мы подойдем к берегу материка, нам, может быть, удастся увидеть это явление… Александр Леонидович, как далеко мы спустимся к югу?

— Как скажет капитан, — последовал неопределенный ответ.

В этот момент отодвинулась дверь, в рубку вошел капитан. Он молча, кивком головы, поздоровался со всеми, быстро прошел в радиорубку и закрыл за собой дверь.

— Радиограммы из Политуправления еще нет? — задал он Плетневу свой обычный в последние

дни вопрос.

— Есть, товарищ командир. Сейчас принял, — сказал Плетнев, подавая капитану листок, целиком заполненный строками цифр.

— Наконец-то… — проговорил капитан вполголоса, сложил листок вчетверо, спрятал его во внутренний карман и вышел из радиорубки в центральный пост. Здесь он подошел к зоологу и спросил его: — Значит, завтра в восемь часов ваша первая станция в этих водах?

— Да, капитан.

— Сколько человек?

— Я, Иван Степанович, Сидлер, Цой и Павлик… Всего пять человек.

— Хорошо… Александр Леонидович, — обратился капитан к старшему лейтенанту, — завтра с утра ваша вахта?

— Так точно, товарищ командир!

— Выпустите партию в составе пяти человек, перечисленных Арсеном Давидовичем. Крейсируйте вокруг нее по радиусу километров в пятьдесят… Больше никого не выпускать.

— Слушаю, товарищ командир!

Капитан повернулся и вышел в коридор. В раскрывшуюся на минуту дверь ворвались приглушенные, но в бешеном темпе звуки лезгинки.

— Уже! Скоро начнется! — закричал Павлик, хлопая в ладоши. — Идемте скорее в красный уголок! В красный уголок! — И громким шепотом, как бы под строжайшим секретом, сообщил: — Сегодня вечером команда встречает Скворешню. Скворешня выписывается из госпиталя!

Войдя в свою каюту, капитан запер за собой дверь, сел за письменный стол и достал из его потайного ящика книгу шифров. Он долго переводил строки цифр радиограммы в буквы и слова. Дойдя до конца, он с выражением досады откинулся на спинку кресла, подумал и снова наклонился над столом, читая теперь радиограмму полностью, уже не отрываясь. Вот что он прочел:

> «Ответ задержан для проверки старых и получения новых материалов из Токио и Нагасаки».

Во время первой командировки, в Нагасаки, пять лет назад, Горелов прекрасно выполнил задание, за что по возвращении был награжден орденом «Знак Почета». За два года, проведенные в командировке, много работал, изредка ходил в театры, кино, музеи, буддийские храмы, знакомился с достопримечательностями страны. Часто проводил свободные часы в обществе членов

советской колонии в Нагасаки и Токио.

В следующую командировку, в Токио, два года назад, встретился с Абросимовыми, отцом и дочерью, стал бывать у них все чаще. С дочерью, Анной Николаевной, часто посещал театры, первоклассные рестораны и кафе, аристократические дансинги. Жил довольно широко. Жалованье было у него немалое, однако вряд ли его хватало. В этот период времени с членами советской колонии встречался изредка. Его дядя, Николай Петрович Абросимов, — бывший царский генерал, правительством Керенского был командирован в Японию для закупок и приемки военного снаряжения. Революция 1917 года застала его там, и в Советскую Россию он не вернулся. Дочь родилась в Японии. Жена умерла десять лет назад. Живет широко, источники доходов неизвестны. Говорят, играет на бирже. Имеет большое знакомство среди японских военных. Задание второй командировки Горелов выполнил также хорошо.

Будучи третий раз в Токио, он вел примерно такой же образ жизни, часто бывал у Абросимовых. Говорили, что дочь Абросимова стала невестой Горелова, хотя огласки никакой не было. «О каких-либо деловых или секретных вза-

имоотношениях Горелова с Абросимовым-отцом подозрительных сведений не имеется».

Капитан задумчиво играл карандашом, потом бросил его на радиограмму и встал.

— Вот и изволь делать заключения, — пробормотал он и принялся ходить по комнате, заложив по привычке руки за спину.

Он ходил все быстрей и быстрей, часто останавливался и вновь возобновлял хождение.

Генерал… Да, да… Этот генерал был ему подозрителен… И тут же красавица дочь… Самая подходящая завязка, черт побери! Но как могла бы осуществляться связь? Ведь радиостанции-то нет! Да еще дальнего действия… И все-таки… все-таки кто-то как-то сообщал о маршруте! Внимание, капитан! Будьте осторожны, капитан! Обыск? Но почему же именно у него, у Горелова? Из двадцати шести человек именно у него? А хотя бы по тому одному, что только у него одного такое подозрительное… ну, не подозрительное, пусть просто сомнительное место в биографии. Орденоносец… Обида… (Капитан почувствовал смущение, неловкость.) Ведь, в сущности, нет никаких оснований, никакого повода… Ну и что же? Лучше маленькая обида одному человеку, чем риск огромного несчастья с двадцатью шестью

человеками, с подлодкой… Несчастья для всей страны! Для Родины! Для Родины несчастье!

И с сжатыми кулаками, с глазами, полными решимости, капитан направился к письменному столу.

* * *

Красный уголок был полон народу. В дальнем углу небольшой оркестр играл непрерывно. Веселье было в полном разгаре.

Младший механик Козырев и физик Сидлер, лучшие танцоры в команде, лихо отплясывали «русскую», выделывая необыкновенные па, выбрасывая такие коленца, что то и дело вызывали аплодисменты и крики восторга. Но среди этого веселья многие время от времени нетерпеливо поглядывали на дверь. И все же дверь раздвинулась неожиданно для всех, в момент, когда Сидлер, присев, завертелся волчком на одной ноге, и уже не оркестр вел танцора — сам он едва поспевал за ним. Стук двери прервал музыку, оркестр оборвал на полуноте, сразу наступила тишина.

В двери появился маленький, чернявый и вертлявый Ромейко, помощник механика. На пороге он остановился и торжественным голосом

герольда возгласил:

— Честь имею представить достопочтенной публике знаменитого атлета, победителя гор, укротителя акул и других морских чудовищ, первоклассную тяговую силу, которая рвет постромки, сделанные даже из «Макроцистис перифера», коренника тройки водолазов, красу и гордость команды — могучего, непобедимого Андрея Вас…

— Будет тебе паясничать, вертушка! — добродушно прогудел из коридора хорошо знакомый всем бас, и в дверях, нагнув голову, показалась огромная фигура Скворешни. — Здравствуйте, ребята!..

Скворешня был в белом кителе с серебряными пуговицами и широких черных брюках. Лицо его было немного бледно, но длинные светлые усы, как всегда, в полном порядке, а маленькие глаза весело, может быть даже задорно, сверкали.

Не успел он появиться в двери, как оркестр грянул туш, загремели аплодисменты, послышались веселые приветствия, и пять человек выступили вперед, навстречу Скворешне, с гитарой, мандолиной и балалайками в руках.

Они выстроились перед ним и, отвешивая ему древнерусские поясные поклоны, в наступившей

тишине запели старинным былинным сказом:

Ай не волна ли так на море расходилася?

Ай не сине ли море всколыхнулося?

Ай взволновался то могутный богатырь,

То советский богатырь, Андрей свет-Васильевич.

Ой ты гой еси, водолаз старшой,

Водолаз старшой подлодки «Пионер»!

Как пошел гулять по дну моря синего!

Как взмахнешь ты правой рученькой —

Средь акульих стад переулочек!

Как тряхнешь ты левой ноженькой —

Скалы прочь летят, волны в берег бьют…

С минуту Скворешня растерянно смотрел на сказителей этой новой былины, потом смущенно взмолился:

— Да бросьте выть! У меня зубы заныли от этого. Ну что, право, заладили: богатырь! Рученька-ноженька! Скалы прочь летят!.. И совсем не так было дело.

— И тебя там даже не было совсем! — подхватил, смеясь, Марат. — Одна клевета на бедного Андрея!

— Я не я, и кобыла не моя, и я не извозчик… Так, что ли, Андрей Васильевич? — язвил под общий смех зоолог.

— Да нет же, товарищи дорогие! — защищался Скворешня. — Ведь вы же забываете самые главные факторы. Без них никакие рученьки-ноженьки не помогли бы мне.

Со всех сторон послышались возгласы:

— А ну, ну! Говори-выкладывай!

— Раскрывай свои секреты!

— Да-да! Интересно! Может быть, они и нам пригодятся.

Скворешня широко расставил ноги и начал загибать огромные пальцы:

— Во-первых, товарищи, вы совершенно забываете закон Архимеда: каждое тело, погруженное в жидкость, теряет в своем весе столько, сколько весит жидкость в объеме, вытесненном этим телом. Какой объем был у этой гранитной скалы? Высота примерно четыре метра, длина два метра, ширина два метра — значит, ее объем — два на два на четыре, то есть шестнадцать кубометров воды, или столько же тонн воды. При удельном

весе гранита два и шестьдесят пять сотых вес скалы равен: шестнадцать на два и шестьдесят пять сотых… Ну, математики, помогите!

— С округлением — сорок две тонны, — откуда-то из угла медленно прогудел Горелов.

Скворешня с уважением посмотрел на него через головы окружающих:

— Это вы в уме так быстро подсчитали? Вот это здорово!

— Ничего не поделаешь, — усмехнулся Горелов, — профессия такая…

— Ну ладно! Значит, вес скалы сорок две тонны. Воды она вытеснила шестнадцать тонн. Значит, скала весила в воде только двадцать шесть тонн.

— Только-то? Ну-ну! — с ироническим восхищением произнес Матвеев.

— Пойдем дальше, — загнул Скворешня второй палец, пропуская мимо ушей иронию Матвеева — Дно у входа в грот было сильно покато кнаружи, и от этого центр тяжести скалы тоже переместился кнаружи. Это облегчило мне задачу примерно наполовину, то есть снизило вес скалы до тринадцати тонн. Учтите еще, — Скворешня загнул третий палец, — мою хорошую позицию, при которой ноги превратились в прекрасные рычаги, — это сэкономило мне еще тонны три…

— Честное слово, — расхохотался лейтенант Кравцов, — еще немного — и от скалы ничего не останется! И вообще ничего не было и ничего не произошло!

— Нет-нет! — возразил под общий смех Скворешня, загибая четвертый палец. — На десяти тоннах я останавливаюсь. И это нагрузка, с которой я ни за что не справился бы, но мне помог четвертый фактор — страх... Да-да! Откровенно говорю — страх смерти! Нечего тут стыдиться... Именно он удвоил мои силы. Но даю вам честное слово, товарищи, что, хотя скала и начала под конец подаваться, я чувствовал, что я уже у предела моих сил. И тут появился пятый фактор. Пятый, решающий фактор! Фактор, который в последний, критический момент решил мой спор со скалой в мою пользу! А ну-ка, кто отгадает, что это за фактор, а?

— Ты вспомнил, что еще не простился со мной! — закричал, смеясь, Марат.

— Ничего подобного! — категорически возразил младший акустик Птицын.

— Он вспомнил, что должен мне двадцать рублей, и не захотел уйти из этого мира с маркой жулика. Отдавай деньги, Андрей Васильевич!

— Я знаю! Я знаю! — закричал Шелавин. — Сам

господь бог Саваоф явился к вам во всей силе и славе своей!

Покрывая общий смех, Скворешня раскатисто и громоподобно захохотал:

— Да, дождешься его! Мало у него своих неприятностей на земле! Ну ладно! Вижу, что не догадаетесь. Воображения не хватает. Дело решил, — сказал он, торжественно повышая голос, — дело решил… Да где же он?… Ага! Иди, иди сюда! Нечего прятаться. Иди, не бойся!..

Скворешня схватил за плечо растерявшегося Павлика и вытащил его на середину отсека:

— Вот кто решил мой спор со скалой! Павлик решил дело, и никто другой!

Возгласы недоверия, удивления, восхищения послышались из всех уст.

— Да, да, да! — продолжал греметь Скворешня. — Когда я почувствовал, что силы мои кончаются, я, словно сквозь туман, увидел вдруг, как Павлик с громким криком «ура» бросился к скале и изо всех сил налег на нее. Тогда и во мне вспыхнула какая-то новая искра. И скала полетела. Это было последнее, что я помню.

— Ура! Браво, Павлик! Браво, мальчуган! Качать его! Качать! Ура!

В красном уголке творилось что-то невообрази-

мое. Люди кричали, аплодировали, подбрасывали к потолку визжавшего от страха и восторга Павлика. Оркестр во всю мочь гремел туш.

— Славный мальчишка, — с теплой улыбкой сказал комиссар Семин стоявшему рядом с ним возле двери Цою.

Цой молча кивнул в ответ, опасливо следя за взлетами раскрасневшегося Павлика.

Вдруг он заметил, что радость исчезла с лица мальчика, что в глазах его промелькнул настоящий, неподдельный страх и лицо покрылось бледностью. Какое-то безотчетное чувство тревоги стиснуло сердце Цоя, и, перехватив взгляд Павлика, он быстро посмотрел направо, в угол.

Там стоял Горелов. Цой бессознательно сжал руку комиссара и мельком взглянул на него. Чуть сдвинув брови, комиссар пристально смотрел на Горелова. Тот, разговаривая с главным акустиком Чижовым, на один момент отвернулся от своего собеседника и через головы окружающих бросил мрачный, полный ненависти и злобного огня взгляд на Павлика, высоко взлетевшего в этот момент к потолку. Этот взгляд и Цой и комиссар успели одновременно перехватить.

Радостный визг Павлика умолк. Бледный, он стал вырываться из ласковых рук и объятий.

— Что, голова закружилась? Качки не выдержал? — спрашивал Скворешня, смеясь и покручивая длинный ус.

— Да где же ему привыкнуть к ней, когда и сам «Пионер», кажется, никогда ее не испытывал, — сказал Марат, гладя Павлика по голове.

— Тут и настоящий морской волк, пожалуй, раскиснет, в этой спокойной люльке, — поддержал Марата Матвеев.

Цой пробился сквозь окружавшую Павлика толпу и, обняв его за плечи, увел в дальний угол отсека, к широкому мягкому креслу.

Они уселись в него, тесно прижавшись друг к другу; рядом, близко к креслу, сел на стул комиссар.

Тем временем начались танцы. Скворешня с неожиданной для его фигуры легкостью и плавностью танцевал вальс с Матвеевым в качестве дамы. Вообще от «дам» у него не было отбоя: все напрашивались к нему.

Цой нагнулся к мальчику и с тихой лаской спросил:

— Что с тобой случилось, голубчик? Чего ты вдруг так испугался?

Павлик еще крепче прижался к Цою и закрыл глаза.

— Так… — едва слышно ответил он. — Ничего.

Потом, встрепенувшись, раскрыл широко глаза, засверкавшие неожиданным гневом и возмущением. Румянец покрыл его щеки, и сжались кулаки.

— Он злой… злой, нехороший человек! — заговорил он прерывающимся голосом. — Он до сих пор не может мне простить. Такой пустяк! Я ведь тогда же извинился. Я же нечаянно…

У него задрожали губы, и опять, закрыв глаза, он замолчал.

— Кто? — спросил Цой, мгновенно заразившись обидой и возмущением мальчика.

Павлик молчал.

— Федор Михайлович? — опять тихо и настойчиво спросил Цой.

Павлик кивнул головой.

— Что же он тебе не простил? За что, ты думаешь, он сердит на тебя?

— Ну, пустяк… понимаешь, пустяк! — опять взволновался Павлик, устремив на Цоя горящие глаза. — За мешок. Помнишь, в выходной камере мы с Маратом поспорили из-за морского ежа, и я мешком его по шлему ударил. А мешок-то был Федора Михайловича. Но ведь это же нечаянно! Я же не нарочно!

— Федор Михайлович сделал тебе выговор?

— Нет… Он только так злобно посмотрел на меня, что я даже испугался. Он тогда у меня вырвал из рук ящичек из его пишущей машинки и так посмотрел, как будто готов был зарезать меня. Вот как сейчас…

Комиссар резко перебросил ногу на ногу.

— Какой ящичек? — спросил он.

— Ну, я же сказал — из его пишущей машинки. Для запасных частей машинки, — равнодушно ответил Павлик и, словно успокоившись, после того как излил свое возмущение, стал с возрастающим интересом смотреть на вальсирующую комичную пару — Скворешню и Марата.

Марат дурачился, кривлялся, нарочно путал и коверкал па, наступал на ноги своему партнеру. Скворешня наконец рассердился, приподнял его, как котенка, над полом и продолжал вальсировать один, держа свою «даму» в воздухе. Марат уморительно болтал ногами, безуспешно пытаясь вырваться из железных объятий своего партнера, наконец закричал «караул»…

Павлик не выдержал, расхохотался и, сорвавшись с места, подбежал к Скворешне.

— Бросьте этого кривляку, Андрей Васильевич! — звонко смеясь, закричал он. — Давайте со мной!

Я буду хорошо танцевать! Честное пионерское!

— Давай, давай, хлопчик! — радостно встретил его гигант. — Что, уже очухался?

Он поставил на пол Марата, дал ему шлепка под спину, отчего тот под общий хохот пулей полетел к дверям, вполне, впрочем, довольный, что вырвался наконец из тисков своего приятеля.

Оркестр сменил вальс на польку, и Павлик, как расшалившийся козленок, запрыгал возле своего партнера.

Цой остался один в кресле, глубоко задумавшись, не замечая шума музыки и общего веселья. Комиссар тоже молчал.

После танцев, «по настойчивому требованию публики», как объявил конферансье вечера Ромейко, Павлик с подъемом прочитал свою поэму «Победители глубин». Ему бешено аплодировали и заставили некоторые места бисировать. Наконец комиссар объявил распорядок занятий и развлечений на следующую пятидневку.

Разошлись за полночь, усталые, веселые, довольные, под бравурные звуки марша. В красном уголке остались только два человека — комиссар и Цой. Некоторое время они сидели молча. Потом комиссар тихо сказал:

— Как вы думаете, Цой, что все это значит?

Цой медленно провел рукой по своим блестящим черным волосам и откинулся на спинку кресла:

— Ничего не могу понять! Ясно только, что Федор Михайлович за что-то невзлюбил Павлика. Но за что? Такого славного, безобидного мальчика! Не может же быть, что из-за мешка…

— Да-а-а… — протянул комиссар, задумчиво глядя куда-то в пространство. — И еще какой-то ящичек… Странная история! Впрочем, мне кажется, она началась гораздо раньше.

Цой вскинул на комиссара удивленные глаза:

— Раньше? Из-за чего же?

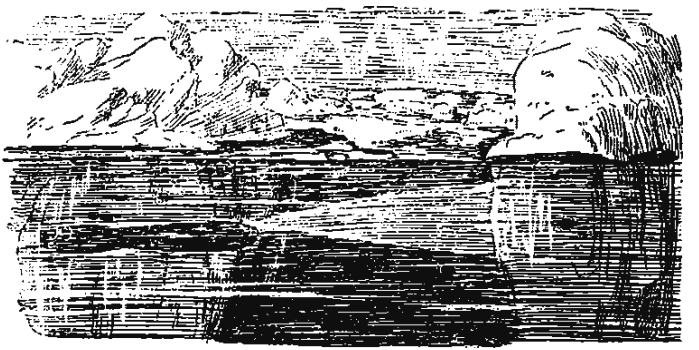
В отсек вошел уборщик Щербина с длинным пылесосным ящиком в руке. Он приблизился к комиссару, приветствовал его, приложив руку к бескозырке:

— Товарищ комиссар, разрешите приступить к уборке.

— Пожалуйста, товарищ Щербина. Комиссар поднялся и сказал Цою:

— Пойдемте ко мне, там поговорим.

Конец второй части



Часть третья
РОДИНА ЗОВЕТ
Глава I
В ледяном плену

Тринадцатого июля «Пионер» был уже на обратном пути в Тихий океан, держа курс на север. Оставалось провести еще лишь одну работу в поверхностных водах Антарктики, в суровых условиях полярной зимы, по соседству с плавающими льдами.

«Пионер» шел на самой малой глубине, почти у нижней поверхности ледяных полей.

Утром четырнадцатого июля на куполе ультразвукового экрана показались первые трещины среди ледяной брони, покрывавшей поверхность океана. Вскоре эти трещины начали появляться все в большем числе. Приближалась граница неподвижного льда. «Пионер» шел на двух десятых хода. Все чаще попадались ледяные горы, подводные части которых приходилось осторожно обходить. Над поверхностью океана, по-видимому, свирепствовал жестокий шторм: отдельные льдины то поднимались, то опускались, и даже могучие айсберги не стояли

спокойно на месте.

В центральном посту находились капитан, вахтенный начальник старший лейтенант Богров, зоолог и Шелавин. Ученые должны были выбрать подходящее для их работ место, которое в то же время позволило бы использовать инфракрасный разведчик для сторожевой службы.

Вскоре после полудня на экране появилась большая полынья. На ней плавали, покачиваясь и сталкиваясь одна с другой, льдины различных размеров. Очевидно, влияние Шторма сказывалось здесь довольно значительно, и, следовательно, работать было бы затруднительно.

Наконец, около пятнадцати часов, заметили длинную и достаточно широкую полынью между двумя огромными айсбергами. Высланный инфракрасный разведчик поднялся в воздух на высоту шестидесяти метров, чтобы наблюдатели из подлодки могли получить представление о размерах поверхности этих гор и обо всем, что окружает их.

Далеко вокруг, на всем пространстве, обысканном разведчиком, не было ни одного судна, ни одного подозрительного пятна.

Океан был усеян льдинами и айсбергами. Пурга несла кружащиеся тучи снега; льдины и

айсберги налетали, громоздились друг на друга или дробились от ударов на мелкие куски. Лишь две гигантские горы спокойно и величественно стояли, словно острова, среди разыгравшейся стихии.

Оба айсберга имели не меньше трехсот пятидесяти метров в длину и около двухсот метров в ширину каждый. Их верхние площадки представляли ровную, как стол, поверхность. Полынья, походившая на канал между ними, была тиха и спокойна, защищенная от шторма высокими, несокрушимыми стенами. Они были чисты, глубоко прозрачны и отливали прозеленью. Казалось, эти ледяные стены только что отделились друг от друга, и ни снег, ни туманы, ни ветер с водяной пылью не успели еще изъесть и затуманить их светло-изумрудную чистоту.

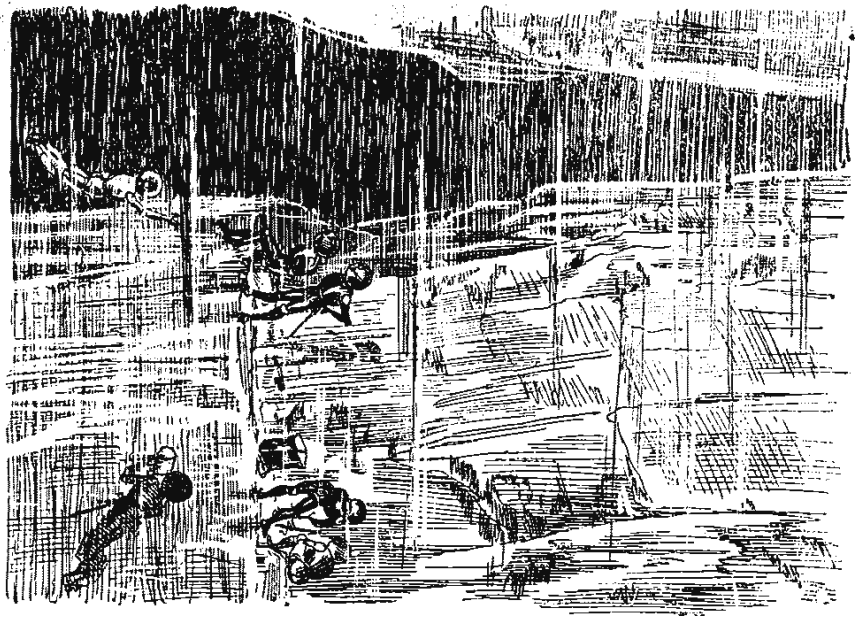
— Кажется, Лорд, лучшего места, чем эта полынья, не найти, — сказал капитан. — Если вы с Иваном Степановичем согласны, готовьтесь к выходу. Я тем временем подниму «Пионер» до глубины в сто метров. Достаточно будет?

— Вполне, капитан, — согласился зоолог.

— Только поторапливайтесь. Не мешкайте с работой. Я хотел бы поскорее уйти отсюда.

Уже через пятнадцать минут зоолог и Шела-

вин, сопровождаемые своей обычной свитой — Скворешней, Цоем, Маратом и Павликом, — выходили из подлодки. Шелавин со Скворешней направились поближе к ледяной стене, чтобы пристроить возле нее свои вертушки, взять там пробы воды, измерить ее температуру. Зоолог с остальными принялся за работу посередине канала, то поднимаясь ближе к поверхности, то опускаясь вглубь, собирая образцы скудного в это время года планктона и других представителей животного и растительного царства.



— Эге! — послышался вдруг удивленный возглас Шелавина. — Да здесь, оказывается, огромная выемка в ледяной стене. Метров тридцать в глубь стены. А в длину, по каналу, неизвестно. Андрей Васильевич, а ну-ка, посмотрите, далеко ли она тянется? Арсен Давидович! Я подозреваю, что и в противоположной стене окажется такая же выемка. Пошлите кого-нибудь проверить. Вероятно, здесь была одна гигантская гора, и по этой выемке она раскололась. Очень интересно!

— Хорошо, Иван Степанович. Пойдем, Цой, — ответил зоолог.

Через несколько минут Скворешня донес, что выемка тянется с юга на север примерно метров на двести. Глубина ее во льду от ста до шестидесяти метров, ширина от обрывистого подводного края до ледяного берега тридцать-сорок метров. Сообщения Цоя почти не расходились со сведениями Скворешни: длина и глубина совпадали полностью, но ширина была меньше — от двадцати до тридцати метров.

— Таким образом, — сказал Шелавин, — ясно, что внутри ледяной горы, почти посередине ее, находилось глубокое и широкое, замкнутое со всех сторон ущелье. Вдоль этого ущелья гора треснула и разделилась. Судя по свежести стен,

это произошло совсем недавно, может быть, даже несколько часов назад. Обе половины медленно отходят друг от друга, и возможно, что примерно через сутки здесь будет не канал, а открытое море, забитое льдинами. Нам нужно торопиться, Арсен Давидович! — решительно заключил океанограф.

— Я думаю, успеем, но поспешить не мешает, — ответил зоолог и отправился со своей партией дальше, разместившись на небольшой глубине — метров тридцать от поверхности.

Шелавин со Скворешней отплыли недалеко от них на середину канала и производили там многочисленные измерения температуры на различных глубинах, близких к поверхности. Потом занялись получением проб воды, подальше от льдин, для изучения ее химического состава. На все эти кропотливые, требующие большой тщательности работы ушло часов пять.

Шелавину и Скворешне оставалось только снять показания вертушек о скорости течения непосредственно около айсберга, убрать эти приборы и вернуться на подлодку. Они условились с зоологом, что встретятся с ним на выходной площадке минут через пятнадцать.

Едва приблизившись к приборам, Шелавин об-

ратил внимание на необычайную и совершенно неожиданную скорость течения, которую показывали вертушки.

— Что за чертовщина! — закричал пораженный океанограф. — Ведь пять часов назад айсберг двигался с ничтожной быстротой, а теперь идет со скоростью парохода, и притом в обратном направлении!

— Вероятно, ветер переменился, — сказал Скворешня, принимаясь снимать вертушки, — и дует теперь с силой в десять баллов прямо в спину льдине.

— Да знаете ли вы, чем это грозит, позвольте вас спросить? Ведь она идет прямо на соединение со своей другой половиной! Надо предупредить вахтенного… Это же несчастье!

Он быстро вызвал подлодку. Но, прежде чем он успел сказать слово, послышался тревожный голос старшего лейтенанта:

— Скорее на подлодку! Все, все! Канал закрывается! Льдины приближаются друг к другу! Скорее! Открываю выходную камеру!..

— Есть! Слушаю! Бросайте вертушки, Скворешня!.. Скорее к подлодке!

Они понеслись на десяти десятых хода по направлению к кораблю. Впереди показались

стремительно плывшие туда же зоолог, Цой, Марат и Павлик.

Не успели они, однако, приблизиться к «Пионеру», как внезапно раздался громовой удар. Мощной невидимой струей воды, словно чудовищным фонтаном, и люди и подлодка были одновременно подброшены кверху. Корабль быстро опустился и сейчас же вернул себе устойчивость, но люди, вертясь и кувыркаясь, были разбросаны в разные стороны. Скворешню струя с силой ударила о ледяное дно выемки; Павлик, как пробка, взлетел на два метра над поверхностью воды. Несмотря на страшный испуг, он успел заметить, что взволнованная, как будто кипящая вода образовала теперь небольшую полынью, окруженную со всех сторон отвесными ледяными стенами высотой в несколько десятков метров.

Через пять минут все собрались на откидной площадке подлодки, необычайно встревоженные, но целые и невредимые. Один лишь Скворешня охал и кряхтел, потирая без видимой пользы для себя свои металлические бедра и бока.

Впрочем, голос капитана немедленно прекратил эти бесцельные упражнения:

— Арсен Давидович, у вас никто не пострадал?

— Все в порядке, Николай Борисович.

— Товарищ Скворешня, немедленно обследуйте дно полыньи, особенно по линии соединения обоих айсбергов. Держите все время связь с подлодкой и о замеченном доносите.

— Есть обследовать дно, товарищ командир! Скворешня медленно шел под водой вдоль свежеобразовавшегося ледяного шва. Удар при сближении айсбергов был, очевидно, гигантской силы. Линия их соединения была исковеркана глубокими ямами и выдавленным кверху льдом. Северный и южный концы полыньи сошлись неправильно, с выступами. Но, в общем, льдины сомкнулись полностью, совершенно слитно, не оставив между собой ни единого, даже самого ничтожного просвета. Выслушивая эти донесения, капитан время от времени озабоченно произносил:

— Так… гм… плохо… очень плохо…

Когда Скворешня вернулся на подлодку и явился в центральный пост, он застал там, кроме капитана и старшего лейтенанта, также Шелавина и зоолога. Лица у всех были крайне озабочены.

— Ситуация не очень приятная, — говорил капитан, медленно расхаживая. — Возможно, что льдина надолго останется теперь в этом

положении. Мороз скует ее соединившиеся половины, попутный ветер, если он удержится, будет действовать на них, как огромной силы пресс, который еще больше закрепит работу мороза.

— Но ветер может перемениться, — сказал зоолог, — и опять разбить льдину. Ведь слабое ее место — внутренняя полынья — все-таки остается.

— На перемену ветра может быть лишь слабая надежда, — возразил Шелавин. — Не забывайте, что мы находимся в области непрерывных западных ветров, обходящих в этих широтах весь земной шар над свободными пространствами Мирового океана. Именно они, эти западные ветры, и создают здесь великое непрерывное кольцо западного дрейфового течения.

— Да… — задумчиво проговорил капитан. — Мало того, что мы здесь заперты, словно в ловушке, — мы еще осуждены на полную пассивность, между тем как и ветер и течение будут относить нас на ост, в южную область Атлантического океана.

— Я думаю, что если эту льдину разбил шторм, — сказал старший лейтенант, — то тот же шторм, продолжающий и теперь свирепствовать, может ее опять разбить.

— Конечно, не исключена и такая возможность, — согласился капитан. — Но когда это будет? Сколько нам придется ждать? Между тем плавание подлодки на исходе, а план научных работ в Тихом океане довольно значительный. Мы не можем, мы не должны непроизводительно терять время. Каждый день нам дорог.

— Тем более, — сказал Шелавин, — что это пассивное ожидание помощи от шторма может окончиться совсем не так, как нам хочется: шторм может пригнать льдину к неподвижному ледяному полю, и там она примерзнет уже надолго… Может случиться и так, что по пути мы сядем на мель и тоже надолго. Нет, капитан прав: ждать нельзя!

— Что же делать? — спросил старший лейтенант. После короткого молчания капитан сказал:

— А пока, Александр Леонидович, поднимите инфракрасный разведчик над поверхностью льдины и выясните все, что нужно, чтобы иметь ясное представление об окружающих нас условиях. Через два часа я созову совещание всего командного состава, и тогда мы примем окончательное решение.

На совещании старший лейтенант доложил, что размеры льдины — четыреста семьдесят пять

метров в длину с веста на ост, а ширина в том месте, где находится подлодка, — триста шестьдесят восемь метров с зюйда на норд. Ширина ледяной перемычки, отделяющей внутреннюю полынью от открытого моря, равняется на норде девяноста двум метрам, на зюйде — семидесяти шести. Температура воды в полынье — на границе замерзания: один и восемь десятых градуса ниже нуля. Можно думать, что она скоро покроется льдом. Температура наружного воздуха — тридцать два градуса ниже нуля. Судя по высоте и длине волн в открытом море, шторм десятибалльный, идет с веста; льдина крепкая, ее части уже примерзли одна к другой.

Совещание прошло очень оживленно. Было принято решение: в течение трех дней выжидать результатов действия шторма, держать корпус подлодки «на пару», согревая воду в полынье, чтобы не допустить ее замерзания и насколько возможно ослабить этим смерзание частей льдины; кроме того, по предложению старшего акустика Чижова, пустить в ход на полную мощность обе ультразвуковые пушки, кормовую и носовую, действуя лучами по линии шва, разрыхляя ими в этих местах лед и ослабляя его сопротивление шторму.

Потянулись долгие, томительные часы ожидания, безделья и тревоги. Шторм продолжался, не только не утихая, но даже усиливаясь. По поверхности океана катились огромные волны, достигавшие порой двенадцати метров высоты, и, как гигантские тараны, били по айсбергу. Их громовые удары, оглушительный грохот и рев были ясно слышны даже в полынье под водой.

Ультразвуковые пушки работали на полную мощность, все глубже разрыхляя лед по линии соединения обеих частей айсберга.

Непрерывное звенящее гудение моторов не давало ни спать, ни думать на подлодке.

* * *

Цой плохо провел первую ночь ледяного плена и уже с утра вошел в лабораторию с головной болью. Работа не клеилась. Что-то непонятное, какое-то неосознанное беспокойство уже два дня неотступно донимало его. Это началось с вечера в честь Скворешни. Нет-нет, и вспыхнет перед Цоем злобный взгляд черных, глубоко запавших глаз, испуг и бледность детского лица…

«Какая глупость! — думал он, подвинчивая регулятор в микроскопе… — Какое злопамятство! Из-за мешка… Совсем по поговорке Скворешни:

«Велыкий до неба, а дурный, як треба». Мешок! Притронулись к его мешку!.. Экое неуважение!.. Какая обида!..»

Цой тряхнул головой. Даже думать об этом стыдно — стыдно за взрослого, серьезного человека!

«Но в мешке ли только дело? А ящичек... Он вырвал его из рук Павлика. Вырвал со злобой и ненавистью...»

Цой устремил в пространство широко раскрытые, неподвижные глаза.

«Что же это за ящичек из пишущей машинки, который таскают за собой во время глубоководных экскурсий? Зачем он там нужен? Да ведь он не выдержит чудовищного давления воды... Однако выдержал... Значит, это не простой комнатный ящичек для запасных частей... А может быть, он действительно был сплющен? Павлик об этом не говорил. Надо спросить у него. Это очень, очень важно...»

Почему это было важно, Цой не мог бы ответить и самому себе.

Он нашел Павлика в каюте Плетнева. Мальчик сидел за небольшим столиком у переборки и что-то записывал в толстую тетрадь. Увидев Цоя, он смутился и закрыл тетрадь.

— Здравствуй, Павлик! Чем это ты занят? — спросил Цой, не зная, как приступить к разговору.

Павлик в смущении заерзал на стуле:

— Да так, записываю… Ты к Виктору Абрамовичу, Цой? Он на вахте.

— На вахте?… Гм… Так, так… — Цой уселся на стул возле стола. — А у меня голова разболелась от этого шума. Работать не могу… Вот и брожу по подлодке, бездельничаю… А ты что записываешь? Дневник ведешь, что ли? Это ты хорошо придумал, очень хорошо! И обиды свои тоже записываешь? — добродушно усмехнулся Цой. — И про ящичек Федора Михайловича?

Павлик все больше смущался, краснел.

— Да, — проговорил он чуть слышно. — Очень много интересного. Чтобы не забыть. Ребятам буду читать, когда приеду и поступлю в школу. Только ты, Цой, никому не говори, пожалуйста.

— Ну, зачем же зря болтать! А капитан знает, что ты ведешь дневник?

— Капитан?! — Павлик с удивлением посмотрел на Цоя. — Зачем? Я даже Виктору Абрамовичу не говорю. Я всегда пишу, когда он на вахте. Ты первый узнал об этом. И ты мне обещал об этом… и ты мне обещал никому не говорить… Правда?

Ты никому не скажешь?

— Я-то не скажу, будь уверен. А вот капитану ты должен сам рассказать. И перед приходом подлодки во Владивосток должен будешь показать ему свой дневник. Разве тебе неизвестно это правило? Оно обязательно для всех, участвующих в плавании.

— Неужели? — растерявшись, спросил Павлик. — А я не знал… Зачем же это нужно капитану?

— Ну как ты не понимаешь, Павлик! Ведь на нашей подлодке есть много секретного: и то, как она устроена и как вооружена. Представь себе, что ты подробно опишешь что-нибудь из этих секретов в своем дневнике. Ты можешь потерять свою тетрадь или ее украдут у тебя, и какими-нибудь путями она попадет в руки врага… Ты же знаешь, что враг всегда и всюду следит за нами, за всем, что делается в нашей стране: за нашими вооруженными силами, за нашей армией и флотом, за заводами и фабриками, которые выделывают для них оружие и боевое снаряжение. Враги всегда мечтают, как бы напасть на нашу страну, уничтожить наших защитников — армию и флот, отнять наши земли, фабрики и заводы, посадить нам на шею капиталистов и помещиков, чтобы весь советский народ работал на них, чтобы опять

вернулись в нашу прекрасную страну нищета, безработица, голод, холод, унижение, рабство… Надо всегда помнить об этом, Павлик. Надо всегда помнить, что мы окружены врагами.

Павлик никогда не видел своего друга в таком волнении. Цой быстро ходил по тесной каюте, возбужденно размахивая руками. Его глаза горели, всегда приглаженные волосы растрепались. Павлик сидел тихо, внимательно слушая.

— Эти враги, — продолжал Цой, — подсылают к нам шпионов, чтобы выведать секреты наших вооружений. Они ищут и подкупают разных мерзавцев и предателей, чтобы при удобном случае, особенно во время войны, те взрывали у нас заводы и фабрики, мосты и электростанции, разрушали железные дороги, выкрадывали наши планы обороны и планы наших крепостей, чертежи самых лучших самолетов, пушек, броненосцев, подводных лодок…

— Я ничего не буду записывать о «Пионере», Цой! — закричал Павлик, вскочив со стула. — Ничего! Ничего! Даю тебе честное слово! И я сам покажу свою тетрадь капитану. Пусть смотрит.

— Надо быть очень внимательным, Павлик, — сказал Цой, устало опускаясь на стул. — Надо быть не только самому осторожным в своих

поступках, но и очень внимательно присматриваться к тому, что совершается вокруг тебя, к тому, что делают другие люди около тебя. Если ты замечаешь, что человек совершает что-нибудь странное, непонятное или непозволительное — скажем, фотографирует что-то около нашей крепости, подозрительно возится или подолгу шатается, как будто бесцельно, около железнодорожного моста, который охраняется часовыми, или, таясь, выносит какие-нибудь бумаги из военного учреждения, какие-нибудь странные, необычайные вещи… предположим, из нашей подлодки, — насторожись, Павлик! Примечай! Незаметно, осторожно наблюдай! Если не можешь сам понять, посоветуйся с кем-нибудь из взрослых, с надежным, более опытным человеком. Если уж дело явно неладное, может быть даже явно опасное, иди сейчас же к начальнику и расскажи…

Цой замолчал. Павлик тоже помолчал, потом тихо и неуверенно сказал:

— Цой, может быть, лучше совсем не вести дневника… здесь, на подлодке?

— Нет, почему же? — пожал плечами Цой. — Это тебе полезно будет, но записывай только то, что не может сделать твой дневник опасным и

вредным для нашей страны. Впрочем, капитан просмотрит и вычеркнет то, что не годится… А такие, например, вещи, — улыбнулся Цой, — как наши приключения на дне или, скажем, твоя размолвка с Гореловым из-за ящичка, записывай сколько хочешь… Кстати, — продолжал он улыбаясь, — какой он из себя, этот ящик.

— Ящичек? — переспросил Павлик, отрываясь от каких-то своих мыслей. — Ну, какой он?… Ну, похож, знаешь, на кубик с ребрами приблизительно в десять сантиметров, очень тяжелый… Я его с трудом держал в руке.

— Отчего же он такой тяжелый? Павлик с удивлением посмотрел на Цоя:

— Не знаю… Федор Михайлович говорил, что обычно в этом ящике находятся запасные части от его машинки… — Павлик задумался на минуту. — Впрочем, когда я его держал в руках, он был с каким-то принадлежностями для экскурсий. Так мне объяснил Федор Михайлович.

Какое-то смутное беспокойство все явственней отражалось на лице Павлика.

— Какие же это могут быть принадлежности для биологических экскурсий? — продолжал спрашивать Цой. — Ты ведь тоже участвуешь в таких экскурсиях и должен знать, что мы обычно

берем с собой. Я, например, не понимаю, о каких принадлежностях Федор Михайлович тебе говорил… Ну, что мы берем с собой в этих случаях? Пружинный сачок — он большой, его не спрячешь, да и не нужно прятать, он всегда должен быть под рукой. Нож, долото, пинцет… Ну, что еще? Зажимы, скальпель? Эти вещи только мне нужны и Арсену Давидовичу… Что же могло быть еще спрятано в этом ящичке?

Беспокойство Павлика переходило уже в явное волнение.

— Я не знаю, Цой, — пробормотал он, опустив глаза. — Я тоже не понимаю… Мне… мне так говорил Федор Михайлович.

— Федор Михайлович? — медленно повторил Цой. — Та-а-ак… Почему же он на тебя вдруг так сильно рассердился? Как будто до сих пор он к тебе хорошо относился. Вы даже всегда дружны были. Правда?

— Да! — немного оживился Павлик. — Он объяснял мне машины, часто шутил со мной. Только один раз до этого случая он как будто здорово рассердился на меня. Но это просто недоразумение. И это было давно, еще в Саргассовом море…

— Рассердился! — воскликнул Цой. — За что?

— Ну, я же говорю тебе, Цой, что это было недо-

разумение. Он ошибся.

— Хорошо, хорошо, пусть ошибка, — нетерпеливо говорил Цой, едва сдерживая волнение, — но в чем заключалось это недоразумение? В чем было дело? Что тогда произошло между вами? Да говори же, говори!

— Ну, я не знаю, Цой… — ответил Павлик, растерявшись от этого потока торопливых, взволнованных вопросов. — Я не понимаю, почему ты так расстроился? Я нашел около двери его каюты клочок какой-то записки. Я посмотрел, чтобы прочесть, что там написано, а он подошел ко мне, отнял бумажку и так злобно посмотрел на меня, даже страшно сделалось…

— Ну! Ну! А в записке что было?

— Не помню, Цой… Какие-то отдельные слова… Ведь это же был обрывок.

— А все-таки, — настаивал Цой, — ну, хотя бы отдельные слова. Припомни… ну, пожалуйста, постарайся!

Павлик выглядел совершенно измученным. Видно было, что он изо всех сил напрягает свою память.

— Там было… — медленно, с трудом вспоминал Павлик. — Там были какие-то градусы… широта и долгота… И еще… как это называется?… Это такое

слово… — Павлик потер лоб, на минуту закрыл глаза. — Начинается на «Т»… или, нет, на «К»… трудное такое словно… Мне его потом объяснил Федор Михайлович. Мы с ним потом помирились — это оказалась совсем не его бумажка. Он извинился и повел меня показывать и объяснять машины, и я его спросил, что значит это слово…

— Ну хорошо. Что же он тебе объяснил?

— Ага, вспомнил! — радостно воскликнул Павлик. — Это такие… такие цифры… когда устанавливается положение какой-нибудь точки в географии или морском деле…

— Координаты?! — закричал Цой, чуть не подскочив на стуле. — Координаты?!

— Да-да! Координаты! — И сейчас же, как будто это слово внезапно раскрыло запертые шлюзы его памяти, Павлик быстро продолжал: — И еще там было написано: двадцать шестое мая, восемнадцать часов, потом Саргассово море и еще, кажется, что-то про гидроплан… Вот… И как будто больше ничего.

Цой неподвижно сидел, уставившись глазами в одну точку. Губы его посерели. Скулы как-то странно заострились и выдавались еще больше, чем всегда. Павлик испуганно смотрел на него. Он никогда не видел у Цоя такого лица и теперь

молчал, не зная, что сказать.

— И больше ничего, — как будто про себя пробормотал Цой, едва шевеля губами. — Больше ничего… Да, двадцать шестое мая…

— Я хорошо помню это число, Цой — тихо сказал Павлик, чтобы хоть разговором отвлечь своего друга от каких-то тяжелых мыслей. — Это день рождения папы. И как раз в этот день я с черепахой запутался в водорослях. Потом эта испанская каравелла, спрут и кашалот…

Когда он замолчал, Цой медленно повернулся к нему с окаменелым лицом.

— Ты больше ничего не помнишь, Павлик? — тихо спросил Цой. — Больше ничего из того, что случилось в этот день, двадцать шестого мая?

Павлик вопросительно поднял глаза на Цоя.

— А бомбардировку забыл? — все так же тихо, чужим голосом говорил Цой. — Забыл, что как раз двадцать шестого мая кто-то бомбардировал стоянку нашего «Пионера»?

Краска залила лицо Павлика, и ему почему-то сразу сделалось жарко. Потом лицо начало медленно бледнеть. Павлик молчал, не сводя широко раскрытых глаз с Цоя.

— Я… я был тогда болен, — с трудом произнес он наконец. — После кашалота… Мне потом рас-

сказал Марат…

— Так вот, выходит, спасибо, Павлик, тебе и кашалоту твоему. Спасибо за то, что вы увели нас с этого гиблого места — с этих ко-ор-ди-нат, — сказал Цой с безжизненной, деревянной улыбкой. — А что касается Марата, то он мне тоже кое-что рассказал.

Он встал и сурово, с какой-то необычайной строгостью посмотрел на Павлика, и тот невольно тоже встал.

— Помни, Павлик! — сказал Цой жестким голосом. — Помни, ты должен молчать о нашем разговоре. Никому ни слова! Ты обещаешь?

Павлик молча кивнул головой.

— Ты обещаешь? — повторил свой вопрос Цой.

— Да, — едва слышно ответил Павлик. — Честное слово.

Цой направился было к двери, но неожиданно, точно вспомнив о чем-то, повернулся к Павлику.

— И еще помни, Павлик: будь настороже! Будь внимательным. Примечай, наблюдай — осторожно, незаметно… Если увидишь что-нибудь неладное, не подавай виду и сообщи сейчас же мне. Обещаешь?

— Хорошо, Цой, — прошептал Павлик.

Глава II
Поиски выхода

Утром семнадцатого июля, на третий день после соединения айсбергов, шторм неожиданно затих, и установилась спокойная, безветренная погода. На помощь шторма рассчитывать уже нельзя было. Ультразвуковые пушки успели разрыхлить на льдине узкую полосу сверху донизу лишь в девять метров глубиной на каждом конце полыньи.

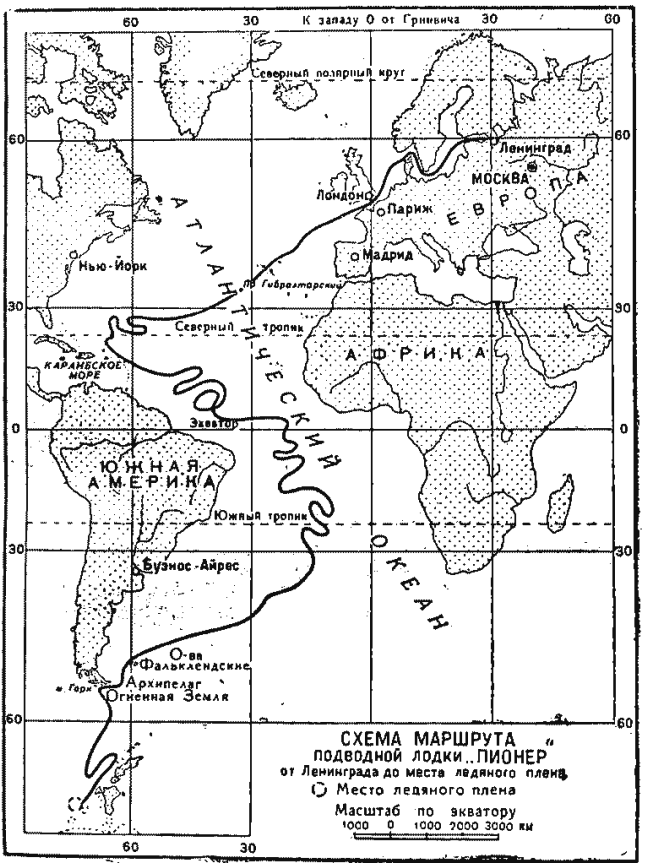
Оставалось еще много десятков метров твердого, все более крепнущего льда.

Поднявшийся над айсбергом инфракрасный разведчик донес, что море, успокоившееся и затихшее, было до горизонта покрыто сплошным торосистым ледяным полем. Еще с утра капитан приказал прекратить работу ультразвуковых пушек, явно бесцельную в этих условиях и лишь напрасно истощавшую электроаккумуляторы.

На подлодке установилась тишина. С нею еще больше усилилось чувство беспокойства, наполнявшее теперь все помещения корабля.

Положение казалось безвыходным. Сколько продлится этот плен? Зима в Южном полушарии

была лишь в самом начале — в этих широтах она должна была продлиться еще три-четыре месяца. Между тем через месяц и шесть дней подлодка должна была быть во Владивостоке… Перспектива задержаться здесь на зимовку грозила неисчислимыми последствиями для страны и для самой подлодки.


60
30
К западу 0 от Гринвича
30
60
Северный полярный круг
60
Ленинград
МОСКВА
Лондон
Париж
Е В Р О П А
Мадрид
Нью-Йорк
А Т Л А Н Т И Ч Е С К И Й
Гибралтарский пр.
30
Северный тропик
А Ф Р И К А
КАРАИБСКОЕ МОРЕ
0
Экватор
Ю Ж Н А Я
А М Е Р И К А
Южный тропик
О К Е А Н
Буэнос-Айрес
О-ва Фальклендские
Архипелаг Огненная Земля
Горн
60
СХЕМА МАРШРУТА
ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ „ПИОНЕР"
от Ленинграда до места ледяного плена
Место ледяного плена
Масштаб по экватору
1000 0 1000 2000 3000 км
60
30

Люди старались не обнаруживать беспокойства, которое начало охватывать их после того, как надежда на помощь шторма исчезла.

Художник Сидлер остановил Марата, встретив его в коридоре. Марат только что сменился на вахте в аккумуляторных отсеках и шел в столовую, чтобы позавтракать со своей сменой.

— Слушай, Марат, что же это теперь будет? — спросил Сидлер искусственно равнодушным голосом и отводя глаза в сторону. — Как мы освободимся из такой тюрьмы?

Марат был голоден и не собирался вести беседу на ходу в коридоре.

— А ты думаешь, что мы кончили свой рейс в этом полярном порту? — насмешливо спросил он, пытаясь пройти мимо Сидлера, чтобы скорей добраться до столовой, откуда доносился приглушенный шум голосов, стук тарелок, звон ножей и вилок.

Но Сидлер схватил Марата за пуговицу и крепко держал.

— Подожди, подожди минутку, Марат! Ты не шути. Говорят, что вода в этой полынье быстро замерзнет, и даже до дна. Хороший будет порт, нечего сказать!

— А кто ей позволит, воде-то, замерзнуть?

— Но ведь на воздухе ужасный мороз! Тридцать пять градусов! И кругом лед.

Марат с удовольствием помучил бы Сидлера еще немного своими шутками и двусмысленными вопросами, но аппетит разгорался и не допускал задерживаться почти у самого входа в столовую.

— Слушай, Сидлер! Скажи откровенно: ты с Луны свалился, что ли? Разве ты не знаешь, что капитан оставил корпус подлодки в накаленном состоянии? Как ты думаешь, для чего это?

— Я понимаю, что это для подогрева воды в полынье, чтобы не замерзла. Но ведь это же расточительство! Накал корпуса поглощает уйму электроэнергии. Надолго ли хватит в таких условиях нашего запаса?

— Да, — грустно подтвердил Марат. — Что верно, то верно. Уже дней десять, с самой Огненной Земли, как мы не опускали в глубины наши трос-батареи и не заряжали аккумуляторы. Я тебе даже скажу по секрету, — добавил Марат, понижая голос, — что в аккумуляторах осталось электроэнергии не больше чем на двое суток, если держать подлодку на пару.

Проходивший мимо Матвеев остановился и с интересом слушал.

— Да, дорогой товарищ, — еще раз с грустью подтвердил Марат, — всего на двое суток!

Равнодушие мигом исчезло с лица Сидлера. Он растерянно посмотрел на Марата и воскликнул:

— Но ведь это же ужасно! А потом что? Вся полынья превратится в лед, и подлодка вмерзнет в него. Без электроэнергии мы окончательно погибнем!

— Совершенно верно, Сидлер! Без электроэнергии нам никак нельзя. Придется приняться за зарядку аккумуляторов. Как раз сейчас я получил приказание заняться этим. Вот только позавтракаю, если позволишь, посплю часа два и примусь за дело.

Сидлер смотрел на Марата и на посмеивающегося Матвеева недоумевающими глазами:

— Ты смеешься, Марат?

— Говорю совершенно серьезно.

— Но как же? Куда же ты опустишь трос-батареи?

— Не опущу, а подниму. Из каждой пары трос-батарей одна останется в теплой воде возле подлодки, а другую вытащим на лед. Пойми же, чудак: на воздухе триддатипятиградусный мороз, а температура воды в полынье около трех градусов выше нуля. Где ты еще найдешь для

наших термоэлементных трос-батарей такой замечательный температурный перепад почти в тридцать восемь градусов? Да мы здесь зарядим наши аккумуляторы скорее, чем даже в тропиках!

И, не дав опомниться остолбеневшему от удивления и радости Сидлеру, Марат бегом устремился в столовую.

— Фу, как будто гора с плеч! — проговорил, с трудом приходя в себя, Сидлер. — Ну, теперь, раз имеется электрическая энергия, наше положение совсем уж не такое безвыходное! Можно бороться!

— В том-то и задача, Сидлер, — задумчиво сказал Матвеев: — как вырваться отсюда? Ведь дни-то идут, а Владивосток еще далеко.

Во вторую смену в столовой завтракала большая часть экипажа подлодки — человек семнадцать. Однако обычного оживления в столовой не чувствовалось. Ели рассеянно, говорили мало, пониженными голосами. Даже словоохотливый и горячий Марат, сидя, как всегда, за одним столиком со Скворешней и Павликом, молча и торопливо поглощал еду, не тревожимый на этот раз ни расспросами Павлика, ни добродушными насмешками Скворешни. Лишь к самому концу

завтрака Скворешня напомнил ему о себе.

— Ось воно як, Марат, — прогудел он, тщательно вытирая салфеткой усы, — это тебе не плотина из водорослей. Поработал бы лучше мозгами над тем, как выбраться из этой лохани. Это небось потрудней и попрактичней.

— Выберемся, — пробормотал с полным ртом Марат, не поднимая глаз от тарелки. Он упрямо кивнул головой.

— «Выберемся»! — недовольно повторил Скворешня. — Сам знаю, что выберемся. А вот когда и как? Надеешься на чужие головы? На начальство? Эх, вы! Фантазеры!

— А тебе, Андрей Васильевич, в пять минут вынь да положь? — ответил Марат. — Обдумать надо. Это тебе не скалы валить, — неожиданно рассмеялся он, — да еще при помощи Павлика! Ноги вроде электрических кранов, и знай себе — валяй!

— Ноги без головы тоже не работают, Марат Моисеевич! — не без самодовольства усмехнулся Скворешня. — А ты не увиливай. Выкладывай, что надумал. Коллективная помощь — тоже неплохая штука. Если идея стоящая и особенно в такой момент…

— Ну давай, — охотно согласился Марат: в сущ-

ности, ему самому уже хотелось поделиться с кем-нибудь своими идеями. — Давай, будешь соавтором! Что бы ты сказал, если бы я предложил взорвать ледяную стену, которая отделяет нас от чистого моря? А?

— Взорвать стену? — с удивлением повторил Скворешня. — Шестидесяти метров высоты и семидесяти шести метров толщины? Да на это всех наших запасов теренита не хватит.

Его могучий бас разнесся по всей столовой, привлекая к их столику всеобщее внимание.

— Ну, кажется, Марат наконец вступил в дело, — с улыбкой сказал зоолог.

— Обстановка для него самая подходящая, — согласился старший лейтенант.

— А идея, право, недурна, — откликнулся с соседнего столика Горелов.

— Что кажется трудным в обыкновенных условиях, то бывает выполнимым в необыкновенных. Разве не так?

— Так-то так, — сказал с сомнением старший лейтенант, — да ведь вот слышали, что прогремел Скворешня? Взрывчатых веществ не хватит на этакую массу старого, крепкого льда.

— Виноват, товарищ старший лейтенант, — донесся с другого конца столовой голос Марата

— Не хватит теренита — поможет нам Федор Михайлович!

— Я?! — недоуменно спросил Горелов среди шума удивленных восклицаний и развел руками. — Да чем же я смогу заменить теренит?

— Гремучий газ, Федор Михайлович! — воскликнул Марат. — Тот самый гремучий газ, который работает в ваших дюзах! Его-то, надеюсь, у вас хватит?

— Ах ты, бисова козявка! — восторженно грохнул Скворешня. — Скажи на милость! Идея-то оказывается довольно практичной! А? Как вы думаете, товарищ старший лейтенант? Не доложить ли капитану?

В столовой воцарилось необыкновенное оживление. За всеми столиками сразу поднялись разговоры, все громко обсуждали предложение Марата, разгорались споры. Большинство яростно отстаивало это предложение, немногие скептики сомнительно покачивали головами, указывая, что придется взорвать около восьмидесяти тысяч кубометров льда. С карандашами в руках они уже успели подсчитать эту величину. Сторонники Марата, особенно Шелавин, напоминали, что уже давно, на Северном морском пути, когда полярные суда оказывались зажатыми во

льдах, широко и успешно применялся аммонал. Скептики возражали: одно, мол, дело расколоть даже десятиметровый лед, чтобы образовалось разводье, и другое дело — поднять на воздух десятки тысяч кубометров льда.

Старший лейтенант, прежде чем ответить Скворешне, задумчиво поиграл вилкой, отбивая на тарелке походную дробь барабана. Потом сказал:

— Доложить капитану можно, товарищ Скворешня, но выйдет ли вообще толк из предложения Марата — сомневаюсь.

Это было сказано с такой убежденностью, что все в столовой сразу замолчали.

Марат побледнел, словно предчувствуя нечто сокрушительное для своей идеи.

— Почему же вы так думаете, товарищ старший лейтенант? — спросил он.

— Мне кажется, Марат, что вы не учли самого главного. Главное же заключается не в том, как и чем взорвать, а в том, как, чем и, самое важное, в какой срок можно убрать взорванный лед. Восемьдесят тысяч кубометров! На руках вы их вынесете, что ли? На носилках? Вообще говоря, можно, конечно, и руками перенести, но когда мы окончим эту работу? — И среди общего молчания тихо добавил: — Кончим, вероятно, тогда, когда

уже будет совершенно безразлично — месяцем ли раньше, месяцем ли позже.

Марат сидел с опущенной головой; наконец, собрав остатки всей своей веры и мужества, он тихо сказал:

— Можно транспортеры поставить…

— А двигатели?

— Моторы от глиссера. Старший лейтенант пожал плечами:

— Все это, к сожалению, общие фразы, Марат. Вы оперируете неопределенными величинами. Неизвестно ведь, какая будет производительность транспортера при малой, сравнительно, мощности этих моторов. Надо, конечно, вашу идею проверить до конца — с карандашом в руке. Хотя я и предвижу, что вывод получится отрицательный, все-таки зайдите ко мне сегодня, когда освободитесь, — вместе подсчитаем.

— Да-а-а, — грустно прогудел Скворешня среди общего молчания. — Торговали мы с тобой, Маратушка, — веселились; подсчитали — прослезились. Однако, — закончил он, поднимаясь из-за стола, — ты, хлопец, не горюй. Пускай свою машинку под черепом на десять десятых… Одно не выйдет, другое будет удачнее… Ось воно як, друже!

Расходились тихо, перебрасываясь короткими, малозначащими фразами. Потом весь день на корабле стояла тишина. Свободные от вахты сидели в каютах, погруженные в невеселые мысли; в красном уголке две пары играли в шахматы, но зевки портили партии и настроение играющих. На вахте, возле заснувших машин и аппаратов, люди сидели или слонялись по отсеку без дела, снедаемые тоской и беспокойством; некоторые яростно чистили машины, смазывали их, регулировали.

Сравнительно хорошо чувствовала себя лишь группа электриков. Они деятельно хлопотали вокруг выпущенных из подлодки трос-батарей, вытаскивали их приемники на лед, укрепляли их там, следили за контрольно-измерительными приборами, подготовляли аккумуляторные батареи к приему электроэнергии. Все им завидовали, а некоторые из свободных от вахты всячески старались примазаться к их работе, оказывали им мелкие услуги, не брезгали никакими поручениями — лишь бы побыть в этой живой, деятельной атмосфере.

Позавидовать можно было также Горелову и его помощникам Ромейко и Козыреву. Подвесив на корме подлодки небольшую площадку, они

очищали многочисленные дюзы от нагара, от плотно слежавшегося слоя проникших в раструбы и камеры сжигания мельчайших, всегда плавающих в воде частиц ила. Не вполне закончив очистку дюз, Горелов послал Ромейко и Козырева в подлодку, в камеру газопроводов, для прочистки труб, по которым газы из баллонов направлялись в дюзы. Оставшись один, Горелов вытащил из мешка с инструментами электросверло и принялся что-то сверлить в камере сжигания большой центральной дюзы. Это была самая большая дюза; внешняя окружность ее раструба имела в диаметре полметра, а выходное отверстие из камеры сжигания в раструб — около пятнадцати сантиметров. Из-за огромной твердости металла дюзы работа протекала медленно и трудно, что, по-видимому, очень раздражало Горелова. Впрочем, электросверла пускались им в ход лишь тогда, когда вблизи кормы никого из команды не было. Как только в подводном сумраке показывалась человеческая фигура в скафандре, Горелов быстро извлекал инструмент из дюзы, принимаясь за прежнюю работу по очистке, чтобы затем, оглянувшись, опять пустить сверло в ход. Наконец, оставшись, очевидно, довольным, Горелов спрятал электросверло в мешок, вынул

оттуда что-то небольшое и тяжелое и сунул его в шаровую камеру сгорания сквозь узкий проход в нее из раструба. Повозившись немало рукой, погруженной до плеча в камеру, над гайками и болтами, он облегченно вздохнул, снял подмостки с кормы, перекинул через плечо мешок с инструментами и вернулся в подлодку.

Как раз в это время, уже к концу дня, Марат вышел из каюты старшего лейтенанта, и всем стало известно, что, по точному подсчету, для осуществления его проекта потребовалось бы не меньше двух месяцев. Настроение во всех помещениях корабля еще больше упало. Капитан, почти не выходивший все эти дни из своей каюты, вызвал к себе комиссара Семина. Они долго о чем-то беседовали, и Семин вышел оттуда с решительным и озабоченным лицом. Через несколько минут у комиссара состоялось короткое совещание с профоргом Ореховым и заведующим культработой младшим акустиком Птицыным. Через час с участием этих же лиц состоялось расширенное совещание руководителей всех кружков, работающих при красном уголке. Еще через час в красном уголке появилось огромное красочное объявление, изготовленное Сидлером и извещавшее, что «в связи с времен-

ной задержкой подлодки «Пионер» в закрытом антарктическом порту «Айсберг» намечается на ближайшие дни расширенная программа работы кружков и массовых культурных развлечений — вечеров, концертов и т. п.». Кроме того, объявляется широкий «конкурс идей» на тему «Как сделать закрытый порт «Айсберг» открытым хотя бы на десять минут?».

Автор самого практичного и наиболее быстро осуществимого предложения будет премирован отличным хронометром с репетицией. Жюри конкурса намечено в составе старшего лейтенанта Богрова, главного электрика Корнеева и профессора океанографии Шелавина. Последний срок представления проектов — двадцатое июля сего года.

Вокруг живописной афиши быстро собралась кучка читающих. Раздались веселые шутки, слышался громкий, раскатистый смех.

— Марат! Марат! — закричал вдруг Козырев, помощник механика, увидев в открытую дверь Марата, который как раз в этот момент поднимался из люка машинного отделения. — Марат! Иди скорее сюда! Тебе тут премия назначена!

— Какая премия? — донесся из коридора недоумевающий голос Марата. — За что? Что ты там

мелешь?

— Верно, верно, Марат! — подхватил со смехом Матвеев. — Настоящий хронометр с репетицией. Вот счастливчик!

— Что и говорить, везет человеку, — добавил кто-то.

— Вот-вот, смотри… Это прямо к тебе относится! — потащил Козырев Марата за руку сквозь расступающуюся толпу, под хохот и веселые выкрики.

Марат быстро прочел строки о конкурсе, неподвижно постоял с минуту перед афишей, потом молча, с иронической улыбкой обернулся к толпе смеявшихся товарищей.

— С вашего разрешения, дорогие товарищи, — сказал он, — я принимаю вызов. — Улыбка с лица Марата исчезла. Он продолжал, обращаясь ко всем и немного повысив голос: — Я обязуюсь в двухдневный срок представить жюри конкурса новый, более практичный проект превращения южнополярного порта «Айсберг» в открытый порт…

— Ура, Марат! — закричал Козырев. — Качать его, ребята, за смелость!

— Брось, Козырев, — остановил его Матвеев. — Дай Марату кончить.

— Я принимаю на себя это обязательство, —

продолжал Марат, — но при одном условии…

— Ага! Условие? — опять не удержался Козырев. — Дело становится интересным, особенно если это условие невыполнимо.

— Зачем невыполнимо? Условие совершенно выполнимое. Я требую, чтобы в порядке социалистического соревнования такое же обязательство принял на себя… сам Козырев!

— Правильно! Правильно! — послышалось со всех сторон.

— Ты с ума сошел, Марат! — растерялся Козырев. — Где мне с тобой тягаться, жулик ты этакий!

— Не прибедняйся, пожалуйста, голубчик! Подумаешь, казанская сирота! Мог же ты предложить и изготовить приспособление для автоматической прочистки газовых труб? И премию за это получил не кто-нибудь другой, а именно ты! А сейчас в нашей комиссии разве не рассматриваются еще два твоих рационализаторских предложения? Что ты на это скажешь?

— Соглашайся скорей, чудак, — вмешался солидный Крутицкий. — Веселей будет шевелить мозгами-то вперегонки.

— Марат прав! — крикнул Птицын. Его длинное, узкое лицо с острым носом покрылось внезапно вспыхнувшими пятнами. — Если Козырев отка-

зывается, я принимаю вызов!

— А кто тебе мешает третьим присоединиться к нашему договору? — весело откликнулся Марат.

— Что же ты молчишь, Козырев? — нетерпеливо спросил кто-то.

Козырев стоял молча, опустив в нерешительности рыжую голову.

— Да что говорить-то? — промычал он. — Чистая провокация! Ну, не скрою, кое-что обдумывал про себя. Сам еще не знаю, хорошо ли получится… А тут вдруг — нате, выходи на сцену… Боязно… Неужели не понимаете, черти полосатые? — неожиданно огрызнулся он и столь же неожиданно махнул в воздухе рукой: — Ладно! Принимаю вызов! Держись теперь, Маратка! — погрозил он ему. — Это тебе будет не ось воно як — водорослевая плотина…

— Браво, Козырев!.. Не робей, Сережа!.. Не осрами рыжих! — послышались крики с разных сторон.

Марат протянул Козыреву свою маленькую сухощавую руку, которая сейчас же утонула в широкой горячей ладони «противника». Не выпуская руки Марата, Козырев повернулся в сторону Птицына:

— Я тоже ставлю условие! Вызываю со своей

стороны эту птицу. Пускай не суется вперед папы в пекло… Цитирую Скворешню в точном переводе.

* * *

Что делать? Как освободить подводную лодку из самой середины чудовищного айсберга, куда она так несчастливо попала? Как устранить угрозу позорного, бессрочного плена в этом ледяном корыте?

С необыкновенной силой капитан именно сейчас почувствовал всю огромную ответственность, которую он несет перед страной, ответственность за жизнь двадцати семи человек, прекрасных детей его Родины, которых она доверила ему, ответственность за великолепный корабль, материальный сгусток гениальных научных и технических идей, так далеко опередивших свой век!

Бессвязные мысли, безнадежные, фантастические, иногда просто нелепые планы проносились перед ним, но сейчас же отбрасывались.

Телефонный гудок вызывал к аппарату.

— Слушаю! Товарищ Скворешня?

— Позвольте доложить, товарищ командир. При очередном осмотре полыньи мною и това-

рищем Шелавиным замечено повышение в ней уровня воды на три с половиной сантиметра против вчерашнего утреннего. Над полыньей держится густой туман.

Капитан внезапно оживился.

— Туман понятен, — сказал он, — идет быстрое испарение теплой воды на морозе. А вот повышение уровня? Как объясняет это явление Иван Степанович?

— Говорят, что, вероятно, происходит усиленное таяние подводной части ледяных стен от соприкосновения с теплыми поверхностными слоями воды в полынье. Температура воды в этих слоях сейчас около пяти градусов выше нуля. Между тем внизу, на стенах у дна и на дне, лед нарастает.

— Ах, да! Ну конечно, конечно… — Капитан застыл у аппарата. Полуопущенные веки поднялись, и глаза, большие, синие, лучистые, неподвижно глядели в пространство. Почти бессознательно, забыв о Скворешне, капитан монотонно повторял: — Да… Конечно… конечно… лед тает… теплая вода… так… так… — Краска залила его лицо. — Все в порядке, товарищ Скворешня? Все в порядке… Больше ничего не скажете?

— Ничего, товарищ командир!

Выключенный нетерпеливой рукой аппарат чуть не слетел со стола. Капитан вскочил из-за стола и начал взволнованно ходить по каюте. Вот, наконец, решение вопроса! Настоящее, действительное. Как это сразу не пришло ему в голову? Пушка и накал!.. Пушка и накал!.. Ура! Выход найден! Через несколько дней подлодка очутится на свободе!

Ура!

Хотелось по-мальчишески плясать, кричать на весь мир о победе. Но, словно одним движением невидимых рычагов, капитан внезапно притушил радостное возбуждение.

Спокойными, размеренными шагами, застегнув почему-то китель на все пуговицы, он подошел к письменному столу, сел и, взяв в руки карандаш, погрузился в расчеты.

Глава III
Пушка и накал

— Итак, товарищи, в результате расчетов, которые я вам только что представил, можно прийти к следующим выводам: совместное действие ультразвуковой пушки с накаленным до двух тысяч градусов корпусом подлодки гарантирует

нам образование в толще ледяной стены тоннеля диаметром не менее десяти с половиной метров. При этом роль ультразвуковой пушки заключается в том, что она разрыхляет лед и превращает его в аморфную массу, легко поддающуюся действию тепла. Накаленный же корпус подлодки, напирающий на эту массу своей носовой частью под давлением дюз, превращает ледяную кашицу в воду и прочищает себе таким образом путь дальше, образуя тоннель. Скорость этого продвижения подлодки в толще льда должна достигать не менее трех метров в час. В результате непрерывной работы дюз и пушки через двадцать пять, максимум тридцать часов после начала работы «Пионер» должен очутиться в свободной воде под ледяным полем, окружающим наш айсберг. Вот к чему сводится этот тщательно разработанный и теоретически проверенный план освобождения подлодки. Если у кого-нибудь из присутствующих имеются вопросы или возражения, прошу высказаться.

Капитан опустился в кресло. Лицо его выражало крайнюю усталость, но глаза, покрасневшие от бессонной ночи, были полны радостной уверенности.

Ни один человек из командного состава под-

лодки, созванного капитаном на совещание для обсуждения его проекта, не пошевельнулся, не произнес ни звука.

Длительное молчание воцарилось в каюте. Наконец зоолог, сидевший в углу, словно очнувшись, вздохнул, оглядел всех и восторженно произнес:

— План гениальный! Гениальный, потому что он ясен и прост даже для меня — неспециалиста!..

— Ничего лучшего придумать нельзя, — поддержал мнение зоолога главный акустик Чижов. Его круглое румяное лицо сияло; он то поднимал очки на лоб, то сбрасывал их на коротенький вздернутый нос. — Расчеты в отношении пушки сделаны совершенно правильно. Она вполне оправдает надежды Николая Борисовича. Что касается меня, то я целиком поддерживаю этот план.

— Да тут вообще обсуждать нечего! — воскликнул главный электрик Корнеев. — Совершенно прав профессор; план так прост и ясен, что я даже не считаю нужным разбирать и проверять его расчеты, касающиеся моей области. Это самая обычная работа тепловых механизмов и аппаратов подлодки. Надо было только догадаться

применить их в этих неожиданных условиях…

— И для работы дюз тут нет ничего необычного, — вставил Горелов. — В сущности, мы совершенно упустили из виду, что для нашего «Пионера» лед — это та же вода. И, если бы не желание ускорить его освобождение, мы могли бы… не в обиду будь сказано товарищу Чижову… обойтись даже без его ультразвуковой пушки. Дюз и накала корпуса вполне достаточно, чтобы прожечь ледяную стену, как масло горячей иглой. Да вот, как видите, к нашему прискорбию, никто из нас не догадался о такой простой вещи. И я могу только поздравить себя и всех нас, что мы работаем на такой подлодке, как это чудесное творение советской техники, и под начальством такого находчивого и изобретательного капитана, как наш Николай Борисович! План великолепный, и нужно лишь скорее, немедленно приняться за его осуществление, чтобы не терять драгоценного времени.

Капитан, до сих пор сидевший неподвижно, с полузакрытыми, по обыкновению, глазами, на мгновение приподнял веки и бросил на Горелова быстрый короткий взгляд. Уже в следующее мгновение он с тем же спокойным, бесстрастным лицом слушал старшего лейтенанта Богрова.

— Николаи Борисович! — проговорил старший лейтенант. — Дело так ясно и мнение командного состава подлодки настолько уже определилось, что, я думаю, можно было бы действительно перейти к получению ваших конкретных распоряжений о начале и порядке работ по реализации плана.

Капитан, однако, еще раз обратился к совещанию:

— Я очень прошу, если у кого-либо есть малейшее сомнение или хотя бы простой вопрос, заявить об этом.

Среди воцарившегося молчания неожиданно в каюту донесся приглушенный хор густых и низких мужских голосов. Как будто издалека неудержимыми победоносными волнами вливались в каюту величественные звуки гимна.

— Что это? — посмотрел на комиссара капитан.

— Репетиция к сегодняшнему вечеру, — последовал тихий ответ.

— А! — проговорил капитан улыбаясь. — Вероятно, придется вечер отложить.

— Я думаю, что концерт, который вы организуете вместо этого вечера, доставит команде неизмеримо больше радости, — сказал комиссар.

Капитан кивнул ему головой и обратился к собравшимся:

— Товарищи, позвольте считать, что ваше мнение о плане положительное. Возражений как будто не было.

— Правильно! Правильно!.. План великолепный! Ничего возразить нельзя! — послышались голоса.

— Отлично! — сказал капитан. — Итак, предлагаю к исполнению следующее. Товарищу Семину немедленно собрать всю свободную от вахты часть команды. Я сделаю ей сообщение о принятом нами плане. Сейчас полдень. После обеда, в тринадцать часов, старшему лейтенанту Богрову перевести подлодку и все механизмы в походное боевое положение. В четырнадцать часов, по авральному сигналу, всей команде быть на своих местах. Корпус подлодки держать на пару. В четырнадцать часов десять минут подлодка под моим командованием приступит к повороту на зюйд. В дальнейшем руководствоваться моими распоряжениями. Объявляю совещание закрытым.

* * *

Полынья в айсберге оказалась очень узкой

для семидесятиметрового «Пионера». Поворот подлодки, начатый восемнадцатого июля, точно в назначенное капитаном время, требовал большой осторожности и терпения.

Капитан стоял посередине центрального поста и, не сводя глаз с носовой и кормовой частей экрана, напряженно следил за медленными сложными движениями подлодки. От усталости, такой естественной после непрерывной тридцатишестичасовой работы, на лице капитана не осталось и следа.

— На одной сотой право на борт! На одной сотой задний ход! Стоп назад! Вперед на одной сотой! — следовали одна за другой тихие команды.

Пальцы лейтенанта Кравцова играли на многочисленных клавишах, кнопках, рычажках и маховичках щита управления труднейшую симфонию разворота подлодки почти на месте.

— Стоп! Черт возьми, — с веселой озабоченностью неожиданно промолвил капитан, — тут, пожалуй, не развернешься! А ведь мы в самой широкой части полыньи… Вот задача!

— Дюзы почти упираются в этот ледяной мысок, — сказал лейтенант, разминая в минуты передышки свои почти сведенные от напряженной работы пальцы.

— Да, а на носу почти у самой мембраны ультразвукового приемника, — ледяной берег… Черт его знает, что делать!

— Не послать ли Скворешню взорвать мысок?

— Возня с этими взрывами. Да еще так близко от подлодки. Уж лучше разрыхлить его ультразвуковой пушкой. Или — нет! Вот идея! Давайте устроим маленькую репетицию с накалом. А ну-ка, Юрий Павлович, поднять накал до тысячи градусов.

— Есть накал до тысячи градусов! Пятьсот… шестьсот… — вслух отсчитывал лейтенант по пирометру поднимавшуюся температуру корпуса, — есть восемьсот градусов… девятьсот… есть тысяча!

— Так держать! Вперед на одной сотой! Право на борт на одной сотой! Так держать! Великолепно! Режет! Режет! Так держать! Так держать! Замечательно! Как масло ножом!

Лейтенант не в силах был удержаться, чтобы хотя краешком глаза не взглянуть на носовую полосу экрана. Он успел лишь увидеть полупрозрачные струи пара, стремительно вырывавшиеся кверху из-под носа корабля, и медленно уходившую налево темную массу льда, нависавшую над носом, как козырек. Раскаленный нос

подлодки легко и уверенно выжигал в ледяном берегу полыньи широкий желоб, прочищая себе путь направо. Еще минута — и подлодка очутилась в свободной воде, носом к югу.

— Стоп! Что скажете, Юрий Павлович, а? — весело спросил капитан. — Удачная репетиция?

— Замечательно, Николай Борисович! — воскликнул лейтенант. — Пройдем как по маслу! Обязательно пройдем!

— Кажется, с сегодняшнего дня из нашего лексикона исчезло слово «лед» и заменилось «маслом», — улыбнулся капитан. — Когда мы окажемся по ту сторону айсберга, я внесу эту поправку во все свои словари. Ну-с, Юрий Павлович, к делу! Вперед на одной сотой!

Подлодка медленно скользила под водой на глубине сорока метров, приближаясь к южной ледяной стене.

Через три минуты во всем корабле почувствовался легкий толчок, содрогание, мгновенная остановка.

Подавшись слегка вперед, в позе необычайного напряжения, капитан стоял посередине рубки, не спуская глаз с экрана и прислушиваясь к тому, что происходит впереди. Темная масса льда медленно, едва заметно продвигалась по передней

части мимо мембран ультразвуковых приемников, расположенных на носу корабля. Корпус его содрогался в мелкой, почти неощутимой дрожи под давлением работающих дюз и перед встречным сопротивлением льда.

— Поднять накал до двух тысяч градусов! — отдал команду капитан.

Уже на полутора тысячах градусов дрожь прекратилась. На двух тысячах градусов движение темной массы на экране ускорилось и достигло одного сантиметра в минуту. Сопротивление льда совершенно не ощущалось.

— Вперед на пяти сотых!

Подлодка заметно двинулась вперед. Снаружи в пост управления проникло низкое протяжное гудение.

— Что это? — быстро спросил лейтенант, оглянувшись на капитана, который продолжал неподвижно стоять посреди поста.

— Пар не успевает превратиться в воду и прорывается в узкую щель между корпусом и льдом… — последовал ответ и за ним новая команда: — Вперед на одной десятой хода!

Гудение за корпусом усилилось, сделалось выше и тоньше, как голодный волчий вой в зимнюю ночь.

Капитан внимательно следил за экраном.

Подлодка медленно, но упорно вгрызлась в лед. Корпус ее на пять метров проник уже в ледяную стену.

— Вперед на пятнадцати сотых! — вновь прозвучала команда.

Движение подлодки немного ускорилось, но волчий вой за обшивкой превратился в резкий, пронзительный свист. Опять почувствовалось содрогание корпуса. Лед не успевал таять. Часть давления дюз была лишней и расходовалась на сотрясение корабля. Надо было дать и этой части возможность работать полезно.

— Подготовить носовую пушку! — послышалась сквозь свист громкая команда капитана. — Звук! На полную мощность!

Гармоничное гудение гигантского органа наполнило корабль, вступив в борьбу с пронзительным свистом за оболочкой судна. Ультразвуковая пушка вступила в работу, разрыхляя лед на несколько метров впереди и этим ускоряя его таяние. Ее лучи захватывали пространство большее, чем окружность подлодки в самом широком ее месте. Диаметр тоннеля увеличивался, увеличилась щель между корпусом корабля и ледяными стенами тоннеля, пар получил свободный выход, и свист прекратился.

Пушка работала великолепно. Аморфная масса, в которую она превращала лед, таяла, мгновенно преобразуясь в пар, не дожидаясь даже прикос-

новения раскаленного носа подлодки. Теперь уже пар, а не лед становился препятствием для дальнейшего увеличения скорости корабля. С огромной силой пар сопротивлялся ему, словно подушка, сжатая до отказа. Он стремительно несся назад вокруг корпуса подлодки, обжигая своим дыханием ледяные своды тоннеля, расплавляя их и еще более увеличивая его размеры. Огненно-красный нос корабля висел в пространстве, наполненном упругим газом, лишенный уже опоры воды. Вокруг «Пионера» началась новая яростная схватка — между паром и водой. Выжимаемый упорным продвижением подлодки, пар с неистовым напряжением гнал воду из тоннеля, ища себе выхода наружу. Под огромным давлением водяных масс из полыньи, бешено клокоча, вздуваясь в пене и пузырях, вода в тоннеле яростно сопротивлялась напору горячего пара. Корпус подлодки между тем углубился в толщу льда почти на восемь метров.

— Вперед на двух десятых! — послышалась сквозь гудение пушки команда капитана.

Это была предельная мощность, которая должна была довести продвижение подлодки до расчетной скорости — трех метров в час. Дальнейшее усиление работы дюз было бы бесцельно.

Упругость и сопротивление пара возросли бы настолько, что оказались бы непреодолимыми для подлодки. Круглый раскаленный таран, повинуясь команде, с неимоверным упорством полез вперед. Вода должна была еще немного отступить под новым напором пара. Подлодка медленно продвигалась, все дальше и дальше проникая в ледяное тело айсберга. По всем отсекам машинного отделения корабля прозвучал сигнал о прекращении аврала. Все шло нормально, у машин и аппаратов должна была оставаться лишь обычная вахта.

Из всех люков стали подниматься в верхний, жилой этаж усталые, но взбудораженные до крайности люди. Никто не мог сейчас думать о койке в каюте, об отдыхе, о сне.

В коридоре запрещены были шум и громкие разговоры, и все спешили в красный уголок, перебрасываясь на ходу короткими восклицаниями, отрывистыми фразами.

Красный уголок сразу наполнился движением, шумом, звенящими под ровное гудение ультразвуковой пушки голосами. Даже спокойный, всегда немного флегматичный Скворешня не мог устоять на месте. Его огромная фигура беспокойно мелькала то тут, то там, отдавливая

попадающиеся на дороге чужие ноги. Но никто не обращал теперь на это внимания.

— Ой, будь ты неладен, медведь! Ну, что скажешь, Андрей Васильевич? А? Какова подлодка? — спросил, морщась от боли и пританцовывая на одной ноге, Крамер.

— Хо-хо-хо! Подлодка! Та яка ж вона, к бису, подлодка? Бона теперь не подлодка, а истинно сквозьледка! Чуешь? Сквозьледка! Сквозьледка! Хо-хо-хо!

В избытке восторга он тряс бедного Крамера, как медведь молодое, тонкое деревце.

Хохот прокатился по красному уголку;

— Сквозьледка!

— Сквозьледка!

— Браво, Скворешня!

— Вот это сказано правильно!

— Подлодка — сквозьледка! — визжал, заливаясь звонким смехом, Павлик.

Марат отошел в угол, и усталый, взволнованный, опустился в кресло. К нему подошел с пылающим лицом Козырев:

— Ну что, Марат? Как поживает твой хронометр?

— Так же, как и твой… — махнул рукой Марат. Козырев дружелюбно усмехнулся и присел на

корточки возле его кресла.

— Теперь, я так полагаю, можно уже не секретничать, — сказал он. — Не скажешь ли, что ты хотел предложить? Очень меня это… того… интригует.

— Отчего же? Конечно, можно… Я хотел предложить резать лед тросами, раскаленными электрическим током. Чтобы получились гигантские, во всю ширину ледяной стены, глыбы в виде скошенных, как клинья, фигур. Потом взрывами заставлять их скатываться, соскальзывать в воду. Дело пошло бы, кажется, быстро. А ты что придумал?

— А я… поверишь ли? — подвинулся поближе к Марату Козырев. — Поверишь ли, я задумал пробивать стену сосредоточенным звуком пушки… Вот как она это сейчас делает. Честное слово! А вот насчет накала, прямо говорю, не догадался… — Он принялся ерошить рыжую копну волос. — А может, и догадался бы, если бы дали время…

В дверях показался старший лейтенант Богров.

— Товарищи! — громко сказал он. — Капитан приказал разойтись по каютам. Отдыхать! Спать! Аврала нет, но авральные обстоятельства остаются. Отдыхать! Отдыхать! Живо, товарищи…

— А много ли уже прошла подлодка во льду,

товарищ старший лейтенант? — весело и громко спросил Матвеев.

— Почти двадцать метров…

Едва лишь старший лейтенант успел произнести эти слова, как два почти одновременных громовых удара, сопровождаемых оглушительным грохотом, потрясли весь корабль от носа до кормы. Пол в отсеке резко наклонился, и в неожиданно наступившей тьме все находившиеся в красном уголке, сброшенные с ног, покатились к передней переборке перепутанным клубком живых тел. Электричество погасло, гудение ультразвуковой пушки прекратилось. Но уже в следующий момент, сейчас же за ударами, подлодка сделала мощный рывок назад, что-то страшно заскрежетало по корпусу, затихло, и пол в отсеке сразу выровнялся. Живой клубок откатился от переборки, и в воцарившейся тишине слышались лишь приглушенные проклятия, пыхтение людей, стоны Павлика, придавленного массой навалившихся на него тел…

Глава IV
Сквозь скалу и лед

Первый, самый сильный удар застиг капитана

в момент, когда он, сидя за столом в центральном посту, внимательно рассматривал карту рельефа той части Южного Ледовитого океана, в которой мог находиться сейчас айсберг с заключенной в нем подлодкой. Капитана бросило с такой силой о край стола, что наступившая мгновенно тьма показалась ему следствием невыносимой боли в груди. В то же время он услышал рядом шум от падения чего-то тяжелого, дребезжащий звон разбитого стекла и тихий человеческий стон. «Столкновение… Обвал…» — пронеслось в голове. Вспыхнули красные лампочки на щите управления: «Авария! Авария!». Он вскочил на ноги, покачнулся на покатом полу и, задыхаясь от боли в груди, бросился в угол, громко отдавая команду:

— Задний ход! На десяти десятых!

Уже в углу, где стоял шкафчик с аккумуляторами автономной сети освещения, поворачивая головку включения, капитан услышал прерывистый и тихий, почти шепотом, ответ:

— Есть… задний… ход!..

Мощный толчок назад опять чуть не сбросил его с ног.

— Стоп! Задний ход!

— Есть… — оборвался шепот ответа. Одно-

временно с коротким наружным скрежетом вспыхнул в лампах свет, пропал туман в глазах, все прояснилось.

У щита управления с залитым кровью лицом, на коленях стоял лейтенант Кравцов. Его руки, поднятые кверху, к кнопкам и клавишам, судорожно вцепились в бортик щита. Глаза были полузакрыты. Капитан бросился к нему, попытался поднять, но лейтенант не отрывал рук от бортика.

— Смену… — прошептал он, опуская голову на стену под щитом.

Дверь с шумом раскрылась, вбежал старший лейтенант Богров.

— Весьма кстати, Александр Леонидович, — сказал капитан. — Смените лейтенанта на вахте, он ранен.

Вдвоем они подняли лейтенанта, усадили его в кресло. Затем, потирая незаметно грудь и морщась от боли, капитан подошел к столу и включил микрофон в общекорабельную радиосеть. Во все отсеки подлодки понеслись ясные, четкие слова команды.

* * *

Кормовая часть подлодки находилась еще в

свободной воде полыньи далеко от входа в тоннель. От ужасного удара, заставившего носовую часть упасть вниз на дно тоннеля, корма стремительно подскочила кверху, намереваясь описать большую дугу. Однако на двадцатом метре от носа корпус подлодки встретил ледяной свод у выхода из тоннеля и с невероятной силой столкнулся с ним. Сотрясение, вызванное этим ударом в последних, кормовых отсеках корабля, в камере баллонов сопровождалось оглушительным звоном и грохотом инструментов и запасных частей, висевших на переборках и сорвавшихся со своих мест.

До Горелова и Ромейко, находившихся в этот момент в камере баллонов, первый удар дошел несколько ослабленный расстоянием, но все же круто покосившийся пол сбил их с ног на ряды стоявших вокруг, крепко привинченных к своим фундаментам баллонов. Следующий удар подбросил их кверху и в сторону, на свободную от баллонов площадку, и они в темноте покатились вдоль переборки под стальным дождем падающих инструментов и запасных частей. Ромейко вскрикнул от боли — что-то попало в него. Горелова ударило сразу в грудь и в голову, захватило дыхание, перед глазами в тумане завертелись,

как карусели, вспыхнувшие на щите красные лампочки. «Авария… дюзы…» — пронеслось у него в мозгу. В следующий момент, вскочив на ноги, он хотя и ударился плечом и головой о переборку, но смутная радостная мысль заглушила боль: «Задний ход… Центральный пост работает… Управление действует…» Отчаянным усилием воли он выпрямился на выровнявшемся полу. «Свет!.. Свет!.. Где-то здесь поблизости находился шкафчик с автономными аккумуляторами. В тусклом красноватом сумраке Горелов сделал два шага, протянул руку и сразу нащупал шкафчик. Лампы вспыхнули. С пола поднимался Ромейко — маленький, бледный, с бессильно повисшей левой рукой. При взгляде на растерянное лицо Ромейко Горелов вдруг почувствовал прилив неожиданной энергии и отваги.

— Маску и перчатки! — громко крикнул он.

От резкой команды Горелова Ромейко вздрогнул, выпрямился и молча оглянулся. Сорвав правой рукой с переборки около себя газовую маску с привязанными к ней на длинных шнурах жаронепроницаемыми перчатками, он протянул их Горелову. Горелов схватил маску, поднес к лицу, намереваясь натянуть на себя, как вдруг камеру наполнил знакомый властный голос:

— Слушать команду! Все по местам! Включить ток автономной сети! Электрикам — дать ток носовой пушке! Механикам — исправить ходовые дюзы номера двенадцать и семнадцать! Спокойствие! Подлодка не пострадала! Сигнальная сеть и сеть управления в исправности!

Застыв на месте, Горелов и Ромейко жадно вслушивались в этот голос, в эти слова, возвращавшие встревоженным сердцам людей спокойную уверенность.

— Живем, Ромейко! — весело крикнул Горелов, вытирая рукавом кровь с лица. — Оправитесь — идите за мной! Будете плохо себя чувствовать — сейчас явится Козырев, сменит вас. Скажите ему, чтобы подал мне трубы номер двенадцать и семнадцать. Все в порядке.

Он натянул маску, захватил отложенные инструменты и материалы и нажал кнопку в задней переборке. Дверь отодвинулась в сторону. Горелов нагнулся и шагнул в открывшееся черное отверстие. Дверь за ним сейчас же задвинулась. В непроницаемой тьме Горелов нащупал около двери шкафчик автономного освещения и включил свет. Длинная, сводчатая, суживающаяся по направлению к корме камера была наполнена густой чашей тонких горячих труб, по которым

газы из баллонов направлялись к дюзам. Извиваясь, как уж, в невыносимой жаре, Горелов пробирался к трубе номер двенадцать. Он быстро натянул перчатки на руки, нашел трубу, отыскал на ней трещину, образовавшуюся от сотрясения подлодки, и с веселой яростью принялся за работу… Проскользнул обратно, вставил в шкафчик с аккумуляторами вилки от электроинструментов и с их помощью отвинтил один конец трубы, потом другой и, подхватив отпавшую трубу, толкнул ее по полу к входной двери. Как раз в этот момент дверь раскрылась, показалась коренастая фигура Козырева в маске. Козырев молча подал Горелову новую трубу, которую тот начал сейчас же устанавливать вместо поврежденной. Через десять минут из камеры баллонов, стоя перед микрофоном, прикрепленным к переборке, и стирая с лица пот, копоть и кровь, Горелов докладывал:

— Товарищ командир! Дюзы номер двенадцать и семнадцать исправлены и готовы к работе!

— Что? Уже?! — послышался удивленный голос капитана. — Какие исправления пришлось произвести?

— Заменены две пары поврежденных труб новыми, исправлены клапаны автоматического

распределителя.

— Великолепно, товарищ военинженер! Выражаю вам благодарность за быструю и четкую работу в аварийной обстановке…

* * *

Марат летел по коридору, в каждом его отсеке притрагиваясь на бегу к аккумуляторным шкафчикам автономной сети и оставляя за собой яркий след вспыхивавших ламп. За Маратом неслись из красного уголка люди с бледными, встревоженными лицами.

Раскрытые зевы люков быстро поглотили людей, и в коридоре остались лишь торопливо направлявшиеся в госпитальный отсек зоолог и Цой в белых халатах.

Из репродуктора раздался голос старшего лейтенанта Богрова:

— Товарищей Лордкипанидзе и Шелавина — к капитану, в центральный пост!

В центральном посту, освещенном немного более тускло, чем всегда, зоолог и Шелавин увидели капитана, старшего лейтенанта Богрова и лейтенанта Кравцова. У щита управления сидел старший лейтенант. Лейтенант Кравцов полулежал в углу, в кресле; он был бледен, лоб его был

перевязан носовым платком с кровавым пятном у правого виска, по щеке под бачками ползла струйка крови.

— Лорд! — быстро обратился капитан к зоологу. — Окажите помощь лейтенанту. При толчке он слетел со стула и головой ударился обо что-то… Иван Степанович! Во внутренней структуре айсберга произошли какие-то изменения. Из его середины, со свода тоннеля, сорвалась какая-то глыба и упала на переднюю часть подлодки. Дав задний ход, нам удалось вырвать подлодку из-под нее. Эта глыба, несомненно, более плотная, чем лед. Посмотрите на экран. Видите?… На серовато-м фоне более прозрачного льда, отраженного почти на всем экране, впереди лежит темная тень. Я думаю, что это скала, унесенная ледником с материка в море. Как ваше мнение?

Океанограф поправил очки, подумал, перебирая худыми, длинными пальцами редкие волоски своей взлохмаченной бородки, и, в то время как зоолог уводил лейтенанта к себе, в госпитальный отсек, спросил:

— Глубоко ли, Николай Борисович, проникают в толщу льда лучи ультразвуковой пушки, позвольте вас спросить?

— Заметное влияние на структуру льда лучи

оказывают на расстоянии до шести метров, но проникают они, хотя и с ослабленной силой, конечно, еще глубже.

— Ага!.. Я уверен, Николай Борисович, что вы правы. Это, несомненно, скала… — Океанограф еще раз поправил очки, откашлялся и с видом профессора, собирающегося читать студентам лекцию, продолжал: — Сползая между горных цепей к морю, ледники часто несут на себе обломки скал, которые или сами падают на них, подточенные атмосферными влияниями — колебаниями температуры, ветром, дождем, солнцем, — или отрываются самим ледником в скалистых ущельях и долинах, по которым пролегает его путь. Эти обломки скал за время длительного прохождения ледника к морскому берегу покрываются каждый год новыми и новыми снеговыми отложениями, уплотняющимися и превращающимися наконец в лед. В результате обломки оказываются уже в середине, в самой толще движущегося льда. Когда от спускающегося в море ледника откалываются и всплывают на воде ледяные горы, внутри их нередко оказываются такие, с позволения сказать, изюминки, и часто огромного размера. Очевидно, и наш айсберг несет в себе подобного происхождения скалу. Ультразвуковые лучи и

теплота накаленного корпуса подлодки, глубоко проникнув в лед, разрушили его вокруг скалы, и последняя, ничем не сдерживаемая, обрушилась на подлодку. Таким образом…

— Понимаю… — прервал эту затянувшуюся лекцию капитан, со стоическим терпением выслушивавший ее до сих пор. — Судя по силе удара, скала должна быть немалых размеров и немалого веса. Самое важное, однако, заключается в том, что она преградила нам путь…

Капитан задумался, медленно опустился на стул перед столом и начал пальцами отбивать на нем быструю дробь. Шелавин снял очки, вынул платок и принялся усердно вытирать им стекла, прищуривая близорукие глаза. Все молчали.

Наконец старший лейтенант тихо произнес:

— Не дать ли задний ход, вернуться в полынью и пробиваться в другом месте?

Капитан отрицательно покачал головой:

— Надо сначала испробовать здесь все возможности. Я не могу потерять зря двенадцать часов, которые мы уже истратили на этот тоннель.

— Расплавляйте скалу, Николай Борисович, — сказал Шелавин. — Самые твердые горные породы имеют точку плавления при температуре не выше тысячи трехсот — тысячи пятисот

градусов. Диабаз, например, расплавляется в электрической мартеновской печи при температуре в тысячу пятьсот градусов. В нашем же распоряжении — две тысячи, а с резервами даже две тысячи двести градусов…

— Но ведь это в печи… А здесь скалу придется разогревать лишь с одной стороны, имея кругом охлаждающий лед. Потребуется еще больше времени, чем на проект товарища Богрова…

Из репродуктора прозвучал голос:

— Товарищ командир! Говорит главный электрик Корнеев. Разрешите доложить: сеть освещения восстановлена. Носовой пушке дан ток.

— Отлично, — ответил капитан. — Дайте ток в осветительную сеть. — И, повернувшись к старшему лейтенанту, сказал: — Распорядитесь, Александр Леонидович, о выключении всюду автономных аккумуляторов. У носовой пушки пусть ждут моих распоряжений. Я намерен, — продолжал он, вставая со стула, — пробивать скалу ультразвуковой пушкой и потом таранить ее. Если сосредоточенные ультразвуковые лучи способны за час разрыхлить лед на десять метров в глубину, а минерал — вдвое, втрое медленнее, то за два-три часа они справятся и с этой скалой. Не думаю, что ее толщина превышает пять метров.

Шелавин одобрительно кивнул головой.

— Александр Леонидович, — обратился капитан к старшему лейтенанту, уже успевшему выполнить поручение и вернуться на свое место у щита управления, — задний ход! На одной десятой! Вывести подлодку из тоннеля! — Затем, переключив микрофон на общекорабельную радиосеть, произнес: — Старшине водолазов — в центральный пост!

Подлодка тронулась с места, когда Скворешня быстро вошел в рубку, подошел к капитану и вытянулся во весь свой рост.

— Товарищ Скворешня, мы выводим подлодку из тоннеля, так как упавшая сверху скала преградила ей путь. Необходимо осмотреть скалу и принести образец ее. Подготовьтесь к выходу. Как только подлодка окажется в полынье, я вам дам знать в выходную камеру. Возьмите кого-нибудь с собой.

— Есть обследовать скалу и принести образцы, товарищ командир!

Через несколько минут с выходной площадки снялись три фигуры в скафандрах — большая, средняя и маленькая — и на малых оборотах винта поплыли к огромному, математически круглому отверстию, зиявшему в зеленоватой,

искрящейся под лучами фонарей ледяной стене. Скворешня, Матвеев и Павлик с ломами и молотками у поясов медленно плыли под сводами гигантской трубы с гладкими, точно отполированными, стенками. Вскоре перед ними в свете фонарей возникла из мрака черная масса скалы. Три водолаза опустились перед ней на дно, но удержаться на покатой внутренней поверхности тоннеля было невозможно. Пришлось стать гуськом на нижнем закруглении трубы.

— Ну, хлопцы, — сказал Скворешня, — пока я буду отбивать образцы, осмотрите скалу кругом — с боков и сверху.

Постарайтесь также добыть образцы — может быть, она не везде однородна по составу.

Последовал гулкий удар его геологического молотка по выступу скалы.

Матвеев и Павлик, опять запустив винты, начали медленно плыть вдоль краев скалы, время от времени постукивая по ней молотками и поднимаясь все выше, к своду тоннеля. У самой скалы зияли огромные выбоины, круглые стены тоннеля были изломаны и исковерканы.

Неожиданно уронив молоток, Павлик быстро отцепил от пояса лом, размахнулся и изо всей силы ударил им по выбоине под сводом. И в то же мгновение раздался его крик, полный недоумения и растерянности:

— Ах!..

Лом исчез! Едва коснувшись скалы, он скользнул по ней чуть вверх и вырвался из рук Павлика. Вильнув свободным концом, он скрылся под ледяным сводом, засыпав своего озадаченного владельца густой тучей алмазных кристалликов.

— Чего ты там ахаешь? — послышался голос Скворешни, прекратившего долбить скалу.

— Лом провалился! Идите сюда! Скорее! — кричал Павлик.

Быстро поднявшись к Павлику, Скворешня первым делом просунул руку в пробитое отверстие и с помощью своего лома попробовал определить толщину скалы. Она оказалась, по его расчетам, не толще двух-трех метров.

Через полчаса эти расчеты и многочисленные образцы породы были Скворешней доложены и представлены капитану в присутствии старшего лейтенанта, океанографа и зоолога. По образцам горной породы было установлено, что незначительной толщины скала состоит из

кристаллических сланцев, легко поддающихся действию ультразвуковых лучей.

Через полчаса подлодка на самом малом ходу подплыла опять вплотную к скале и нажала на нее носом.

Капитан отдал команду носовой пушке:

— По кристаллическим сланцам! Двести двадцать тысяч килоциклов! Звук! На полную мощность!

Скала чуть смялась, как тугая, густая глина. Дюзы взрывались все чаще и сильней, напор подлодки увеличивался. Когда дюзы развили давление, соответствующее движению в свободной воде на четырех десятых хода, микрометрический спидометр отметил продвижение подлодки на несколько сантиметров вперед, в толщу скалы. Ее густая, вязкая масса, выдавливаемая кораблем, расползалась вокруг его закругленного носа. Тогда к ультразвуковой пушке присоединились высокая температура и усиленное давление. Накал корпуса подлодки был поднят до двух тысяч градусов. В этом вулканическом жаре вязкая масса скалы начала все быстрей и быстрей разжижаться и, как текучая лава, заструилась по обшивке корабля. Давление дюз возрастало, и, когда оно достигло семи десятых хода, раскален-

ная подлодка в огненных струях, в фейерверке горящих искр и брызг, сделав внезапный скачок, прорвала скалистую стену и ринулась в пустоту за ней. Еще миг — и подлодка с огромной скоростью налетела бы на ледяную стену в глухом конце тоннеля, но вовремя данный на десяти десятых задний ход остановил ее у самой стены.

Все на корабле облегченно вздохнули.

Ультразвуковая пушка продолжала работать на полную мощь без перерыва, накал продолжал держаться на температуре в две тысячи градусов. Под прежним давлением дюз, в кипящей воде, в струях и облаках пара со скоростью трех с лишним метров в час подлодка прожигала себе путь сквозь ледяную стену к свободной воде. Часы уходили, за часами, вахты регулярно сменялись у машин и у аппаратов, монотонное мощное гудение пушки, словно вата, залегло в ушах людей. Уже пройдена половина ледяной толщи, уже лишь тридцать, вот уже двадцать метров оставалось впереди. Напряжение на корабле возрастало. Скоро ли? Все ли будет и дальше так благополучно? Не обрушится ли какое-нибудь новое несчастье у самого конца?

Когда корпус подлодки втянулся в тоннель на шестьдесят пять метров и, по расчету, еще

только одиннадцать метров отделяли ее от свободы, глухой гул потряс весь огромный айсберг от основания до верхнего плато. Грохот чудовищного взрыва покатился по тоннелю, и в то же мгновение, словно подхваченная вихрем, подлодка сделала гигантский скачок и ринулась вперед… Едва устояв на ногах от неожиданного толчка, капитан скользнул взглядом по экрану — и вскрикнул.

Темная пелена, застилавшая экран во все время прохождения подлодки в толще льда, исчезла; привычный светлый простор раскрылся на куполе и нижних полосах экрана; на нем быстро проносились извивающиеся тени рыб, колыхались медузы со свисающими прядями щупалец. Окаменев на миг от изумления, капитан вдруг громко, необычно звонким голосом закричал:

— Мы в свободной воде! Нас выбросило из айсберга!

Подводная часть ледяной горы была размыта нижними, сравнительно теплыми слоями воды и представляла собой ряд глубоких выемок, пещер, гротов. К одной из этих пещер приближалась подлодка, пробиваясь в толще льда. Когда ее отделяло от глухого конца пещеры всего лишь три метра, огромное давление пара перед носом

корабля взорвало тонкую, разрыхленную, к тому же, ультразвуковой пушкой преграду, и, словно артиллерийский снаряд, подлодку выбросило из пушечного жерла тоннеля.

Шелавин лично убедился, что именно так обстояло дело, когда, по его настоятельной просьбе, подлодка вернулась к ледяной горе и он смог осмотреть интересовавший его участок подводного основания айсберга. Впрочем, океанографу не удалось произвести осмотр с такой тщательностью, с какой ему хотелось бы. Из подлодки его непрерывно вызывали скорее вернуться и не дали закончить обследование по расширенной программе, которую составил себе ученый.

Всем не терпелось, всем хотелось возможно быстрее покинуть это злосчастное место, уйти подальше от этой мрачной ледяной тюрьмы, в которой им угрожала позорная участь жалких пленников на долгие, мучительные месяцы.

Как только за Шелавиным поднялась выходная площадка и плотно сдвинулись наружные двери выходной камеры, двадцать первого июля, в два часа подлодка взяла курс на север и, словно вырвавшаяся на свободу птица, стремительно понеслась к необъятным просторам Тихого океана.

Глава V
Южный тропик

В каком-то необычно мрачном настроении зоолог только что вышел от капитана, с которым имел длительную беседу о предстоящей остановке подлодки для глубоководной станции. Остановка предполагалась в тех областях океана, где под сороковым градусом южной широты холодное Гумбольдтово течение, омывающее западные берега Южной Америки, соприкасается с теплыми струями — отпрысками Южного экваториального течения.

Встретив почти у самых дверей капитанской каюты Горелова, зоолог спросил:

— Как бы вы отнеслись, Федор Михайлович, к небольшой, часов на шесть-семь, экскурсии по дну океана? Вы уже давно, если можно так выразиться, не проветривались… А? Что вы скажете?

Горелов был, очевидно, застигнут врасплох неожиданным предложением зоолога. На трех предыдущих станциях, которые были сделаны в Тихом океане на пути от Антарктики, работали только зоолог, Шелавин и их обычные спутники — Цой, Павлик, Скворешня и Матвеев. Горелов

попробовал было однажды предложить и свои услуги, но встретил вежливый отказ со ссылкой на капитана. Капитан, по словам зоолога, не соглашался отпускать в его распоряжение для участия в научных работах вне подлодки больше двух человек из команды и притом рекомендовал использовать в первую очередь Скворешню и Матвеева как специалистов-водолазов. После этой неудачной попытки Горелов больше не возбуждал вопроса о своем участии в подводных экскурсиях. Неудивительно, что, получив теперь это приглашение, Горелов в первое мгновение несколько смутился, потом откровенно обрадовался.

— Очень вам благодарен, Арсен Давидович, — отвечал он улыбаясь. — С большим удовольствием выйду с вами… Я уже положительно заплесневел здесь, в этих круглых стенах.

— Ну и прекрасно! — сказал зоолог. — Через два часа подлодка остановится, будьте готовы к этому времени. Встретимся в выходной камере ровно в шестнадцать часов.

И, повернувшись, зоолог торопливо направился по коридору к своей лаборатории.

Горелов, не трогаясь с места, проводил зоолога взглядом чуть прищуренных глаз и направился

к своей каюте.

В шестнадцать часов подлодка неподвижно повисла на глубине трех тысяч метров, почти у самого дна океана. В выходной камере собрались участники экскурсии. Перед тем как одеваться, зоолог попросил свою группу — Горелова, Цоя и Павлика — держаться около него, не отплывать далеко, так как работа будет коллективная.

Через несколько минут семь человек в скафандрах готовы были к выходу. Лишь на Горелове и зоологе не было еще шлемов. Как раз в этот момент, когда Крутицкий, дежурный водолаз, помогавший экскурсантам одеваться, готов был надеть на голову зоолога шлем, в камеру быстро вошли Семин и Орехов.

— Ну, как? Кончаете? — обратился комиссар к Крутицкому. — Вы нам нужны. Капитан приказал проверить склад водолазного имущества.

— Сейчас освобожусь, товарищ комиссар, — ответил Крутицкий, — только два шлема надену.

— Ну, ну, кончайте спокойно, не торопитесь.

Орехов подошел к Горелову, с любопытством рассматривая его высокую, закованную в металл фигуру.

— Какая масса вещей у вас у пояса, — проговорил он, внимательно перебирая топорик, кортик,

запасной ручной фонарь; он потрогал сетку пружинного сачка, открыл патронташ со щитком управления, заглянул во все его щели, под крышку, потом отстегнул электрические перчатки, растянул их и тоже посмотрел внутрь. — Можете себе представить, я ни разу не выходил из подлодки! Все некогда. Хозяйство, мелочи, выдачи, ордера, расписки… Эх, жаль! Кончится поход, а я так и не пополощусь в океанской водичке!

Разговаривая, он ходил вокруг Горелова, пристально осматривая со всех сторон его скафандр.

Чуть прищурив глаза, Горелов следил за ним, за его руками, за простодушным лицом, потом сказал:

— Очень захотелось бы, нашли бы и время. Много любопытного увидели бы.

Крутицкий кончил обряжать зоолога и поднял шлем над Гореловым:

— Разрешите, товарищ интендант.

— Пожалуйста, пожалуйста… — заторопился Орехов и улыбнулся. — А где экскурсионный мешок товарища военинженера?… Ага, вот этот! Интересно.

Он открыл экскурсионный мешок, с веселым любопытством пошарил в нем рукой, вынул из его карманов разные мелкие экскурсионные

инструменты, перебрал их и положил на место.

— Ну, тут я ничего не понимаю… Это уже по научному ведомству… Кончили, Крутицкий? Приходите скорее. Мы будем ждать вас в складе.

Помахав приветственно руками, комиссар и Орехов вышли из камеры. Крутицкий в последний раз тщательно осмотрел одетые в металл фигуры, удовлетворенно кивнул головой и тоже вышел. Через минуту послышалось глухое журчание: вода начала заливать камеру.

Не успели экскурсанты отплыть и нескольких километров от подлодки, как Горелов с досадой сообщил зоологу, что фонарь у него на шлеме потух.

— Разрешите, Арсен Давидович, вернуться на подлодку и исправить фонарь. Без него не рискую отправляться с вами. Я очень вас прошу, Арсен Давидович, займитесь пока работами здесь, недалеко от подлодки. Я мигом слетаю туда, исправлю фонарь и вернусь к вам. Можно?

После минутного колебания зоолог согласился, вызвал подлодку и сообщил о происшествии. Крутицкий получил из центрального поста распоряжение подготовить выходную камеру к приему Горелова.

Через пятнадцать минут Горелов уже опять

выходил из подлодки. Повреждение фонаря было пустяковое: стерженек кнопки на щитке управления был погнут, вероятно, неосторожным движением самого Горелова, и произошло разъединение. Фонарь вновь ярко горел в то время, когда Горелов выходил из камеры на откидную площадку. Но едва он ступил с нее в черноту глубин, как свет опять погас. Однако на этот раз Горелов никому об этом не сообщил. В непроницаемой тьме он тихо проплыл вокруг подлодки, чуть касаясь рукой ее обшивки, подплыл к корме и нащупал отверстие центральной ходовой дюзы. Осторожно, стараясь не задевать металлом своего рукава металл дюзы, Горелов просунул руку в выходное отверстие дюзы. Рука до плеча погрузилась в еще горячую камеру сжигания и долго производила там какую-то утомительную работу. Наконец, так же осторожно, как и прежде, Горелов вытащил из камеры руку. В ней находился небольшой кубический ящичек.

Повозившись немного, Горелов снял с него нечто вроде плотного металлического футляра и отбросил его в сторону. Теперь в руках Горелова остался знакомый ящичек с бугорками, кнопками, шишечками, с прикрепленными к нему в согнутом виде длинными стерженьками и мот-

ком тонкой проволоки. Горелов положил ящичек в карман экскурсионного мешка, запер мешок, забросил его за спину и поплыл обратно к откидной площадке у выходной камеры. Здесь на его шлеме ярко вспыхнул фонарь, и, непрерывно вызывая зоолога, Горелов понесся в темноте глубин, среди загорающихся то тут, то там разноцветных огоньков подводных обитателей.

* * *

Группа из четырех человек неслась на восток. Экскурсия протекала без того оживления, веселого азарта, смеха и шуток, которыми всегда сопровождались раньше такого рода научные вылазки из подлодки. Даже жизнерадостный Павлик молчаливо работал у дна, ограничиваясь короткими репликами и деловыми вопросами. Горелов чувствовал какуюто особую атмосферу сдержанности, даже некоторой холодности, окружающей его на этот раз. Он тревожно насторожился, не переставая, однако, внешне проявлять свое удовольствие от прогулки и радость при удачных находках. По мере того как шло время, он все больше увлекался охотой, главным образом за рыбами, весело гоняясь за ними и удаляясь нередко то вперед, то назад, то вверх

на такое расстояние, что спутники теряли его из виду и зоологу приходилось напоминать ему о необходимости соблюдать строй.

— Да вы бы посмотрели, Арсен Давидович, какой чудесный экземпляр стомиаса попался мне! Без длинного придатка под нижней челюстью.

— Вот как! Интересно, конечно, — сдержанно отвечал зоолог. — Все же прошу вас не уплывать далеко. Будьте хладнокровны.

Но Горелов так отдавался преследованию рыб, что то и дело пропадал в подводной тьме, иногда на длительное время. Это, видимо, настолько беспокоило зоолога, что он наконец подплыл к Цою и, не включая телефона, а прижавшись своим шлемом к его шлему, сказал:

— Если увидишь, Цой, что он далеко заплывает, плыви за ним…

Голос зоолога глухо звучал под шлемом Цоя. Цой коротко ответил:

— Хорошо, Арсен Давидович.

По мере приближения к подводному хребту все чаще стали попадаться холмы, увалы, пологие возвышенности, иногда круто обрывающиеся с той или другой стороны.

Вскоре один из холмов оказался между Цоем и Гореловым.

— Ах, черт возьми! — воскликнул вдруг Горелов. — Что за красота! Ну и рыба! Прямо как будто для праздника иллюминована!

Никакой рыбы перед Гореловым не было, но, скрывшись за холмом, он погасил фонарь, остановил винт и опустился на склон, продолжая разговаривать:

— Промах!.. Ну нет, красавец, не уйдешь… Пропал!.. Потушил огни, негодяй! Экая жалость! Теперь не найдешь, конечно… Можете и вы пожалеть, Арсен Давидович! Совершенно неизвестная рыба. Абсолютно круглая, с четырьмя рядами голубых и красных огоньков.

— Ну, ничего не поделаешь, Федор Михайлович, — ответил зоолог. — Возвращайтесь…

— Ах, опять появилась! — радостно перебил его Горелов, не трогаясь с места. — Теперь не упущу! Я к этому ловкачу с потушенным фонарем подплыву. Посмотрим…

И он увидел быстро несущийся к холму голубой огонек, все более разгорающийся. Вскоре внизу, под собой, он различил фигуру человека, зигзагами, на десяти десятых хода отплывающую в пространство около холма.

Горелов наполнил свой воздушный мешок и сразу взвился на двести метров над вершиной

холма. Включив фонарь и запустив винт, он устремился на восток, время от времени произнося задыхающимся голосом:

— Посмотрим… не уйдешь… Увиливаешь, черт?… Не поможет, не поможет… Ага! Вот дьявол разноцветный! Увернулся!..

— Да бросьте, Федор Михайлович… — взывал зоолог с беспокойством в голосе. — Будьте же хладнокровны…

Но Горелов перебил его:

— Сию минуту, Арсен Давидович… Сию минуту… Прямо у рук вертится…

Показалась высокая отвесная стена. Горелов всплывал рядом с ней, поднимаясь все выше и выше над уровнем дна. На высоте около двух тысяч метров открылось ущелье с мягкими покатыми боками, усеянными скалами и обломками, давно потерявшими под толстым слоем ила свои острые углы и грани. Горелов приблизился к одной из этих скал, самой мощной, и скрылся за ней.

— Где же вы, Федор Михайлович? — донесся в этот момент до Горелова голос зоолога, полный тревоги. — Мы ждем у холма, который разъединил вас с Цоем.

— Плыву обратно, Арсен Давидович, — ответил Горелов.

Он быстро вынул из экскурсионного мешка четырехугольный ящичек, установил его на одном из плоских обломков, вооружил изогнутыми спицами, натянул между ними тонкую проволочку и соединил ее с кнопкой для электрической перчатки. В течение всех этих манипуляций Горелов продолжал с перерывами говорить:

— Плыву прямо на норд… Я, кажется, уплыл от холма на зюйд… Сейчас присоединюсь к вам, Арсен Давидович. Тысячу раз извиняюсь за задержку. Охотничья жилка разгорелась. Холма что-то не видно… А должен был бы уже появиться… Что за оказия! Придется вам пеленговать мне, Арсен Давидович…

— Говорил же я вам, Федор Михайлович, будьте хладнокровны! — с досадой ответил зоолог. — Ваша глубина?

— Три тысячи двести десять метров от поверхности моря… — виновато ответил Горелов и выключил все телефоны.

После этого он нажал кнопку на боковой стенке ящичка. Часть передней стенки откинулась, на ней открылись ряды кнопок, загорелось узкое окошечко наверху ящичка, за окошечками медленно поползла бумажная лента. Из-под металлических пальцев Горелова в пространство

понеслись сигналы:

«ЭЦИТ… ЭЦИТ… Говорит ИНА2… Отвечай, ЭЦИТ… ЭЦИТ… ЭЦИТ… Говорит ИНА2…»

Донесение длилось минут десять. Горелов перестал работать пальцами и начал пристально следить за бумажной лентой, разворачивающейся за окошечком аппарата. По ленте потянулась ниточка точек и тире. Лицо Горелова изменилось, на нем сменялись испуг и возмущение. Вдруг он вскочил и яростно закричал задыхающимся голосом:

— Это уже не информация! Я не обязан! Это… это уже слишком!..

Вспомнив, что его никто не слышит, он опустился перед аппаратом и, цепляясь неповинующимися пальцами за клавиши, стал выбивать ответ. Опять потянулась ниточка точек и тире. Пальцы выбивали теперь уже робко и неуверенно. Потом за окошечком появилась ниточка — короткая, словно команда, — и оборвалась.

Тяжело дыша, Горелов закрыл глаза. Его лоб покрылся испариной, лицо в рассеянном свете фонаря было бледно-синее, как у мертвеца; под скулами шевелились желваки.

Через минуту он наклонился над аппаратом, медленно выбил несколько букв и застыл возле аппарата с закрытыми глазами.

Наконец он встал, с трудом распрямляя затекшую ногу, запустил винт на десять десятых хода, включил телефон и с зажженным фонарем на шлеме ринулся на запад и вниз, ко дну.

— Федор Михайлович! Федор Михайлович! — раздался опять — в который уже раз! — голос зоолога. — Отвечайте! Где вы? Что с вами?

— А? Что? — тихо, слабым голосом произнес Горелов, словно приходя в себя. — Арсен Давидович, это вы?...

— Да-да!.. — обрадованно откликнулся зоолог. — Где вы? Почему вы столько времени не отвечали?

— Я... — все тем же слабым голосом ответил Горелов. — Мне стало вдруг плохо... Не знаю... Лежу на какой-то скале... Я плыл по вашим пеленгам... и вдруг... Я, кажется, потерял сознание... Сейчас мне лучше... Пеленгуйте, пожалуйста. Поплыву к вам...

На полном ходу, уже почти у самого дна, Горелов изо всей силы швырнул ящичек вниз. Облачко ила поднялось оттуда, указывая место, где ящичек глубоко и навсегда зарылся в дне

океана.

— Вам стало плохо? — переспросил зоолог и задумчиво прибавил: — Вот как… М-м-м… Да, жаль… Очень жаль… Подплывайте к нам. Я вас направлю с кем-нибудь обратно на подлодку. Вам нужно отдохнуть. Пеленгую. Глубина та же? Направление то же?

Через пять минут Горелов стоял на холме рядом с зоологом, выслушивая его нотацию и слабо оправдываясь.

— Теперь вот нужно пеленговать еще Павлику и Цою! — говорил с нескрываемой досадой зоолог. — Я их разослал искать вас. Сколько времени зря пропало! Прошло уже три часа, как мы вышли из подлодки, а собрано — пустяки!

Скоро появился из подводной тьмы огонек Павлика, а еще через несколько минут показался Цой. Оба молча опустились на холм возле зоолога, ни одним звуком или жестом не выказывая радости или хотя бы оживления, как можно было бы естественно ожидать при виде пропавшего и затем благополучно вернувшегося товарища.

Когда Цой с Гореловым, отправленные зоологом к подлодке, скрылись, Павлик, прижав свой шлем к шлему зоолога, волнуясь и торопясь, сказал:

— Я плыл с потушенным фонарем, зигзагами,

вверх и на ост. На глубине тысячи пятисот метров увидел огонек. Он быстро несся вниз, на вест. Я приблизился и узнал его. Потом я плыл за ним, держась выше метров на сто. Мне показалось, что он что-то бросил на дно, хотя не знаю наверное: я был далеко…

Доставив Горелова к подлодке, Цой поплыл обратно к зоологу и работал с ним до конца экскурсии. Часа через четыре все вернулись на подлодку. Зоолог пошел к Горелову, чтобы, по обязанности врача, проведать его, а Цой с Павликом быстро направились в каюту комиссара, у которого застали и Орехова.

— Ну что? — нетерпеливо спросил еще с порога Цой.

— Да что! — угрюмо и нехотя ответил Орехов. — Ничего!.. Не напутал ли ты там, малец? — обратился он к Павлику.

Павлик растерянно переводил глаза с Орехова на Цоя.

— Да в чем дело, наконец? — спросил Цой. — Расскажите, что вы нашли?

— Ничего не нашли. Самый простой жестяной ящичек с деталями от пишущей машинки. Вот и все, товарищ советский Шерлок Холмс! — Помолчав, Орехов добавил с досадой: — Капитану

страшно неприятно — боится, не поспешили ли. Раньше времени можно спугнуть. Говорит, что Павлик ребенок еще, мог и ошибиться. А мы вот доказывали, что надо сейчас же убедиться. Досадно до черта!

— Как же я мог ошибиться? — дрожащим от обиды голосом сказал Павлик.

— Жестяной! Я же сам держал ящичек в руках… тяжелый такой…

— А может быть, в нем вода была?

— Нет! Не может этого быть! — гневно заговорил Цой. — Павлик правду сказал. Правду! Жестяной ящичек был бы раздавлен давлением воды… Вы потом сами убедитесь. Не будет ли только поздно?

— Не волнуйтесь, Цой, — спокойно заметил сидевший на койке комиссар. — Я вполне с вами согласен. Мы не будем спускать с него глаз. На этот раз он нас перехитрил. Ну что же! Посмотрим, кто будет смеяться последним!

* * *

На другой день, двадцать пятого июля, в одиннадцать часов «Пионер» взял курс прямо на северо-запад. Путь лежал теперь к родным берегам, наискось через все огромное пространство

Великого океана. Подлодка шла переменным ходом, то замедляя, то ускоряя его, то поднимаясь в верхние, светлые слои океана и останавливаясь, чтобы дать возможность Сидлеру зарисовать богатую субтропическую фауну моря, то опускаясь в его глубины, главным образом, чтобы получить для Шелавина гидрофизические материалы.

Чем больше подлодка приближалась к Южному тропику и входила в области Великого кораллового пояса, охватывающего в тропиках океаны земного шара, тем разнообразнее и красочнее делался животный мир поверхностных вод. В пустынных безбрежных пространствах этой части океана «Пионер» чувствовал себя более свободно и безопасно, он нередко поднимался и подолгу плыл, охраняемый инфракрасными разведчиками, в слоях воды, отделенных от поверхности всего лишь несколькими метрами.

За раздвинутыми наружными шторами, сквозь окно лаборатории, зоолог, Цой, Сидлер и Павлик долго, не отрываясь, любовались мелькавшими в светлых, пронизанных солнцем водах бесчисленными их обитателями. Возгласами восхищения встретили наблюдатели небольшие стаи кругломордых золотых макрелей с блестящими пурпурными телами и золотисто-желтого цвета

хвостами; парусников, метров пяти в длину, с огромным, словно натянутым на многочисленные мачты парусом — спинным плавником, и с длинными, заостренными, как журавлиный клюв, челюстями; бонитов, вызвавших восторг Сидлера своей раскраской, отливающей зеленым и красным по сине-стальному фону на спине и боках; кузовков, закованных в неподвижный, окостеневший панцирь; щетинозубов с рылами, похожими на короткие хоботы, с раздутыми, словно дирижабли, телами в пестрых, разноцветных полосках, пятнах, каемках; щипоглавов-кесарей с черными пятнами, обведенными желтыми каймами, на ярко-синем туловище; кроваво-красных с черными полосками скорпен с длинными иглами, которые делали их похожими больше на морских ежей, чем на рыб; полосатых губанов с толстыми, мясистыми губами, изукрашенных роскошными синими полосами по красноватому фону тела; зубчатых губанов, словно покрытых яркой радугой; фиолетово-красных попугаев-рыб.

Среди этих ярких красок и удивительных, часто неожиданных форм спокойно, как парашюты со свободно повисшими стропами, проплывали физалии, пульсировали медузы с ярко-желтыми

прядями щупалец, маленькие карминно-красные медузы, стада велелл великолепного ультрамаринового цвета.

— Вероятно, подлодка проходит около коралловой отмели, — сказал зоолог, едва успевая называть отдельных участников этого пестрого хоровода. — Только около коралловых чащ можно встретить этих рыб, так щедро, даже расточительно окрашенных природой.

Вдруг весь этот хаос красок и форм исчез, как будто унесенный ветром. Перед окном появилось стадо черных дельфинов. Они окружили подлодку и долго, играя и кувыркаясь, сопровождали ее.

Через минуту рядом с «Пионером» в светло-зеленых сумерках показалась небольшая вертлявая рыба синевато серебристого цвета, опоясанная пятью темно-синими полосами. Едва она появилась, дельфины юркнули в сторону и моментально исчезли.

— Неужели эта маленькая рыба так напугала дельфинов? — изумился Павлик.

— Это лоцман, — ответил зоолог. — Значит, тут где-то поблизости и акула.

Лоцман юрко плыл около подлодки, точно обследуя ее со всех сторон, потом быстро исчез, но

скоро вернулся. Следом за ним из тьмы важно выплыла огромная, пятиметровая акула. Она медленно приблизилась к окну и уставилась в него своими маленькими тупыми глазками и большой дугообразной пастью, усеянной многочисленными зубами.

— Отсюда, пожалуй, удобнее смотреть на нее, чем со спины кашалота… Бр-р! — содрогнулся Павлик при этом воспоминании.

Акула повернулась на бок и показала свое грязно-белое брюхо. Лоцман, все время вертевшийся вокруг морды акулы, начал вдруг обнаруживать беспокойство. Он метался во все стороны, исчезал впереди, возвращался назад к своей флегматичной повелительнице, чуть не хлеща хвостом по ее рылу. Очевидно, это беспокойство передалось наконец и акуле: она внезапно взметнулась, повернула назад и скрылась, хлестнув огромным хвостом по окну, так что от неожиданности люди, находившиеся за ним, испуганно отшатнулись.

После того как хищница, наводящая ужас на всех, освободила место перед окном, пространство вблизи подлодки осталось пустынным, и никто из обитателей моря не появлялся в нем.

— Странно, неужели акула распугала все живое так далеко вокруг нас? — удивился Сидлер.

— Действительно, странно. Вы не замечаете, что вода стала темнее… серее как-то? — ответил зоолог, пристально всматриваясь и приблизив лицо к прозрачному металлу окна.

— Гм… В воде плавает масса мельчайших частиц… Откуда бы им взяться здесь?

Вдруг Цой предостерегающе поднял палец:

— Тише, Арсен Давидович! Прислушайтесь!

Все застыли, напряженно вслушиваясь в наступившую тишину.

Сквозь обычное, едва заметное в лаборатории жужжание машин доносились откуда-то издалека глухие, неясные удары, сопровождаемые ровным гулом.

«Пионер» шел на четырех десятых хода, и чем дальше он продвигался вперед, тем темнее становилось вокруг подводные сумерки, тем явственнее доносились удары и отдаленный рокочущий гул.

— Что это может быть? — встревоженным шепотом спросил Сидлер.

Никто не ответил ему. Все продолжали вслушиваться в эти таинственные, исходящие из недр океана звуки. В густых сумерках вод мимо окна проносились смутные тени странно неподвижных рыб с безжизненно опущенными

плавниками, черепах, головы которых беспомощно свешивались вниз на своих длинных шеях.

— Трупы! — сказал зоолог, опять приблизившись к окну и присматриваясь к все более темневшим водам, среди которых замелькали быстро взлетавшие вверх черные комочки. — Пемза и пепел! — воскликнул он. — Извержение подводного вулкана!

Подлодка между тем замедлила ход, осторожно пробираясь вперед.

— В центральном посту, вероятно, давно заметили это, — промолвил Цой. — Как жаль будет, если капитан пожелает уйти отсюда и мы не сможем наблюдать такое редкое явление!

— Не думаю, — улыбнулся зоолог. — Вероятно, Иван Степанович уже в центральном посту и не упустит случая.

Хотя удары и подводный гул слышались все громче, но не было заметно, что подлодка меняет курс. Вскоре к этому грозному шуму присоединились новые звуки: послышались мелкие, все более учащающиеся удары по обшивке корабля, напоминающие стук града во железной крыше. Из-под корабля стремительно и густо летели кверху мелкие и крупные комки, окутанные облачками пара.

— А это что? — спросил Павлик.

— Это куски горячей пемзы, выбрасываемые вулканом, — сказал зоолог. — Они легче воды и стремятся на поверхность океана. При таких извержениях море бывает покрыто толстым слоем плавающей пемзы и вулканического пепла на много километров вокруг.

Надводные корабли обычно избегают тех мест, где происходит подводное извержение.

Поэтому, продолжая тихо двигаться вперед, «Пионер» всплывал, не опасаясь, очевидно, в этих условиях посторонних нескромных глаз. Впрочем, подлодка скоро прекратила подъем: почти у самой поверхности океана она встретила слой пепла и пемзы, совершенно не пропускавший дневного света даже в верхние слои воды. Через несколько минут «Пионер» стал вновь опускаться, продвигаясь уже в совершенной темноте. Громовые удары, сопровождаемые раскатистым грохотом, казалось, раздавались совсем близко от подлодки. Пемзовый град стучал по ее обшивке все чаще и сильней.

Подлодка продолжала опускаться.

— Уж будьте спокойны, — говорил зоолог, довольно потирая руки и не сводя глаз с окна: — Иван Степанович не упустит такого случая.

Подлодка идет на сближение с вулканом. Очень интересно! Замечательно интересно!

— А это не опасно? — спросил Сидлер.

— Об этом уж позаботится капитан. Будьте хладнокровны.

В лаборатории было совсем темно, но зоолог не зажигал огня.

— Подождите, — громко говорил он Сидлеру, стараясь перекричать шум и грохот, — скоро вы увидите феерическое зрелище в этой подводной тьме! Если только капитан не изменит курса.

Подлодка упорно продолжала по диагонали свой осторожный спуск в глубины. Она уже успела опуститься не менее чем на две тысячи метров от поверхности, когда вдруг резко повернула вправо на борт.

Далеко в глубинах, в стороне от корабля, разлилось огромное багровое зарево. Из центра этого зарева то в одиночку, то струями огненного фонтана взлетали кверху огромные раскаленные пятна и, мгновенно окруженные розовыми облачками пара, разрывались, подобно ракетам, на мелкие красные осколки и падали вниз роем темно-багровых метеоритов.

Подлодка медленно кружила около огнедышащего вулкана, осторожно приближаясь к нему по

гигантской суживающейся спирали. Багровый свет проникал уже сквозь окно в лабораторию и бросал на лица застывших в неподвижности людей фантастические краски, блики и тени. Свет усиливался, переходя из багрового в красный, потом к нему присоединился оранжево-желтый, потом в центре зарева, в грозовых облаках пара, выделилось яркое желтое пятно с сетью разбросанных вокруг него коротких желтых щупалец, багрово темнеющих у своих концов.

— Лава извергается и застывает на склонах вулкана! — кричал сквозь грохот зоолог Павлику. — Рождение острова! На наших глазах растет новый вулканический остров! Понимаешь ли ты это? — Зоолог был вне себя от восторга.

Покружив вокруг неугасающего вулкана еще с полчаса, «Пионер» снова взял курс на северо-запад и скоро оставил позади морские глубины, в жестокой борьбе огня с водой рождающие новую землю.

Вскоре подлодка вернулась в верхние слои, и Сидлер мог опять приняться за прерванную работу. Однако и Сидлер и все, кто был в лаборатории, не скоро успокоились и долго и горячо делились друг с другом чувствами и мыслями, взбудораженными титанической картиной, свидетелями которой им довелось быть в течение последних часов.

Очевидно, и все на подлодке были крайне взволнованы этим приключением. Во всяком случае, такое заключение можно было безошибочно сделать в отношении Горелова, который в трудно сдерживаемом возбуждении ходил по коридору верхней, жилой, части подлодки мимо слегка отодвинутой двери центрального поста управления. Там уже никого не было: ушли капи-

тан и старший лейтенант Богров, руководившие трудным и опасным плаванием подлодки вокруг вулкана; ушел и Шелавин, наблюдавший оттуда его работу. Вахту нес лейтенант Кравцов, поднявший только что над поверхностью океана один из инфракрасных разведчиков и готовившийся с его помощью «поймать солнце», чтобы установить точные координаты подводного вулкана и будущего острова.

Как только лейтенант закончил вычисления, в рубку вошел Горелов, улыбающийся и оживленный.

— Ну, что скажете, Юрий Павлович? — весело обратился он к лейтенанту. — Хороша картинка? Я положительно оторваться не мог от этого зрелища!

— Да, Федор Михайлович, спектакль великолепный! — отозвался лейтенант. — Вот подождите минуточку, я только занесу в журнал координаты этого пиротехника.

— «Пиротехника»! — рассмеялся Горелов. — Хорошая аттестация для Плутона! Кстати, а какие, в самом деле, его координаты?

— Тридцать градусов двадцать две минуты восемнадцать секунд южной широты и сто тридцать градусов двенадцать минут тридцать пять

секунд западной долготы, — ответил лейтенант, захлопнув журнал.

— Вот как! — радостно удивился Горелов. — Да ведь мы уже почти у Южного тропика! Когда же мы там окажемся, как вы думаете.

— Если не будем останавливаться, то на обычных восьми десятых хода, курсом на норд-вест, придем туда наверняка через восемь часов. Завтра, двадцать девятого июля, в четыре часа. Минута в минуту!.. Нет, вы лучше скажите, Федор Михайлович, — воскликнул лейтенант, поглядывая на экран и следя за сигнальными лампочками на щите управления, — заметили вы этот грандиозный фонтан из раскаленных камней, который шел кверху сначала одним стволом, а потом на полпути разделился на четыре ствола! Это была феерическая картина! Как будто гигантская кокосовая пальма с четырьмя склонившимися багровые ветвями на верхушке. Ни один пиротехник не придумает такого номера!

Несколько минут Горелов разделял восторги лейтенанта, потом вдруг заторопился и, сославшись на спешное дело, быстро вышел из рубки.

В коридоре было тихо и пусто. Горелов подошел к крайнему люку, ступил было на винтовую лестницу, но остановился и задумался. Лицо

его выражало крайнее возбуждение. С минуту он постоял неподвижно, опустив глаза, потом, встрепенувшись, резко повернулся, поднялся обратно в коридор и быстро направился к своей каюте. Здесь он начал торопливо раздеваться.

— Так нельзя… Надо отдохнуть, надо набраться сил, — бормотал он.

Раздевшись, он потушил свет и улегся на койку, но долго не мог уснуть. В темноте слышны были его вздохи, он часто поворачивался с боку на бок, пока наконец затих. Сон его был тяжел и тревожен, но через четыре часа он проснулся достаточно свежим и бодрым. Одевшись и умывшись, он почувствовал себя совсем хорошо. Через два часа наступала его вахта: Ромейко был болен, и Горелов охотно освободил его на двое суток от работ, взяв их на себя. Горелов вышел из каюты и прошел в столовую. Там он выпил какао, плотно закусил и посмотрел на часы. Было ноль часов пятнадцать минут двадцать девятого июля; до смены вахт в машинном отделении оставалось еще пятнадцать минут. Горелов вышел из столовой и направился к центральному посту. Подойдя к его двери, он оглянулся: в коридоре никого не было. Слегка нажав на дверь, Горелов чуть отодвинул ее, заглянул в узенькую щель и довольно

улыбнулся: как он и рассчитывал, на вахте опять был лейтенант Кравцов.

— Доброй ночи, Юрий Павлович! Уже вступили на вахту?

— Да, только что сменил старшего лейтенанта.

— Как идем?

— Отлично. Прямо на норд-вест.

— Приветствую от всей души этот курс. До чего душа рвется домой, передать трудно!

— Дело понятное. Не вы один…

— Пересечем экватор, а там уж совсем близко будет. До тропика еще далеко?

Лейтенант посмотрел на часы:

— Ровно через три часа будем там. Горелов вскинул глаза на часы:

— Ну, прощайте! Спешу сменить Козырева. Ромейко-то болен.

— Прощайте, Федор Михайлович!

Отпустив Козырева, Горелов прошел по всем находящимся в его ведении отсекам и камерам. В камере водородных баллонов он задержался. Один из них работал; его насос гнал по изогнутой трубе газ через газопроводные трубы к дюзам. Горелов подготовил к работе и соседний баллон, очевидно, не надеясь на автоматический переключатель. То же самое он проделал в соседней

камере кислородных баллонов. Вынув из кармана небольшой открытый ящичек и сняв со стены герметически закрытый мешок, кое-какие инструменты, Горелов надел газовую маску, асбестовые перчатки и вошел в камеру газопроводных труб. В камере, пробравшись сквозь чащу горячих труб к левой стене, Горелов занялся сигнализационной системой. Сигнализатор давления газов он накрыл ящичком, вынул из мешка ленту размягченной резиновой прокладки и проложил ее под нижними краями ящичка. Жар в камере быстро схватил размягченную прокладку, и ящичек с сигнализатором внутри оказался герметически закрытым. Захваченный им воздух из камеры будет теперь неизменно сохранять свой прежний состав и прежнее нормальное давление. Какие бы изменения ни произошли потом в самой камере, заключенный в ящичке сигнализатор будет посылать на щит управления центрального поста одни лишь успокоительные сигналы.

Покончив с этой кропотливой работой, Горелов вынул из кармана плоскую металлическую коробку с мотком прикрепленных к ней тонких проводов. На плоской стороне коробочки виднелся под стеклом часовой циферблат и две стрелки.

Из коробочки слышалось тихое ровное тикание часов. Горелов нажал кнопку на узкой грани коробочки и осторожно отпустил крышку. Под крышкой оказался простой аппарат старинных бензиновых зажигалок: фитилек, пропитанный бензином, и около него маленькое шершавое колесико, вращающееся над кремнем. Горелов завел часы и поставил стрелки на четыре часа пятнадцать минут. После этого он положил зажигалку на ящичек с сигнализатором внутри и соединил ее проводом с аккумуляторным шкафчиком от автономной сети освещения. Покончив и с этим, Горелов вышел из камеры.

Тяжело дыша, стирая пот со лба, он присел на стул в углу возле баллонов и посмотрел на часы. Стрелки показывали три часа тридцать минут. Посидев немного, Горелов вскочил и начал быстро ходить по узкому проходу между баллонами, потом опять сел, но через минуту снова вскочил и возобновил хождение по камере, то и дело поглядывая на часы. Без десяти четыре Горелов сорвался со стула, бросился к кнопке, открывающей дверь в газопроводную камеру, вывинтил ее фарфоровую головку, сломал под нею пластинки замыкания и ввинтил головку обратно в гнездо. Затем он кинулся к ранее подготовленному

баллону с кислородом и соединил его трубу непосредственно с камерой, минуя газопроводные трубы. То же самое он сделал и с водородным баллоном в соседней камере. Потом присел на стул, вынул часы и напряженно, не сводя глаз, следил за движением стрелок над циферблатом. Ровно в четыре часа он вскочил со стула, закрыл краны в баллонах, посылающие газ в дюзы. Дюзы перестали работать, подлодка двигалась уже только по инерции.

Бледный, взволнованный, Горелов спешил через отсеки и камеры машинного отделения, по винтовой лестнице, по коридору — к центральному посту управления.

— Юрий Павлович! — задыхаясь, обратился он к лейтенанту Кравцову, стоявшему с встревоженным лицом у микрофона и готовившемуся кого-то вызывать. — Дюзы остановились! Что-то неладное с ними. Это работа вашего пиротехника, черт бы его побрал! Наверно, пемза и пепел набились в камеры сжигания. Дайте скорее пропуск на выход из подлодки. Надо немедленно прочистить их.

— Ах, вот что! — вскричал лейтенант. — Я никак не мог понять, в чем дело. Собирался уже будить капитана…

— Давайте скорее пропуск! Каждая минута дорога! Там скопляются газы, и им выхода нет! Грозит взрыв! Скорее, Юрий Павлович! Скорее! Потом вызовете капитана…

Волнение Горелова передалось лейтенанту. Он быстро написал пропуск и передал его Горелову.

Через минуту Горелов был уже возле выходной камеры.

— Живо, товарищ Крутицкий! — обратился он к вахтенному водолазу, предъявляя ему пропуск. — Одеваться! Авария с дюзами!

— Есть одеваться, товарищ военинженер! — бросился к скафандрам Крутицкий.

— Кислород, питание, аккумуляторы на полной зарядке? — быстро спрашивал, одеваясь, Горелов.

— Теперь всегда на полной, товарищ военинженер! — ответил Крутицкий. — Уж мы следим за этим…

Как ни быстро наполнялась забортной водой выходная камера, Горелов не мог устоять на месте от нетерпения. Наконец открылись широкие, как ворота, двери, откинулась площадка, и Горелов на десяти десятых хода ринулся в подводную тьму. Но, едва удалившись от подлодки, метрах в двухстах от нее, Горелов остановил винт и

повернулся в ее сторону. В то же мгновение из тьмы сверкнул длинный яркий сноп пламени, раздался оглушительный взрыв, и в свете огня, окруженная облаком пара, на один лишь миг мелькнула перед глазами Горелова огромная тень подлодки и исчезла, ринувшись носом вниз, в черные глубины океана.

Глава VI
На борту крейсера

Тропическое солнце давно перешло через зенит, но продолжало палить с неослабевающей силой. При чистом, безоблачном небе над океаном дул слабый ветер, наводивший небольшое волнение.

Уже двенадцать часов Горелов с бешеной скоростью носился среди волн, безуспешно, с отчаянием в глазах, осматривая пустынный горизонт.

Он задыхался в своем скафандре. Прозрачный шлем раскалился до того, что каждое прикосновение к нему лбом или щекой ощущалось как ожог. Время от времени, изнемогая от духоты и жары, почти теряя сознание, он опускался в прохладные глубины, освежался там, приходил несколько в

себя и затем, запустив винт на все десять десятых хода, высоко, с разбегу, поднимался над поверхностью океана, чтобы в один миг осмотреть его вокруг себя и вновь продолжать свое бесконечное блуждание среди захлестывавших его волн. Много сотен километров во всех направлениях проделано было им за двенадцать часов, протекших с момента взрыва на подлодке — с того момента, когда она исчезла в водной пучине и сам он остался одиноким среди безбрежных пространств океана. Мучительные часы проходили в лихорадочном движении то на север, то на юг, то на восток. Горелова томили уже голод и жажда, но при мысли о горячем какао его охватывало непреодолимое отвращение, а жалкий остаток воды в другом термосе внушал беспокойство. Надолго ли хватит его? Он слишком легкомысленно пользовался своим запасом. Духота в скафандре изнурительна… Голова — словно в горячем тумане, мысли путаются… Надо чаще опускаться в глубины, но можно пропустить… Нет, это было бы ужасно!.. Надо искать… непрерывно искать… быть на виду… на поверхности…

И Горелов продолжал свой стремительный бег под палящим равнодушным солнцем. Но, как ни ужасен был дневной зной, Горелов с содроганием

и с замирающим от страха сердцем следил за движением солнца к западу. Пока оно разливало вокруг свой ослепительный свет, оставалась надежда; ночь несла с собою гибель.

Ночь Горелов не надеялся пережить: иссякнет энергия аккумуляторов и — самое главное — не хватит кислорода. Даже жидкого. Тогда — быстрая, неотвратимая смерть. Разве лишь, если утихнет ветер, успокоится океан... Но и в этом случае он останется без электрической энергии, будет осужден на неподвижность. Он не сможет искать...

Голова горела, губы от жажды спеклись... Горелов сделал маленький, скупой глоток воды, погрузился на несколько десятков метров в глубину и, едва почувствовав ее свежесть и прохладу, вновь устремился на поверхность. Приподнявшись над ней на одно лишь мгновение, он осмотрел жадными глазами по-прежнему пустынный горизонт и круто повернул с запада на север, наперерез волне. Теперь она непрерывно накрывала его шлем, плыть приходилось, почти ничего не видя вокруг себя, и это заставляло его часто погружаться, высоко выскакивать из воды и осматриваться. Правда, шлем охлаждался, было легче переносить зной, но мучительно тревожи-

ло отсутствие видимости, слепота…

Солнце упорно, неуклонно склонялось к западу. До заката уже оставалось всего лишь четыре часа. Четыре коротких часа и затем — тьма! Под тропиками сумерек не бывает, день почти сразу переходит в ночь. Что будет с ним? Переживет ли он эту ночь? Неужели смерть? Тогда зачем все это было? Зачем нужна была эта цепь предательств, измен? Анна! Анна!.. В памяти всплыло, как живое, красивое надменное лицо. Зачем он сразу не увез ее тогда к себе на родину? Проклятый старик! Проклятый Маэда! Опутал золотом, расписками… Анна жаждала развлечений, нарядов, богатой, широкой жизни… Бездельной жизни!.» Нет, она не поехала бы с ним на его родину… Там нужно трудиться. Анна! Анна! Он любил ее. Он не мог бы расстаться с ней… Знает ли она, где он теперь?.. Он умирает за нее… Зачем, зачем это нужно?…

Остановившимися глазами Горелов смотрел вперед сквозь хлещущие в него волны, и в их трепещущей, переливающейся пелене он видел возникающие из тьмы глубин, встающие, как призраки, фигуры и лица людей, жизнерадостных, смеющихся, увлеченно работающих, всего лишь несколько часов назад живших вместе с ним в уютных отсеках «Пионера». Вот

великолепный капитан Воронцов, задумчиво перебирающий пальцами бородку, вот умница Марат с вечно торчащим хохолком на темени, вот добродушный великан Скворешня, доверчивый Лорд и простодушный, в вечной ажитации Шелавин… милейший Шелавин, спаситель его, Горелова. Как он отплатил ему за это спасение! И Павлик смеется. Павлик, вечно путавшийся под ногами. Вот скуластый, с бачками возле ушей лейтенант Кравцов. Дурак! Правил службы не знает! Болтун! Щеголь пустоголовый! Выпустил из подлодки… Попался, как мальчик, на удочку… Ведь был же, наверно, приказ капитана, чтобы без его разрешения не выпускать Горелова из подлодки. Горелов давно уже каким-то чутьем чувствовал, что ему не доверяют, что какие-то неясные подозрения возникают и все более сгущаются вокруг него. Если бы этот простофиля не выпустил его, может, все было бы теперь по-иному… Хотя нет… Часы уже были поставлены, кнопка у входа в камеру испорчена. Машина гибели была пущена в ход, ничто уже не могло остановить ее. И вот — солнце уходит, и с ним уходит в тьму его, Горелова жизнь…

Запекшимся, пересохшим ртом Горелов жадно ловил воздух. Он задыхался. В голове проноси-

лись неясные образы, смутные тени, обрывки мыслей, слова жалоб, упреков, сожалений... Он сделал два скупых глотка драгоценной воды, но свежести и ясности сознания они не принесли. Горелову становилось дурно. Нажав одну из кнопок на щитке управления и выгнав кислород из воздушного заспинного мешка, Горелов опустился в глубину. Ему стало легче, воздух вливался освежающей струей в легкие, сознание прояснялось. Но надо было спешить кверху, нельзя было упускать ни одной из оставшихся светлых минут умирающего дня. Горелов нажал другую кнопку, чтобы вновь наполнить мешок кислородом. Испуг охватил его: обычного быстрого и легкого подъема Горелов не почувствовал. Он медленно и тяжело всплывал, как будто перегруженный каким-то новым, добавочным грузом. Тогда он, ничего еще не понимая, запустил винт, выскочил до груди из воды, осмотрелся и продолжал путь на север.

Что же случилось там, в глубине? Почему он так медленно всплывал? Испортилось что-нибудь в механизме наполнения мешка? Горелов закинул руку назад, за спину, и попробовал ощупать мешок. Пальцы не почувствовали за спиной обычной высокой упругой выпуклости. Мешок

был дряблый, податливый, почти плоский, как будто пустой. И одновременно вернулось прежнее удушье, не хватало воздуха… Нет, воздух был, но словно лишенный живительного кислорода… Кислород?… Крутицкий! Мерзавец! Негодяй! Неужели он зарядил скафандр патронами со сжатым, а не с жидким кислородом?! О предатель!.. Предатель?… Кто сказал это слово?… Конец!.. Даже до заката солнца не хватит… Нет! Нет! Пусть ветер!.. Пусть хлещут волны!.. Надо попробовать, хотя бы грозила опасность захлебнуться, утонуть…

Задыхаясь, спазматически ловя воздух широко открытым ртом, с багровым лицом и готовыми выскочить из орбит глазами, Горелов заметался, забился в воде, стараясь на полном ходу перевернуться на спину, грудью кверху. Остановить винт он боялся: он не был уверен, что без его работы сможет удержаться на поверхности. В помутившемся сознании мерцала, как спасительная звезда, лишь одна мысль о последнем средстве…

Раскинув ноги и балансируя ими, чтобы удержаться на спине, он с трудом, плохо повинующимися пальцами вынул из гнезда в щитке управления медную иглу на длинном тонком проводе и медленно занес ее на грудь, к среднему

шву на скафандре. Слабеющий, судорожно шарящей рукой он искал этот шов — и не мог найти. Перед глазами сгущался черный туман, грудь работала, как кузнечные мехи. Багровая синева медленно разливалась по лицу. Рука с зажатой иглой замерла на скафандре…

В далеком уголке потухающего сознания возникло тихое, чуть слышное жужжание. Жужжание приближалось, росло, превратилось в мощное гудение, заполнило ревом шлем и уши Горелова и вдруг разом, словно оборванное, умолкло.

Горелов потерял сознание…

* * *

Человек говорил на прекрасном английском языке, изысканно вежливо:

— Лейтенанту Хасегава пришлось в этом деле затратить немало усилий, и мы выражаем ему большую благодарность за столь удачный исход рекогносцировки. Из всех наших гидропланов, ежедневно осматривавших огромные пространства над океаном, на долю именно его машины выпал успех.

Один из стоявших вокруг койки сдержанно и почтительно поклонился.

— Но и другим вы задали у нас не меньше работы, — с чуть заметной, но благожелательной улыбкой на широком коричнево-желтом лице с резко выдающимися, острыми скулами продолжал говорить человек, сидевший на стуле. В его косо поставленных глазах за большими роговыми очками мимолетно блеснуло довольство собой и своими подчиненными. — Нужно было извлечь вас из ваших неприступных, словно заколдованных рыцарских доспехов и вернуть вам жизнь. Да-да! Именно вернуть жизнь, так

как все говорило за то, что вы ее давно потеряли. Первое сделал наш электротехник майор Ясугуро Айдзава, которому, правда, вы дали намек, как это сделать. В сжатом кулаке вы держали медную иглу как раз возле грудного шва на скафандре. А второе сделал наш маг и чародей доктор Судзуки, какими-то чудодейственными вливаниями после двухчасовой работы ожививший ваше сердце. Я очень рад нашей новой встрече, мистер Крок, и тому, что могу предложить вам гостеприимство на моем корабле. Встреча со старым другом всегда овеяна ароматом цветущей вишни, говорят в моей стране. Ваше первое сообщение я еще вчера послал по радио в главный штаб. А теперь отдыхайте, набирайтесь сил. Завтра, если позволите, я вас опять навещу, и мы поговорим о подробностях вашего удивительного подвига. Позвольте пожелать вам, мистер Крок, спокойствия и здоровья, которое так драгоценно для нас.

Капитан Маэда встал и протянул маленькую руку с желтовато-коричневой ладонью.

Со времени последнего, столь памятного разговора с Гореловым в Ленинграде и своего ареста капитан много потерял в решительности и смелости обхождения. Морской атташе державы, считавшей себя владычицей Востока и азиат-

ских морей, так «легкомысленно» давший себя захватить с поличным советской власти, был освобожден ею лишь по причинам дипломатического характера и, вконец скомпрометированный арестом, немедленно отозван на родину. Командование крейсером, которому была поручена связь с Гореловым и наблюдение за советской подлодкой, несмотря на важность этой миссии, было явным понижением для капитана Маэда.

Горелов слабо пожал руку капитану и тихо сказал: — Я бесконечно благодарен вам, капитан… Я никогда не забуду… имен моих спасителей — и летчика лейтенанта Хасегава… и майора Айдзава… и доктора Судзуки… Еще раз благодарю вас…

Капитан Маэда и все сопровождавшие его вышли из корабельного госпиталя. Горелов откинулся на белоснежную подушку и закрыл глаза.

С того момента, как потерявший сознание Горелов был подобран летчиком лейтенантом Хасегава и доставлен на крейсер, он был окружен исключительным вниманием и заботами. Капитан Маэда не преувеличивал: нужно было особое, необыкновенное упорство, чтобы добиться спасения Горелова при наличии препятствий, казалось — непреодолимых. Но капитан Маэда кое-чего не досказал: инструкции главного штаба

недвусмысленно связывали всю дальнейшую карьеру капитана с отысканием и благополучной доставкой Горелова. В сущности, жизнь капитана оказывалась таким образом связанной с жизнью Горелова: призрак харакири неотступно следовал за капитаном все двадцать часов, в течение которых шла отчаянная непрерывная борьба за освобождение Горелова из скафандра и оживление его тела. Капитан Маэда имел все основания считать майора Айдзава и доктора Судзуки также и своими спасителями.

Уход за Гореловым был необыкновенно внимательный; доктор Судзуки применял самые современные методы для быстрого восстановления сил организма. На третий день его пациент мог уже без особых усилий вести длительный разговор с капитаном Маэда, пришедшим вторично навестить его.

На этот раз капитан явился в сопровождении лишь одного человека, который принес с собой диктофон, установил его возле койки Горелова и затем удалился. После первых изысканных фраз с изъявлением радости по поводу быстрого хода выздоровления Горелова, расспросов о его самочувствии, новых соболезнований по поводу перенесенных им испытаний капитан присту-

пил к делу:

— Главный штаб был бы вам очень признателен, мистер Крок, если бы вы сообщили нам некоторые сведения о конструкции подводной лодки, на которой вы находились, ее вооружении, источниках двигательной силы, движителях и вообще обо всем, что отличает ее от современных подводных лодок обычного типа.

Горелов, очевидно, ждал этих вопросов. Он быстро ответил:

— Простите, капитан, но все эти сведения я передам лично главному штабу, как только мы прибудем в порт... Кстати, где мы сейчас находимся?

Капитан был, видимо, неприятно удивлен. С застывшим лицам и полузакрытыми глазами, он с минуту помолчал и затем тихо произнес:

— Могу заверить вас, глубокоуважаемый мистер Крок, что я действую в данном случае не из простой любознательности, а именно по поручению главного штаба.

— Очень сожалею, капитан, и еще раз прошу у вас извинения, но некоторые очень важные соображения заставляют меня воздержаться от ответа на ваши вопросы. Свои сообщения я могу сделать только непосредственно, только лично

главному штабу. И чем скорее я буду доставлен в порт, тем лучше будет для дела. Именно поэтому я интересуюсь вопросом о движении корабля.

Капитан опять помолчал.

— Вы вправе поступать, мистер Крок, — ответил он наконец, — как считаете необходимым. Я ни в коем случае не позволю себе настаивать, если это ваше окончательное решение. Считаю лишь необходимым довести до вашего сведения, что это решение, если вы его не измените, причинит штабу некоторые затруднения. Я был бы вам очень признателен, если бы вы учли это обстоятельство в ваших дальнейших размышлениях… Впрочем, — поспешно добавил капитан, заметив легкое движение досады на лице Горелова, — я опять повторяю, что нисколько не настаиваю и все предоставляю вашему благожелательному суждению… Что же касается нашего корабля, то в настоящий момент он все еще находится на том же месте, на котором мы имели удовольствие принять вас на борт.

— Как! На том же месте? — с удивлением и беспокойством спросил Горелов, приподнявшись на локте. — Почему?

— По инструкции главного штаба, мы обязаны, приняв вас на борт, полностью удостовериться

в гибели подлодки. Мы должны иметь самые убедительные доказательства и ждали лишь вашего выздоровления и вашей помощи, чтобы получить их.

— Доказательства?! — в полном смятении повторил Горелов. — Какие же доказательства? После взрыва на поверхности океана показались масляные пятна, но вас не было вблизи, и сейчас они уже, конечно, исчезли. Там же всплыло несколько мелких деревянных обломков, но они, вероятно, унесены волнами и ветром. Какие же могут быть теперь доказательства?

— Два раза, — медленно ответил капитан Маэда, — мы были твердо уверены, что подводная лодка уничтожена нами, и затем оказывалось, что мы являемся лишь жертвой несчастного заблуждения. В последний раз мы слишком дорого заплатили за это заблуждение, потеряв наш лучший крейсер и лучшего капитана флота его величества. В трауре по «Идзумо» и по его боевому командиру до сих пор вся нация, хотя она и не осведомлена о действительной причине их гибели. Мы не хотим больше этих ошибок!

— Но подумайте, капитан, — воскликнул в чрезвычайном возбуждении Горелов, — о каких доказательствах может идти речь? Что может

убедить вас в несомненной гибели подлодки? Я не могу представить себе, что удовлетворило бы вас теперь, когда прошло уже трое суток с момента взрыва и никаких следов уже не найти?!

Бледный, с крупными каплями пота на лбу, он откинулся на подушку, совершенно обессиленный.

— Не волнуйтесь так, дорогой мистер Крок, — с явным беспокойством сказал капитан. — Нам слишком дорого ваше здоровье, чтобы подвергать его опасности. Тем более, что серьезных причин для этого нет. Необходимые доказательства, при вашем мужественном содействии, совсем не так уже трудно получить. Подлодка затонула, если катастрофа действительно постигла ее, в сравнительно мелководной области океана. Его наибольшая глубина здесь достигает около тысячи двухсот метров. При этом условии нет ничего легче найти подлодку, если вы не откажете произвести эти поиски, будучи одетым в ваш скафандр, которым вы пользуетесь с таким искусством и с такой уверенностью. Место взрыва вы знаете достаточно точно. Если подлодка погибла, она лежит на дне где-нибудь поблизости от того места. Мы снабдим вас портативным и мощным, последней нашей модели, электромагнитным ме-

таллоискателем, и вы в короткое время сможете найти подлодку. Найдя ее, вы убедитесь, в каком она находится состоянии, и укажете нам место ее нахождения, после чего имеющимися в нашем распоряжении средствами мы убедимся в этом, а может быть, сможем даже поднять подлодку.

— Но, капитан, — попробовал возразить Горелов, — разве я могу точно знать, в каком именно месте произошел взрыв? Это место я определил только приблизительно у Южного тропика. Ошибка на один градус увеличит обследуемую площадь дна на тысячи квадратных километров. Сколько же времени потребуется на эти поиски?

— Сколько бы ни потребовалось! — последовал твердый ответ. — Мы уйдем отсюда лишь в том случае, если найдем подлодку или придем к выводу, что ее здесь нет.

Горелов закрыл глаза и ничего не ответил. Он был в полном замешательстве. Он не знал, что ответить. Но он ясно понял, что взрыв подлодки — это еще далеко не конец, что он находится во власти жестокой, неумолимой силы и превращается в безвольное орудие чужих замыслов и планов.

Через минуту он встрепенулся. В его глазах мелькнула слабая надежда, и он сделал новую

попытку сопротивляться.

— Если в вашем распоряжении, капитан, — сказал он, едва справляясь с охватившим его волнением, — имеются прекрасные металлоискатели, почему бы вам не воспользоваться ими с корабля? Или даже с нескольких кораблей для ускорения поисков?

Капитан отрицательно покачал головой.

— После — горького опыта «Идзумо» мы избегаем слишком близко подходить к этой подлодке или к тому месту, где она может находиться. Мы избегаем этого риска.

Горелов, окончательно обессиленный, неподвижно лежал с закрытыми глазами и мертвенно бледным лицом. Прибежавший по вызову капитана доктор Судзуки потратил немало времени и усилий, чтобы привести в чувство своего пациента.

* * *

Закованный в скафандр, возвышаясь, как башня, среди малорослой команды корабля, Горелов ежедневно, с раннего утра, тяжелыми, медленными шагами направлялся к трапу. Каждый раз его сопровождали, оказывая всевозможные знаки уважения и почтительности, старший помощник

капитана лейтенант Осима, майор Айдзава и еще несколько лиц командного состава. Караул у трапа отдавал ему честь. Но Горелов проходил по палубе корабля с сумрачным лицом, с чувством раба, идущего под кнутом надсмотрщиков на тяжелую, подневольную работу. Спустившись по трапу, Горелов вместе с майором Айдзава садился в моторный катер, который через три часа доставлял их в намеченный для сегодняшних работ квадрат океана. Здесь Горелов надевал шлем и, захватив небольшой ящик с металлоискателем, спускался по лесенке в море и погружался на дно. Там он блуждал на десяти десятых хода винта, в пятнадцати метрах над дном, с зажженным фонарем на шлеме, прислушиваясь к металлоискателю, в напрасном ожидании его сигналов. Надо было обследовать огромный участок площадью в несколько тысяч квадратных километров, разбитый Гореловым совместно с капитаном на более мелкие участки, по нескольку сот квадратных километров, каждый из которых Горелов должен был обследовать в течение одного дня. Под водой он завтракал несколькими глотками какао или крепкого бульона из термоса питания, для обеда возвращался на катер, ужинал на корабле, усталый и измученный, и после внима-

тельного врачебного осмотра немедленно уходил в отведенную ему каюту спать. За ночь майор Айдзава должен был вновь зарядить электроэнергией аккумуляторы скафандра, подкачать кислорода в патроны, обеспечить питание, проверить механизмы.

Однообразной томительной чередой проходили сутки за сутками в непрерывных поисках, но никаких следов подлодки Горелов не находил. Он начал уже терять счет времени.

На восемнадцатый день после взрыва, пятнадцатого августа, Горелов при возвращении неожиданно увидел на палубе корабля, у трапа, встречавшего его капитана Маэда.

Капитан нетерпеливо ожидал, пока Горелов освободится от скафандра, и, не дав ему даже отдохнуть, попросил следовать за собой в каюту.

Усадив Горелова в кресло, капитан сказал:

— Наша радиостанция еще вчера с утра начала перехватывать какие-то шифрованные радиопередачи из неизвестного пункта. Мы установили, что передача происходит из неподвижной станции, расположенной где-то на расстоянии не более пятисот — шестисот километров от нас в зюйд-остовом направлении. Наши гидропланы в течение дня обследовали в этом направлении

огромное пространство над океаном, но не нашли на его поверхности ни одного судна, которое могло бы производить какие-либо радиопередачи. Да и вообще эта область океана, как вам известно, настолько удалена от обычных путей, настолько пустынна, что трудно ожидать здесь встречи с кораблями. Все эти обстоятельства, вместе с полной безрезультатностью ваших поисков, заставили меня предположить, что подлодка не погибла от взрыва, а, потерпев лишь более или менее серьезную аварию, лишенная возможности движения, восстановила свою радиостанцию и сносится теперь со своей базой, вызывая помощь. Поэтому я решил временно прекратить здесь работу и приблизиться к источнику этих радиопередач. Там вы возобновите свои поиски при участии дивизиона наших подводных лодок, который я вытребовал с нашей ближайшей базы. Через двое суток дивизион прибудет к указанному мною месту, и там мы встретимся с ним. Я твердо убежден, что если моя версия об аварии, которую потерпел «Пионер», верна, то и боеспособность его значительно понизилась в результате этой аварии. Поэтому я беру на себя ответственность за риск, который, несомненно, имеется, но на который я готов идти, чтобы дать «Пионеру» бой

в условиях, наиболее благоприятных для нас.

Если «Пионер» оправится, если к нему подоспеет помощь и он полностью восстановит свою боеспособность, то таких благоприятных условий для боя с ним, как теперь, мы никогда больше не встретим. Нам необходимо использовать эту ситуацию полностью, немедленно и добыть проклятую подлодку, пока это еще можно сделать с шансами на успех… Ваше мнение, мистер Крок?

На обычно бесстрастном лице капитана Маэда отразились следы огромного возбуждения.

Опустив голову, с побледневшим лицом, Горелов молчал. Он провел несколько раз рукой по влажному лбу и наконец глухо сказал:

— Не могу представить себе, капитан… Я не думаю, что подлодка могла уцелеть после такого взрыва… Но вы правы, капитан: осторожность требует выяснения источника этих радиопередач. Вы, безусловно, правы, капитан. Больше такой благоприятной ситуации не встретится. Если «Пионер» появится у своих берегов, то хозяином дальневосточных морей будет он. Только он! И никто другой!

…Через полчаса огромный крейсер — могучая стальная крепость, ощетинившаяся дулами многочисленных пушек, — тронулся с места и,

взметая высокие зеленовато-синие, в пенистых кружевах, валы, понесся на юго-восток по беспредельным просторам пустынного океана.

Глава VII
После взрыва

Океанические течения далеко не отличаются тем постоянством основных признаков, которые обычно приписываются им. Их ширина, глубина и область распространения довольно часто меняются в зависимости от тех или иных причин так же, как температура их вод, соленость, направление, скорость. Все эти изменения вызываются сменой времен года, направлением и силой ветров, давлением атмосферы, количеством плавучих льдов и ледяных гор, количеством осадков и рядом других причин, не всегда, впрочем, достаточно изученных и не всегда даже известных.

Если такая изменчивость течения от постоянных или периодических причин давно наблюдается и более или менее изучена, то случайные явления этого рода доставляют немало хлопот ученым, часто так и оставаясь для них загадочными и непонятными.

Наши познания о течениях и вообще о физи-

ческой жизни океанов очень слабы. Особенно слабы они в отношении Тихого океана, который, при необъятности своих пространств и слабой посещаемости кораблями, до настоящего времени представляет для нас почти совершенно неисследованную пустыню.

В той области Тихого океана, у Южного тропика, где советскую подлодку «Пионер» постиг предательский удар, уже едва заметно движение боковых замирающих струй Южного экваториального течения, направляющихся к юго-востоку. Однако не было бы ничего удивительного, если бы в описываемое нами время какой-либо посторонний наблюдатель, обладающий способностью пронизывать взором огромные толщи воды, заметил здесь, на глубине около ста пятидесяти метров от поверхности, огромный силуэт, довольно быстро увлекаемый течением в противоположном, юго-западном направлении. Очевидно, в этих местах существовало постоянное или случайно появившееся вследствие неизвестных причин подводное течение, идущее совершенно самостоятельным путем, наперерез слабым поверхностным струям Южного экваториального течения.

В первую минуту нашему наблюдателю с

такими необыкновенными зрительными способностями показалось бы, что он видит перед собой безжизненные останки гигантского, фантастических размеров кашалота, с изуродованным, почти начисто обрубленным хвостом. Однако при более тщательном рассмотрении этот наблюдатель должен был бы признать свою ошибку: трудно предположить существование кашалотов без пасти и в металлической шкуре. Кроме того, обладая таким острым зрением, наблюдатель, несомненно, обладал бы и не менее тонким, изощренным слухом. Внимательно прислушавшись, он, наверно, уловил бы доносившиеся изнутри этого металлического, кашалотообразного, как будто безжизненного тела, звуки от ударов металла о металл, человеческие голоса, топот человеческих ног, жужжание машин…

Одним словом, «Пионер» явственно обнаруживал признаки напряженной внутренней жизни.

Взрыв в камере газопроводных труб произошел в четыре часа пятнадцать минут утра, за два часа до смены вахт. Это время считалось на подлодке ночным, и все обитатели ее, кроме вахтенных, как обычно находились в своих каютах, погруженные в сон.

Взрыв с невероятной силой потряс всю подлод-

ку до последнего шпангоута, почти перевернув ее через нос, кормой кверху. Оглушительный грохот наполнил все помещения корабля. Все, что находилось в них незакрепленным наглухо, было сброшено с мест и со звоном и треском, в невообразимом хаосе, рушилось на пол, таранило переборки, бешено переносясь из стороны в сторону во внезапно наступившей тьме. Стоны раненых, крики испуга, возгласы команды, металлический скрежет креплений, свист и вой вырывающихся откуда-то газов — все смешалось в общем невыносимом шуме. Люди вылетали из коек, ударялись о переборки и затем, оглушенные и ослепленные, перекатывались по палубе, перебрасывались с места на место, не имея ни сил, ни возможности стать на ноги. Уже в следующую за взрывом минуту подлодка резко выпрямилась, легла горизонтально, затем, с приподнятым кверху носом, качаясь с правого борта на левый, с носа на корму и обратно, словно прихода в себя от внезапного испуга и постепенно успокаиваясь, застыла на месте. Ее великолепная остойчивость преодолела даже такое необычайное положение, ее конструкция и материал выдержали и это исключительное испытание.

Первый, носом вниз, скачок подлодки выбро-

сил капитана Воронцова из койки, швырнул его сквозь распахнувшийся полог из спальной к ножкам стола, стоявшего посередине кабинета и наглухо привинченного к полу. Резкая боль в левом плече, которую он почувствовал при ударе о ножку стола, не помешала ему, однако, почти бессознательно ухватиться и крепко держаться за нее правой рукой. Это спасло его от дальнейших ударов и ушибов, которыми грозила ему лихорадочная качка подлодки. Держась за стол здоровой рукой, капитан встал на ноги и, пробираясь в кромешной тьме по уходящей из-под ног палубе, среди обломков стекла, среди грохота и стука скользящих и бьющих по ногам предметов, добрался до аккумуляторного шкафчика. Шкафчика не оказалось на месте. Тогда капитан направился к двери и попытался открыть ее. Дверь, однако, заело в пазах, и она долго не поддавалась его усилиям. Лишь напряжением всех сил капитану удалось немного отодвинуть ее, протиснуться в открывшуюся щель и выйти в коридор. Качка была уже слабая. Палуба сделалась почти устойчивой, но оставалась в наклонном к корме положении. В полной темноте, с вытянутыми вперед руками, капитан устремился к центральному посту управления, громко крича:

— Товарищи!.. Спокойствие!.. Подлодка выровнялась!.. Все, кто может, по местам!.. Включайте автономные сети!..

Вдали, в коридоре, вспыхнула лампа. Она осветила несколько фигур, спускающихся в люки машинного отделения.

Дверь центрального поста оказалась открытой.

Пробравшись к углу, где должен был находиться аккумуляторный шкафчик, капитан облегченно вздохнул: шкафчик был на месте. В следующий момент вспыхнул свет, и капитан оглянулся. Центральный пост представлял картину полного разрушения. Почти все лампочки сигнализации были перебиты. Деревянный табурет висел на щите управления, зацепившись за погнутый рычаг вентиляции балластных цистерн. Большой гаечный ключ, пробив предохранительное стекло, засел в одном из контрольных приборов. Клавиатура управления и несколько измерительных приборов были перебиты инструментами, вылетевшими из витрины и сейчас разбросанными под щитом. Главный гирокомпас исковеркан. В стороне, возле стола, и безжизненной позе лежал ничком лейтенант Кравцов, наполовину прикрытый картой, упавшей со стола. Из-под его

головы по уклону палубы ползла тонкая струйка крови.

Одним взглядом капитан охватил всю эту ужасную картину и, заметив стоявший на столе радиотелефонный аппарат, бросился к нему. Аппарат как будто уцелел и находился в порядке. В порядке ли точки приема?

Голос капитана прозвучал почти во всех отсеках корабля:

— Слушать команду! Капитан в центральном посту! Всем, заметившим проникновение воды, донести мне немедленно по радиосети! В случае порчи сети сообщить лично! Всем научным работникам оказать помощь пострадавшим! Фамилии пострадавших сообщить мне через десять минут! Профессору Лордкипанидзе, а в случае невозможности — Цою явиться в центральный пост немедленно!

Через пятнадцать минут все, что касалось состояния подлодки и ее экипажа, уже было известно капитану.

Из экипажа подлодки тяжело пострадали лейтенант Кравцов, водолаз Крутицкий, художник Сидлер и уборщик Щербина, находившиеся уже в госпитальном отсеке в бессознательном состоянии. Легко пострадали, но оставались на ногах

после оказанной им первой помощи старший лейтенант Богров, профессор Шелавин, помощник механика Ромейко.

Без вести пропал главный механик Горелов. Никто не мог понять, куда и как он исчез. Впрочем, заботы и волнения по поводу положения подлодки не позволяли никому слишком много думать об этом странном исчезновении. Всех волновала судьба корабля.

Уже через час после взрыва состоялось короткое собрание всего экипажа подлодки. Капитан обрисовал положение: взрыв газов, проникших неизвестно каким образом в газопроводную камеру, причинил подлодке значительные разрушения, однако ни один из ее жизненных механизмов не выбыл окончательно из строя — все повреждения могут быть исправлены силами экипажа. Самое же главное — это то, что подлодка сохранила плавучесть — правда, с большим дифферентом на корму и, по показаниям уцелевшего глубомера, только на определенной, стопятидесятиметровой глубине, не имея возможности ни опуститься, ни подняться. Она лишилась движения, управления, боеспособности и, наконец, если можно так выразиться, оглохла и ослепла, уносимая каким-то течением в неизвестном

направлении. Все контрольные измерительные приборы, аппараты связи, автоматической сигнализации и управления можно, как и поврежденные машины, исправить или заменить запасными. Единственная серьезная опасность грозит со стороны ходовых и рулевых дюз, состояние которых неизвестно. Непосредственно примыкающая к дюзам газопроводная камера наполнена водой, которая начала пробиваться в кормовой электролизный отсек. Пока еще нельзя точно установить, каким образом проникла вода в камеру: через пробоину в корпусе подлодки или через дюзы. Нельзя быть также уверенным, целы ли вообще дюзовые кольца или они силой взрыва сорваны и сброшены с подлодки. Все это можно будет узнать, когда будет восстановлена общая или автономная сеть управления, при помощи которой удастся открыть выходную камеру и произвести наружный осмотр кормовой части корабля.

— Всему экипажу, — закончил свое сообщение капитан, — необходимо немедленно приняться за приведение в порядок всех отсеков подлодки, за ремонт машин, исправление и замену приборов и аппаратов. Все должны помнить, что речь идет не только о спасении подлодки, но и

о том, что она обязана быть на своем посту во Владивостоке точно к назначенному правительством сроку. Работа предстоит огромная, но, если дюзы, в каком бы то ни было виде, остались еще на подлодке, она должна быть и будет двадцать третьего августа во Владивостоке!

Его вера, его энергия и непреклонная решимость передались каждому участнику собрания. Загорелись глаза, оживились лица. Один за другим люди выступали вперед, призывали к беззаветной работе, клялись, что готовы отдать жизнь за спасение подлодки и за ее появление у Владивостока в срок…

К полудню все отсеки подлодки в результате авральной работы всей команды были очищены от обломков, были приведены в порядок хозяйственные и продуктовые склады, склады снаряжения, инструментов, материалов, водолазного имущества, химический и боеприпасов. Наскоро пообедав и разбившись на бригады по специальностям, команда сейчас же принялась за восстановление всех сетей, за ремонт и исправление машин, аппаратов и приборов. Самая большая, тяжелая и ответственная работа выпала на долю бригады электриков. Вся жизнь подлодки — управление, связь, сигнализация, свет,

накал, работа пушек и механизмов — питалась электрическим током. Во все уголки и закоулки проникала сеть электрических проводов.

Усиленная профессором Шелавиным и имеющими некоторый опыт и познания в практической электротехнике Цоем и Павликом, бригада делала буквально чудеса. Уже к двадцати четырем часам поврежденные аккумуляторные секции были поставлены на место, разбитые аккумуляторы заменены новыми, общая сеть освещения восстановлена. Акустики Чижов и Птицын к этому времени успели разобрать носовую ультразвуковую пушку, с тем чтобы завтра с раннего утра приняться за ее восстановление. Третий акустик, Беляев, работал над самыми тонкими и нежными аппаратами подлодки: ультразвуковыми прожекторами — глазами и ушами подлодки. Они были рассеяны по всей внешней поверхности подлодки и больше всех пострадали от чудовищного сотрясения, испытанного ею во время взрыва. К счастью, доступ к этим аппаратам был изнутри, и они были обеспечены полным ассортиментом запасных частей, так что Беляеву приходилось лишь заменять пострадавшие части новыми. Но и эта работа была настолько кропотлива, требовала столько внима-

ния и осторожности, что Беляев, обычно человек очень спокойный, теперь едва сдерживал нетерпение. Все же к концу сегодняшней работы, к двадцати четырем часам, он успел исправить пять мембран и восстановить их сеть. Старший радист Плетнев и его помощник Гребенчук работали над сильно пострадавшей радиостанцией.

Почти без дела остались механики Козырев и Ромейко. Лишившись своего начальника и руководителя, они, однако, быстро привели в порядок камеры баллонов и исправили или заменили новыми некоторые контрольно-измерительные приборы в этих камерах. Самая серьезная работа предстояла им в камере газопроводных труб и над дюзами. Но доступа к ним пока еще не было, и механики с волнением ожидали момента, когда им придется приняться за нее. Их мучили сомнения и неуверенность в своем опыте и познаниях. Особенно волновался Козырев, которого капитан назначил временно исполняющим обязанности главного механика. Как бы то ни было, но к концу дня, оказавшись временно свободными, Козырев и Ромейко поспешили на помощь другим бригадам: первый — электрикам, а второй — водолазам. Каждый специалист-подводник должен быть знаком в большей или меньшей

степени с одной-двумя из других применяющихся на подлодке специальностей, чтобы в случае необходимости заменить вышедшего из строя товарища.

Скворешня и Матвеев очень обрадовались Ромейко. Их оставалось всего двое, третий — Крутицкий — лежал в госпитальном отсеке. Водолазы славятся как мастера на все руки, мастера находчивости, сметки, изобретательности. При работе под водой им приходится бывать и кузнецами, и огнерезами, и шахтерами, пробивающими тоннели под корпусами затонувших кораблей, и строителями подводных частей мостов, набережных, и всем, чем заставит их быть необходимость. Сейчас капитан приказал своим водолазам, пока они еще не могли заняться наружными работами, осмотреть весь корпус подлодки, проверить весь ее набор — киль, шпангоуты, бимсы, пиллерсы, кницы, — проверить все крепления, переборки, двери, иллюминаторы-окна и замеченные где-либо повреждения или неисправности устранить. Работы было много — тяжелой и самой разнообразной, и помощь Ромейко явилась весьма кстати.

Зоолог и Цой ухаживали за ранеными, но в свободные часы Цой присоединялся к электри-

кам, а зоолог — к акустикам, среди которых он пользовался большим авторитетом.

Комиссар Семин поспевал всюду — бодрый, энергичный, веселый. Он спешил на помощь, где только была нужда в ней, следил за пищей и отдыхом команды и с первого же дня аварийного положения корабля взял на себя одного выпуск в свет ежедневной газеты под странным для постороннего глаза названием: «За 23 августа!» Но это название много говорило сердцам людей из команды «Пионера». Составление газеты, редактирование, печатание, художественное оформление и расклейка — все было делом рук комиссара Семина. Когда он успевал это делать, оставалось загадкой для всей команды, но каждый день утром в определенный час из микрофона в центральном посту, через репродукторы, во всех отсеках подлодки раздавался его голос, читавший разнообразное содержание очередного номера газеты. Сообщались сводки о проделанной вчера работе, отмечались успехи бригад и отдельных лиц, указывались недостатки, декламировались злободневные стихи... Этого утреннего часа, когда комиссар начинал передачу газеты, уже с первого ее номера команда ждала всегда с нетерпением.

Старший лейтенант Богров, всегда сдержанный, подтянутый, после взрыва сразу потерял все эти настойчиво культивировавшиеся им навыки. Скинув белоснежный китель, засучив рукава рубахи, с повязкой на чем-то порезанной во время аварии шее, весело посвистывая, балагуря и подтрунивая, он работал у машин и аппаратов то с одной, то с другой бригадой, как раз там, где это было нужнее всего. Через два-три дня старший лейтенант стал общим любимцем, и бригады изощрялись в выдумывании предлогов, чтобы только заполучить его для работы в свой состав.

По несколько раз в день спускался в машинное отделение капитан, медленно проходил по всем отсекам и камерам, присматривался к звонким ударам молотков, скрипу и визгу инструментов, шипению электродов, и в глазах работающих людей его довольная улыбка как будто прибавляла света электрическим лампам. Иногда в этой атмосфере кипучего, вдохновенного труда капитан вдруг не выдерживал и, сбросив с себя китель, присоединялся на час-другой к бригаде, занимавшейся какой-либо особенно тяжелой работой. С нескрываемым чувством сожаления отрывался он от нее, чтобы закончить осмотр и успеть еще проведать раненых в госпитальном

отсеке. Прежде всего он подходил к койке неподвижного, с ледяными компрессами на голове лейтенанта Кравцова и долго, с каким-то немым вопросом смотрел на его мертвенно-бледное, с закрытыми глазами лицо. И каждый раз капитан тихо допытывался у зоолога, выживет ли лейтенант, придет ли он в себя. Зоолог с сокрушением покачивал головой:

— У лейтенанта, очевидно, легкое сотрясение мозга, он нуждается в абсолютном покое, и, если болезнь ничем не осложнится, больной, может быть, придет в себя через несколько дней.

— А как Крутицкий? — спрашивал капитан, подходя к койке водолаза.

— Его положение лучше, — отвечал зоолог. — Он хотя и без сознания, но сегодня-завтра, вероятно, очнется.

— А рана в животе заживет?

— Кровоизлияние в брюшную полость прекратилось, но боюсь нагноения.

Сидлер и Щербина сегодня уже принимали пищу, и их здоровье не вызывало никаких опасений! Поговорив с ними, капитан возвратился в свою каюту.

Составив сводку о законченных работах и о ходе ремонта, он взял судовой журнал и, как всегда,

когда ему приходилось брать в руки этот журнал, раскрыл его на той странице, на которой лейтенант Кравцов сделал свои последние записи в роковую ночь взрыва.

Что могли означать эти несколько строк о какой-то аварии дюз, для ликвидации которой лейтенант выдал Горелову пропуск на выход из подлодки? Почему лейтенант выдал пропуск без его, капитана, ведома? Правда, некоторое легкомыслие и беспечность свойственны характеру лейтенанта. Но все же... В пропуске указывается серьезная причина его поступка. Действительно ли дело началось с закупорки дюз пемзой и пеплом, как об этом говорит сохранившаяся копия в книжке пропусков? Эту причину мог подсказать лейтенанту только Горелов. Раскрыв книжку пропусков, капитан опять внимательно и пытливо вчитывался в каждую строчку копии, в каждое слово ее. Как торопливо, криво, небрежно, как явно взволнованно бегут эти строчки по белой бумаге! Как отличается этот почерк от обычного четкого почерка лейтенанта! Что взволновало его в момент, когда он выписывал пропуск? Вот на копии выделяются нарочито подчеркнутые слова: «Срочно! Пропустить немедленно для прочистки дюз»... Может быть, действительно

закупорка дюз вызвала скопление гремучего газа, и Горелов, не успев прочистить их, погиб от взрыва… Погиб, как герой, на своем посту… Как герой?… Но тогда почему же сигнализаторы не сообщили в центральный пост о скоплении газов в газопроводных трубах? Почему автоматы сами не прекратили доступ газам в трубы, как только давление в них превысило норму? Почему и сигнализация и автоматика одновременно и еще до взрыва отказались работать? Это не могло быть простой случайностью. Значит, кто-то их заранее испортил. Кто же мог это сделать как раз на вахте Горелова, кроме него самого? Стало быть, это он — нарочно! Сознательно устроил взрыв! Это он сбил с толку доверчивого лейтенанта и заставил срочно, забыв о приказе, выдать пропуск на выход из подлодки… Бедный, обманутый лейтенант… «Срочно!» «Немедленно!» Так пишут, так, можно сказать, кричат только при неожиданной, быстро налетающей грозной опасности, когда требуется инициатива, мгновенное решение, когда нельзя думать о формальностях, прятаться за параграф приказа, звать на помощь. И разве мог он думать, что его обманывают, разве он мог подозревать в предательстве главного механика подлодки! Но почему, уже выдав пропуск, лейтенант не вызвал

тотчас же, немедленно капитана? Ведь Горелову нужно было по крайней мере пять — семь минут, чтобы выйти из подлодки.

Нет, это уже не просто легкомыслие — это непростительная, преступная беспечность! Как смел он, лейтенант советского военного флота, позволить себе такую недисциплинированность, такое пренебрежение основными правилами службы на военном корабле в таких исключительных обстоятельствах!

Усевшись в кресло, с опущенной на грудь головой, капитан долго сидел, погруженный в тяжелые, мучительные мысли... Наконец он потянул к себе лист чистой бумаги и написал приказ по кораблю. В приказе предлагалось комиссару Семину немедленно начать следствие по делу о взрыве, происшедшем на корабле двадцать девятого июля, в четыре часа пятнадцать минут, и о пропавшем без вести главном механике корабля Горелове: опрос команды начать немедленно; членов команды, пострадавших при взрыве, допрашивать по мере выздоровления каждого из них, с разрешения врача, профессора Лордкипанидзе, обследование места взрыва (газопроводная камера и дюзы) произвести, как только обстоятельства это позволят. О ходе след-

ствия докладывать ему, капитану, ежедневно.

В этот же день, когда вполне выяснился объем работ по ремонту и капитан в приказе установил точный график их выполнения, во втором номере газеты «За 23 августа!», которая получила дополнительное шутливое название «Голос комиссара», появилась краткая заметка Марата. От имени бригады электриков Марат вызывал бригаду акустиков на социалистическое соревнование, на борьбу за скорейшее выполнение приказа капитана, за сокращение сроков ремонта. Бригада электриков в расширенном составе приняла на себя обязательства: закончить ремонт сети и щита управления к двенадцати часам пятого августа, открыть выход из подлодки в тот же день к двадцати четырем часам, восстановить систему сигнализации и связи к двадцати четырем часам седьмого августа, привести в порядок автоматику к двенадцати часам десятого августа, и так далее, по всем работам, возложенным на бригаду. В общем, получалась экономия во времени против установленных капитаном сроков около двадцати процентов.

На другой же день газета оповестила всех, что бригада акустиков с включившимся в нее частично профессором Лордкипанидзе прини-

мает вызов электриков и по новому, ею самой составленному графику сокращает время своих работ на двадцать пять процентов. Тут же газета сообщала, что, приветствуя почин электриков, водолазы заключают договор о социалистическом соревновании с радистами. Атмосфера в отсеках корабля положительно накалялась. Работа, казалось, получила характер непрерывной, яростной атаки на врага. Перерыв на обед и отдых команда сократила до сорока минут, а завтрак и ужин производились чуть ли не на ходу. Сводки о ходе работ соревнующихся выслушивались с таким же напряженным волнением, как телеграммы с полей сражения, с боевых фронтов. И каждый раз под крики «ура» и туш патефона, который в честь победителей заводил комиссар Семин перед микрофоном, и победители и побежденные с еще большей яростью набрасывались на новую работу.

Пятого августа, за пять минут до срока, перед закрытой еще дверью в выходную камеру собрались капитан Воронцов, старший лейтенант Богров, исполняющий обязанности главного механика Козырев, водолазы Скворешня и Матвеев, окруженные почти всем экипажем подлодки. Все стояли взволнованные, бледные, в полном

молчании. Предстоял первый наружный осмотр корабля, предстояло разрешение самого важного, самого мучительного вопроса: в каком состоянии кормовая часть подлодки? Уцелели ли дюзы? Будет ли «Пионер» двигаться или он обречен на паралич, на мертвенную неподвижность своего полного жизни и сил организма?

Ровно в двадцать четыре часа невидимые электрические приводы, управляемые главным электриком Корнеевым из центрального поста, начали медленно втягивать в пазы переборки тяжелую, металлическую дверь. Эту победу встретили без обычных приветственных криков, все в том же напряженном, взволнованном молчании. Никто не издал ни звука…

Выходная камера, полная света, открылась, пять человек вошли в нее и торопливо начали совершать туалет водолазов. Через четверть часа дверь закрылась, послышался гул и ворчание бегущей по трубам воды, затем откинулась выходная площадка, и пять закованных в металл фигур с ярко горящими фонарями на шлемах вышли в ночную подводную тьму.

Горя от нетерпения, забывая все правила субординации, Скворешня очертя голову вылетел вперед, и сейчас же под всеми шлемами загремел

его торжествующий, оглушительный бас:

— Ура!.. Хай живе наш «Пионер»!.. Все дюзы почти на месте.

Глазам капитана и его спутников предстала удивительная картина.

Огромное, до двух метров в диаметре, металлическое кольцо, массивное, литое, обычно надетое на крайнюю кормовую часть, словно чудовищная шапка, усеянная по околышу и по верху многочисленными отверстиями дюз, теперь, сорванное с места, далеко откинулось назад, держась лишь на нижней части, как на дверной петле. Изнутри этой шапки густо, как в щетке, торчали острые зубья изломанных черных труб; в оголившейся крайней части кормы зияло отверстие, ведущее в газопроводную камеру подлодки…

— Ну, Николай Борисович, — оживленно обратился старший лейтенант к капитану, — мы можем поздравить себя со спасительной находкой! Дюзы есть — значит, все в порядке.

— Я боялся надеяться на такую удачу, — ответил капитан после минутного молчания. — Словно гора с плеч… Весь вопрос теперь в том, как поставить кольцо на место.

— Термитом и электролебедкой, товарищ командир, — сказал Козырев.

— Гм… Вот как! — Капитан внимательно посмотрел на Козырева. — Так, на ходу, и будете производить работы?

— Устроим вокруг кормы леса с неподвижными площадками, товарищ командир, — быстро ответил Козырев.

— Правильно, — поддержал старший лейтенант. Козырев и Матвеев взобрались на корпус и внимательно изучали состояние кормы и внутренней поверхности кольца.

— Ну, как там, товарищ Козырев? — спросил капитан.

— Отлично, товарищ командир! — весело ответил новоиспеченный главный механик. — Край кормы ровный, не рваный. И поверхность почти чистая, как будто ножом срезало! Подчищать придется мало.

— Завтра же с утра — за дело, — сказал капитан. — Общее наблюдение за этими работами я прошу вас взять на себя, Александр Леонидович.

— Слушаю, Николай Борисович!

— А теперь — на подлодку! — скомандовал капитан. — Да поскорее! Мы несем радость экипажу, и нельзя заставлять его слишком долго ждать.

Радость была действительно необыкновенная. Хотя команде уже давно следовало спать, но от

охватившего всех волнения никто не смог сразу улечься и заснуть.

Наконец усталость взяла свое, и скоро в подлодке воцарилась сонная тишина. Один лишь Скворешня, вахтенный на всю подлодку, с трудом бодрствовал, мурлыча под нос свою любимую украинскую «Реве тай стогне Днипр широкий»… Был момент, когда вдруг умолкло и это тихое мурлыканье, и Скворешня, на ходу задержавшись у притолоки дверей, задремал всего лишь на одну-две минуты. Но как раз в эти короткие минуты подлодка едва ощутимо содрогнулась от мягкого тихого толчка и сейчас же успокоилась. Сонная, ничем не потревоженная тишина продолжала царить в каютах и отсеках подлодки. Скворешня очнулся, вздохнул и продолжал свое тяжелое, размеренное хождение под тихое мурлыканье песни, так ничего и не заметив…

Глава VIII
У подножия острова

Много лет назад, в конце XIX века, доктор Ганс Гольдшмидт впервые разработал химическую реакцию, которая получила впоследствии его имя. Сущность этой реакции заключалась в том, что

если смешать окись железа (окалина, порошок ржавчины и т. п.) с порошком алюминия и смесь эту поджечь, то алюминий в процессе горения отнимет у окиси железа кислород, восстанавливая тем самым чистое железо, а сам окислится; образующаяся при этом избыточная тепловая энергия расплавит железо, а полученная окись алюминия всплывет на поверхность в виде шлака.

Вот эта смесь окиси железа с порошком алюминия и носит название термита, и, с тех пор как «реакция Гольдшмидта» стала известной, она долго применялась лишь для получения некоторых простейших ферросплавов и особенно для сварки рельсов.

Сорок лет так ограниченно и примитивно использовался термит в лабораториях и металлургической практике, пока наконец советские ученые не раскрыли все богатейшие возможности, которые были до тех пор скрыты в этой реакции. Оказалось, что окись любого металла может восстанавливаться в любом помещении, в простом тигле, без особого оборудования, в присутствии лишь известных, точно определенных термитов (алюминия, лития, натрия, силиция).

Особенно замечательными в процессе «термитной реакции» являются необычайные темпе-

ратуры, которые развиваются при ней. Уже при восстановлении железа алюминием получается огромная температура в 3500 градусов, при которой расплавлялись все известные в то время металлы. Реакция же вольфрам — алюминий развивает температуру в 7500 градусов, то есть выше солнечной (6000 градусов), и протекает настолько бурно, что вольфрам испаряется.

К тому времени, когда Крепин конструировал свою подводную лодку, советские ученые добились уже того, что термитная реакция могла происходить даже под водой так же безотказно, как применяются под водой автогенная сварка и резка металлов, но гораздо более просто, свободно и безопасно.

К помощи термитной реакции и решил обратиться Козырев, чтобы поставить на место кольцо дюз, изготовленное из такого тугоплавкого сплава, который совершенно ни представлялось бы возможным разогреть и обработать в подводных условиях другими средствами.

Когда рано утром шестого августа Ромейко, Скворешня и Матвеев подготовили в выходной камере трубы, тросы, металлические листы и другие материалы для сооружения лесов и подмостей вокруг кормовой части подлодки, Козырев

с капитаном уже закончили все расчеты и план предстоящих работ по установке на место дюзового кольца. Спустившись вниз, в выходную камеру, Козырев застал там водолазов и механиков уже одетыми в скафандры и готовыми к выходу. Быстро одевшись и сам, он нажал кнопку на стене, сигнализируя центральному посту, что можно впускать в камеру воду. Через несколько минут вода наполнила камеру, послышался скрип тросов, начавших опускать площадку. Но, едва отделившись своим верхним краем на полметра от корпуса подлодки, площадка остановилась, скрип прекратился.

— А який там бисов сын жартуе? — рассердился Скворешня, переминаясь в беспокойстве с ноги на ногу и поглядывая на открывшуюся вверху узкую щель. — Ну и братишки-электрики! Делали, делали — не доделали. Хороши работнички!

— Площадка не открывается, — соединившись с центральным постом, сообщил ему Козырев. — В чем дело, товарищ командир?

— Не понимаю, — удивленно ответил голос капитана. — Ведь мы вчера выходили, и она была в исправности. И у меня здесь, на щите управления, красный сигнал. Сейчас прикажу электрикам проверить все приводы. Подождите немного.

— Пока там Марат будет ползать по переборкам, проверять сеть, давайте-ка здесь посмотрим, — предложил Скворешня: — может быть, заело отпускные тросы.

— Как же туда добраться, Андрей Васильевич? — спросил Матвеев, посмотрев на открывшуюся вверху щель. — Ведь три метра!

— Да по любой трубе из этой кучи, чудак! А то еще лучше — полезай ко мне на плечи.

— Есть на плечи!

На могучих плечах Скворешни Матвеев чувствовал себя свободно и уверенно, как на площадке раздвижной лестницы. Под потолком камеры он быстро осмотрел блок с правильно намотанными витками троса, проверил в обшивке корпуса выходное отверстие троса, потом, высунув голову в щель между верхним краем площадки и корпусом, проверил наружное крепление троса с площадкой.

— Здесь все в порядке, Андрей Васильевич, — сообщил он Скворешне, повернувшись на его плечах. — Стой! Стой!.. — закричал он вдруг. — А ну-ка, Андрей Васильевич, поднимай выше! За ноги! Еще выше!.. Эге! Что же это такое?! Вот так штука!

Обычно спокойный, уравновешенный и немно-

гословный, Матвеев сейчас несколько взволновался. Высунувшись до половины над площадкой и перегнувшись через нее наружу, он водил там во все стороны фонарем, изо всех сил вытягивался, пытаясь что-то достать руками.

— Да в чем там дело, наконец? — не выдержав, закричал Скворешня.

— Как будто земля, Андрей Васильевич, — ответил Матвеев, мягко соскакивая с плеч Скворешни. — Могу даже сказать наверное, что земля… Скала… самая настоящая скала! Она подпирает площадку и не дает ей опуститься. Подлодка боком прижалась к ней.

Это открытие вызвало сенсацию. Капитан приказал Матвееву выбраться через щель наружу и обследовать скалу. Матвеев быстро вернулся и доложил, что скала, к которой прижат был течением «Пионер», составляет часть обширного склона подводной горы, далеко простирающейся во все стороны и поднимающейся, вероятно, до поверхности, а может быть, и над поверхностью. Слишком высоко всплывать Матвеев не решался, придерживаясь приказа капитана. По распоряжению капитана Скворешня и десять человек команды, все в скафандрах, выбрались из подлодки тем же путем, что и Матвеев. Они вынесли с

собой несколько мотков тонкого, гибкого троса и, сделав из него три огромные петли, надели их на носовую часть подлодки, а четвертым намертво закрепили корму подлодки за скалу. Затем, схватив концы носовых петель и повернувшись лицом к свободному океану, люди разом, по команде Скворешни, запустили свои винты на десять десятых хода. Пятьсот лошадиных сил через пятнадцать минут оттащили подлодку от скалы и поставили ее носом в океан, кормой к подводной горе. Чтобы течение опять не снесло корабль и не прижало его к горе, концы одной из носовых петель опустили до грунта и закрепили их там за большой обломок скалы.

«Пионер» стоял теперь на надежных мертвых якорях.

«Дюзовая бригада» в намеченном составе немедленно принялась за работу у кормовой части корабля.

Между тем капитан вызвал к себе в центральный пост Шелавина и предложил ему самым тщательным образом ознакомиться с подводной горой.

— Мы не можем еще определить свои координаты, — сказал при этом капитан. — Ни один из наших инфракрасных разведчиков пока не рабо-

тает. Но, может быть, ближайший осмотр горы поможет именно вам, опытному океанографу, установить, что это за гора, где она находится, не является ли она подножием банки, обширной отмели, коралловых рифов или коралловых атоллов. Атоллы же могут быть населены, а в нашем положении это была бы очень большая неприятность. Осторожность не мешает… С наступлением ночи поднимитесь на поверхность, осмотритесь, не заметны ли огни, движение судов, туземных каноэ. Возьмите, если считаете нужным, кого-нибудь из команды для сопровождения вас…

— Ну, зачем же, Николай Борисович, отрывать сейчас людей от работ! Я отлично и сам справлюсь, хотя, если разрешите, я взял бы с собой Павлика. Он не так уж здесь необходим, да и ему было бы интересно и полезно…

Капитан согласился. Павлик был несказанно рад этой вылазке: он давно не бродил под водой, а новые места сулили новые впечатления, новые открытия, новые радости.

С полной зарядкой жидкого кислорода, электроэнергии в аккумуляторах, питания и воды в термосах и в полной амуниции геологоразведчиков и подводных охотников, Шелавин и Павлик ровно в пятнадцать часов сошли с площадки на

склон горы и пошли по грунту на юг. Идти было нелегко. Склон был довольно крут, густо усыпан обломками скал, ноги вязли в иле, путались в водорослях. Можно было бы просто плыть над склоном при помощи винтов на самой малой скорости, но Шелавин сознательно отказался от этого, объяснив Павлику, что необходимо исследовать геологическое строение горы; геология же раскрывает свои тайны только пешеходам, а не пилотам, хотя бы и подводным.

Много рыб встречалось на пути. Павлик безошибочно называл их, вызывая одобрительное бормотание океанографа.

Через четверть часа ходьбы Павлик вдруг споткнулся, нагнулся и вытащил что-то из ила.

— А вот это что такое? — спросил он, протягивая Шелавину свою находку.

В его руках был грубый, примитивной работы, но совершенно ясно оформленный кривой нож с каким-то обрубком вместо рукоятки и тускло поблескивающим черным лезвием. Едва взглянув на него, Шелавин удивленно воскликнул:

— Обсидиановый нож! Нож из чистого вулканического стекла! А дело становится исключительно интересным! Абсолютно!.. Давай, Павлик, еще покопаемся тут.

Через минуту Шелавин с торжеством вытащил из ила еще одну находку.

— Так и есть! — обрадованно сказал он, рассматривая ее. — Обсидиановый наконечник копья… Замечательно! Абсолютно!.. Копай, копай, Павлик!

Больше, однако, они ничего не нашли.

Отдохнув немного, они пошли дальше. Шелавин потерял на время свою обычную словоохотливость и долго шел молча, погруженный в задумчивость, лишь изредка напоминая Павлику:

— Смотри под ноги. Хорошенько смотри! Не пропусти чего-нибудь.

И снова шел вперед, опустив голову, молчаливый и задумчивый, изредка бормоча что-то неразборчивое и натыкаясь на скалы. Через полчаса Шелавин внезапно остановился перед большой плоской скалой. Подняв глаза, он на мгновение замер и потом с восторгом закричал:

— Лодка! Туземное каноэ!..

С неожиданной ловкостью и быстротой он вскочил на скалу. Перед ним, как на пьедестале из базальта, почти до борта засыпанное илом, лежало длинное суденышко с характерно изогнутым носом, украшенным замысловатой,

фантастической резьбой.

— Сюда, Павлик! — нетерпеливо закричал Шелавин. — За лопатку! Расчищай!

Окруженные тучей ила, они лихорадочно работали около четверти часа, и, когда ил осел, а вода получила свою обычную прозрачность, перед ними оказалась туземная пирога с проломленным дном и нагруженная остатками прогнивших рыболовных сетей. Копаясь в этой куче, то Шелавин, то Павлик с радостными криками вытаскивали все новые и новые находки: человеческий череп, деревянные статуэтки с человеческими или птичьими головами, рыболовные костяные крючки, какие-то деревянные красноватые дощечки длиной от одного до двух метров, покрытые густой вязью непонятных значков.

Первая же дощечка, попавшая в руки Шелавину, произвела на него потрясающее впечатление. Уткнувшись в нее почти вплотную шлемом, с безумными, едва не вылезающими из орбит глазами, он вглядывался несколько мгновений в длинные ряды этих значков, потом вдруг, приплясывая на месте, закричал:

— Кохау!.. Козау ронго-ронго… Это они! Это они! Кохау ронго-ронго рапануйцев!..

Остолбеневший от изумления Павлик с раскры-

тым ртом смотрел на эту картину, напоминавшую пляску первобытных дикарей с какими-то непонятными заклинаниями.

— Понимаете ли вы, молодой человек, что это значит, позвольте вас спросить? Нет-нет! Вы не понимаете, что это значит!.. Это… это…

— А что же это, в самом деле, значит? — спросил пришедший в себя Павлик.

Но Шелавин вдруг замолчал, сосредоточенно задумался, потом пробормотал:

— Что это значит? Гм, гм… Подождем немного. Надо убедиться. Надо проверить. Мы еще встретим… Я уверен, что встретим аху и… и… Пойдем! Скорее идем дальше!.. Складывай все в лодку! На обратном пути захватим.

Шелавин почти бежал впереди, а Павлик едва поспевал за ним. Так они прошли еще около получаса, и, когда Павлик почувствовал наконец, что выбивается из сил, Шелавин вдруг остановился.

Перед ними, стеной метра в два вышины, тянулась поперек склона, метров на пятьдесят-шестьдесят в длину, сложенная из огромных плит терраса. Но ни Шелавин, ни Павлик не смотрели на нее. В полном молчании, словно зачарованные, закинув головы, они не сводили глаз с нескольких гигантских статуй, безмолвно, в

мрачном и грозном спокойствии возвышавшихся над террасой на пятнадцать-двадцать метров. В лучах фонарей были видны их странные головы, украшенные, словно каменными тюрбанами, огромными, двухметровыми цилиндрами. Срезанные назад узкие лбы, длинные вогнутые носы, глубокие пустые и черные глазницы, тонкие, строго сжатые губы и острые подбородки производили незабываемое впечатление внутренней силой своего сверхчеловеческого облика.

Они стояли на удлиненных торсах, без ног, с едва намеченными под грудью руками, — примитивные и мощные, безмолвные и грозные, — и пристально глядели вперед, в безмерные пространства океана, через головы пигмеев, внезапно появившихся оттуда. Между этими стоящим словно на страже гигантами валялись многочисленные, повергнутые уже океаном фигуры с отлетевшими в стороны огромными цилиндрами, некогда украшавшими их головы.

— Рапа-Нуи… — бормотал океанограф. — Рапа-Нуи. Древний Вайгу… Значит правда: его затопил океан… Смотри, Павлик! Смотри! Запомни это навсегда…

Долго стояли они молча перед каменными гигантами; наконец Шелавин, словно очнувшись, вздохнул и сказал:

— Надо идти дальше, Павлик. Мы еще встретим их немало. Нам нужно закончить обследование острова.

Бросив последний долгий взгляд на подводных стражей горы, Шелавин запустил винт и поплыл дальше на юг. Павлик последовал за ним. После длительного молчания он спросил океанографа:

— Почему вы сказали, Иван Степанович, «острова»? Разве это не просто подводная гора?

— А где ты видел подводную гору с затонувшими на ней лодками, ножами, копьями и, наконец, с такими сооружениями, как эти террасы и колоссальные статуи? А?… Позвольте вас спросить, молодой человек?

— Ну что же? — набравшись духу, возразил Павлик. — Вы же нам как-то рассказывали на кружке об опустившихся в море островах и даже материках. Может быть, и здесь так же произошло?

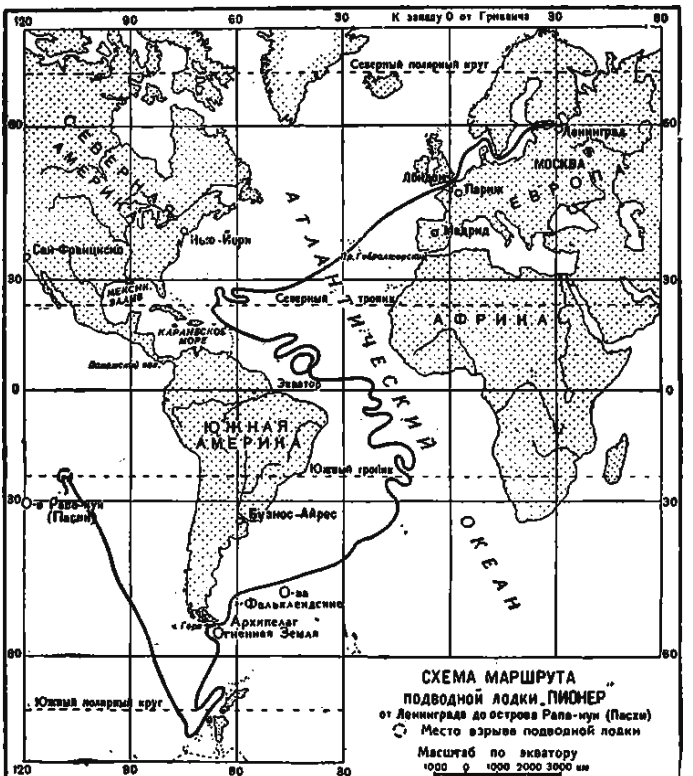
— Гм, гм… — замялся океанограф. — М-да… Конечно, бывает… Отчасти ты прав, но только отчасти. Ведь могут быть случаи, когда остров или материк постепенно или сразу, но лишь частично покрывается наступающим океаном. Кажется, об этих трансгрессиях океана я тоже вам говорил? Очевидно, и здесь произошел такой случай… А это что такое? — внезапно прервав себя, указал рукой Шелавин на большое темное пятно, выделяющееся на склоне в подводных сумерках.

— Вход в пещеру или грот, могу сказать наверное, — не задумываясь, ответил Павлик, считавший себя в этих вопросах достаточно опытным человеком.

— И, очевидно, очень большой пещеры, — добавил океанограф. — Надо посмотреть.

Павлик первым вплыл в пещеру. Она оказа-

лась действительно огромных размеров и, судя по ее базальтовым стенам и сводам, была вулканического происхождения. Возможно, что в далекие геологические эпохи через это жерло или боковой ход изливалась из недр земли расплавленная лава. Пещера была очень высока, широка и тянулась далеко в глубину горы. Ее дно было покрыто илом, в котором среди бесчисленных раковин копошилось множество иглокожих и кишечнополостных; стены, обломки скал и бугры застывшей лавы заросли фестонами, занавесями, коврами известковых водорослей.


120
90
60
30
К западу О от Гринвича
30
60
90
Северный полярный круг
Ленинград
МОСКВА
Лондон
Париж
Мадрид
Нью-Йорк
Сан-Франциско
Северный тропик
Экватор
Южный тропик
Южный полярный круг
о. Пасхи (Пасхи)
Буэнос-Айрес
о-ва Фолклендские
Архипелаг Огненная Земля
Мексиканский зал.
Карибское море
Панамский зал.
Гибралтарский пролив
Северная Америка
Южная Америка
Европа
Африка
Атлантический океан
Тихий океан
30
0
30
60
90
120
СХЕМА МАРШРУТА
подводной лодки „ПИОНЕР"
от Ленинграда до острова Рапа-нуи (Пасхи)
Место взрыва подводной лодки
Масштаб по экватору
1000 0 1000 2000 3000 км

Бегло обследовав пещеру, Шелавин и Павлик почувствовали усталость и голод. Решено было сделать привал, отдохнуть и поесть. Оба опустились на небольшой обломок скалы и принялись за термосы. Сделав несколько глотков горячего какао, Павлик вернулся к прерванному разговору:

— Иван Степанович, если мы не на простой подводной горе, то что же это за остров?

— Это остров Рапа-Нуи. Таинственный, загадочный остров, доставивший и до сих пор еще доставляющий массу хлопот и мучений географам, этнографам и историкам культуры всего цивилизованного мира. Слыхал ли ты что-нибудь об этом острове?

— Рапа-Нуи?... Нет, — признался Павлик, — в первый раз слышу.

— Гм... Нечего сказать, хорош! Но, может быть, ты знаешь его под именем Вайгу, как его иногда называют?

— Н-нет, Иван Степанович, — ответил Павлик, чувствуя уже некоторую неловкость. — И Вайгу не знаю.

— Не понимаю. Абсолютно не понимаю, чему вас только учили в этих ваших прославленных гимназиях, или... как их там... колледжах, что

ли!

— Колледж святого Патрика, Иван Степанович, в Квебеке.

— Не святого Патрика, — разразился океанограф, — а святого невежества!.. Вот-с! Святого невежества! Не знать ничего и даже не слышать об острове Рапа-Нуи, или Вайгу, или Пасхи! Это чудовищно!

— Пасхи? Остров святой Пасхи? — встрепенулся Павлик. — Я что-то припоминаю… Да-да, я припоминаю… Это крохотный остров среди Тихого океана. Его открыл Дэвис в тысяча шестьсот восемьдесят седьмом году, потом адмирал Роггевен — в тысяча семьсот двадцать втором году. И остров населяли тогда язычники, идолопоклонники, но потом туда приехали какие-то монахи, которые обратили их в христианство. Вот и все, что нам рассказал об острове Пасхи учитель географии в колледже.

— Идиот, на обязанности которого лежало превращать детей в таких же идиотов, как он сам! Как хорошо, Павлик, что ты вырвался из этой фабрики невежд, тупиц и ханжей! Поступишь в нашу советскую школу — и весь мир раскроется перед тобой во всей своей красоте и правде! Ведь тебе не рассказали в колледже самого интерес-

ного про этот замечательный остров! Крохотный островок, который за один час ходьбы можно пересечь с одного конца до другого, одинокий клочок земли, затерянный среди безбрежного океана, отделенный четырьмя тысячами километров от Южной Америки и таким же примерно расстоянием от ближайших островов Полинезии, — этот островок представляет собой настоящий клубок научных загадок и тайн! Ты подумай только, Павлик: среди всей Полинезии, между всеми ее бесчисленными островами и племенами, только здесь, у этого маленького народца, населявшего Рапа-Нуи, развилась и расцвела письменность! На тех самых кохау ронго-ронго — длинных красновато-коричневых дощечках, которые мы только что нашли в каноэ и держали в руках! Мало того! Эти деревянные таблицы с письменами древних рапануйцев до сих пор не прочитаны, не раскрыты ни одним ученым цивилизованного мира.

Шелавин замолчал и сделал несколько глотков какао из термоса.

— А эти террасы, или аху, как их называют туземцы! А эти необыкновенные, поразительные статуи! — продолжал он через минуту. — Как мог сделать эти гигантские сооружения маленький

народец, находившийся на самом низком уровне культуры? Ведь некоторые из этих статуй достигают двадцати трех метров в высоту, имеют в плечах до двух-трех метров, с двухметровыми тюрбанами на головах, весят до двух тысяч центнеров! А таких аху к моменту появления европейцев насчитывалось не менее двухсот шестидесяти штук, а статуй — свыше пятисот, и все они своими гневными, угрожающими лицами обращены к океану. Не ясно ли, что эту огромную, можно сказать — титаническую, работу мог выполнить только другой, более многочисленный, гораздо более культурный и развитый народ!

Чтобы разгадать все эти загадки, некоторые ученые высказали такое предположение. Этот остров в древности был гораздо больших размеров. Его населяло многочисленное племя со своеобразной, довольно высокой культурой, гораздо более высокой, чем у тех жалких племен, которых застали на острове первые европейцы. И вот настало время, когда древние рапануйцы начали замечать, что их остров медленно, но неудержимо поглощается морем. Тогда они, полные тревоги и смутных опасений, обратились к своим богам, ища у них защиты против угрожающей стихии. Они начали строить у берега

моря огромные террасы и ставить на них многочисленных идолов как стражей и хранителей родной земли. Но океан продолжал неумолимо наступать, и напрасно каменные боги вперяли в него свои гневные, угрожающие взоры. Люди не теряли, однако, надежды. Лихорадочно продолжали они свою работу; высекали новых идолов, строили новые аху и воздвигали на них новые и новые ряды своих стражей и хранителей. Так продолжалось, вероятно, много десятков лег. Может быть, постепенно убеждаясь в тщетности своих надежд и в бессилии своих богов, а может быть, после какого-нибудь внезапного штурма со стороны океана в результате землетрясения, но в конце концов население впало в панику. Оно бросило все работы и, захватив весь свой скарб, устремилось к своим каноэ, чтобы искать спасения на другой земле. Такие переселения с острова на остров, через огромные водные пространства океана, по разным причинам, довольно часто происходили в истории заселения Полинезии.

Некоторые ученые считают, что теперешние жители острова Рапа-Нуи — не остатки его первоначального населения, а пришельцы, осмелившиеся занять остров, который или перестал погружаться, или стал погружаться медлен-

нее, незаметнее. А то, что мы открыли сегодня большое подводное аху со статуями, должно окончательно доказать правоту теории о погружении острова…

Шелавин замолчал, задумчиво посасывая трубку от термоса с какао. Павлик, слушавший все время рассказ океанографа, как древнюю сказку, тоже молчал. Наконец он спросил:

— Ну, а они, эти пришельцы, как они устроились на острове?

— Они, может быть, с их точки зрения, жили довольно долгое время неплохо — до тех пор, пока европейские «цивилизаторы» не обратили на них внимание. Тогда среди островитян появились болезни, страсть к водке и табаку, к европейским безделушкам и к так называемой культуре. Но самый тяжелый удар был нанесен острову в тысяча восемьсот шестьдесят втором году, когда перуанские работорговцы напали на него. После неимоверных жестокостей, убийств, грабежей они захватили в плен большую часть населения — пять тысяч человек — и увезли их на остров Чинча, у берегов Южной Америки, для добычи и погрузки гуано — птичьего помета, в огромных количествах скопившегося на этих островах и вывозившегося для удобрения исто-

щенных земель Европы.

Правда, некоторые из этих несчастных были потом освобождены, но, вернувшись на родину, они привезли с собой оспу, которая сильно истребила население. С тех пор началось постепенное его вымирание, а уже в тысяча восемьсот шестом году оно составляло всего лишь сто пятьдесят человек. В последнее время число их несколько увеличилось — достигло двухсот пятидесяти человек, но в условиях капитализма, жестокой эксплуатации, пьянства, болезней, безысходной нищеты вряд ли это племя сможет возродиться… Да-а-а!.. Это не то, что у нас, Павлик! Сколько вот таких маленьких племен и народов, доведенных царями, их чиновниками и капиталистическими хищниками до вымирания, возродилось у нас в Союзе после Великой Октябрьской социалистической революции тысяча девятьсот семнадцатого года! Вот какие дела, молодой человек!.. Много еще других тайн для науки таит в себе этот маленький, почти пустынный островок. Всего сразу не перескажешь, Павлик, а нам пора возвращаться. Продолжать обследование этих подводных склонов я считаю теперь совершенно излишним: то, что капитан хотел знать, для меня уже вполне ясно. И это — главное! Ну-с, в дорогу, молодом че-

ловек, благонамеренный воспитанник колледжа святого Патрика в Квебеке!

— Я бы хотел поскорее забыть об этом, — тихо ответил Павлик, — а вы мне напоминаете…

— А-а-а!.. Гм… Гм… Да, упрек правильный… Ну, прости старика. Больше не буду…

Шелавин с добродушной улыбкой протянул металлическую руку. Павлик весело и охотно пожал ее.

Взгромоздив на себя кучу рыболовных сетей и расположив веером за спиной священные таблицы рапануйцев и другие трофеи, Шелавин и Павлик отправились домой.

Через два часа, показавшись в таком виде перед подводной лодкой, в ярко освещенном прожекторами пространстве, они были встречены удивленными восклицаниями, которые в следующую минуту сменились смехом и шутками.

Еще на площадке выходной камеры они увидели капитана, одетого в скафандр. И первый его вопрос, обращенный к Шелавину, был:

— Где мы, Иван Степанович?

— У подножия острова Рапа-Нуи. Капитан нахмурил брови.

Глава IX
Тайна острова Рапа-Нуи

Залитый ярким светом прожекторов «Пионер» стоял у подножия острова в необычайной сбруе из стальных тросов.

Оплетенный ими вдоль и поперек, он, казалось, был готов по первому сигналу, словно впряженный, потащить остров в просторы подводных глубин. На его горбу, поближе к носовой части, стояла надежно прикрепленная электролебедка с мотором, заключенным в коробку из прозрачного металла, и валом, выходящим наружу по обе стороны мотора. На этот вал при пуске электролебедки должны были наматываться толстые тросы от дюзового кольца, чтобы подтянуть его на прежнее место, на корму. Перед этим нужно было размягчить термитом нижнюю часть кольца, на котором оно держалось.

Но вот уже двое суток, как термит горит под дюзовым кольцом, а металл не поддается действию жара. Козырев терялся в догадках, не зная, чем объяснить низкую температуру — всего лишь около двух тысяч градусов, — которую развивала сейчас термитная реакция. Дело не

клеилось, и это чрезвычайно беспокоило и капитана и всю команду. Из прекрасной лаборатории подлодки Козырев извлекал самые разнообразные материалы, примешивая их в новых и новых комбинациях к термитам, специально созданным для работы под водой и развивающим обычно температуру, вполне достаточную, чтобы расплавить самый жароупорный металл. С трудом, лишь десятого августа, на третьи сутки, Козыреву случайно удалось найти такую комбинацию элементов термита, реакция которых давала температуру, едва заметно размягчающую металл. Этого, однако, было мало, и Козырев продолжал поиски, ломая голову над загадкой термита, неожиданно нарушившей все расчеты в такой ответственный момент. Это было слишком обидно, просто унизительно! Другие бригады уже так много работ успели выполнить, дело у них горит, спорится. «Голос комиссара» каждое утро сообщает об успехах и победах то одной, то другой бригады: радисты восстановили приемник радиостанции, акустики кончают работу над носовой пушкой, даже электрики в ослабленном составе исправили всю автоматику, и только о бригаде механиков газета молчит — ни звука! Ее «успехи» таковы, что могут скорее вызвать уны-

ние, понизить настроение у других, чем зажечь и увлечь их. И непрестанно, неотступно Козырева мучил вопрос: «Что делать?»

Когда появились первые слабые признаки размягчения металла, Козыреву пришла в голову мысль, которой он сейчас же и поделился со старшим лейтенантом.

— Пока я продолжаю поиски новых термитов, — сказал он ему, — почему бы вам не воспользоваться тем незначительным разогревом металла, который уже достигнут? Не будем терять времени.

— Как же вы думаете использовать этот разогрев? — спросил старший лейтенант.

— Пустить в ход лебедку сейчас же. Если она хотя бы на миллиметр в час приблизит дюзовое кольцо к его месту, и то будет польза для дела…

— Ну что ж, — пожал плечами старший лейтенант, — я не возражаю, но это не даст полного разрешения вопроса.

— Все равно! — упрямо ответил Козырев. — Пока я ищу, пусть даст хоть что-нибудь. Это лучше, чем ничего.

В огромном тигле, похожем на полукруглый, согнутый в дугу желоб и охватывающем нижнюю часть дюзового кольца, горел термит. Электроле-

бедка, натягивая тросы, медленно, совершенно незаметно для глаза наматывала их на вал. За первые сутки на нем оказалось лишних десять миллиметров троса. Величина совершенно ничтожная, но Козырев был доволен: как-никак, а дело сдвинулось с мертвой точки. Он посоветовался со Скворешней, и тот внес новое предложение: почему не помочь лебедке? Если он, Скворешня, возьмет хороший сорокакилограммовый молот и начнет гвоздить им по кольцу, то кое-что прибавится к работе лебедки или нет?

Теперь настала очередь Козырева усмехнуться и пожать плечами:

— Что ты, Андрей Васильевич! Смеешься, что ли? В электролебедке работают пять тысяч лошадиных сил, сколько же ты сможешь прибавить к ним своим молотом?

— Чудак ты, Козырев! Виноват, товарищ главный механик.

— Да брось ты чины! Не до них... Что ты хотел сказать?

— А то, что дело не в моей лошадиной силе, а в толчках, ударах, которые хоть немного повлияют на положение молекул в размягченном металле.

— Попробуй, — с сомнением ответил Козырев, — вреда от этого, во всяком случае, не будет.

Через несколько минут с кормы подлодки послышались мощные, гулкие удары молота; они гудели, как удары огромного подводного колокола, с потрясающей силой оглушая всех работавших возле подлодки и далеко разносясь вокруг нее…

Капитан сидел за столом в центральном посту. Он составлял сводку проделанных за день работ, подсчитывал примерные сроки выполнения следующих, и нельзя сказать, чтобы все эти расчеты огорчали его, если бы не неожиданная задержка с дюзами. Эта задержка сильно беспокоила капитана. Если Козырев в ближайшие два-три дня не найдет выхода из положения, не ускорит размягчение металла, то подлодку ожидают самые мрачные перспективы: срок прибытия во Владивосток будет сорван. И тут он, капитан, совершенно бессилен. Он ничем не может помочь, он ничего не может предложить, он может только ждать того, что скажет хотя и талантливый, но молодой механик. Погруженный в эти невеселые думы, капитан не слышал шума, стука и визга инструментов, доносившихся к нему через открытые двери центрального поста из нижних машинных отсеков и камер, — всей радостной и волнующей симфонии яростного труда, возвра-

щающего к жизни парализованный организм подлодки.

Капитан всегда любил прислушиваться к этому жизнерадостному шуму, его тянуло погрузиться в него, присоединиться к общей работе. И сейчас, просидев немало времени со своими тяжелыми мыслями, он наконец оторвался от них, вновь прислушался к знакомому шуму, и вновь им овладело желание спуститься вниз и пройтись по отсекам и камерам. Капитан встал и посмотрел на часы. Над поверхностью океана сейчас темная тропическая ночь, небо усеяно крупными звездами, и волны тихо бьют о берег, некогда уставленный молчаливыми каменными стражами острова…

Капитан встряхнулся. Через час оканчиваются работы, надо посмотреть, как они идут. Вдруг он поднял голову и прислушался.

Среди необычного шума, наполняющего подлодку, до него донеслись откуда-то издалека едва различимые мерные удары металла о металл. Что бы это могло быть? Откуда эти звуки?

Капитан поспешно пошел в обход. Он быстро осмотрел все нижние отсеки и камеры: работы шли прекрасно; усталые люди улыбались ему. Из машинного отделения он прошел в выходную

камеру, где дежурил Ромейко, лишь третьего дня выписавшийся из госпиталя. Капитан быстро надел с помощью Ромейко скафандр и приготовился к выходу. Едва лишь опустилась площадка, как далекие, приглушенные удары сразу ворвались под шлем капитана и оглушили его. Капитан бросился вперед.

В ярком свете прожекторов, в блестящих рыцарских доспехах, словно могучий средневековый великан-паладин, сокрушающий стоглавого дракона, Скворешня бил своим молотом по огромному дюзовому кольцу.

Капитан налетел на него, гневно схватил за плечо, изо всей силы потряс и крикнул:

— Что вы делаете? Кто вам позволил? Прекратите этот грохот! Как вы могли забыть, что мы у обитаемого острова?

Нагорело всем: и Скворешне, и Козыреву, и старшему лейтенанту. Они стояли молча, не зная, как оправдаться. Они поняли, что допустили серьезный промах…

* * *

Нгаара стоял в своем ветхом каноэ и тихо, едва заметными движениями весла, гнал его в открытый океан.

Далеко позади, в темноте, слабо светилась маленькая дрожащая точка. Это жена Нгаары, Ангата, развела на уединенном пустынном берегу костер, чтобы хозяин очага мог легко найти свою хижину, когда, окончив ловлю, он будет с добычей возвращаться к своей голодной семье.

Нгаара тяжело вздохнул. Даже перед заходом солнца и в короткие сумерки, когда рыба охотнее всего клюет, ни одна не подошла к его стальным крючкам, за которые он отдал старому Робинсону столько рыбы, ни одна не прикоснулась к их наживке, и даже священный крючок, терпеливо и благоговейно, втайне от чужих глаз сделанный самим Нгаарой из берцовой кости покойного «папаши», — и этот крючок рыба презрительно, словно не замечая его, обходила. С наступлением ночи Нгааре пришлось взяться за раков и крабов. Пища неважная, но ничего другого не оставалось. Однако и в этой охоте неудача преследовала бедного Нгаару. Лишь несколько небольших крабов и с десяток крупных серо-зеленых раков, тихо скрежеща клешнями и панцирями, копошились на дне его каноэ. Сеть волочилась по дну, как будто нарочно выбирая места, где добычи меньше всего. Несомненно, Аху-аху-татана, злой дух, строит козни Нгааре. Между тем уже поздно,

скоро надо возвращаться домой, к берегу. Сейчас отмель кончится, дно оборвется и круто пойдет вниз.

Вдруг Нгааре пришла в голову новая мысль. На этом крутом склоне никто не ловит крабов. А что, если попытаться и спустить по нему сеть поглубже? Кто знает, может быть, именно там множество добычи? Надо попробовать! Стыдно будет такому опытному рыбаку и ныряльщику, как Нгаара, могучему охотнику, в расцвете сил, вернуться в совершенно пустом каноэ к голодной семье!

Нгаара решился. Вот сеть натянула веревку из каноэ, Нгаара стал еще осторожнее грести. Он тихо шептал имена Меа-кахи — бога рыбаков, Маке-маке — бога яиц морской ласточки, которые Нгаара с опасностью для жизни добывал и приносил ему в жертву, и даже Хава-туу-таке-таке — яичного бога — и его уважаемой супруги Виехоа.

Веревка, все быстрей и быстрей разматываясь, уже подходила к концу и вдруг, ослабнув, повисла. «Новое дно! — радостно подумал Нгаара. — И этого никто не знает!..» Теперь надо было осторожно тянуть кверху по склону обрыва… Нгаара подгреб обратно на три-четыре длины своего

каноэ, взялся за веревку и потащил ее. Веревка натянулась и дальше не пошла. У Нгаары упало сердце. Сеть, очевидно, зацепилась за что-то на дне. Нгаара потянул сильнее, но с прежним результатом. Тогда с гневным и опечаленным сердцем он обругал последними словами и Езуса белых, и древних своих богов, и даже самого Татану, злого духа.

Что оставалось делать? Не бросать же сеть, которая кормит Нгаару и его семью, платит налоги, платит долги старому Татане — Робинсону — за водку, за табак, за крючки... Правда, здесь непомерно глубоко, но такому ныряльщику, как Нгаара, даже вся длина веревки не страшна. А если акула? Это было бы неприятно, но нож за поясом, и акуле не поздоровится.

Нгаара скинул старую фуфайку, потертые, в густой мозаике заплат штаны и бросился в черную воду. Хотя, по привычке, он сейчас же открыл под водой глаза, но в кромешной тьме, перед которой звездная ночь наверху казалась сумерками, он не увидел веревки. Лишь пошарив рукой, он поймал ее и быстро начал спускаться по ней вниз. И вдруг его широко раскрытые глаза увидели нечто такое, от чего дрожь суеверного страха пробежала по всему телу.

Далеко внизу, в пучинах океана, сияло огромное серебристо-туманное облако, как будто луна, уйдя с неба, погрузилась в темные воды и распространяет там свой сильный свет, и вокруг нее пляшут яркие белые точки, словно подводные духи встречают свою властительницу священными веселыми танцами. Внезапно глухой певучий удар донесся оттуда, из глубины, и потряс все оцепеневшее тело Нгаары. Удар за ударом, удар за ударом, мерные и могучие, они лились, казалось, отовсюду, словно великаны били по чудовищной, как гора, тыкве-барабану рапануйцев. Зеленые и оранжевые круги поплыли перед глазами Нгаары, начавшего уже задыхаться, и, трепеща от священного ужаса, он рванулся кверху, стараясь ничего не видеть и не слышать. Но потрясающие удары преследовали, настигали его, и наконец, почти обезумевший, Нгаара выскочил у самого борта каноэ. Он вцепился в него дрожащими, ослабевшими пальцами и долго, икая от страха, не мог отдышаться… Придя немного в себя, Нгаара с опаской оглянулся, и убедившись, что он один, приложил ухо к воде. Черная пучина оглушила его новым ударом, он подпрыгнул, как пружина, перевалился через борт каноэ и упал на дно. И опять ему показалось, что даже дно лодки

едва заметно и мерно сотрясается под таинственными ударами, доносящимися снизу, и тогда, окончательно потеряв голову, Нгаара вскочил, выхватил нож, одним взмахом отрезал веревку от драгоценной сети, кормилицы семьи, и отчаянно, словно спасая жизнь, заработал веслом…

Всю ночь он провел как в бреду, метался на своем тростниковом ложе, бормоча и выкрикивая страшные слова о луне, окруженной серебристым облаком и погрузившейся в бездны океана, о пляске звезд вокруг нее и грохоте священного барабана, сопровождавшего пляску. И жена его Ангата в отчаянии и ужасе выла вместе с ним всю ночь, и утром пришли соседи и родственники, и весть о страшном видении Нгаары неслышно понеслась по острову, хранимая как тайна, от белых, которые, конечно, не поверят в видение Нгаары и будут преследовать и жестоко карать еретиков и вероотступников, возвращающихся к своим древним богам.

Но уже на третий день старый Техаха, околдованный спиртом и весь пропитанный им, получив у Робинсона стакан водки за мешок кокосовых орехов, разболтал ему чудесную тайну острова. И через несколько часов бронзовокожий боцман Рибейро перевез тайну в шлюпке на борт

моторной шхуны «Санта-Мария», доставившей Робинсону новую партию спирта, гнилого ситца, готового платья «последнего фасона» и разных пестрых побрякушек. И первым услышал эту тайну дон Хуан Гомец Гонзалес, журналист из Вальпараисо, случайно забредший сюда к этому скучному острову в качестве приятеля и гостя капитана шхуны. В тот же день, вечером, журналист, предчувствуя неожиданную сенсацию для своей газеты, в шлюпке добрался до места, указанного старым, вечно пьяным Техаха. Остановив шлюпку против хижины Нгаары, дон Хуан нырнул в воду и вернулся совершенно потрясенный. Он видел серебристо-туманное сияющее облако и хотя и не слышал грохота барабана, но принял на веру слова Нгаары о нем, переданные Робинсону старым Техаха. И уже ранним утром шестнадцатого августа радиостанция «Санта-Марии» передавала в Вальпараисо, редакции газеты «Эль-пополо», длинную, с потрясающими подробностями корреспонденцию под сенсационным заголовком: «Тайна острова Рапа-Нуи». В тот же день вечером эта сенсация разнеслась уже по всему миру, приведя в полное смятение и растерянность ученых и путешественников, а за ними и миллионы читателей газет.

В пятистах километрах к северо-западу от острова радиограмму с «Санта-Марии» перехватил маленький желтолицый радист с крейсера «Ямато», несшегося на всех парах в юго-восточном направлении. Радист доложил радиограмму своему командиру, и капитан Маэда прочел ее с нескрываемым интересом и удовлетворением…

* * *

Козырев потерял сон, не зная отдыха. Кок подлодки Белоголовый измучился, воюя с ним из-за каждой ложки супу. Козырев почти не выходил из лаборатории. Его веснушчатые щеки ввалились, глаза лихорадочно горели, густая рыжая шевелюра, казалось, потускнела, потеряла свой огнистый цвет. Загадка термита извела его, она оставалась мучительной, терзающей тайной. Казалось, Козырев исчерпал уже все мыслимые комбинации элементов термита, и сознание, что он очутился в тупике, сводило его с ума. Уже третьи сутки с ним работал Цой, подготовляя опыты, выполняя поручения, освобождая его от черной работы. Ничего не помогало.

Сегодня ночью в дело вмешался наконец зоолог. С решительным видом, со склянкой и мензуркой в руках, он подошел к Козыреву, сидевшему за

лабораторным столом с зажатой между ладонями головой, и категорически предложил ему, сославшись на приказ капитана, выпить немного «вот этого винца». Козырев механически выпил и вновь устремил свой отсутствующий взор куда-то в пространство. Однако «винцо» зоолога подействовало довольно быстро. Через пятнадцать минут Цой отвел засыпающего на ходу Козырева в его каюту, раздел и уложил на койку. Едва коснувшись головой подушки, Козырев сразу и крепко заснул.

В четвертом часу утра, за полчаса до общей побудки, Цоя разбудил стук в дверь его каюты. Цой с трудом раскрыл глаза, встал и отпер дверь. Перед ним стоял полуодетый Козырев с пылающим костром растрепанных волос и красными пятнами на щеках.

— Цой! — прохрипел он. — Цой! Ты химик… Ты должен знать… Мне некогда сейчас рыться в справочниках… Скажи, сколько хлористого магния в морской воде?

Цой сначала растерялся. Сон окутывал еще туманом его уставший за день мозг, но уже в следующее мгновение он очнулся.

— Вдали от берегов, — ответил он академическим тоном, — везде в Мировом океане состав

воды одинаков. Среднее количество содержащихся в ней солей равно тридцати пяти граммам на тысячу граммов воды; хлористого же магния всегда и везде содержится десять процентов и восемьсот семьдесят восемь тысячных от общего количества солей в воде, то есть три грамма и восемьсот семь миллиграммов чистого веса на каждый килограмм воды…

— Ну, а в Финском заливе? — нетерпеливо перебил Козырев, переминаясь с ноги на ногу, готовый, казалось, броситься на Цоя, так вдумчиво и медленно тянущего свою речь.

— В Финском заливе, где средняя соленость около пяти граммов солей на тысячу граммов воды, хлористого магния содержится те же десять процентов и восемьсот семьдесят восемь тысячных от общего количества солеи, то есть в абсолютных цифрах всего лишь пятьсот сорок четыре миллиграмма на тысячу граммов воды…

— Почти четыре грамма в океане, и всего лишь около половины грамма в Финском заливе! — простонал Козырев с видом глубокого отчаяния. — О, дурак! О, идиот! Как я не подумал об этой разнице! Ведь наш подводный термит рассчитан только на соленость Финского залива, где производились опыты! Только на полграмма

хлористого магния в килограмме воды! Между тем здесь, в океане, его четыре грамма! Четыре грамма! Цой! А наш термит так жадно поглощает этот излишек хлористого магния... О, дурак! О, идиот!.. Как я не подумал об этом! — Козырев вдруг встрепенулся. Глаза его заблестели. — В лабораторию, Цой! — весело и бодро крикнул он. — В лабораторию! Сегодня термит разгорится так, что даже этот чертов металл расплачется горючими слезами!

Козырев повернулся и почти бегом устремился в дальний конец коридора, туда, где за центральной рубкой, против биологического кабинета, находилась лаборатория.

Через пять минут Козырев и Цой, словно смыв с себя всю усталость этих дней, стояли у своих рабочих столов, уверенно принимаясь за последние, решительные опыты.

И действительно, день пятнадцатого августа мог бы считаться днем удач.

Прежде всего с утра заработала радиостанция, и капитан смог наконец, после семнадцати суток вынужденного молчания, сообщить правительству подробные сведения о постигшей подлодку аварии.

Второй победой этого замечательного во всех

отношениях дня было окончание ремонта носовой пушки. Опыты, проделанные главным акустиком Чижовым для проверки ее работы, прошли блестяще. Подлодка вернула себе свое грозное оружие — свою высокую боеспособность — и могла уже не чувствовать себя бессильной игрушкой случайностей.

Вскоре же после обеда вступили в строй оба инфракрасных разведчика; после семнадцати суток слепоты подлодка вернула себе зрение. Правда, это не было полным зрением — ультразвуковые прожекторы еще не были готовы, но и их ремонт подходил к концу. Это было для акустиков вопросом всего лишь двух дней.

И, наконец, с пятнадцати часов под дюзовым кольцом яростно горел новый термит, не поддающийся влиянию повышенного содержания хлористого магния в океанской воде. Уже через двадцать минут после начала горения термитная реакция развила температуру в пять тысяч пятьсот градусов.

Через полтора часа напряженного и беспокойного наблюдения за ходом реакции, убедившись в правильном ее течении, Козырев почувствовал вдруг необыкновенную слабость. На один момент он даже забылся и с обмякшими повисшими но-

гами и руками бессильно лежал в воде в облаке пара, словно медуза с распущенными прядями щупалец. Правда, он тут же очнулся, но капитан, находившийся вблизи него и заметивший его состояние, мягко и заботливо посоветовал ему пойти отдохнуть.

И Козырев сразу согласился.

Этот день можно было назвать днем удач, если бы не три обстоятельства, омрачившие его.

В четырнадцать часов, после первого, успешно закончившегося опыта под водой, оба инфракрасных разведчика были подняты на поверхность. Из осторожности, считаясь с опасной близостью обитаемого острова, их, однако, не пустили в воздух, но повели, как двух огромных черепах, по поверхности воды. Отразившееся на куполе экрана чистое небо с круглым солнечным подносом почти в зените посылало в центральный пост спокойный привет. Капитан собирался уже отдать приказ о возвращении разведчиков, когда внезапно на горизонте, в его северной части, появилась черная точка, которая быстро росла и скоро получила неожиданные и зловещие очертания.

— Гидроплан! — воскликнул старший лейтенант. Самолет вскоре перешел на купол экрана.

Очутившись над островом, он сделал несколько кругов, то опускаясь, то поднимаясь, потом взял курс на юг и вскоре исчез за горизонтом.

— Странно… — задумчиво произнес капитан. — Откуда он? Что ему здесь было нужно? Как будто он что-то искал… высматривал…

Тревожное чувство овладело капитаном и уже не оставляло его.

Между тем впереди предстояли новые неприятности.

До сих пор опрос команды не дал ничего такого, что могло бы внести хоть некоторую ясность в загадочную обстановку взрыва. Сегодня же в обычный час доклада о ходе следствия комиссар смог доложить капитану о новых материалах, которые позволяли сделать довольно важные выводы. Во-первых, лейтенант Кравцов, здоровье которого давно уже начало улучшаться, сегодня, с разрешения зоолога, дал свои первые показания. Из этих показаний полностью выяснилась недопустимая беспечность лейтенанта, не доложившего командиру о серьезной аварии механизмов корабля, самовольно, вопреки строгому приказу, выпустившего Горелова из подлодки и даже после этого не вызвавшего капитана в центральный пост. Лейтенант оправдывает са-

мовольную выдачу пропуска Горелову тем, что нельзя было допускать ни минуты просрочки, так как, по словам Горелова, засорились дюзы и каждое мгновение грозил взрыв. А о состоявшейся уже выдаче пропуска лейтенант не доложил командиру потому, что пытался сначала проверить исправность сигнализационных приборов в посту управления, после чего собирался вызвать капитана, но не успел уже этого сделать, так как произошел взрыв.

Комиссар доложил при этом капитану, что лейтенант находится в очень угнетенном состоянии духа и вполне отдает себе отчет, насколько легкомысленно и преступно было его поведение в этот исключительно ответственный момент.

Во-вторых, комиссар доложил, что сегодня он получил возможность проникнуть в заполненную водой газопроводную камеру через наружное отверстие, открывшееся за сорванным кольцом дюз. Как известно капитану, напомнил комиссар, первое же обследование дюз при начале ремонтных работ обнаружило полную их исправность, кроме каких-то непонятных четырех дыр с винтовыми нарезками, просверленных в камере сжигания центральной дюзы. Как они появились в ней, кто и зачем их просверлил — до

сих пор неизвестно.

В газопроводную же камеру сегодня удалось проникнуть лишь после длительной работы по расчистке узкого отверстия от густо сходящихся в нем концов газопроводных труб. Взрыв произвел в камере, конечно, особенно большие разрушения: все находившиеся в ней приборы и аппараты приведены в негодность.

На сигнализаторе давления газов найдены остатки какого-то ящичка. Корнеев и Козырев, обследовавшие камеру вместе с комиссаром, единодушно признали, что ящичек этот является для сигнализатора посторонним и что его могли поставить только с определенной целью — лишить сигнализатор соприкосновения с внешней средой и не дать ему возможности сигнализировать об изменениях давления газов в камере. Цель эта явно преступная и могла быть целью только злого, преступного умысла.

При последних словах комиссара, произнесенных с едва сдерживаемым волнением, капитан поднял на него взгляд, полный гнева и возмущения.

— Итак, ваше заключение? Кто мог это сделать? — тихо спросил он, едва разжимая губы.

— Только Горелов, — убежденно ответил ко-

миссар.

— Да, только он, — по-прежнему тихо подтвердил капитан. — Вы предложили Корнееву и Козыреву хранить полное молчание об этом открытии?

— Да, Николай Борисович, но акт обследования они подписали.

— Когда вы предполагаете закончить следствие?

— Я считаю, что оно уже закончено, Николай Борисович, можно было бы приступить к составлению заключения.

— Хорошо. Завтра в это же время представьте его мне со всеми материалами. Можете идти, Василий Егорович. Я сейчас отправлю радиограмму в штаб.

* * *

В шестнадцать часов, когда капитан в тяжелом раздумье расхаживал по центральному посту, главный электрик доложил ему, что запас электроэнергии в аккумуляторах иссякает и его хватит лишь на двое суток. Необходимо немедленно начать зарядку. Однако по подводному склону берега нижнему концу трос-батареи вряд ли удастся добраться до необходимой глубины,

где можно было бы найти достаточно низкую температуру.

— Как же все-таки добраться до нее? Корнеев чуть пожал плечами:

— Надо попробовать сначала здесь — может быть, подлодка находится над большой глубиной.

— Попробуйте, товарищ Корнеев, но поскорее. Аккумуляторы должны иметь полную зарядку. Мы не знаем, что нам сулят ближайшие дни, а может быть, и часы.

Корнеев ушел. В центральном посту остались только капитан, старший лейтенант, производивший какие-то расчеты, и Марат, занятый ремонтом щита управления.

— Мне не дает покоя этот гидроплан, — обратился капитан к старшему лейтенанту. — Зачем он сюда прилетал? Что он здесь искал?

— Эти области довольно часто посещают китобойные флотилии, — ответил старший лейтенант, — а их плавучие базы-фабрики нередко снабжены самолетами для розыска добычи. Возможно, что и этот гидроплан — простой разведчик китобойцев.

Послышался стук в дверь.

— Войдите! — громко сказал капитан.

Вошел Павлик с инструментами в руках. Он тихо прошел в угол, где возился Марат, и вполголоса сказал ему:

— Повреждение провода я нашел в камере электролиза и уже исправил его.

— Хорошо, Павлик! — так же вполголоса похвалил Марат. — Теперь помоги мне здесь. Прикрепи на место эти провода и кнопки.

— Есть прикрепить провода и кнопки! — тихо, но четко ответил Павлик, принимаясь за дело.

Капитан чуть заметно улыбнулся и, следя за работой мальчика, вернулся к прерванному разговору:

— Может быть, это и простой китобойный разведчик, но меня очень беспокоит положение «Пионера». Он слишком открыт. Вдали от берега, чуть не в открытом океане, слишком легок доступ к нему.

— Да, стоянка не совсем безопасная, — согласился старший лейтенант, — но, к сожалению, мы еще лишены движения, да, по правде говоря, и спрятаться-то некуда.

— Вот это и плохо. А спрятаться надо бы до окончания ремонта…

Павлик неподвижно стоял лицом к стене, как будто забыв о работе и прислушиваясь к разгово-

ру. Он хотел повернуться, что-то сказать, но язык словно прилип к гортани. Наконец отчаянным усилием воли он повернулся и тихо, дрожащим голосом произнес:

— Разрешите, товарищ командир…

— Говори, говори, Павлик!

— Тут мы нашли… я и Иван Степанович… очень хорошее место… Честное пионерское! — неожиданно заключил Павлик и замолчал растерявшись.

— Ну, чего же ты? — улыбнулся капитан. — Говори, не стесняйся.

— Мы нашли огромную-огромную пещеру. Подводную. Туда десять «Пионеров» могут спрятаться! — И торопливо, словно опасаясь, что сейчас над ним рассмеются, продолжал, волнуясь и захлебываясь: — Вы не верите? Честное пионерское! Спросите Ивана Степановича. Мы оба видели. Мы ее хорошенько осмотрели…

С просветлевшим лицом капитан вскочил со стула и схватил Павлика за плечо:

— Что ты говоришь, Павлик! Это верно? И большая?

— А далеко отсюда? — заинтересовался и старший лейтенант.

— Большая! Огромная! Совсем недалеко! На

пятидесятых полчаса ходу! Не больше!

— Мальчик мой, ты вестник радости! — воскликнул капитан. — Ведь это огромная удача! Марат, отыщите Ивана Степановича! Скорее!

Через минуту Шелавин был в центральном посту и подтвердил все, что сказал Павлик: пещера огромная, как эллинг для дирижабля, дно и стены ровные. «Пионер» там найдет великолепное убежище. Капитан был необыкновенно доволен и ласково потрепал Павлика по плечу.

— Я сейчас же отправлюсь туда, — сказал он в радостном возбуждении. — И вы со мной, Иван Степанович. И ты, Павлик.

— Но дюзы-то еще не работают. Как же вы переведете туда подлодку? — вмешался старший лейтенант.

— Двадцать человек в скафандрах — тысяча лошадиных сил! — засмеялся капитан. — Хватит вам этого, Александр Леонидович, чтобы отбуксировать «Пионер» в подводный док?

— Хватит, хватит! Замечательная, превосходная идея!

В центральном посту сразу воцарилось веселое, приподнятое настроение. Через полтора часа капитан, Шелавин и Павлик вернулись на подлодку из рекогносцировки. Капитан был необычайно

оживлен и доволен: пещера оказалась великолепной, а дно ее — точно на уровне нахождения подводной лодки; вообще все оказалось таким, что лучшего и желать было нельзя.

На откидной площадке капитан встретил Корнеева и Марата. Корнеев воспользовался этой встречей и тут же доложил, что зарядка аккумуляторов здесь невозможна: нижняя часть трос-батареи на глубине четырехсот шестидесяти метров легла на дно и дальше не пошла.

— Марат предлагает, — продолжал Корнеев, — на руках отнести трос-батарею по склону, подальше в море. Идея хорошая, и, если разрешите, товарищ командир, я сейчас же начну снаряжать его и отправлю.

— Марат! Марат, голубчик! — прижавшись шлемом к шлему своего друга, умолял в это время Павлик. — Возьми меня с собой, пожалуйста…

— На руках? — изумился капитан, продолжая разговор с Корнеевым. — Но, чтобы добраться до необходимой температуры, нужно будет выпустить не менее двух тысяч метров троса! Ведь это громадная тяжесть… даже в воде…

— Он это предусмотрел. Разрешите, Николай Борисович, ему самому объяснить вам свое предложение.

— Рассказывайте, Марат, я слушаю, — сказал капитан.

— У нас на подлодке, — начал Марат, — большой запас, несколько сот штук, прозрачно-металлических, герметически закупоривающихся сосудов довольно значительного объема для глубоководных батометров. Если подвязывать их через каждые десять метров к трос-батарее, по мере выпуска ее из подлодки, то они возьмут на себя почти весь ее вес…

— Очень удачная идея! Прекрасная идея! — обрадовался капитан, — Вы согласны, товарищ Корнеев?

— Вполне, Николай Борисович.

— Кого же вы думаете поставить на подвязывание сосудов к трос-батарее?

— Крутицкого, Николай Борисович. Он, как вам известно, вчера выписался из госпиталя, но Арсен Давидович не позволяет ему приниматься за тяжелую работу. А это будет как раз для него.

— Ну что же, я не возражаю, — согласился капитан. — А не трудно ли вам будет одному, Марат?

Вопрос был как нельзя кстати.

— Если позволите, товарищ командир, то мне достаточно будет одного Павлика, — ответил Марат. — Мы с ним отлично справимся.

— Опять этот вояка лезет в драку? Я слышал, как вы шептались. Ну ладно, отправляйтесь да следите за ним, Марат! Впрочем, отложите дело до завтра. Сейчас начнется аврал — будем отводить подлодку в док.

Через полчаса почти вся команда «Пионера» — двадцать два человека, — одетая в скафандры, вышла из подлодки с тросовыми лямками на плечах. Оплетенный тросовой сбруей для работы электролебедки, «Пионер» был готов к буксировке. Термит продолжал гореть под дюзовым кольцом, и его оставили в том же положении, так как медленное передвижение «Пионера» нисколько не должно было отразиться на правильном течении термитной реакции. Восемнадцать человек, по девять с каждого борта, быстро прикрепили свои лямки к среднему коренному тросу, продольно охватывавшему всю подлодку от носа до кормы, и ждали лишь сигнала, чтобы одновременно запустить свои винты. У кормы, возле дюзового кольца, прикрепили к тому же коренному тросу свои лямки Скворешня и Матвеев: они должны были выполнять роль рулей, отводя корму то в ту, то в другую сторону. Капитан впрягся на носу, впереди всех, и руководил маневром. Павлик должен был плыть впереди, выполнять всякого

рода разведывательные поручения капитана и сообщать о встречающихся на пути скалах, их высоте над дном, о подводных выступах суши.

Трудно передать радость, которую испытывал Павлик, получив важную роль адъютанта при самом капитане. Впрочем, каждый мог это без труда заметить, посмотрев на сияющую счастьем физиономию мальчика. Несмотря на это, Павлик изо всех сил старался вести себя по-взрослому, сдержанно: не суетился, не совался куда не нужно, вообще держал себя в руках.

Ровно в двадцать часов прозвучала команда капитана, разом натянулась двадцать одна лямка. Освобожденный от якорей, тихо и величаво, словно отдаваясь заботам маленьких существ, населяющих его, «Пионер» тронулся в путь.

Капитан вывел его сначала подальше, в открытый океан, чтобы избежать встреч со скалами, подъемами и подводными мысами, которыми изобиловал склон. Корабль шел довольно ходко, отлично слушался руля и через два часа, по расчетам капитана, находился уже на траверсе пещеры. Здесь корабль круто повернули кормой к острову и в таком положении, на трех десятых хода его тихо повели к подводному склону. Капитан снял с себя лямку и держался перед кормой.

Павлик плыл впереди, указывая самые удобные — прямые и широкие — проходы. Это была очень трудная задача: «Пионер» был длиной около семидесяти метров, с наибольшим диаметром до десяти метров, и слишком извилистый или узкий проход был для него непригоден. Подниматься же над скалами и потом опускаться он не мог: электроприводы от балластных и других цистерн еще не были восстановлены. Но Павлик отлично справлялся со своей задачей и верно указывал путь, который он успел хорошо изучить, пока подлодка шла еще вдали от острова. Впрочем, как раз в этом месте склон был крутой и обрывистый, что значительно облегчало подход к острову.

Кормой вперед «Пионер» все тише и тише приближался к пещере. Вот уже в пещеру вошло дюзовое кольцо с горящим термитом под ним. «Пионер» шел прямо, как по ниточке.

Вскоре подлодка, низко держась над дном, вся вошла в пещеру.

Около полуночи «Пионер» спокойно висел уже под сводом сразу ожившей, ярко освещенной пещеры, точно огромный дирижабль в своем просторном безопасном убежище.

Глава X
Экспедиция за электротоком

Ночью капитан сделал сводку всех донесений о ходе работ за истекший день. Работы шли прекрасно, точно по графику. Девятнадцатого августа, то есть через три дня, подлодка сможет выйти из своего нового убежища и понестись к далеким берегам Советского Приморья. Но этот день и был тем последним для начала похода сроком, после которого уже не было бы надежды своевременно, двадцать третьего августа, прибыть во Владивосток. От острова Рапа-Нуи подлодка должна была пройти по прямой, полетом птицы, около пятнадцати тысяч километров. Ровно сто часов непрерывного, на десяти десятых, хода понадобится «Пионеру», чтобы покрыть это огромное расстояние. И лишь при условии, что «Пионер» тронется в путь не позднее шести часов утра девятнадцатого августа, он сможет, догоняя солнце, появиться в Уссурийском заливе, у Русского острова, перед Владивостоком в десять часов утра двадцать третьего августа. Но какая-нибудь непредвиденная задержка всего лишь на восемь-десять часов — и все срывается. Все

труды, все сверхчеловеческие усилия команды и все надежды полетят прахом.

Испарина покрыла лоб капитана, когда в ночной тишине, в своей каюте, на объятой сном подлодке, он вдруг пришел к этим выводам. «Нельзя!.. Нельзя идти в ремонте без резервов во времени, — думал он. — Надо еще скорее, еще напряженнее работать. Сберечь хотя бы эти восемь — десять часов. Но что можно еще требовать от команды, не знающей ни сна, ни отдыха, столько дней работающей на последней, кажется, черте своих уже истощенных сил»? Капитан ничего не мог придумать. Драгоценные часы короткого отдыха уходили в этих тревожных размышлениях, и побудка застала капитана с воспаленными от бессонницы глазами. Он вышел из подлодки, охваченный жгучим беспокойством, и торопил людей, еще не размявших свои не отдохнувшие за короткую ночь тела, торопил скорее-скорее приниматься за работу. Он испытал истинное наслаждение, когда увидел результаты работы Скворешни за эту ночь.

Скворешня взял на себя ночное дежурство у электролебедки, медленно подтягивающей дюзовое кольцо на его размягченной нижней петле. Но у лебедки делать было, в сущности, нечего,

и Скворешня весь сосредоточился на очистке кормовой части от металлических наростов, бородавок, застывших луж, струек и капель, которые остались на ней после того, как дюзовое кольцо было сорвано взрывом со своего места. Работа была очень трудная, утомительная. Термит применить здесь было невозможно. Инструменты тупились и ломались, электродрели, маленькие электропилы, электроструги быстро крошились.

В конце концов Скворешня переходил на ручные инструменты, с которыми он пускал в ход свою необыкновенную физическую силу и нередко добивался больших результатов.

Перед утренней побудкой дюзовое кольцо оказалось уже совсем близко от кормы корабля, и место для него было очищено и готово для насадки. Но внутри кольца находилось еще немало обломков газопроводных труб с острыми рваными краями. Скворешня перешел на работу по их удалению, стремясь закончить ее к тому моменту, когда электролебедка притянет дюзовое кольцо вплотную к корме.

Скворешня и сейчас развивал неистовую энергию, как будто у него не было бессонной, изнурительной ночи. Его кипучая работа так

заразительно подействовала на всю дюзовую бригаду, только что приступившую к работе, что невозможно было удержаться и не присоединиться к ней.

И, когда Корнеев отыскал капитана, чтобы сообщить ему, что собирается, согласно вчерашнему распоряжению, отправить Марата и Павлика с трос-батареей на глубину, он нашел его среди бригады дюзовцев, за яростной работой у дюзового кольца.

— А сколько осталось Марату, чтобы закончить ремонт щита и сети управления? — спросил капитан, не поднимая головы и не отрываясь от дела.

— По графику бригады, в порядке соревнования, примерно еще часов семь-восемь.

— С ним работает Павлик?

— Да.

— Передайте им обойм — и Марату и Павлику — мою личную просьбу закончить эту работу как можно скорее против бригадного графика. После этого пусть отправляются. И вас прошу, товарищ Корнеев! Скорее… Скорее… Напрягите все силы, все остатки своих сил! Мы не имеем резервов времени. Через полчаса приходите в мою каюту со старшим лейтенантом, профессором Лордкипанидзе, Чижовым, Семиным, Козыревым — я

объясню вам положение.

Марат и Павлик были немного огорчены задержкой их экспедиции за электротоком, к которой они уже начали готовиться. Но личная просьба капитана, переданная им Корнеевым в несколько торжественном, многозначительном тоне, подействовала на них необыкновенно возбуждающе, и они горячо, с приливом новой энергии, принялись за работу.

В назначенное время к капитану пришли все, кого он просил.

— Товарищи, — обратился капитан к собравшимся, — по графикам бригад, мы сможем выйти в поход девятнадцатого августа. Для похода останется только четверо суток. Это в обрез — как раз столько, сколько нужно, чтобы прибыть во Владивосток точно двадцать третьего. Но у нас не остается никаких резервов времени. Малейшая случайная задержка может сорвать все. Надо еще более ускорить ремонт. Надо иметь для запаса хотя бы часов десять. Просто сказать об этом команде — не годится. Боюсь перетянуть струну. Но вот Скворешня показал выход. Он дает пример своей работой, он заражает энергией свою бригаду, она тянется за ним, старается не отставать. Результаты налицо: бригада работает

как никогда. Прошу вас, товарищи: будьте таким же примером для своих бригад, и мы наверняка скопим себе необходимый резерв. К вам, Лорд, еще одна просьба. Лейтенант Кравцов уже достаточно окреп и мало нуждается в вашем уходе. Добавьте к какао что-нибудь из вашего медицинского, диетического арсенала, чтобы повысить его питательность и укрепляющие свойства, и затем прикажите наполнить этим какао термосы тех, кто работает снаружи подлодки. Для работающих внутри организуйте разноску через каждые час-два такого же питания в стаканах… Все, товарищи! За работу! И пусть каждый из вас делает то, что он в силах сделать. Да, еще одно… Товарищ Семин, вы сейчас, вероятно, будете читать сегодняшний номер газеты? Выделите особо ночную работу Скворешни. Не оставляйте ее до завтрашнего. Сведения о ней получите у Козырева сейчас же. По местам, товарищи!

Прозвучал дробный, торопливый стук в дверь.

— Войдите! — громко сказал капитан.

Показалось взволнованное лицо Плетнева. Он быстро вошел в каюту, закрыл за собой дверь и торопливо направился вокруг стола к капитану. Его лицо было красно; глаза блестели среди находившейся в непрерывном движении сети

морщин, в руке он держал телеграфный бланк.

— Весьма срочно. Правительственная, — проговорил Плетнев, задыхаясь, как после бега, и подавая радиограмму капитану.

Уже после первых прочитанных слов на истомленном лице капитана отразилось необычайное волнение. Наклонившись над радиограммой, он впился глазами в ее текст. Его волнение немедленно передалось всем участникам совещания. Застыв на местах, они не сводили нетерпеливых глаз со своего капитана, лишь изредка перебрасываясь короткими вопросительными взглядами. Капитан быстро пробегал строки радиограммы.

Наконец он оторвался от нее и обвел глазами присутствующих. Глаза излучали какую-то необыкновенную радость.

Он порывисто встал и тихо, словно не доверяя себе, своей выдержке, произнес:

— Товарищи… — Голос его пресекся. Он глубоко вздохнул и вновь произнес уже окрепшим голосом: — Товарищи! На нашу долю выпало необычайное счастье. Мы получили радиограмму от Центрального Комитета нашей партии. Я оглашу содержание радиограммы.

Все встали, словно подхваченные ветром, взволнованные, с сразу помолодевшими лицами,

и застыли, подавшись вперед, к капитану. Он читал, руки его чуть заметно дрожали, и белый листок радиограммы колыхался над столом:

> Москва, молния, правительственная. Капитану подлодки «Пионер» Воронцову, комиссару Семину, начальнику научной части экспедиции профессору Лордкипанидзе.
>
> Шлем героическому экипажу подлодки «Пионер» горячий привет! С восхищением следим за вашей неутомимой, великолепной борьбой с враждебной стихией, с последствиями коварной измены. Мы твердо уверены в благополучном исходе вашей экспедиции. Мы уверены, что в историю борьбы за изучение и овладение таинственными глубинами океанов вы впишете новые славные страницы, что в грозный час испытаний подлодка окажется на своем посту у родных берегов для защиты свободы и дальнейшего процветания социалистической Родины…

Имена подписавших радиограмму потонули в буре восторженных криков…

— Мы придем в срок!.. Мы оправдаем доверие!

Мы победим! Победим!..

— К команде! К команде! — закричал комиссар. — Товарищ командир! Надо сообщить команде!

Его молодое лицо сияло под шапкой седых волос. Он подошел к капитану и, едва сдерживая неповинующийся, срывающийся голос, насколько возможно официально сказал:

— Товарищ командир, разрешите созвать немедленно команду для вашего сообщения!

Капитан положил ему обе руки на плечи, сжал их:

— Ну конечно! Семин, товарищ дорогой! Конечно! И скорее, скорее! Марш, марш!

Он повернул комиссара за плечо и, подтолкнув его к двери, бросил вдогонку:

— Всю команду и всех научных работников!

* * *

В одиннадцать часов, еще возбужденный после ликующего митинга по поводу радиограммы, Марат побежал к Корнееву, чтобы сообщить ему, что ремонт щита и сети управления полностью окончен им и Павликом на три часа раньше, чем предусматривалось графиком.

Марату казалось, что никогда он не работал с таким упоением, с таким восторгом, как сейчас.

Ему казалось, что радиограмма была полна не слов, а необыкновенной музыки, которая продолжает звучать до сих пор в его душе. Он бежал по трапам и отсекам, напевая что-то веселое и радостное, не чувствуя ног под собой. И всюду он слышал то тихое мурлыканье, то громкое пение, всюду он видел сверкающие глаза, непроизвольные улыбки.

— Мы победим, Маратушка! — звенел ему вслед крик Крамера.

— На три часа раньше! — кричал, смеясь, Марат и летел дальше.

Он нашел Корнеева в камере электролиза под ванной, куда тот залез для работы, оставив в пределах видимости одни лишь ноги.

— Хорошо, — коротко и глухо ответил Корнеев, выслушав сообщение Марата об окончании работы и нетерпеливую просьбу о разрешении отправиться с трос-батареей. — К капитану не пойду… Некогда… Иди сам и доложи…

Капитана Марат нашел в газопроводной камере, где он вместе с бригадой Козырева удалял обломки труб, торчавшие из внутренней переборки. Чтобы добраться туда, надо было проявить немало ловкости и акробатического искусства. Песня звучала и здесь, но Марат не удивился

этому: она сливалась с песней в его собственной душе.

— Спасибо за работу, Марат! — ответил капитан, выслушав его рапорт. — Передайте мою благодарность и Павлику. Пообедайте и устройте себе и ему перерыв и отдых, которые полагаются вам. Потом отправляйтесь. Сколько вам понадобится времени для этой операции?

— Думаю, часов шесть-семь, товарищ командир. Не знаю, насколько удобен и чист будет склон.

— Да-да… Конечно. Во всяком случае, торопитесь, ваша помощь нужна здесь. Держите связь с подлодкой. Ну, идите! Желаю успеха. Привет Павлику. Присматривайте за ним!

Марат прекрасно отдавал себе отчет, насколько трудна задача, возложенная на него, и не отказался от отдыха, который был ему предложен капитаном. Однако он успел во время перерыва объяснить Крутицкому, как подвязывать сосуды к трос-батарее. После обеденного перерыва, уже втроем с Крутицким, они принялись выносить сосуды из склада, подносить их к барабану трос-батареи, укупоривать их, подготовлять для них петли из проволок. Покончив с этой работой в шестнадцать часов, с полной зарядкой аккумуля-

торов в скафандрах, термосов, патронов с жидким кислородом, в походном вооружении, с набором необходимых инструментов и глубоководным термометром у пояса, Марат и Павлик стояли в выходной камере, почти совсем готовые к выходу из подлодки. В последнюю минуту в камеру вбежал Шелавин и всучил Марату глубоководный батометр:

— Пожалуйста, Марат… Это вас, я думаю, не очень затруднит. Небольшую пробу воды с глубины… Очень прошу.

Сейчас же за ним торопливо подошел зоолог и, отведя Павлика в сторону, тихо, чуть смущенно сказал:

— Смотри, Павлик, если попадется что-нибудь особенно интересное, не упусти, пожалуйста. Я буду тебе очень благодарен. Конечно, если… м-м-м… обстоятельства и, так сказать, время позволят… Пожалуйста, Павлик.

Через несколько минут Павлик и Марат шли уже по склону, неся на плечах конец трос-батареи, ее приемник, похожий на закрытый, несколько вздутый в середине бутон гигантского тюльпана. Спустившись шагов на пятьдесят, они положили этот бутон на обломок скалы, чтобы проверить механизм пуска трос-батареи. На тросе, у осно-

вания бутона, находился большой, с широкими лапками выключатель. Марат повернул его, и бутон начал медленно раскрываться, словно распускающийся цветок. Через минуту приемник представлял собой огромную, выпуклую в середине головку подсолнечника, усеянную, словно семечками, черными точками термоэлементов.

Убедившись в исправности трос-батареи, Марат еще раз повернул выключатель, и бутон закрылся.

— Ну, Павлик, в путь! На плечо! Раз, два! Пошли!

* * *

Медленно, незаметно темпы работ на подлодке нарастали. Исключительно напряженная работа начальников бригад и самого капитана приносила свои плоды. Немало помог делу и зоолог. Он придумал новую комбинацию витаминов, обычно добавляемых в какао, с недавно открытым витамином КЛ2, которая сразу начала успешно бороться с усталостью команды, подняла настроение, увеличила работоспособность людей. Кок Белоголовый, по указанию зоолога, каждые два часа приносил им по чашке «живой воды», как прозвал это какао Ромейко, и заставлял их тут

же, при себе, выпивать.

На помощь пришел и лейтенант Кравцов. Ему было разрешено вставать с койки, ходить, читать и писать. Хотя его физическое состояние все улучшалось, но никто уже не мог узнать в нем прежнего веселого лейтенанта — смешливого, любившего поболтать и побалагурить, любовно следившего за своей наружностью. Бледный, осунувшийся, небритый и с запущенными бачками, он часами неподвижно лежал на койке, молчаливый, с устремленными в потолок глазами, думая о чем-то своем, должно быть, тяжелом и мучительном. Иногда из его груди вырывался вздох или стон, он начинал беспокойно ворочаться с боку на бок, вставал, переходил в кресло и вновь возвращался на койку, словно не находя себе места, словно стараясь уйти от каких-то тягостных воспоминаний.

Сегодня, узнав от зоолога, что напряженность общей работы еще больше возросла, он робко и нерешительно попросил его получить у капитана разрешение сменить в центральном посту старшего лейтенанта. Работы там почти никакой сейчас нет, во всяком случае она совершенно неутомительна: поддерживать радиотелефонную связь со всеми отсеками подлодки, с людьми,

работающими снаружи, с капитаном, с Маратом, выпускать время от времени инфракрасный разведчик, следить за его донесениями на экране и, наконец, получать от бригад сведения о ходе работ и составлять общие сводки. Работа пустяковая, а между тем старший лейтенант освободится и примет участие в аврале. Старший лейтенант горячо поддержал предложение Кравцова, и зоолог получил у капитана это разрешение. Краска радости залила лицо лейтенанта, когда зоолог сообщил ему, что капитан удовлетворил его просьбу. Словно не веря своему счастью, как будто опасаясь потерять его, он торопливо побрился, сбросил с себя больничный халат, переоделся в форменную одежду, любовно оправил ее, почистил и осмотрел, как что-то необычайно дорогое, чуть было не потерянное и вновь счастливо найденное…

Он быстро перешел в центральный пост, и старший лейтенант, передав ему дела, немедленно устремился к электрикам, чтобы заполнить брешь, образовавшуюся у них из-за ухода Марата и Павлика.

В двадцать часов лейтенант сообщил капитану первую сводку о ходе работ. Сводка доставила капитану огромное удовольствие: в работах явно

обнаружился новый подъем.

— С Маратом связь поддерживаете, товарищ лейтенант?

— Каждый час, товарищ командир. Говорит, что все в порядке. Несколько задержек в пути они довольно быстро ликвидировали. Сейчас оба находятся на глубине тысячи ста метров, температура воды — четыре с половиной градуса выше нуля.

— Отлично! Вероятно, они скоро доберутся до двух с половиной градусов и смогут вернуться. Молодцы ребята! Как вы себя чувствуете, товарищ лейтенант?

— Спасибо, товарищ командир! Чувствую себя прекрасно. Хоть какая-нибудь работа, и та лучше всяких лекарств…

В двадцать три часа стало известно, что электрики закончили ремонт электроприводов к цистернам: кингстоны, насосы и вентиляция начали работать. Дюзовая бригада узнала об этом еще раньше по пробным маневрам подлодки, начавшей вдруг подниматься и опускаться вместе с бригадой. На корме подлодки эти эволюции были встречены глухим, торопливым «ура». Некогда было разгибать спины, махать руками, тем более что у самих дюзовцев наступал решительный

момент: заканчивалась насадка дюзового кольца на место, и должна была начаться сварка его с корпусом корабля.

За несколько минут до полуночи — конца работ — кольцо окончательно село на место, и из-под него убрали наконец тигель с горевшим термитом. Все уже собирались уходить, но Скворешня занялся последней перед сваркой прочисткой желобков в гофрированной обшивке корпуса, по которым должен был пойти под дюзовое кольцо расплавленный металл.

— Сейчас, сейчас иду! — ворчал он в ответ на призыв Козырева бросить работу. — Вот только кончу этот желобок…

Но желобок оказался далеко не в порядке, старый металл не весь был, очевидно, удален, и Скворешня долго водил электродрель вперед и назад под кольцом, прежде чем убедился, что желобок совершенно чист. Однако и после этого Скворешня не думал уходить. Какая-то неукротимая страсть к работе овладела им, и он не в силах был перебороть ее. Еще и еще желобок… И вот этот и следующий… Нельзя оторваться от них, их еще так много впереди!.. С одинаковой энергией, как будто с неисчерпаемыми силами, Скворешня продолжает работу.

Часы ночного отдыха летят незаметно и быстро. Пустынно в пещере под яркими лучами прожекторов. Мелькают вокруг подлодки юркие тени рыб, останавливаются вокруг согнувшейся на корме странной фигуры и внезапно разлетаются при каком-нибудь резком движении ее.

Скоро побудка, но скоро, совсем скоро… Вот уже близок последний, не проверенный еще желобок… Бригада сможет прямо приступить к сварке.

По правилам службы Козырев сделал Скворешне выговор, но голос его выражал не столько недовольство, сколько удивление и восхищение. И все же Козырев доложил капитану об этом происшествии. Капитан выслушал его и повернулся к Скворешне.

— Идите спать, Андрей Васильевич, — мягко сказал он. — Так нельзя. Вы надорвете свои силы…

— Прошу прощения, товарищ командир, — вытянувшись металлической колонной, прогудел Скворешня. — Я свеж и бодр, как после хорошей бани. Разрешите остаться на работе. Я не устал…

— Это у него вторая бессонная ночь, товарищ командир, — вмешался Козырев.

— Пустяки! — вопреки всем требованиям уста-

ва возразил Скворешня. — Для меня это ничего не значит. Случалось и по три ночи не спать в походе, и ничего. Как с гуся вода… Комплекция такая…

* * *

Весело болтая и шутливо переругиваясь, Марат и Павлик с трос-батареей на плечах, первый — впереди, второй — в десяти метрах позади, спускались по пологому склону дна на глубине около тысячи метров от поверхности океана.

Идти сейчас было совсем легко. Самая трудная часть пути осталась позади. Нагромождения скал, которые нужно было обходить, широкие расселины, куда нужно было осторожно спускаться, а потом подниматься, застывшие лавовые потоки, скользкие запутанные чащи морских лилий, гидроидных полипов — все это пришлось преодолеть на первых восьмистах метрах довольно крутого спуска. Сейчас перед друзьями расстилался ровный, чуть пологий склон с редкими закругленными возвышениями, не мешавшими ходьбе. Позади, как тонкая гибкая змея с белыми цветками на спине, легко скользила, чуть касаясь дна, черная трос-батарея.

Легкий дымок взмученного ила вился далеко

над нею, обозначая ее путь.

— Вот ты, Павлик, говоришь, что легко идти, — в серьезном тоне вернулся Марат к началу их разговора. — Легко-то легко, но ведь из-за такой малой пологости склона придется гораздо дальше тащить эту незаметную тяжесть. Мы уже сколько времени идем, а находимся всего лишь на тысячу метров ниже поверхности, и температура воды все еще выше пяти градусов.

— А далеко еще идти до двух с половиной градусов?

— Кто его знает! Может быть, здесь где-нибудь близко обрыв и сразу окажется большая глубина… А может быть, мы на всю длину трос-батареи так на одной этой глубине и будем идти и более низкой температуры не найдем.

— И придется возвращаться с трос-батареей на плечах?

— Ну, что ты, Павлик! Зачем же возвращаться? Трос-батарея будет вырабатывать ток и на этой глубине, но только температурный перепад между концами будет меньше и зарядка аккумуляторов будет происходить медленнее. А нам каждый лишний час стоянки у острова неприятен, а может быть, и опасен. Так говорил капитан.

Они шли некоторое время молча. Жужжание зуммера напоминало Марату о подводной лодке. Он сообщил лейтенанту Кравцову, что находится на глубине тысячи двухсот метров, что температура воды около пяти градусов, что все в порядке, и опять выключил подлодку.

Вскоре дно под ними пошло под уклон, и наконец оно стало так круто падать, что они уже с трудом могли удерживать шаг, чтобы не скатиться кубарем. Этот утомительный спуск кончился на глубине тысячи девятисот метров, и сразу же друзья очутились среди совершенно другой обстановки. Опять со всех сторон их окружали разбросанные повсюду скалы — то одинокие, то нагроможденные друг на друга, то голые, то покрытые густыми зарослями глубоководных лилий, губок, асцидий, горгоний, полипов. Среди скал и над ними часто мелькали разноцветные огоньки рыб, ожерелья и гирлянды светящихся точек.

— Ну что же, Павлик, — сказал Марат, взглянув на термометр, — вот мы и добрались куда надо: температура ровно два с половиной градуса выше нуля. Можно пустить в ход трос-батарею — и домой!

— Как раз вовремя, — ответил Павлик. — По

правде сказать, я здорово устал.

— Подожди, Павлик. Класть приемник прямо на грунт, в толстый слой ила, не годится. Пойдем немного дальше и поищем среди скал подходящий обломок. На него и положим приемник трос-батареи.

Удобный обломок — низкий и плоский — быстро нашелся у подножия огромной скалы, и на него осторожно спустили с плеч приемник трос-батареи.

— Фу! — вздохнул с облегчением Павлик. — Хоть и легко, а все-таки спина ноет и болит.

— Давай посидим немного, отдохнем и закусим, — предложил Марат: — у меня уже аппетит разыгрался.

Друзья опустились на обломок возле трос-батареи и, опираясь спиной на скалу позади, обводя лучом фонаря окружающую их дикую картину, молча посасывали горячее какао из термосов.

Заросли гидрополипов, темные и светящиеся тени, ползающие по дну и по мрачным скалам или мелькающие в черной пустоте над ними, — все показывало, что дно жило гораздо более интенсивной и кипучей жизнью, чем водные толщи непосредственно над ним.

— Ну, хватит, Павлик! Пора возвращаться,

— сказал Марат, медленно поднимаясь и, видимо, совсем неохотно расставаясь с уютным местечком.

Не успел он, однако, разогнуться и выпрямить спину, как скала, под которой они отдыхали и равновесие которой они, очевидно, нарушили, неожиданно обрушилась на них. Павлик и Марат едва успели отскочить в стороны, но приемник трос-батареи оказался под скалой. Отчаяние Марата было безмерно. Он не мог простить себе этой оплошности. Два часа он с помощью Павлика пытался, запустив винт на десять десятых, сдвинуть огромную скалу, но все было безуспешно. Больше нельзя было терять времени, и капитан направил им на помощь Скворешню. Лишь после его прибытия на место аварии удалось сбросить скалу с приемника трос-батареи и пустить его в ход.

Глава XI
Решительный бой

Со вздутыми заспинными мешками все трое медленно поднимались прямо по вертикали к поверхности океана.

— А ведь нам, хлопцы, пожалуй, время поворачивать на горизонталь и прямо на ост, к

подлодке, — сказал Скворешня, взглянув на глубомер. — Глубина — сто пятьдесят метров, как раз на уровне подводного дока. А ну, право на борт!.. Стоп! — закричал он вдруг, прерывая маневр и показывая рукой на запад, вверх и вправо от себя. — Это что еще такое?

Метрах в десяти над ними и в пятидесяти метрах вправо, на северо-запад, в сине-зеленых сумерках вод медленно скользила огромная черная тень. На ее спине можно было заметить какие-то большие цилиндрические наросты с короткими вертикальными стволами. Тень двигалась как будто без усилий — прямая, жесткая, закругленная с заднего конца и заостренная спереди, как нос корабля.

— А вот к зюйду еще одна! Вон, вон, тоже в пятидесяти метрах! — удивленно сказал Павлик, показывая влево от первой тени. — Что бы это могло быть?

— Да, да, вижу, — подтвердил Марат.

— Подлодки!.. — взволнованно крикнул вдруг Скворешня. — Будь я проклят, если это не подлодки!

— О чем вы говорите, товарищ Скворешня? — послышался голос старшего лейтенанта. — Какие подлодки?

— Ничего не понимаю, товарищ старший лейтенант! — ответил Скворешня.

— Две подлодки на траверсе пещеры. Направляются на самом малом ходу к острову… Соблюдают интервал сто метров… Плывем на зюйд, чтобы осмотреть получше…

— Сообщайте, что увидите! — приказал старший лейтенант. — Даю сигнал тревоги!.. Включаю все готовые ультразвуковые прожекторы!

Скворешня запустил винт и на трех десятых устремился влево, впереди и вдоль фронта неизвестных подлодок. Марат и Павлик последовали за ним.

Пройдя метров сто дальше от второй подлодки, Скворешня донес:

— Товарищ старший лейтенант! Третья к зюйду! Интервал сто двадцать пять метров!.. Идут строем фронта…

— Слышу, третья к зюйду, — ответил старший лейтенант. — На экране видны шесть силуэтов. Носовой прожектор номер сто тридцать восемь еще не работает. В его секторе, между пятым и шестым силуэтом, большой перерыв. Имейте в виду: верхний угловой сто сорок второй сейчас корректирует лейтенант Кравцов. Продолжайте осматривать фронт!

— Есть осматривать фронт! Вижу четвертую к зюйду… Интервал сто пятьдесят метров… Продолжаю тихо идти к острову. Идем дальше на зюйд… Триста метров… пятьсот метров… Больше подлодок не обнаружено… Товарищ старший лейтенант!

— Слушаю.

— Мы заметили четыре подлодки к зюйду от первой… Видите ли вы нас?

— Вижу.

— На каком мы расстоянии от пещеры?

— Пятнадцать километров.

— Разрешите подняться над подлодками и осмотреть к норду от первой.

— В этом направлении работают все ультразвуковые прожекторы. Там идут еще три подлодки с теми же интервалами. На поверхности видны силуэты трех кораблей. По-видимому, эсминцы.

— Говорит капитан «Пионера». Товарищ Скворешня, поднимитесь все втроем над подлодками, следуйте за ними и наблюдайте…

Голос старшего лейтенанта прервал капитана:

— Товарищ капитан, профессор Лордкипанидзе сообщает, что лейтенант Кравцов исчез из сектора сто сорок два и на вызовы не отвечает. Один раз донеслось что-то неразборчивое — и все.

Под шлемами прозвучал голос капитана:

— Включить все действующие ультразвуковые прожекторы! Не видно? Может быть, он в пятне сектора восемьдесят восемь?

Старший лейтенант тотчас же взволнованно крикнул:

— Вот он! Из этого пятна вырвался! Опять исчез в нем! Он не один! Он не один, Николай Борисович! Он с кем-то схватился!

— Видел! — ответил встревоженный голос капитана.

— Опять! Опять появились в секторе восемьдесят девять! — продолжал старший лейтенант. — Опять скрылись в секторе восемьдесят восемь! Лейтенант борется с кем-то! С кем?

— Товарищ Скворешня! — резко прозвучала команда капитана.

— Есть, товарищ командир!

— Прекратить наблюдение за подлодками! Немедленно, на десяти десятых, спешите на помощь лейтенанту Кравцову! Расстояние от пещеры — двадцать километров. Глубина — семьдесят метров. Направление — вест-норд-вест. На лейтенанта произведено нападение! Скорее! Скорее! Следуйте нашим указаниям в пути!

— Есть на помощь лейтенанту! — взволнован-

но рявкнул Скворешня и, запуская на полный ход свой винт, отдал команду: — Гасить фонари! Марат, ко мне, догоняй! Павлик, держись от нас на дистанции в пятьдесят метров! В драку не суйся!..

В густых темно-зеленых сумерках вод три тени с головокружительной быстротой понеслись на вест-норд-вест…

* * *

Лейтенант Кравцов готовился сдать вахту старшему лейтенанту. Капитан в дальнем углу центрального поста управления слушал зоолога.

— Нельзя ли, Николай Борисович, — говорил ученый, — кого-нибудь отрядить для корректирования верхнего углового прожектора сто сорок два? Марата нет. Павлик с ним ушел. А из наших радистов посылать кого-нибудь просто жалко: работы уйма, торопимся страшно. Даже носовой прожектор восемьдесят восемь еще не готов — что-то не ладится с ним… Дайте кого-нибудь! А? Всего минут на двадцать-тридцать. Пустяковое дело… А?

Зоолог умоляюще смотрел на капитана. Он пришел в центральный пост прямо с работы, руки у него были черны, борода далеко не в порядке, но

ему, по-видимому, было совсем не до туалета.

Капитан пожал плечами:

— Кого же вам дать, Арсен Давидович? И без того три человека вышли из строя. И среди них такие работники, как Скворешня и Марат. Ни одна бригада не даст из своего состава. А власть применять не хочется.

— Ну что же нам делать?! — воскликнул зоолог. — Хоть самому отправляйся!

Лейтенант уже сдал вахту и направлялся к выходу, но при последних словах ученого он вдруг остановился, мгновенно постоял в нерешительности и повернулся к капитану.

— Товарищ командир! — тихо обратился он к нему, не поднимая глаз, как всегда теперь в разговоре с капитаном. — Товарищ командир! Если разрешите... Может быть, я мог бы помочь бригаде Арсена Давидовича?

Капитан и зоолог быстро посмотрели на лейтенанта: первый — нерешительно, с сомнением, второй — с внезапно загоревшейся радостной надеждой.

— Не знаю, товарищ лейтенант, — с обычной в последнее время сдержанностью в обращении с ним сказал капитан. — Достаточно ли вы оправились, чтобы можно было позволить вам выйти

из подлодки?

— Я чувствую себя вполне здоровым, товарищ командир, — поспешно ответил лейтенант.

Капитан неопределенно покачал головой и, улыбнувшись, обратился к зоологу:

— Что скажет врач? Только, пожалуйста, без личной заинтересованности.

— Да нет же, Николай Борисович! — с обидой в голосе, но с сияющим лицом воскликнул зоолог. — Никаких медицинских противопоказаний нет. Это будет всего лишь простая подводная прогулка. Она будет даже полезна лейтенанту!

— Ну что же! Тогда я не возражаю… Александр Леонидович, оформите пропуск лейтенанту.

— Спасибо, товарищ командир! — с легкой краской на лице поблагодарил лейтенант капитана.

Через десять минут, получив инструкцию зоолога, лейтенант, одетый в скафандр, вышел из подлодки и, запустив винт, быстро направился на северо-северо-запад, в тот сектор океана, против пещеры, который захватывал ультразвуковой прожектор 142. Перед сдачей этого прожектора из ремонта зоолог должен был настроить его на наибольшую ясность и дальность, проверить способность отражения его лучей от движущихся объектов и проделать ряд других опытов.

Лейтенант на шести десятых хода плыл на глубине семидесяти метров. Было довольно светло, и фонаря своего он не зажигал. Настроение у лейтенанта было приподнятое, почти радостное: капитан с ним сегодня разговаривал немного более тепло, чем обычно, он улыбнулся в разговоре и даже доверил ему новую работу… Какой он прекрасный человек, капитан! И славный Арсен Давидович! Как им обоим был благодарен сейчас лейтенант! Нет, он, конечно, не забывает своей вины… своего преступления…

Лейтенант тяжело вздохнул. Но все же как он благодарен, что они не презирают его, не дают ему чувствовать тяжесть его вины, продолжают относиться к нему по-товарищески!

Волнение стиснуло горло лейтенанта, он с усилием проглотил слюну… Конечно, он ответит, он готов полностью ответить перед Родиной за свой проступок… нет, не за проступок, а за преступление… тяжкое преступление… Но никто не попрекает его этим преступлением, все отлично понимают, как ему тяжело, как он раскаивается в своем легкомыслии, беспечности, и все стараются в его присутствии даже не упоминать имени Горелова…

И, как всегда после несчастья с подлодкой, при

одном лишь воспоминании об этом человеке у лейтенанта перехватило дыхание и сжались кулаки. О, этот ненавистный человек!..

— Правее, правее, Юрий Павлович! — послышался вдруг под шлемом голос зоолога, — На два метра выше! Кончается двадцатый километр… Стоп! Ну, вот. Теперь десять метров дальше… Так… Десять метров вправо… Столько же влево… вкось кверху… Зажгите фонарь… Погасите… Выключаю все соседние прожекторы, чтобы не искажали работу сто сорок второго… Повторим маневры… Стоп!.. Повисите минутку неподвижно… Я подыму немного напряжение…

Лейтенант остановил винт и, отрегулировав воздушный заспинный мешок, повис на месте, глядя бездумно в светло-зеленые сумерки перед собой. Вдали и вблизи проносились, как тени, то смутные, то четкие силуэты рыб, медуз, моллюсков.

Неожиданно почти на границе видимости, показалась сверху странная тень — длинная, прямая, суживающаяся сзади, но без характерных для плавающих рыб изгибов тела. Впереди тени — ровное, немигающее светлое пятно, из пятна — прямой световой луч.

Сердце лейтенанта тревожно забилось:

«Что бы это могло быть? Акула? Огромный тунец?... Нет, это не рыба».

Тень быстро приближалась — наискось и вниз.

«Зажечь фонарь?... Нет, не надо, лучше подождать...»

Темный силуэт скользнул на расстоянии сорока метров от лейтенанта и быстро вошел в глубину.

«Человек! — чуть не крикнул лейтенант. — Это человек в скафандре! В огромном скафандре, нулевой номер... Кто это может быть? Скворешня? Но Скворешня на дне с Маратом... Кто же? Плывет правильно... Ноги вытянуты и сомкнуты... Руки прижаты к бедрам... Кто-то из наших...»

И вдруг все завертелось перед глазами лейтенанта. Кровь ударила в голову, затуманила мозг. С помутившимся сознанием, не думая, лейтенант запустил винт на десять десятых и ринулся вперед и вниз, за загадочной тенью.

— Юрий Павлович! — раздался удивленный голос зоолога. — Куда же вы девались с экрана? Юрий Павлович! Да отвечайте же! Юрий Павлович! Юрий Павлович! Что за черт! Телефон испортился, что ли? — недоумевающе бормотал ученый. — С чего бы вдруг?...

Лейтенант слышал эти призывы как будто сквозь вату: они не доходили до его сознания. Все

его существо сосредоточилось теперь на одном лишь светящемся пятне, которое быстро приближалось, делалось все ярче и светлее: человек впереди плыл лишь на четырех десятых хода.

Еще мгновение — и палец лейтенанта нажал кнопку на щитке управления. Яркий луч ударил в шлем человека и осветил черты его лица.

Лейтенант издал хриплый крик — крик ярости, смешанной со смертельной ненавистью:

— Горелов!!!

Ослепленный светом фонаря, человек инстинктивно поднял руки к глазам. И в тот же момент с полного хода, словно пушечный снаряд, на него налетел лейтенант и сзади схватил его руки выше локтей.

На одно лишь мгновение Горелов повернул к нему лицо, искаженное ужасом. В следующее же мгновение он согнул сзади сомкнутые ноги и с чудовищной силой ударил ими лейтенанта в живот. Защищенный скафандром, лейтенант не почувствовал боли, но одна его рука сорвалась с руки Горелова, хотя другая продолжала крепко держать его. Противники очутились лицом к лицу.

Молча, не спуская глаз друг с друга, они беспорядочно носились с продолжавшими работать

винтами.

Ужас на лице Горелова сменился пренебрежительной улыбкой: он узнал врага, и тот, очевидно, показался ему нисколько не опасным.

Лейтенант хрипло дышал, волосы его слиплись от пота, падали на глаза; слабость — результат ранения — возвращалась и туманила мозг. Едва пробивались в сознание взволнованные голоса капитана и старшего лейтенанта, искавших его, и приказ, отданный капитаном Скворешне.

«Что делать? Как взять его? Винт… Остановить его винт!» — решил Кравцов.

Сомкнув ноги и ступнями повернув на них рули, он бросился грудью на грудь Горелова и успел нажать кнопку от его щитка управления. Щиток открылся, крышка его отвалилась и повисла. Но тотчас же, прежде чем лейтенант успел дотронуться до знакомого рычажка, управлявшего винтом Горелова, рука Горелова перехватила руку лейтенанта, отбросила ее далеко в сторону, вернулась к щитку и поднялась над лейтенантом.

В руке Горелова сверкнула, освещенная лучами фонарей, медная игла на длинном тонком проводе…

«Смерть!» — мелькнуло в голове лейтенанта.

Не отпуская Горелова, лейтенант круто повернул рули. Винт вынес его из-под руки врага, и, описав полукруг, лейтенант очутился за спиной Горелова. Но едва лишь он успел облегченно вздохнуть и выхватить из своего щитка управления иглу, как Горелов повернулся за ним, рванул и освободил руку из ослабевших пальцев лейтенанта.

Словно сквозь туман, лейтенант увидел блеск короткой желтой молнии, упавшей на грудь, и сейчас же, не успев даже вскрикнуть, он почувствовал, что его тело прожег словно огненный нож.

Струя воды под давлением в несколько десятков тонн ворвалась сквозь раскрывшийся шов в скафандр и в один миг насквозь пробила грудь лейтенанта…

Тело лейтенанта медленно перевернулось головой вниз и с ярко горящим фонарем, швыряемое винтом из стороны в сторону, стало погружаться в черные глубины.

Вложив иглу в щиток, Горелов еще смотрел вслед расплывающейся в темноте тени своего противника, когда два громовых удара обрушились на него.

Два ярких луча пронизали его шлем, и обе руки оказались схваченными металлическими клещами. Опять испуг, а затем и ужас исказили лицо Горелова, когда он бросил взгляд направо и налево от себя.

И вновь раздался крик изумления и ярости:

— Горелов!!!

Этот крик явственно донесся теперь из неосвещенного сектора восемьдесят восемь в центральный пост управления подлодки. И сейчас же, после короткого молчания, Скворешня и Марат услышали резкую, отрывистую команду капитана:

— Взять его и доставить на подлодку!

— Есть взять и доставить на подлодку! — глухо, сквозь стиснутые зубы ответил Скворешня.

В то же мгновение Горелов рванулся всем корпусом влево, навалившись плечом на Скворешню, и ударом ноги далеко отбросил Марата в сторону. Его правая рука, словно освободившись из паутины, взлетела вверх, и огромный металлический кулак, как молот, обрушился на шлем Скворешни против его лица. Голова Скворешни качнулась в шлеме вперед, ударилась лбом о прозрачный металл, и все завертелось перед глазами гиганта. Рука, однако, продолжала держать руку Горелова, как в тисках. Но одновременно с ударом Горелов, подталкиваемый своим работающим винтом, перевалился вверх ногами через плечо Скворешни и вывернул ему руку назад. От невыносимой боли Скворешня зарычал и со стоном выпустил руку Горелова. Ловкость, казалось, одолела силу…

Едва почувствовав свободу, Горелов сомкнул ноги, выровнял руль и устремился вверх. Это его погубило. Со стиснутым от ужаса сердцем, ничего не сознавая, но чувствуя лишь, что ненавистный враг ускользает, Павлик ринулся вперед. И, прежде чем Горелов мог что-либо сообразить, мальчик крепко уселся у него на плечах, продев назад ноги

под его руками, и дал задний ход своему винту. Винт Горелова был сразу парализован, а в следующий момент преодолен более мощным ходом: Горелов вместе с Павликом устремился вниз.

Огромные, страшные, как клещи, руки Горелова поднялись, чтобы схватить ноги Павлика и сбросить его с себя, как пушинку. Но на полпути эти руки были вновь перехвачены Скворешней и Маратом, и вновь тем же маневром Марат был отброшен в сторону и завертелся, как в водовороте, от удара ногой и под действием собственного винта. И вновь взвилась страшная правая рука, но навстречу ей взлетела кверху мощная, как ствол молодого дерева, левая рука Скворешни, чтобы перехватить ее. И опять Горелов перехитрил Скворешню: рука гиганта встретила свободное пространство — рука Горелова скользнула под рукой противника к своему щитку управления. В следующее мгновение она вновь появилась в ярком свете трех скрещивающихся лучей. Зажатая в кулаке, блеснула длинная медная игла на тонком шнуре и, как молния, устремилась, не встречая препятствий, к шву на открытой, незащищенной груди Скворешни…

Раздался пронзительный, полный ужаса крик Павлика:

— Игла!..

Это был первый звук человеческого голоса, вырвавшийся за всю эту полуминутную ужасную борьбу…

Нога Павлика вырвалась из-под плеча Горелова и с силой, которой трудно было ожидать, ударила по руке, и рука отлетела, прежде чем игла успела коснуться шва. Но обратно нога уже не вернулась: одним движением плеча Горелов сбросил с себя потерявшего равновесие мальчика, и тот кубарем, увлекаемый своим винтом, ринулся глубоко вниз, где столкнулся с еще не пришедшим в себя Маратом. Близко, совсем близко возле них, тихо колеблемое струями взволнованной воды, покачивалось закованное в скафандр тело лейтенанта.

— Насмерть, гадюка?! — взревел в неописуемой ярости Скворешня.

Рука Горелова не успела еще вернуться в прежнюю позицию, как в кулаке Скворешни сверкнула такая же игла.

На одно лишь мгновение два грозных противника застыли друг перед другом, один на один, лицом к лицу, как бы высматривая у врага его слабое место.

Глаза Горелова горели бешенством, лицо было

восково-бледным, тонкие длинные губы посинели и искривились, словно в странной улыбке, обнажая большие зубы. Он был похож в эту минуту на матерого затравленного волка, решившего дорого и не ожидая пощады продать свою жизнь.

Огромное, круглое, такое всегда добродушное лицо Скворешни как будто сразу осунулось, похудело. Его черты словно окаменели в суровой мужественности, маленькие серые глаза сделались еще меньше и уверенно, спокойно сверлили противника. Казалось, что в последнем крике Скворешни вылилась вся его бешеная ярость и уступила место несгибаемой воле и холодному рассудку: в смертном бою с таким противником можно пустить в ход все средства.

Левая рука Горелова оставалась безнадежно парализованной в правой руке Скворешни, но зато он мог маневрировать свободной правой против левой руки противника, и он считал это своим явным преимуществом.

Прошло лишь одно мгновение, и вдруг грохнули, словно щиты древних рыцарей, металлические локти свободных рук, отражая смертельный выпад иглы. Правая рука Горелова натолкнулась на непреодолимое препятствие, и в тот же миг

левая рука Скворешни распрямилась, как лук, и игла воткнулась в незащищенную грудь Горелова. Прикрыть грудь было уже поздно, и Горелов лишь повернулся слегка боком — игла скользнула по его кирасе, минуя роковой шов.

И опять со звоном столкнулись локти, и вновь правая рука Горелова отлетела, как щепка, от левой руки Скворешни. Горелов, казалось, побледнел еще более: преимущество, на которое он, очевидно, так рассчитывал, растаяло, как дым, перед чудовищной силой Скворешни. Страх сжал сердце Горелова словно в предчувствии неотвратимого…

Маленькие серые глаза холодно и уверенно сверлили черные пылающие глаза противника и не пропустили трепещущую тень страха, мелькнувшую в них.

В третий раз столкнулись локти, и рука Горелова отлетела, словно уже заранее готовая к этому, но в глазах его скользнуло что-то неуловимое, словно надежда. Холодные, маленькие, превратившиеся в щелки глаза заметили и это. И, вместо того чтобы вернуться в прежнее положение, рука Скворешни неожиданно обрушилась градом неудержимых преследующих ударов на отброшенную руку Горелова. Она не давала ей найти

себе место, загоняя все дальше и дальше назад. Словно прикованный цепью к правой руке Скворешни, Горелов извивался, его свободная рука не находила уже простора, чтобы развернуться. И вдруг рука Скворешни переменила направление, и, прежде чем Горелов понял это, она взвилась над его головой и громовым, сокрушительным ударом, повторяя его же маневр, обрушилась на шлем против лица Горелова. Голова метнулась в шлеме, словно у игрушечного паяца, и в тот же миг кулак Скворешни ударил по туго натянутому проводу вражеской иглы и оборвал его.

Враг был обезоружен. Обе его руки, словно схваченные стальными клещами, были в руках Скворешни. Работавший на десяти десятых винт Скворешни, превозмогая четыре десятых хода Горелова, увлекал теперь их обоих в глубины.

Борьба длилась всего минуту или две. Она уже кончилась, когда показались шлемы с бледными, растерянным лицами Павлика и Марата. Держа за металлические руки безжизненное тело лейтенанта, они молча переводили глаза с багрового лица Скворешни на Горелова, продолжавшего с пеной на синих губах метаться и биться.

— Павлик, — прохрипел Скворешня, — держи лейтенанта… Марат, связать предателя моим

тросом…

Марат быстро размотал перекинутый через плечо Скворешни моток троса, и через минуту первая петля схватила одну ногу отчаянно отбивавшегося Горелова. Через несколько секунд к этой ноге была притянута и вторая…

Марат кончил уже вязать руки Горелова, когда из темноты неожиданно вынырнули одна за другой две тени с ярко горящими фонарями. Это были Крутицкий и Матвеев, высланные капитаном на помощь Скворешне. По знаку Скворешни они взяли Горелова за витки троса на его плечах.

— Павлик, — тяжело дыша, проговорил Скворешня, — передай Матвееву лейтенанта…

С того момента, когда вместе с Маратом Павлик перехватил тело лейтенанта, его непрерывно сотрясал мелкий, лихорадочный озноб страха. Павлик не мог себя заставить посмотреть еще раз на спокойное, бледное, словно уснувшее лицо лейтенанта. Неповинующимися ступнями, почти бессознательно, он переложил рули, подвел покорное его усилиям тело лейтенанта к Матвееву и передал ему руку убитого. И так же бессознательно, без кровинки в лице, с глазами, полными непроходящего ужаса, он подплыл к огромной, мощной фигуре Скворешни и почти вплотную

прижался к ней.

Скворешня глубоко вздохнул, посмотрел на окружающих, потом прерывисто и хрипло сказал:

— Товарищ командир! Враг схвачен. Отправляю его на подлодку.

Прошло с минуту, пока донесся подчеркнуто спокойный голос капитана:

— Мы видели всё. Вы мужественно исполнили свой долг, товарищ Скворешня. Благодарю вас! Изменник Родины, диверсант, взорвавший нашу подлодку, предатель, убежавший к заклятым врагам нашего социалистического отечества, понесет заслуженную кару! Пусть Матвеев и Крутицкий на глубине трехсот метров приведут его и тело погибшего на подлодку. Вам, Марату и Павлику — пройти над подозрительными подлодками в секторе восемьдесят восемь, а затем возвращайтесь к «Пионеру». Ему, вероятно, придется скоро вступить в бой.

* * *

Три друга молча, с зажженными фонарями плыли на восток на шести десятых хода, догоняя скрывшийся в том направлении фронт подлодок.

Через несколько минут они увидели вражеские суда, тихо, словно подкрадываясь, приближавшиеся к острову. До острова оставалось уже не больше восьми километров.

Первым прервал молчание Скворешня:

— Я убежден, что Горелов не первый раз спускался сейчас в воду около острова. Никто не мог бы с такой точностью разведать местонахождение «Пионера» и его убежища. Это мог сделать только он и только в таком скафандре, как наш... Смотрите, как уверенно, соблюдая строй, идут подлодки прямо к пещере, как раз на ее уровне.

Они проносились уже над строем подлодок. За время борьбы подлодки сблизились, и интервалы между центральными судами сократились до пятидесяти метров.

— Довести ход до одной сотой, — распорядился Скворешня.

Все трое сразу почти остановились на месте и повисли над подлодками. Скворешня продолжал:

— Слухайте, хлопцы! А что, если устроить этим явно враждебным подлодкам маленькую ответную диверсию? Вы видите, как они сжимают строй в дугу? Спрошу капитана!.. Товарищ командир!..

— Слушаю, товарищ Скворешня.

— Не разрешите ли вы нам, прежде чем враг нападет на нас, попытаться вывести из строя три его подлодки?

— Каким образом?

— У меня с собой три гранаты и остатки манильского троса. Подлодки идут самым малым ходом, почти не вращая винтов. Мы бы подвесили к винтам по гранате… Винты намотают на себя тросы, а потом своими лопастями они ударят по гранатам…

— Остроумная идея, товарищ Скворешня! — после короткого молчания ответил капитан. — Но я не хочу первым начинать враждебные действия. Пусть это делают они. Возвращайтесь!

— Есть возвращаться! На двух десятых вперед! — скомандовал Скворешня Марату и Павлику.

Они медленно, словно нехотя, вынеслись вперед, опустившись к подлодкам, чтобы еще раз внимательно осмотреть их, и затем поплыли к острову.

Отойдя километра на два от вражеских судов, Павлик повернул к Скворешне голову, желая что-то сказать ему. Краем глаза он вдруг увидел сзади какие-то длинные черные сигарообразные тени, стремительно догонявшие их.

— Акулы за нами! — крикнул Павлик и повернул луч фонаря назад.

То же самое быстро сделали Скворешня и Марат. Странные тела настигали их. Но они не были похожи ни на акул, ни на какие другие существа из обитателей вод. На их круглых, металлически мерцавших головах без пастей отсвечивало синеватым блеском по четыре больших плоских глаза. Стройные закругленные тела их суживались назад, где с неуловимой для глаз быстротой вращались какие-то необыкновенные хвосты… Их число все увеличивалось, все новые и новые тени выносились из темноты позади.

— Вниз! — скомандовал Скворешня.

Все трое мгновенно выполнили приказ и, переложив рули, изогнувшись в дугу, стремительно юркнули в глубины.

Из всё увеличивавшейся стаи отделилось несколько этих странных тел и, наклонив головы, последовало за ними; остальные, мелькнув на концах лучей, пронеслись дальше по прямой.

— Вверх! — торопливо прозвучала новая команда Скворешни.

Почти немедленно преследователи также изменили курс, все больше приближаясь к друзьям…

— Магнитные торпеды! — воскликнул по-

раженный Скворешня и скомандовал: — Три десятых вперед! На прямой!

Торпеды неслись теперь за ними, не отставая, но и не приближаясь, держась позади их на расстоянии тридцати метров.

— Товарищ командир, стая магнитных торпед пронеслась прямо к пещере! Шесть штук преследуют нас!

— Видим на экране!

— Разрешите пойти назад, чтобы не притащить с собой хвост из торпед!

— Разрешаю!

— Боевые действия можно считать начатыми?

— Да… Начаты неприятелем!

— Спасибо, товарищ командир! А ну, хлопцы, поворот по горизонтали на сто восемьдесят градусов!

Широко развернувшись на повороте, все понеслись назад по-прежнему на трех десятых хода. Торпеды автоматически, а на взгляд усмехавшегося Скворешни даже покорно, повторили маневр.

— Разделиться! — продолжал командовать Скворешня. — Направо и налево от меня! Держать интервал в пятьдесят метров!

Стайка торпед также разъединилась. За Скво-

решней оказалось три торпеды, за Маратом — две, за Павликом — одна.

В темных сумерках вод впереди показался строй подлодок. Преследующие торпеды внезапно ускорили ход, настигая Скворешню, Марата и Павлика. Огромные тени подлодок быстро вырастали впереди, прояснялись, грозя столкновением.

— Почувствовали! — торжествующе вскричал Скворешня. — Каждый к подлодке против себя! Десять десятых вперед! Под киль подлодки!

Люди стрелой понеслись к кораблям. Уже пролетая под ними, Скворешня оглянулся и успел заметить, как все преследовавшие их торпеды, все более ускоряя ход, внезапно подняли вверх свои смертоносные головы и устремились к подлодкам… Притяжение огромных металлических масс кораблей пересилило притяжение скафандров!

Едва лишь Скворешня и его товарищи успели проскочить метров на сто за подлодки, как шесть необычайной силы взрывов, один за другим, потрясли окружающие воды. Сейчас же за взрывами сверкнули три огромных столба пламени, невидимые мощные струи далеко расшвыряли людей в разные стороны, и все сразу затихло…

— Товарищ командир! Три подлодки врага уничтожены его же торпедами! — понеслось донесение Скворешни в центральный пост «Пионера».

— Я видел! Поздравляю с успехом!

— Разрешите повторить операцию? Ответ последовал не сразу.

— Враг приведен в замешательство, — послышался наконец голос капитана. — Он собирается отступать. Носовая пушка вступила в бой. Возвращайтесь в пещеру на глубине трехсот метров.

— Есть возвращаться в пещеру на глубине трехсот метров!

* * *

Из выходной камеры «Пионера» Скворешня, Марат и Павлик немедленно направились в центральный пост управления подлодки. Команда в отсеках, через которые они проходили, молча, не отрываясь от наблюдения за своими аппаратами и механизмами, приветствовала их поднятыми вверх руками. Вся команда уже знала о приключениях этой тройки.

Проходя по верхнему коридору, они еще издали увидели водолаза Крутицкого, неподвижно стоявшего у дверей каюты лейтенанта Кравцо-

ва. Крутицкий был в полной боевой форме: с винтовкой у ноги, с кортиком на левом и ультразвуковым пистолетом на правом боку. Его лицо было каменно-сурово, он холодно, словно не узнавая, смотрел на приближающихся Скворешню, Марата и Павлика. С какой-то особой и неожиданной повелительностью, свойственной одним лишь военным, стоящим на боевом караульном посту, он приказал:

— Держаться противоположной стены!

И трое друзей, прижимаясь к стене, осторожно и молча обошли дверь, не сводя с нее пристальных глаз, словно видя сквозь нее жалкую и ненавистную фигуру предателя и убийцы.

В центральном посту капитан выслушал краткий рапорт Скворешни.

Затем капитан с нескрываемым волнением крепко пожал руку Скворешне:

— Поздравляю вас! Родина не забудет ваших славных боевых заслуг!

Капитан пожал руку и Марату:

— Спасибо, товарищ Бронштейн, за ток! Он дал нам возможность встретить врага во всеоружии и уничтожить его!

И, обратившись к Павлику, стоявшему навытяжку, как заправский советский моряк, то

бледневшему, то красневшему от волнения, капитан с улыбкой, от которой Павлику захотелось вдруг пройтись на руках по палубе центрального поста, сказал:

— Спасибо за все, товарищ Буняк! Вы вели себя геройски! Весь советский флот и вся наша Родина скоро узнают об этом!.. Вольно, товарищи! — весело скомандовал капитан. Тихо смеясь, он схватил мальчика за плечи, привлек его к себе, обнял и расцеловал: — Павлик! Милый мой мальчик! Ты будешь достойным сыном нашей Родины и славным ее моряком, если захочешь!

— Хочу! Хочу, товарищ командир! — звенящим от восторга голосом закричал Павлик. — Я буду советским моряком! Я хочу быть подводником! Я буду служить с вами и учиться у вас, товарищ командир!

Взволнованные этим страстным порывом мальчика, все на минуту застыли в молчании. Наконец капитан, положив руку на плечо Павлика, сказал:

— Ты будешь, Павлик, кем захочешь! И всегда ты будешь достоин нашей великой Родины!.. По местам, товарищи! Могу сообщить вам напоследок: враг обращен в бегство. Уничтожены шесть его подлодок, все выпущенные ими торпеды и

один эсминец на поверхности! Остальным удалось скрыться. Завтра «Пионер» отправляется к родным берегам!

Глава XII
«Человек за бортом!»

Из центрального поста Скворешня, Марат и Павлик быстро направились по коридору в столовую. Радостно взволнованные, они лишь теперь почувствовали безмерную усталость и острый голод.

Но, едва миновав два прохода в водонепроницаемых переборках коридора, они услышали впереди себя приглушенный грохот тяжелых шагов, бряцание винтовок, щелканье затворов, стук раздвигающихся дверей, глухие отрывистые слова команды. Сейчас же за этими необычными звуками из ближайшего отсека коридора показалась фигура комиссара Семина.

Высоко подняв свою седую голову, он строго смотрел вперед и, заметив Скворешню, Марата и Павлика, резко скомандовал:

— В сторону!

Едва они успели прижаться к стене, как за комиссаром показался Крутицкий, за ним знакомая

до отвращения фигура Горелова, наконец — замыкающий шествие Матвеев.

Горелов шел, низко опустив голову, желтый, с черными кругами вокруг запавших глаз. Казалось, он стал ниже ростом; его бритая, с оттопыренными ушами голова словно ушла в плечи. Он шел, не глядя по сторонам, и, лишь поравнявшись с Павликом, мельком поднял глаза на побледневшее сразу лицо мальчика. Жалкая, растерянная, как будто заискивающая улыбка вдруг пробежала по лицу Горелова и сейчас же исчезла.

Процессия быстро скрылась за следующей переборкой коридора, потом послышались ее гулкие шаги по винтовой лестнице, которая вела наверх, в отделение складских помещений.

Молча, словно прилипнув к стене, три друга проводили взорами это необычное шествие. Наконец, облегченно вздохнув, они посмотрели друг на друга.

— Переводят гада из общего коридора в изолятор, — с гримасой отвращения сказал Скворешня, тронувшись дальше. — Чтоб воздух тут не портил... И хорошо делают. Я бы этой гадине при следующей же встрече просто шею свернул!

— Ну, брось, Андрей Васильевич! — ответил

Марат, едва поспевая за Скворешней, размашисто шагавшим впереди. — Не разводи демагогию. Дисциплину забываешь.

— Ах, спасибо, научил! Только тебя и ждал, чтобы вспомнить про дисциплину.

Пройти в столовую можно было только через красный уголок. Едва ступив в него через широко раскрытые двери, Скворешня, а за ним Марат и Павлик сразу остановились, потрясенные неожиданно открывшейся картиной.

Завернутое в белоснежную простыню, на большом столе, покрытом красным сукном, лежало тело лейтенанта Кравцова. С груди лейтенанта по обе стороны стола спускался до полу боевой флаг Военно-Морского Флота СССР. Голова лейтенанта покоилась на подушке; лицо его под мягким светом, струившимся с потолка, бледное, с желтизной, застыло в суровом спокойствии.

У изголовья в боевом снаряжении, с винтовками к ноге, стояли в карауле Ромейко и Крамер.

Зоолог с грустным лицом и красными глазами оправлял флаг на лейтенанте. Заметив вошедших, он тихо подошел к ним и, вздыхая, пожал каждому руку.

— Поздравляю вас, друзья мои, с победой, — шепотом проговорил он. — Но как жаль погибшего!

— Мы спешили к нему изо всех сил, — так же тихо ответил Скворешня. — Коли б вин ще одну хвылыночку продержался!

— Не могу простить себе! — взволнованно продолжал зоолог. — Зачем я выпустил его, слабого, еще не совсем оправившегося? Зачем я это сделал?

— Его и здорового смял бы в два счета Горелов, — возразил Скворешня. — Силен, бугай! Ошибку допустил бедняга лейтенант. Бросился, наверно, очертя голову, хотел задержать... а ему нужно было только следить за ним и вызвать подмогу с подлодки. Эх, згинув, бидолага, ни за понюшку табаку!

Со стиснутым сердцем слушал этот печальный разговор Павлик. Подступавшие слезы обжигали веки.

Помолчав и еще раз тяжело вздохнув, зоолог сказал:

— Капитан назначил похороны через два часа... Молча, понурив головы, лишь изредка перебрасываясь короткими незначительными фразами, друзья отправились в столовую обедать.

Когда Скворешня, Марат и Павлик возвратились в красный уголок, караул уже сменился, и у тела лейтенанта, помещенного в быстро сделан-

ный гроб, стояли Крутицкий и Матвеев. Там же они застали почти всех научных работников и команду подлодки.

Вскоре появился капитан, одетый в полную форму, с двумя орденами на груди. Капитана сопровождали комиссар Семин, главный акустик Чижов, главный электрик Корнеев и начальник научной части профессор Лордкипанидзе. Старший лейтенант Богров оставался на вахте в центральном посту управления.

Открыв траурный митинг, капитан произнес краткую речь над гробом погибшего. Он сказал между прочим, что лейтенант допустил в результате беспечности серьезный проступок, выпустив изменника Горелова из подлодки за несколько минут до подготовленного последним взрыва. За это он должен был бы понести суровую кару, но своей мужественной борьбой с предателем при попытке его задержать он во многом искупил свою тяжкую вину перед Родиной. Еще слабый после перенесенного ранения, он погиб славной смертью героя. И Родина и все его боевые товарищи прощают ему проступок, допущенный им по молодости и отсутствию выдержки. Задача, поставленная перед подлодкой партией и правительством, будет выполнена. Порукой этому

являются безграничный энтузиазм и решимость, с которыми вся команда и все научные работники не покладая рук, не разгибая спины работают сейчас над восстановлением подлодки и ее боеспособности. Результаты этой работы только что успел почувствовать враг. Он будет чувствовать их и впредь, когда только пожелает…

Капитан приблизился к гробу, пристально, с глубокой печалью посмотрел на открытое, спокойное и примиренное лицо лейтенанта, наклонился к нему и поцеловал его в последний раз.

Через час небольшой холмик высился над могилой, высеченной в дальнем углу подводной пещеры, в твердом базальте ее дна.

* * *

Сейчас же после окончания печальной церемонии, в двадцать часов, команда вернулась к прерванным работам.

Дюзовое кольцо, приваренное к корпусу, уже прочно стояло на месте; вода из камеры газопроводных труб была удалена. Предстояло еще поставить новые трубы взамен уничтоженных взрывом и восстановить автоматическую аппаратуру сигнализации и контроля в камере. Этим немедленно занялись Козырев, Скворешня, Ромейко и Матвеев. Было также много второстепенных недоделок и у других бригад.

Весь вечер и всю первую половину ночи продолжалась радостно-напряженная работа во всех отсеках корабля.

Оставались считанные часы. В час тридцать минут девятнадцатого августа «Пионер» должен был произвести первые взрывы в своих дюзах и выйти из своего убежища в просторы океана.

Работа кипела. В восемнадцать часов главный акустик Чижов доложил капитану, что все уль-

тразвуковые прожекторы в порядке. В двадцать один час сорок пять минут электрики с помощью освободившихся акустиков закончили восстановление всей автоматики в камерах баллонов с газами, подготовили аппаратуру для газопроводной камеры и перешли к заделке проводов всех сетей под внутреннюю обшивку переборок и корпуса корабля. Зоолог, Цой и радисты заканчивали очистку и шлифовку кормы и дюзового кольца от следов работы на них. Старший лейтенант Богров, Шелавин и еще два человека из команды в последний раз осматривали, выслушивали, просвечивали дефектоскопами корпус подлодки изнутри и снаружи.

Все нервничали, ежеминутно посматривая на часы. Особенно волновались в газопроводной камере. У механиков что-то не ладилось. Несколько труб, уже поставленных на места, после новой проверки показались Козыреву подозрительными, и он их забраковал. Пришлось подниматься в склад, отбирать и ставить другие. Время уходило, часы показывали уже двадцать два часа, а работы в камере оставалось еще немало. Между тем электрики нетерпеливо ждали, когда освободят камеру, чтобы заняться установкой уже подготовленной аппаратуры. Им тоже нужно было на

это не менее часа-часа с четвертью.

Наконец, в двадцать три часа, люди распрямили спины и смогли вытереть пот с лица. Козырев в последний раз проверил трубы и их крепление, и все вышли из камеры. В нее устремились электрики. В двадцать четыре часа зоолог, Цой и радисты окончили очистку и шлифовку кормовой части корабля, дюзового кольца и дюз. Еще через пятнадцать минут из пещеры вернулся старший лейтенант со своей партией: корпус подлодки, после проверки, оказался в идеальном состоянии.

Капитан приказал старшему лейтенанту взять всех свободных людей и начать уборку и погрузку материалов и оборудования, накопившихся вне подлодки, в пещере. На погрузку пошли водолазы, радисты, Шелавин, зоолог, Цой и многие другие. Больше всего времени и усилий требовали разборка помоста и клетки вокруг дюзового кольца, распутывание тросовой сбруи «Пионера», снятие электролебедки, прожекторов и осветительной сети.

С каким-то трудно передаваемым ожесточением люди бросились в эту последнюю атаку. Лишь сознание, что это действительно последнее напряжение, последнее требующееся от них усилие,

помогло им мобилизовать остатки своей воли, энергии и сил. В ноль часов сорок пять минут все находившееся в пещере было собрано под выходной площадкой. Началась торопливая погрузка. Вдвоем или в одиночку, надувая воздушные мешки, а в трудных случаях пуская в ход винты, люди поднимали доски, трубы, лебедку, бухты тросов, прожекторы, мотки проводов, инструменты и все это сваливали в выходной камере, в углу, чтобы уже потом, на походе и на досуге, разобраться и разложить по местам. Беспорядочная гора в углу быстро росла и скоро заняла целую стену.

Скворешня работал то под выходной площадкой, подавая товарищам наиболее тяжелые вещи, то сам переносил их в камеру. И, когда он поднимался вверх к площадке или выдавались свободные секунды между одной и другой подачей, все чаще заволакивалась голова туманом, закрывались глаза и все труднее становилось раздирать веки и приходить в себя. Один раз он так и простоял с минуту, ухватившись за трубы, погруженный в какое-то забытье, и Матвееву пришлось несколько раз тряхнуть его за плечо, чтобы заставить очнуться. Было очень неловко, и Скворешня не знал, куда деваться от стыда.

— Что это с вами случилось, Андрей Василье-

вич? — спросил Матвеев, подставляя спину под новый груз.

— Да так, знаешь… задумался… вспомнил про Горелова… — замявшись, сказал Скворешня первое, что пришло ему в голову.

— А-а… — понимающе протянул Матвеев. — Да… есть о чем подумать.

Кончали погрузку под колыхание и подвижку «Пионера» то вперед, то назад, то в стороны: электрики и механики испытывали уже работу ходовых и рулевых дюз. Дно пещеры к этому времени почти совсем очистилось. Последнюю мелочь подобрал Скворешня.

— Всё? — спросил из камеры старший лейтенант.

— Всё! — послышался снизу голос Скворешни.

— Подымайтесь! Начинаю перекличку!

— Есть подыматься! — ответил Скворешня, показываясь над площадкой с огромной охапкой инструментов.

С запущенным винтом он проскользнул в камеру, и старший лейтенант едва успел ткнуть в него пальцем, сказав:

— Один…

Не отдавая распоряжения о поднятии площадки, старший лейтенант продолжал считать

остальных людей, заполнявших камеру:

— Два… три… пять… восемь…

Людей было много — семнадцать человек. Пока продолжалась перекличка, площадка все еще не была поднята, и никто не обращал на это внимания.

Наконец старший лейтенант закончил:

— Все налицо. Поднять площадку! Сдвинуть двери! Открыть вентиляцию!

Вода быстро убывала, скоро и давление воздуха в камере было доведено до нормального.

Волнуясь и торопясь, все нетерпеливо снимали с себя скафандры, спеша поскорее очутиться на своих постах у механизмов и аппаратов, чтобы быть на месте к моменту отплытия. Последним выбежал из камеры старший лейтенант и, устремившись к центральному посту, на бегу крикнул Крутицкому, дежурному водолазу выходной камеры:

— Все налицо! Задраить камеру!

— Есть задраить камеру!

Все же Крутицкий просунул в дверь голову. Лишь убедившись, что в камере никого нет, он задраил водонепроницаемую дверь камеры, запер гнездо с кнопкой от привода и отправился помогать в уборке отсеков.

Зазвучал громкий авральный сигнал:

— Все по местам!

Команда замерла на своих постах у многочисленных аппаратов и механизмов.

В центральном посту капитан нажал крайний левый клавиш на клавиатуре ходового управления.

Подлодка дрогнула, по корпусу и палубам пронеслась мелкая, но вполне ощутимая дрожь.

«Пионер» тронулся с места.

Начался последний, гигантский перегон — туда, к далеким берегам родной Страны Советов…

Дрожь становилась все мельче, замирала, таяла и наконец почти совсем исчезла.

«Пионер» вышел из своего убежища и двигался уже среди необъятных пространств океана, раскрывшихся перед ним на экране центрального поста. Ультразвуковые прожекторы внимательно ощупывали своими лучами водные толщи на двадцать километров вокруг, два инфракрасных разведчика в пятидесяти километрах впереди подлодки шныряли вверху, внизу, по сторонам, донося в центральный пост о замеченном.

Все было пустынно, спокойно, впереди расстилался безопасный путь. «Пионер» опустился на глубину в пятьсот метров, окружил себя паровой

пеленой, лег на курс и, все быстрее развивая ход, ринулся вперед. Механизмы и аппараты работали безотказно, четко и плавно, бесшумные взрывы дюз слились в непрерывный мощный ураган, десятки и сотни километров стремительно убегали назад.

Именно в эти радостные, волнующие часы старший радист Плетнев подал капитану перехваченную и расшифрованную радиограмму с крейсера «Ямато».

Радиограмма, в дополнение к предыдущему донесению, сообщала морскому генеральному штабу, что, несмотря на все принятые меры спасения, эсминец «Сазанами II» на пути от острова Рапа-Нуи к базе также затонул от полученных в бою у острова повреждений. Кроме того в радиограмме сообщалось, что два часа назад командир крейсера «Ямато» капитан Маэда, не перенеся бесчестия поражения, учинил над собой харакири, в чем ему с сердечной дружбой и любовью помог лейтенант Тодзио. Командование крейсером принял старший лейтенант Ясугуро Накано.

По всем отсекам «Пионера» вновь прозвенела трель аврального отбоя. Она звучала мягкой, сладостной мелодией в ушах тех, кому несла покой и сон…

Не отдыхал лишь «Пионер». Без устали и без отдыха он стремительно и неудержимо рассекал подводные толщи, неся в себе нетерпеливое счастье ожидания, радость приближения к заветной цели. Все новые и новые сотни и тысячи километров убегали назад, скрывались в туманной дали, сокращая расстилавшиеся пространства впереди.

* * *

Словно гигантский раскаленный снаряд, «Пионер» несся над безопасными глубинами пустынного в этих местах океана. Лишь через двадцать часов, приближаясь к широко раскинувшемуся архипелагу бесчисленных и мелких, как пыль, коралловых островов Паумоту, «Пионер» несколько сбавил скорость. Зная чудесную способность подлодки самостоятельно, автоматически маневрировать при встрече с подводными препятствиями, можно было бы удивиться такой чрезмерной осторожности, но капитан не хотел допускать и малейшего риска в этом ответственном походе. Лишь пройдя по широкому, в несколько сот километров, проходу между островами Паумоту и соседними — Маркизскими, «Пионер» довел ход до максимального и с преж-

ней скоростью устремился на северо-запад.

Матвеев проснулся, когда, подлодка поравнялась с первыми коралловыми атоллами Маркизского архипелага.

Он бодро вскочил с койки, зажег свет и, увидев пустую койку Скворешни, своего соседа по каюте, подумал: «Уже поднялся? Вот неутомимый!»

За этой мыслью мелькнула другая: у механиков, как и везде на корабле, осталось много недоделок, которые оставлены были для устранения уже в пути. Водолазы работали все время с механиками, и нужно было спешить к ним на помощь. Матвеев быстро закончил свой туалет, прибрал койку и направился в столовую. Здесь он увидел Козырева, Ромейко и еще нескольких человек, сидевших за столиками и с аппетитом, после почти суточной голодовки, уплетавших еду.

Матвеев вытянулся перед Козыревым и официальным тоном спросил:

— Товарищ исполняющий должность главного механика, разрешите спросить.

— Пожалуйста, товарищ Матвеев, — столь же официально ответил Козырев.

— Прикажете водолазам приступить к ликвидации недоделок?

— Да. Всем, кто проснулся. Впрочем, сейчас

будет общая побудка. Поешьте и приходите в водородную камеру.

— Есть!

— А товарищ Скворешня еще спит?

— Нет. Когда я проснулся, его уже не было в каюте.

— Ага! Когда поедите, отыщите его и приходите вместе к нам… Пойдем, товарищ Ромейко.

Быстро покончив с едой, Матвеев отправился за Скворешней. Однако никто, к кому ни обращался Матвеев, не видел Скворешню, не встречал его. Матвеев заглянул во все отсеки, осмотрел все каюты, красный уголок, склады, даже научные кабинеты и лаборатории. Скворешня словно в воду канул! Удивление Матвеева сменилось беспокойством.

Уже прозвучала общая побудка, люди выходили из своих кают, заполняли столовую, расходились уже на работы — Скворешни нигде не было, никто ничего о нем не знал. Совершенно растерянный, Матвеев направился в центральный пост и доложил вахтенному командиру старшему лейтенанту Богрову об исчезновении старшины водолазов.

— Да что же это? — изумился старший лейтенант. — Иголка в сене?

— Не знаю, товарищ старший лейтенант! Я обыскал всю подлодку и не мог его найти. Никто его не видел.

В центральный пост вошел капитан. Старший лейтенант доложил ему о происшествии.

Через минуту во всех помещениях и отсеках корабля из репродукторов прозвучала команда:

— Старшине водолазов, товарищу Скворешне, немедленно явиться в центральный пост, к вахтенному командиру!

Прошло три… пять… десять минут. Скворешня не появлялся.

Были организованы самые тщательные поиски. Специальный наряд в течение часа обыскивал корабль, проникал во все щели, заглядывал под койки, чуть не перетряхивал матрацы, — Скворешня исчез.

Донесение о безрезультатности поисков капитан выслушал с побледневшим лицом.

Отпустив начальника наряда, он повернулся к старшему лейтенанту и комиссару.

— Произошло что-то непонятное, — глухо сказал он, опускаясь на стул. — Несчастье? Неужели мы могли его забыть в пещере?

— Не может быть, Николай Борисович! — взволнованно ответил старший лейтенант. — Я

отлично помню, что он последним вплыл в выходную камеру с грудой мелочи в руках… Именно с него я начал считать людей в камере. Со мной вышло из подлодки семнадцать человек, и все семнадцать были налицо перед… перед поднятием выходной площадки.

Густая краска начала вдруг заливать лицо старшего лейтенанта. В его глазах мелькнула растерянность. Он смотрел на капитана, силясь что-то вспомнить и словно сам пугаясь этого воспоминания. Наконец, с трудом проталкивая застревавшие в горле слова, он произнес:

— Мне кажется, что, пока шел расчет, площадка оставалась неподнятой, выход был открыт… Неужели?… Зачем это ему нужно было?… Неужели он мог выйти за моей спиной?…

— Но тогда это видели бы другие, — заметил комиссар.

— Да-да! — живо обернулся к нему старший лейтенант. — Вы совершенно правы! Из семнадцати человек хотя бы один, наверно, заметил бы выход Скворешни.

— Тогда он был бы на подлодке, — возразил капитан. — Однако его здесь нет. Остается предположить, что ваше первое объяснение единственно правильное: никто не заметил, как

он вышел из камеры. Площадка поднялась, и человек остался за бортом.

Капитан закрыл глаза и опустил голову.

Старший лейтенант молчал, не зная, что сказать. Комиссар, не сводя глаз, пристально смотрел на пустынную полосу экрана.

Лицо старшего лейтенанта внезапно оживилось новой мыслью.

— Николай Борисович, — обратился он к капитану, — если Скворешня остался в пещере, то почему, видя, что площадка поднимается, он не закричал нам, почему не произнес ни звука? Ведь мы еще были в скафандрах, радиотелефон у всех нас работал исправно до последней минуты. Дальше… Неужели он мог не заметить, как начали работать дюзы? Наконец, даже когда «Пионер» уже вышел из пещеры. Скворешня имел возможность на расстоянии до двухсот километров вызвать центральный пост. Можно ли предположить, что так долго он не замечал отсутствия подлодки?

Молчание царило в центральном посту. Все терялись в догадках, в тщетных поисках объяснения непостижимого исчезновения Скворешни.

Послышался торопливый стук в дверь.

— Войдите! — сказал капитан.

В центральный пост скорее вбежал, чем вошел, встревоженный зоолог.

— Товарищи! Капитан! — произнес он, едва переступив порог. — Вся команда уверена, что мы оставили Скворешню в пещере! Может ли это быть? Говорят, что в последний момент он, вероятно, вышел за какой-нибудь забытой мелочью: он ведь страшно бережлив, скопидом — это всем известно, И тут поднялась площадка… А Матвеев говорит, что со Скворешней было что-то неладное перед окончанием погрузки. Матвеев видел его в каком-то столбняке. Он его с трудом заставил очнуться. Я расспрашивал и других, работавших с ним. Козырев припоминает, что нечто подобное случилось со Скворешней в газопроводной камере. И Козырев и Матвеев предполагают, что, выйдя в последний раз из подлодки, Скворешня упал в обморок и не заметил ее ухода из пещеры. Это ужасно! Надо что-нибудь сделать! Если обморок продолжительный, то Скворешня неминуемо должен задохнуться в своем скафандре. Что же теперь делать? Надо вернуться! Спасти его!

Капитан сдвинул брови: дело получало уже реальное, вполне правдоподобное объяснение.

Немедленно вызвали Матвеева и Козырева. Они подтвердили переданное зоологом. Кроме

того, они сообщили, будто Плетнев даже видел, как Скворешня вышел из подлодки во время расчета людей. Позвали Плетнева. Он не мог уверенно сказать, что видел, как Скворешня вышел из камеры, но во время расчета людей какая-то тень, похожая на силуэт человека, мелькнула на краю площадки и сейчас же исчезла. Торопясь скорее на работу, Плетнев не обратил на это внимания, полагая, что это просто какая-нибудь рыба проплыла в пещере, а затем он забыл об этом. Теперь же остается думать, что это была тень именно Скворешни.

В центральном посту вновь остались только капитан, лейтенант, комиссар и зоолог.

Тяжелое молчание длилось недолго. Зоолог первый нарушил его. Голос ученого прозвучал, полный страсти и боли:

— Неужели мы оставим его? Нужно вернуться, пока еще есть надежда застать его в живых! Нужно вернуться! Человек за бортом!.. Мы не можем бросить его, беззащитного…

Его голос осекся, и он замолчал.

Лицо капитана казалось изваянным из белого мрамора. Он медленно поднял на зоолога глаза — синие, твердые, видящие и невидящие. Рука, лежавшая на столе, непрерывно выбивала тихую,

мелкую дробь, которая порой казалась похожей на дрожь.

Капитан глухо произнес:

— Вы забываете, Арсен Давидович: двадцать третьего августа, в шесть часов утра, «Пионер» должен быть во Владивостоке. И он будет там в этот день и в этот час, если понадобится, хотя бы ценой гибели моей или кого-либо другого! Родина ждет свою подлодку. Правительство и партия требует этого. Подлодка пойдет своим курсом.

— Тогда пошлите меня к нему! — закричал вне себя зоолог. — Я здесь не нужен уже! Я нагружусь кислородом, аккумуляторами, пищей и, может быть, сумею еще спасти его.

— Это будет бесцельно, Арсен Давидович, — тихо сказал старший лейтенант. — Прошли уже сутки: вам в скафандре потребуется еще трое суток, чтобы добраться до острова. В каком состоянии найдете вы там Скворешню? Если только вы вообще найдете его на старом месте… и если вы сами доберетесь туда: запасов кислорода, энергии, пищи в вашем скафандре может хватить максимально на двое суток.

Несколько мгновений зоолог стоял неподвижно. Потом, схватившись за голову, выбежал из центрального поста.

Капитан, старший лейтенант и комиссар молча проводили его глазами.

Через минуту капитан тяжело поднялся со стула:

— Александр Леонидович, примите на себя руководство работами по ликвидации недоделок. Людей не торопить, не переутомлять. Распорядок вахт нормальный.

Он кивнул головой и вышел. Вслед за ним вышел и комиссар.

«Пионер» продолжал стремительно нестись по ранее заданному курсу…

* * *

Павлик ходил весь день с красными глазами. Ушел друг, с которым всего лишь за два месяца знакомства пережито было столько, сколько Павлик не испытал за все предыдущие четырнадцать лет своей жизни. Ушел добродушный великан, покоривший сердце мальчика своей сверхчеловеческой силой, простотой своей незлобивой, бесхитростной души, своим мужеством. Каждым шагом, каждым поступком он вел Павлика за собой по пути незаметного героизма в повседневной, обычной жизни, в работе, в бою с природой и врагами…

И, оставшись один в каюте Плетнева, Павлик представил себе своего друга — величавый образ могучего, непобедимого богатыря, древнего норманского викинга с длинными светлыми вьющимися усами, с новым, необычно суровым прекрасным лицом.

И Павлик падал на подушку своей койки, уткнувшись в нее лицом, содрогаясь в неслышных, разрывающих сердце рыданиях.

И с кем ни встречался он в эти часы на работе, в столовой, в часы отдыха — на всех лицах он видел отражение той же молчаливой, замкнувшейся скорби. И, сам не сознавая этого, он был благодарен каждому за то, что не чувствовал себя одиноким в своем горе, что его боль сливается и растворяется в общем чувстве любви к его другу и боли за его участь…

Лишь однажды, перед Маратом, он не выдержал и раскрыл свое измученное сердце. Под конец дня, того ужасного дня, в начале которого стала ясна судьба Скворешни, Павлик встретил Марата в пустынном коридоре. Марат шел с каким-то странным лицом, с глазами, мучительно ищущими что-то потерянное, которое вот-вот должно появиться, найтись и вернуть счастье, наполнявшее до сих пор его жизнь…

— Марат, — тихо, сдавленным голосом остановил его Павлик, — ты не помнишь? Я давно дал ему почитать книжку из библиотеки… «Роб-Рой» Вальтера Скотта. Он сказал, что ты взял ее у него. Она у тебя, Марат?

Голос у него задрожал, губы искривились. С неудержимо текущими слезами он спрятал лицо на груди Марата и прерывающимся голосом проговорил:

— Ах, Марат, как ему нравилась эта книга! Как ему нравился Роб-Рой! Он говорил: «Вот это герой!» А сам? А сам?…

Марат, словно только что пришел в себя, помолчал, потом положил руку на голову мальчика.

— Не плачь, Павлик… Мы должны быть всегда готовы к этому… Представь себе, что он погиб в бою…

— Так ведь то в бою! — воскликнул Павлик, отрывая мокрое лицо от груди Марата. — А тут?

— И это был бой, голубчик. Бой за спасение «Пионера». И он погиб на боевом посту.

Павлик помолчал, потом, опустив голову и вытирая кулаком слезы, прошептал:

— Я его никогда, никогда не забуду! А ты, Марат?

— Я тоже, Павлик… — вздохнул Марат, и хохо-

лок на его темени грустно задрожал.

Они помолчали, потом Марат сказал:

— Ты слышал, Павлик, капитан послал радиограмму во Владивосток и сообщил об этом происшествии… Он просил немедленно послать на остров самый лучший, самый быстроходный гидроплан, чтобы отыскать Скворешню, живого или мертвого. Он долетит до острова еще скорее, чем могла бы вернуться туда подлодка. И капитан еще предложил, чтобы подлодка встретила гидроплан где-нибудь в океане и передала ему своего водолаза со скафандром. Говорят, что Арсен Давидович упросил капитана, чтобы именно его отправили туда на гидроплане. Он ведь врач и опытный водолаз.

— Какой он замечательный, наш капитан, — с восхищением сказал Павлик. — И Арсен Давидович тоже… — Затем, вздохнув, добавил: — И все здесь такие хорошие… Правда, Марат?

Глава XIII
К родным берегам

В ночь на двадцать первое августа «Пионер» проходил вдоль островов Фаннинга, редкой цепью протянувшихся с северо-запада на юго-

восток. Оставив их по правому борту, «Пионер» оказался перед обширными пространствами океана, почти совершенно пустынными вплоть до Японских островов. Лишь несколько одиноких островков да затерянных рифов скудно оживляли эту безграничную водную ширь, зато густо усыпанную к юго-западу от пути «Пионера» бесчисленными островами Маршальского и Каролинского архипелагов.

Здесь, над огромными безопасными глубинами, стремясь выгадать несколько часов в борьбе с обгоняющим подлодку солнцем, капитан пустил в ход все резервы «Пионера» и довел его скорость до двенадцати десятых. «Пионер» несся теперь с немыслимой для подводного плавания быстротой. В черных толщах вод он летел, словно раскаленная комета с белым хвостом из пара. Ни одно из попадавшихся ему навстречу живых существ, даже самые быстрые дельфины и мечрыбы, не успевало свернуть в сторону и погибало от мгновенного соприкосновения с раскаленным до двух тысяч двухсот градусов корпусом подлодки. Даже перед огромным кашалотом, имевшим несчастье оказаться на пути, «Пионер» не счел нужным уклониться чуть в сторону и проскочил мимо него, словно гигантский огненные меч.

К концу третьих суток благодаря такой быстроте подлодка выиграла во времени около пяти часов, и ее отделяло теперь от самого крупного среди Японских островов расстояние всего лишь около тысячи километров.

Работы по ликвидации недоделок уже были почти закончены. Оставалось лишь привести в порядок осветительную и сигнализационную сети в жилых помещениях, покрыть краской некоторые машины и переборку, разобрать материалы и оборудование, сваленные в выходной камере во время погрузки. Старший лейтенант отложил эти второстепенные работы на последнюю очередь, чтобы заняться ими после общего собрания, которое должно было состояться сегодня вечером.

Жизнь на «Пионере» входила в свою обычную колею. Но команда тосковала теперь по работе. Работа давала возможность хотя бы немного, хотя бы ненадолго, урывками забывать о незаживающей ране, о незабываемой потере, понесенной дружной семьей, летевшей теперь к гостеприимным, радушным берегам Родины. Скорбь о погибших товарищах отравляла радость возвращения.

На двадцать часов двадцать второго августа,

почти у преддверия родных вод, комиссар Семин назначил общее собрание всей свободной от вахт и дежурств части команды для подведения научных, технических и боевых итогов похода — исторического, прославившегося потом на весь мир похода советской подлодки через два океана.

К назначенному времени красный уголок начал заполняться людьми. Сходились тихо, без обычного оживления. Собирались небольшими группами, вполголоса разговаривали, замолкали, на время погруженные в другие мысли, и опять пытались завязать разговор.

Длинный, узкий стол, покрытый красным сукном, стоял посередине помещения, но никто не занимал вокруг него мест. И у буфета, заставленного блюдами с легкими закусками, пирожными, сластями и бутылками с водой, не было обычного шума, веселой толкотни, шуток и смеха.

Пришли докладчики: профессор Лордкипанидзе, профессор Шелавин, Козырев. Все они, кроме зоолога, уселись за столом и начали разбираться в своих конспектах и заметках. Зоолог задумчиво ходил у свободной задней переборки.

Наконец появились капитан и комиссар. По звонку комиссара, постоянного председателя

таких собраний, все заняли места. В краткой речи комиссар сообщил о задачах сегодняшнего собрания и предоставил слово океанографу профессору Шелавину. Вопреки обыкновению, доклад океанографа не внес оживления. Он был краток, сух и деловит. Шелавин сообщил о многих замечательных открытиях, сделанных при помощи необыкновенной подлодки, о новых подводных хребтах, о неизвестных до сих пор глубоководных течениях, о новых открытиях в области распределения солей, газов и температур в различных областях и глубинах океана, о результатах магнитных и гравиометрических измерений, о процессах и законах льдообразования в Антарктике, о первом в истории науки случае наблюдения воочию подводного вулканического извержения. Все эти открытия и наблюдения, по словам Шелавина, вписывают новую блестящую страницу в историю океанографии и поднимают авторитет и значение советской науки на недосягаемую высоту.

Выступивший вслед за Шелавиным зоолог не сразу смог начать свой доклад. Он с трудом собирал мысли, сбивался, повторялся и лишь в середине доклада сосредоточился, понемногу увлекся и с обычной страстью заговорил об

успехах, достигнутых в этом небывалом походе в областях его любимой науки. Он говорил о бесчисленных вновь открытых видах, родах, семействах и даже классах животного мира океанов, о жизни, строении, питании глубоководной и придонной фауны, о необычайном значении открытия живущих доселе в глубинах океана плезиозавров — остатков животного мира далеких геологических эпох, о замечательном открытии нового класса золотоносных моллюсков, которые благодаря работам Цоя превратятся в неисчерпаемый источник золота для нужд Советской страны, и о неизвестных до сих пор науке гигантских крабах. Под конец зоолог настолько увлекся, что председатель должен был несколько раз напоминать ему, что его время давно истекло.

После зоолога говорил Козырев, рассказавший собранию об отличной живучести, управляемости, боеспособности подлодки и в особенности о простоте ее механизмов и аппаратов, которая позволяет при наличии взаимозаменяемых частей и целых узлов быстро и легко произвести ремонт и даже полное восстановление оборудования и вооружения подлодки в самый короткий срок. Именно благодаря этому удалось так быстро собственными силами ликвидировать столь

серьезную аварию, какая произошла с подлодкой у острова Рапа-Нуи.

Последним взял слово капитан. Он подвел итоги: всему, что сообщено было до него докладчиками по специальностям, но больше остановился на людях, беззаветная работа которых, полная энтузиазма и самоотверженности, сделала возможным для советской науки достижение всех этих побед. С сердечной теплотой он отозвался о профессоре Лордкипанидзе, напомнив, какой ценой и с каким риском для жизни он добыл материалы о плезиозаврах — реликтах мелового периода; о профессоре Шелавине, который едва не погиб при исследовании горного лабиринта в Атлантике и открытии там кристаллического золота; о Цое, который с несокрушимым упорством и настойчивостью работал над своей мечтой о создании морских золотовырабатывающих моллюсочных фабрик. С нескрываемым волнением капитан перешел затем к характеристике прекрасной, беззаветной работы и поведения экипажа подлодки на протяжении всего этого исторического похода. В самые критические его моменты — при атаке магнитных торпед в Атлантике, в плену у гигантских ледяных гор, наконец при последней катастрофе под Южным тропи-

ком — ни на одну минуту паника не нашла себе места в сердцах советских людей на подлодке. Непоколебимая выдержка, спокойствие, высокая дисциплина и моральная сила экипажа делают его предметом гордости и радости великой Родины, сумевшей воспитать таких преданных сынов, таких борцов за ее счастье, за победу коммунизма и в пределах ее границ, и далеко за ними… Даже гнусное предательство одного из членов командного состава подлодки не смогло сломить дух экипажа. Ремонт и восстановление подлодки после взрыва — это героическая битва, которую можно поставить выше многих боевых сражений и схваток. Достаточно вспомнить поведение Павлика, которого команда приютила у себя и в короткий срок царящим среди нее духом мужества, стойкости и дисциплины настолько перевоспитала его, передав все свои качества, что этот простой мальчуган может теперь стать примером храбрости, мужества и находчивости для многих и многих ребят нашей Родины его возраста и даже старше…

Капитан сделал паузу. По лицу его пробежала тень, глаза полуприкрылись. Медленно, словно под грузом огромной тяжести, и с видимым усилием он снова начал говорить:

— Товарищи!.. Я хочу упомянуть теперь о тяжелых потерях, которые понесла наша дружная, тесно сплоченная семья…

Шум отодвигаемых стульев на минуту прервал его. Все встали и в немой тишине с опущенными лицами слушали капитана.

— …Мы потеряли молодого товарища, лейтенанта Юрия Павловича Кравцова. Несмотря на его увлекающийся характер, на отсутствие достаточной выдержки, объясняемые его молодостью, все говорило, что из него выработался бы смелый, честный, преданный Родине командир. Достаточно вспомнить его поведение во время аварии в ледяном тоннеле. Раненный, теряя сознание, он все же не ушел со своего поста, требуя смены. Он пал смертью храбрых. Не считаясь со своей слабостью в результате последнего ранения, ни минуты не задумываясь, он бросился на изменника Горелова, чтобы задержать его. И он погиб… Но своей попыткой он дал возможность другим своим товарищам выполнить эту важную задачу.

Помолчав, среди все той же безмолвной и печальной тишины, капитан продолжал:

— Мы потеряли также нашего старшину водолазов, любимого товарища, прекрасного, чуткого человека, беспредельно преданного Родине — Ан-

дрея Васильевича Скворешню… Это его могучая рука в смертельно опасной борьбе обезоружила предателя и изменника Горелова, это он спас Павлика и себя из грота, запертого Гореловым при помощи сброшенной скалы, это он трое суток подряд, не зная ни сна, ни отдыха, не смыкая глаз, не разгибая спины, работал в последние, самые напряженные дни ремонта, заражая всех своим энтузиазмом и нечеловеческим упорством в борьбе за спасение подлодки… Всюду, где грозила опасность, всюду, где требовалась…

Внезапно из центрального поста донесся в красный уголок резкий длительный звонок. Пробиваясь сквозь его непрерывные тревожные трели, неразборчиво слышались в красном уголке какие-то распоряжения вахтенного командира старшего лейтенанта Богрова, передаваемые через репродуктор в машинное отделение.

Капитан оборвал свою речь, беспокойно прислушиваясь к шуму, возникшему в машинном отделении, к тревожным голосам, долетавшим оттуда через ближайший люк. Потом звон прекратился, послышалось несколько глухих грохочущих ударов. Шум в машинном отделении продолжал нарастать. Вдруг шум прорезал громкий крик, через мгновение к нему присоеди-

нились крики других людей, и этот хаос звуков, прерываемый отдельными непонятными восклицаниями, вливался широким потоком через люк в коридор, из коридора — в красный уголок.

Шум все возрастал, приближался и наконец, уже под самым люком, внизу, остановился.

— Что там происходит? — не выдержал капитан. — Товарищ Козырев, сходите туда и разберитесь.

Едва лишь Козырев сделал два шага по направлению к выходу, как вдруг сидевший в дальнем конце стола, лицом к двери и коридору, Павлик вскочил, словно подброшенный, со стула и, оцепенев на месте, с глазами, неподвижно устремленными в коридор, с протянутой вперед рукой, пронзительно закричал:

— А-а-а! Смотрите!.. Там!.. Там!..

Как безумный, он сорвался с места, стрелой пронесся мимо всех, подбежал к двери и, подскочив, повис на огромной фигуре, переступившей в этот момент через порог красного уголка.

У двери стоял Скворешня — бледный, с впавшими щеками, с длинными растрепанными усами.

Громкое единодушное «Ох!» пронеслось по всему помещению. Двадцать человек, окаменев на мгновение, не сводили широко раскрытых

глаз с этого видения. Затем все смешалось, и, опрокидывая стулья, отбрасывая мешавший стол, люди ринулись к Скворешне. Тот продолжал неподвижно стоять с повисшим на его груди Павликом, устремив поверх окружавшей его толпы воспаленные глаза на капитана. Наконец, мягко сняв с себя Павлика, разводя рукой толпу, он сделал два шага вперед по направлению к капитану, вытянулся и отрапортовал:

— Товарищ командир, честь имею явиться! Простите, запоздал…

Внезапно взгляд его соскользнул с лица капитана, устремился куда-то в сторону и, словно привороженный, застыл там.

— Скворешня! Это вы?! — воскликнул капитан, едва приходя в себя и протягивая ему обе руки. — Откуда? Каким образом?

— Из выходной камеры, товарищ командир! — ответил дрогнувшим голосом Скворешня, не сводя горящих глаз с чего-то, находившегося за плечом капитана, и нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

— Из выходной камеры?! — удивленно переспросил капитан. — Что же вы там делали?

— Спал, товарищ командир! Не помню, как, но заснул… Виноват, товарищ командир…

Скворешня даже подался своим массивным корпусом вперед, мимо капитана, к какой-то точке, куда неудержимо влекло его что-то.

— Что с вами, товарищ Скворешня? — обратил наконец внимание на его странное поведение капитан. — Вы больны?

— Виноват, товарищ командир! — срывающимся голосом пробормотал Скворешня. — Помираю… Сам не понимаю… Только поспал немного… Сил нет вытерпеть…

Капитан резко обернулся вслед за жадным взглядом Скворешни: за своей спиной, в углу, он увидел буфет с горой закусок и батареями бутылок.

Громкий веселый смех прокатился в красном уголке.

— Идите! Идите! — закричал капитан. — Простите меня, дорогой мой! Как я сразу об этом не подумал!

Он схватил Скворешню за руку и потащил его в соблазнительный угол.

Скворешня так и лег всем своим огромным телом на буфет. Мощные челюсти заработали как рычаги; скрежет зубов, казалось, наполнил все помещение.

Сгрудившаяся вокруг Скворешни толпа с восхищением наблюдала за этой великолепной работой своего как будто вернувшегося из небытия товарища. Никто не мог удержаться, чтобы любовно не похлопать гиганта по плечу, по спине, обнять за талию, заглянуть ему в лицо… Ему раскупоривали бесчисленные бутылки, наперебой подсовывали полные стаканы. Слышались возгласы, добродушные шутки, радостный смех…

— Да не мешайте же товарищи! Дайте поесть человеку! — он ведь действительно страшно голоден!

— Ну да! Немножко поспал, и немножко аппетит разыгрался.

— М-гм! — утвердительно мычал под общий смех Скворешня с набитым до отказа ртом.

— А мы тебя хоронили уже, Скворешня! По первому разряду!

— М-гм! — соглашался гигант, не поворачивая головы, Павлик подлез под руку Скворешни и не сводил с него глаз, полных любви и восхищения.

— Не давайте ему бутербродов! — закричал зоолог, пробиваясь к Скворешне с бульоном в термосе, за которым он успел сбегать в камбуз. — После трехсуточной голодовки это вредно! Вот, выпейте бульону, друг мой. Будьте хладно-

кровны.

Скворешня резко повернулся с недоеденным бутербродом в руках. Он с трудом проглотил недожеванный кусок, едва не подавившись им, и, не сводя испуганно остановившихся глаз с зоолога, наконец с трудом прохрипел:

— Шо? Шо вы казалы, Арсен Давидович? Трое суток?

— Ну да, мой друг! Трое суток! Сон у вас богатырский был, как и подобает…

Скворешня стоял в полной растерянности, переводя глаза с зоолога на улыбающегося капитана.

— Как же это так? — бормотал он с побагровевшим лицом. — Да не может же быть! Что же я… трое суток в нетчиках числился?

В крайнем волнении он положил недоеденный бутерброд на буфетный столик и повернул голову к капитану. Тот продолжал улыбаться:

— Не беспокойтесь, товарищ Скворешня! Не бросайте свою полезную работу. Все потом объяснится… Вы не в нетчиках числились, а… в покойниках.

Под общий смех, окончательно сбитый с толку, Скворешня медленно повернулся к буфету и с новой яростью набросился на закуски, запивая

их горячим бульоном.

Из радиорубки Плетнев посылал уже во Владивосток радостную весть о появлении Скворешни на подлодке и просьбу об отмене вылета гидроплана к острову Рапа-Нуи.

* * *

В эту незабываемую ночь, с полным грузом ничем не омраченного человеческого счастья, «Пионер» уменьшил ход до девяти десятых и круто повернул к северо-западу, ближе к северу.

Капитан не доверял кратчайшим путям через оживленные проливы, разделяющие коренные японские острова. Но и мелководный Татарский пролив, отделяющий остров Сахалин от берегов Советского Приморья, тоже был мало соблазнителен со своими бесчисленными мелями, банками и перекатами. Капитан решил провести подлодку в тихие предрассветные часы через пролив Лаперуза — между островом Хоккайдо и южной частью Сахалина.

Почти никто на «Пионере» не мог заснуть в эту последнюю ночь похода. Родина радостно летела людям навстречу, вставала перед ними из вод океана, поднималась из них все выше и выше во весь свой гигантский рост…

Отделенные от нее последними сотнями километров, люди вдруг почувствовали с небывалой остротой тоску по родной земле, твердой и надежной, как гранит, цветущей и радостной, как весенний, убранный цветами сад.

Родина! Родина!

Страна счастья и радости, страна высоко поднявшего свою голову Человека! Как не рваться к тебе от всех красот земного шара, как не стремиться к тебе всеми фибрами напряженной души — к тебе, к твоим тучным колхозным полям, к твоим мощным фабрикам и заводам, красивым, узорным городам, веселым, ликующим деревням! Вдали от тебя — и под толщами вод океанов — всюду чувствуешь врага, зажавшего под железной пятой миллионы братьев, лишенных радостей жизни, света науки и познания мира, лишенных счастья вольного, творческого труда, вынужденных собственными руками строить для себя оковы и тюрьмы! Как не любить тебя, Родина!

Тебя, вырвавшую детей своих из нищеты и тьмы! Тебя, осенившую их шелковым знаменем коммунизма, построившую их же радостными руками новый, ликующий Мир для возрожденного в труде Человека!

Родина! Родина! Единственная, лучезарная! Страна счастья и радости! Весенний, цветущий сад!

* * *

Команда была несказанно рада последним, незаконченным работам на подлодке. Все равно никто не мог спать в эту ночь. Работа давала возможность быть на людях, поговорить о семьях, о друзьях, о товарищах, о родных полях и лесах, которые можно будет скоро увидеть, о своих заводах и фабриках, где снова пахнет родным воздухом радостного труда, среди которого росли и воспитывались многие из команды.

Особенно много разговоров было в выходной камере. Среди работавших здесь был и Скворешня. В десятый, в двадцатый раз приходилось ему рассказывать о том, как он вплыл сюда, в камеру, с последней охапкой проводов и мелких инструментов, как наклонился в длинное углубление вроде шалаша, образованное прислоненными к переборке длинными досками и трубами, чтобы подальше засунуть в него два-три ценных инструмента, и как его тут вдруг накрыл какой-то туман, после чего он уже ничего не помнил. Потом он проснулся от какого-то удушья, сразу ничего не

понял, но потом сообразил, что он в скафандре, что кончился кислород и надо скорее встать и снять скафандр. Он выбрался из «шалаша» полусонный, встал, открыл иглой грудь в скафандре: чистый, свежий воздух влился в легкие и словно опьянил его — сон опять спеленал его. Вторично он проснулся от сверлящего чувства голода и увидел себя в камере у переборки. Он быстро освободился от скафандра, попытался открыть дверь, но кнопка не действовала: механизм был, вероятно, выключен и заперт на замок, как всегда, когда камера не работает. Тогда он нажал кнопку тревожного звонка. Но дверь что-то долго не открывали, а голод, как острыми щипцами, терзал желудок. Не стерпев, Скворешня несколько раз ударил кулаком в дверь, и только после этого ее открыли, и товарищи встретили его с испуганными лицами… «Вот чудаки! — говорил Скворешня. — Испугались нескольких ударов кулаком!..»

В два часа десять минут двадцать третьего августа «Пионер» тихо прополз почти над самым дном пролива Лаперуза и вышел в воды Японского моря. Ход сразу подняли до девяти десятых.

До четырех часов работы на подлодке шли необычайно медленно. Малярные кисти вни-

мательно вылизывали каждую щелочку, две трубы почему-то вдруг стали непомерно тяжелыми, и человек с трудом мог их снести на склад. Исправление проводки в жилых помещениях неизвестно почему требовало особенного внимания и оказывалось очень тонкой и сложной работой… Скоро, однако, была уже база, и показаться в ней не во всем своем блеске, идеальной чистоте и исправности подлодка никак не могла. И старшему лейтенанту приходилось держать всю команду на аврале, не отпуская спать, что, по всей видимости, именно и входило в планы команды и вполне ее устраивало.

В четыре часа, когда до Русского острова, стоящего, как часовой перед входом в Уссурийский залив, оставалось всего лишь триста километров, старший лейтенант, проверяя ход работы, остановился в дверях выходной камеры. С минуту он полюбовался спешкой, с которой работали люди, покачал головой, усмехнулся и, взглянув на часы, приказал:

— Через сорок минут чтобы все здесь было окончено! Товарищ Скворешня, как начальник наряда в камере вы отвечаете за выполнение этого приказа. После окончания работ в камере готовиться к авралу для входа в порт. Одеться,

побриться, привести себя в порядок!

Тот же приказ он отдал и в других отсеках и помещениях подлодки.

Произошло что-то удивительное и совершенно неожиданное. «Строгий» приказ старшего лейтенанта, казалось, влил новую энергию в каждого человека из команды. С необычной быстротой начала таять гора материалов в камере, люди летали к складам, словно не ощущая тяжести на плечах. Малярные кисти получили вдруг необычайную подвижность и легкость. Электрики, очевидно, освоились наконец со сложными и тонкими работами в жилых помещениях: молотки, ключи, отвертки заработали в их руках с необыкновенной живостью, и одна каюта за другой сдавалась готовой начальнику хозяйственной службы.

Ложиться спать в ночные часы, как этого требовали «Правила корабельной службы», уже не придется!

В пять часов десять минут, на расстоянии ста километров от базы, «Пионер» послал по радио свои опознавательные и место всплытия.

Ответ был: «Ждем. Поздравляем с благополучным приходом к родным берегам. Горячо приветствую команду, научных работников,

командный и начальствующий состав славного «Пионера»». Подписал радиограмму командующий Краснознаменным Тихоокеанским флотом СССР.

В пять часов сорок пять минут капитан, находившийся все время в центральном посту, приказал снизить ход подлодки до четырех десятых.

Ровно в шесть часов на подлодке прозвучал сигнал к авралу и долгожданная команда: «Готовиться ко входу в порт!»

Капитан приказал вахтенному командиру старшему лейтенанту Богрову остановить дюзы и продуть балластные цистерны.

«Пионер» начал быстро всплывать.

Ультразвуковой экран со всех сторон был густо покрыт силуэтами бесчисленных судов самых разнообразных типов и размеров. Но купол экрана был чист и свободен.

Стрелка глубомера непрерывно скользила над циферблатом, приближаясь к заветному нулю.

Свободная от вахт и дежурств команда в чистых форменных одеждах, с радостно-напряженными лицами выстроилась двумя шеренгами в верхнем коридоре, имея на правом фланге командный состав подлодки. Дальше стояли члены научной

экспедиции во главе с профессором Лордкипанидзе, среди них и Павлик — возбужденный, бледный.

Капитан стоял у трапа, ведущего к выходному люку центрального поста. Стрелка глубомера в последний раз дрогнула и замерла на нуле.

— Отодвинуть корпусную крышку! — скомандовал капитан, поднимаясь по трапу. — Открыть люк!

Яркий утренний свет с синего, безоблачного неба ворвался в центральный пост.

В белоснежном кителе, в форменной фуражке, с кортиком на бедре, орденами на груди, капитан первым вышел на площадку. За ним показались старший лейтенант, потом главный акустик Чижов, главный электрик Корнеев и быстро развертывающейся лентой — экипаж с гигантской фигурой Скворешни впереди, члены научной экспедиции во главе с профессором Лордкипанидзе.

Грузные линкоры, огромные стройные крейсеры, тучи эсминцев, подлодок, заградителей, тральщиков, празднично расцвеченные флагами, с черно-белыми рядами моряков у бортов, загремели грохотом приветственных залпов в честь нового собрата, готового вместе с ними стать на страже советских берегов, и в честь его

героического экипажа.

Непрерывное «ура» раскатывалось с кораблей по спокойной поверхности моря, ударялось о скалы и бетон Русского острова, долетало до прибрежных сопок и возвращалось обратно.

Под гром орудийных залпов, под медные тысячеголосые звуки оркестра, собранного с кораблей на могучий флагманский линкор, под незатихающее «ура» от «Пионера» отделился электроглиссер и, словно на белых крыльях вспененных вод, с капитаном на борту и Скворешней у руля, полетел к флагманскому кораблю…

Через пять минут после рапорта капитана с мощной радиостанции линкора понеслось донесение в Москву о прибытии «Пионера» во Владивосток, и весь многочисленный флот, имея впереди героическую подлодку с ее капитаном, успевшим вернуться с флагманского корабля, тронулся в порт, мимо Русского острова. Остров ревел теперь тысячами своих невидимых орудий, словно проснувшийся грозный вулкан.

И вот наконец раскрылась впереди, на фоне синеющих в тумане сопок, с позолоченными утренним солнцем вершинами, незабываемая панорама Владивостока, форпоста Советской державы на Дальнем Востоке. Набережные,

покрытые толпами народа, оглашались радостными криками; завывали сирены бесчисленных пароходов, моторных кунгасов, катеров и буксиров, столпившихся у молов, причалов, пристаней и буев на рейде; пронзительно свистели паровозы на эстакадах Эгершельда, на прибрежных путях, на далеком вокзале у Первой Речки, и грозно ревели гудки заводов, фабрик, депо, разбросанных по городу…

И тысячи мелких судов — белоснежных, как чайки, парусных яхт, юрких моторных лодок, шлюпок, кунгасов — усеяли воды Золотого Рога, превратив их в луг, покрытый цветами бесчисленных ярких флагов.

Родина встречала могучее пополнение своего флота у дальних своих рубежей.

Замерший в строю на площадке, экипаж «Пионера» затуманенными глазами жадно смотрел на родные берега, словно боясь шелохнуться, чтобы не развеять этот дивный, неповторимый сон.

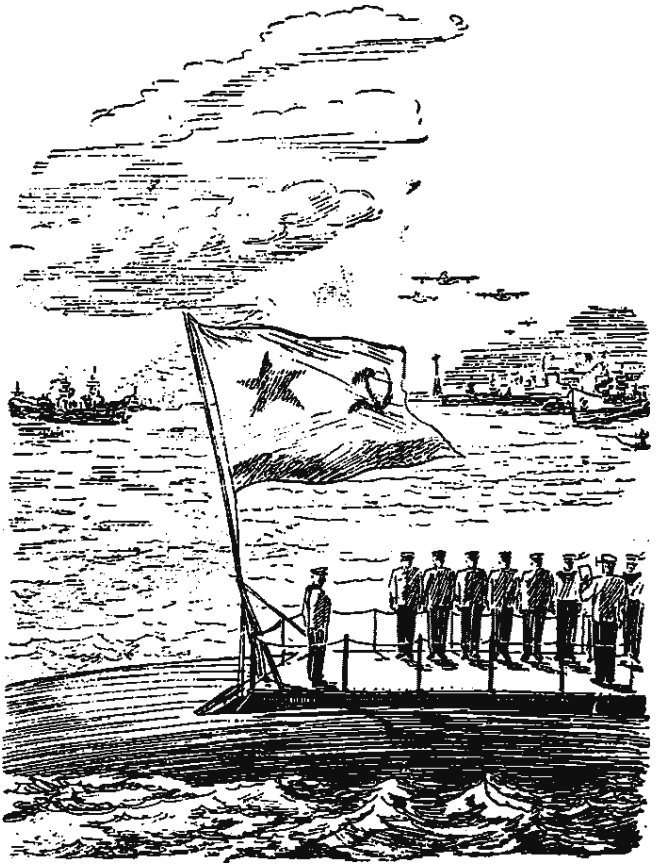
И вдруг из люка вынырнул Плетнев и, вытянувшись во фронт, подал капитану белый листок радиограммы.

— Правительственная! — возбужденно воскликнул он и отступил на шаг назад.

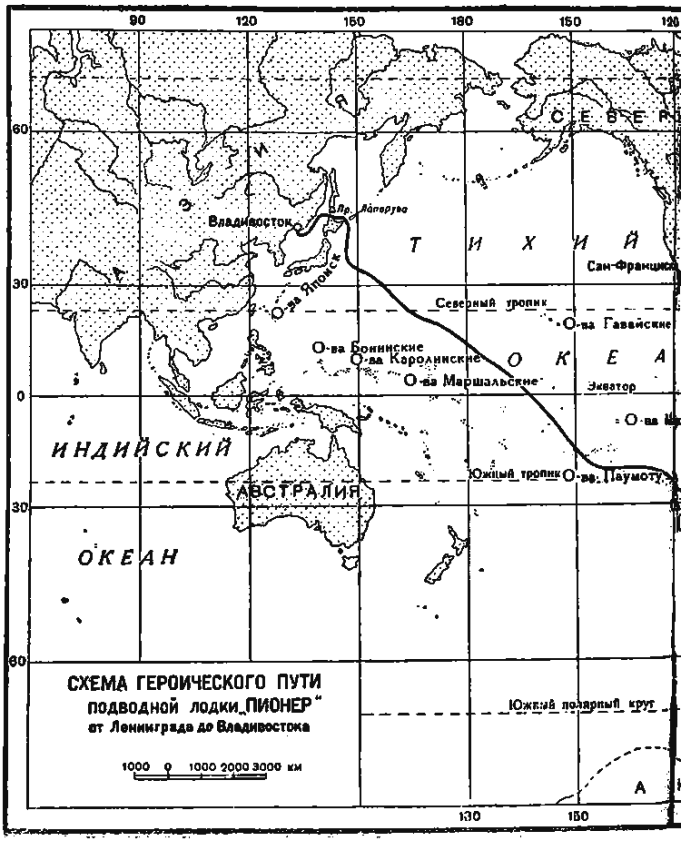
Капитан пробежал строки радиограммы и под-

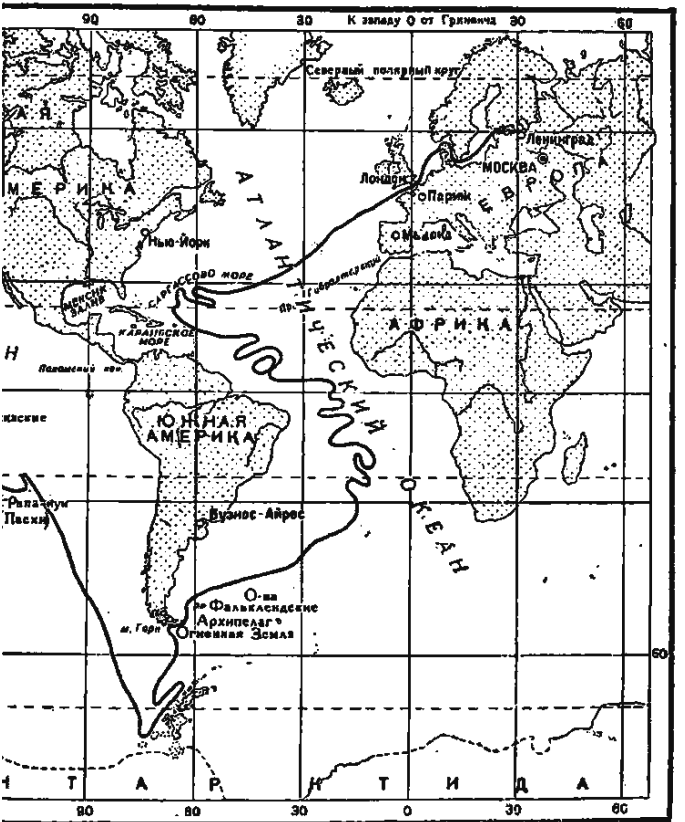
нял бледное лицо. Он повернулся к застывшей команде, окинул глазами этих людей, ставших ему такими близкими и дорогими в течение трехмесячного незабываемого похода, и, взмахнув листком, воскликнул:

— Слушать радиограмму Центрального Комитета Коммунистической партии и правительства!



Двадцать пять пар глаз восторженно устремились к капитану, и громкий голос его чеканно звучал сквозь рев гудков и сирен, сквозь гул приветственных криков, и, словно во внезапно наступившей немой тишине, каждое слово радиограммы явственно доносилось к тем, кто подхватывал его напряженным ухом и чутким, переполненным от счастья сердцем…


90
120
150
180
150
120
60
30
0
30
60
С Е В Е Р
Т И Х И Й
О К Е А Н
И Н Д И Й С К И Й
О К Е А Н
А В С Т Р А Л И Я
Э У Р А З И Я
Владивосток
пр. Лаперуза
о-ва Японск
Сан-Франциско
Северный тропик
О-ва Гавайские
О-ва Бонинские
О-ва Каролинские
О-ва Маршальские
Экватор
О-ва Ц
Южный тропик
О-ва Паумоту
Южный полярный круг
СХЕМА ГЕРОИЧЕСКОГО ПУТИ
подводной лодки „ПИОНЕР"
от Ленинграда до Владивостока
1000 0 1000 2000 3000 км
130
150
А


90
60
30
К западу О от Гринвича
30
60
Северный полярный круг
Ленинград
МОСКВА
Лондон
Париж
Мадрид
Нью-Йорк
Гибралтарский пр.
Саргассово море
Мексиканский зал.
Карибское море
АФРИКА
Панамский к.
ЮЖНАЯ АМЕРИКА
Буэнос-Айрес
Рапа-нуи
Пасхи
О-ва Фальклендские
Архипелаг
Огненная Земля
м. Горн
60
ТАРКТИДА
90
60
30
0
30
60

Конец

Цена 10 руб.